

8912400-1076
K73

Екатерина Коути
Елена Клемм

ЗАГОВОР ПРИЗРАКОВ

Екатерина Коути
Елена Клемм

ЗАГОВОР

ПРИЗРАКОВ



Старая
недобрая Англия

Екатерина Коути
Елена Клемм

Редакционно-издательская группа «Жанры»
представляет книги

ЕКАТЕРИНЫ КОУТИ И ЕЛЕНУ КЛЕММ

СТРАШНЫЙ ДАР

ЗАГОВОР ПРИЗРАКОВ

Екатерина Коути
Елена Клемм

ЗАГОВОР ПРИЗРАКОВ



АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К73

Серия «Старая недобрая Англия» выходит с 2014 года

Оформление — Виктория Кирдий

Коути, Екатерина

К73 Заговор призраков: [роман] / Екатерина Коути, Елена Клемм. — Москва: АСТ, 2014. — 414, [2] с. — (Старая недобрая Англия).

ISBN 978-5-17-079082-1

Агнесс Тревельян становится свидетельницей покушения на жизнь королевы Виктории. Королева уцелела, злоумышленник скончался на месте, но Агнесс благодаря своему сверхъестественному дару успевает заметить: несостоявшимся убийцей управлял призрак в монашеском облачении! Только у пастора Джеймса Линдена, опекуна Агнесс, достаточно навыков для охоты на нежить, однако они даже не подозревают, какая страшная сила им противостоит. Расследование приводит то в Бедлам, знаменитую лечебницу для душевнобольных, то в покои премьер-министра, то в Букингемский дворец. Но какую цель на самом деле преследует таинственный монах и кто из смертных добровольно вступил в заговор призраков?..

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-985-18-3226-8
(ООО «Харвест»)

© Е. Коути
© Е. Клемм
© ООО «Издательство АСТ»

А видишь ли обманный путь
Меж лилий, что цветут в лесах?
Тропа Неправедных. Не верь,
Что это путь на Небеса.

В. Скотт. Томас Рифмач¹

ПРОЛОГ

8 ноября 1842 года

Блеклый утренний туман обволакивал Лондон, и лан-до, свернувшее на аллею Грин-парка, рассекло надвое мягкую пелену. Совсем еще свежий туман не успел пропитаться дыханием города, вызреть, выцвести до грязно-желтого цвета. Лондонский туман обычно сравнивали с гороховым супом, но сейчас он больше напоминал слабый чай, щедро разбавленный молоком, и вязы вдоль аллеи казались медленно кружившими чайнками.

Чашка горячего чая грезилась и кучеру, поплотнее натянувшему цилиндр, чтобы стылый воздух не охлаждал лысину, и супружеской чете в коляске с поднятым верхом. Ничто так не сближает, заставляя прижиматься плечом к плечу, чтобы сохранить драгоценное тепло, как ноябрьское утро. Но молодые супруги отсели так далеко друг от друга, что фалды фрака не касались юбок из синей тафты. На пустовавшем между ними сиденье уместились бы оба их малютки, а также борзая Эос и ее скайтерьеры.

Супруги ссорились.

Джентльмен крепко стиснул зубы. Темные бакенбарды, обычно льнувшие к щекам мягкими завитками, негодуяще топорщились. Когда жена выпростала из муфты пухленькую ручку, он отклонился в сторону и хранил напряжен-

¹ Перевод Н. Прохоровой.

ную позу, пока рука не юркнула обратно. Голубые глаза его налились свинцом, как небо перед грозой, которая все никак не разразится, лишь рокошет на горизонте. Он был не мастак метать молнии. Зато изводить ожиданием у него получалось хорошо.

Так же хорошо, как планировать.

«Ordnung, Ordnung!» — говаривала грессмуттер Августа. Порядок важен. Порядок — не что иное, как известковый раствор, скрепляющий шаткие кирпичики бытия. Он, Альберт, почитал себя рыцарем порядка.

Об этом он поставил жену в известность, как только отзвонили свадебные колокола. Вымуштровал прислугу, распустившуюся за те суматошные годы, когда хозяйством заправляла гувернантка его будущей супруги. Навел порядок и в Букингемском дворце. Подумать только, несколько месяцев там прятался мальчишка-оборванец! Таскал объедки из кухни и рылся в бумагах. Если бы он, Альберт, не устроил тогда облаву, негодник годами оставлял бы на простынях отпечатки немытого тела. Только его стараниями дармоеда выловили и препроводили в тюрьму. Все это мелочи, конечно, но не из таких ли простых нот создается симфония — симфония порядка, где каждый инструмент вступает в должное время?

Еще вчера ему казалось, что сидит он хотя и не на троне, но одесную от трона, в прочном дубовом кресле с удобными подлокотниками. Того, что у кресла подпилена ножка, Альберт никак не ожидал. Потому и спасовал перед натиском хаоса. А кто бы не спасовал, если спозаранку жена врывается в спальню — в одном пеньюаре, заметьте! — и спрашивает, сумеет ли он одеться без помощи камердинера? Как тут не возмутиться?

Скомканное расписание дня взывало к отмщению.

— Если я попрошу прощения, вы перестанете на меня дуться? — спросила супруга. — А хотите, я назовусь вашей маленькой глупой женушкой?

Стратегия, выручавшая ее два года, сработала безошибочно.

— Я не дуюсь на вас, — нарушил он молчание, бережно хранимое уже двадцать миль. — Но я не понимаю, Виктория, почему нам нужно было покидать Виндзор, да еще столь скоропалительно! Не могли же вы, в самом деле, забыть, что завтра день рождения Малыша. К приезду гостей ни-че-го не готово. Лакеи не выказывают усердия, в кухне расхлябанность невообразимая... А ведь нас почитит своим присутствием ваша матушка.

— Мама и так найдет, к чему придраться.

— И все же...

— У меня возникли неотложные дела.

В любое другое время жена казалась ему красавицей, бережно сотворенной из благородных материалов — тончайший атлас для кожи, аквамарины для глаз, а золотистый шелк пригодился для волос, заплетенных в косы и уложенных вокруг изящных, как перламутровые раковины, ушей. Но сейчас он не мог не отметить, что глаза навывкате, скудно обрамленные ресницами, и длинная верхняя губа придают ее лицу несколько туповатое выражение овечьего упрямства.

— Я подумываю о том, чтобы отменить завтрашний парад лорда-мэра, — заявила королева — а это была именно она.

— Этого еще не хватало! Если вы отмените парад, ваш народ, того и гляди, учинит очередной мятеж, а вместо позолоченных барок пустит по Темзе тела констеблей.

В свое время принц-консорт методично изучил историю Британии, и она поразила его кровожадностью. Какой контраст с его родиной, где чинно текла речка Иц и олени задевали рогами ветви елей...

...И где главным событием трех веков, включая нынешний, была не революция, а развод его родителей...

Если представить историю герцогства Саксен-Кобург-Готского в виде книги, получился бы аккуратный томик в сафьяновом переплете. История Британии была растрепанным фолиантом. Строки начинались одним почерком и заканчивались другим, страницы были подозрительно

липкими. Только в XIX столетии на них появилась правильная нумерация, выровнялся шрифт, исчезли похабные комментарии с полей. Но в любой миг на эти страницы может брызнуть кровь...

— Я же не говорю, что отменю. Просто подумываю. Все дело в письме. Очень гадком письме, которое я нашла в своей спальне.

— Отменять парад из-за какого-то шантажиста? Хотя бы покажите мне это письмо.

— Я показала бы его вам, ангел мой, если бы оно не стогрело.

— Молю вас, говорите потише, — шикнул на жену Альберт, переходя на немецкий.

Туман понемногу рассеивался, и на аллее показались первые прохожие. Со стороны Эпсли-хауса семенила рыжеволосая особа, одетая не по погоде. Капор у нее отсутствовал, а шерстяное платье в синий цветочек было совсем простого кроя, вроде тех, какие женщины надевают поутру, но меняют к обеду — если, конечно, могут позволить себе такую расточительность. Единственной защитой от стихий служила шаль, старенькая, с куцей тесьмой, но расшитая мелкими жемчужинами.

Ах, нет, это всего лишь капли осевшего тумана.

Навстречу особе в платье с незабудками шел, покачиваясь, долговязый мужчина, бледный, как клубившийся вокруг туман. Принца покорило от неприглядного зрелища, и не его одного. Подхватив юбки, девица выскочила на дорогу наперерез ландо и бросилась на другую сторону. Внезапный маневр испугал лошадей. Они отозвались негодующим ржанием, и кучер что-то прорычал, но принц одобрил ее осмотрительность.

Несмотря на ранний час, мужчина был пьян вдрызг. «Пьян, как лорд», — говорят в таких случаях англичане, но странный тип ничуть не походил на лорда. Вытертый до рыжины сюртук был растегнут, являя взору жилет грязно-желтого цвета, а выдавший виды шарф понемногу разматывался, пока не соскользнул в лужу. Там он и остался ле-

жать, как вялая, уставшая от жизни змея, потому что владелец даже не заметил пропажи.

Потешно запрокинув голову, он начал заваливаться назад, но в последний момент удержал равновесие, замахав руками. Ноги сами собой выписывали кренделя, но он гнал их вперед усилием воли.

— Что значит — письмо сгорело? Вы его сожгли?

— Нет, письмо само собой вспыхнуло в моих руках. Необычайное зрелище! — восхитилась королева, хоть и была порядком раздосадована.

— Значит, бумага была пропитана ксилоидином. Наш наставник, герр Флоршутц, как-то раз показывал нам с Эрнстом похожий эксперимент. Ничего сложного. Нечему даже удивляться. Как жаль, что ваша гувернантка Лецен не удосужилась познакомить вас с естественными науками. Хотя куда уж ей.

— Нет, письмо было необычным. Послушайте! Этот несчастный что же, пьян?

Пока супруги беседовали, незадачливый тип вытаскивал из-за пазухи скомканные листы и тарасился на них, словно они без его ведома забрались к нему под рубашку. Затем широким жестом пускал их по ветру.

— Прикажете прогнать, ваше величество? — обернулся кучер.

— Не нужно. Беспорядок должна устранять полиция. У каждого из нас свои обязанности. — Виктория надменно вскинула голову.

— Так что же с письмом? — напомнил муж.

— А, вы все о письме, мой ангел. Когда оно горело, я почувствовала запах серы, — королева помолчала, но добавила убежденно: — Я знаю, письмо прислали чудовища.

— Чудовища? — переспросил принц.

Он собирался уточнить, кому предназначен нелюбезный эпитет — ирландским фениям или головорезам Акбар-хана, еще в апреле разгромившим английские войска под Кабу-

лом, а может, и чартистам, которые вновь учинили забастовку, но умолк на полуслове.

Ах, вот оно что. Другие чудовища.

Те, которыми ее запугивал прежний премьер-министр, утверждая над юной королевой свою власть. Глубоко же въелись в память эти небылицы. Уже пять лет правила она растущей империей, и правила успешно, но корона отягощала женскую голову, и женское сердечко трепетало под парадной мантией. А женщинами сподручнее всего управлять с помощью страха.

— Хорошо, кем бы ни был аноним, давайте сообщим о письме Пилю, — процедил принц, наблюдая, как пьянчужка согнулся пополам, чтобы извергнуть на обочину содержимое желудка.

Ворча, кучер развернул карету на середину дороги. Королева тоже поморщилась — ну и картина!

— Нет, не нужно мне сэра Роберта, — заупрямилась она, нервно перебирая руками в муфте. — Я хочу видеть дорогого лорда М. Мне доложили, будто на днях лорд М. вернулся из Брокет-холла.

— Вы расстроены и сами не знаете, что говорите.

«А ты как думал? — завело привычную песню самолюбие, запуская зубы в его и без того израненную душу. — Чуть что не так, она побежит за помощью к нему, не к тебе. Потому что ни во что тебя не ставит. Ты для нее помощник по хозяйству. Мажордом имперского масштаба».

— Старик совсем плох после удара, едва ли он даст вам хороший совет. Да и в прежние времена от его советов было мало проку.

— Зато как хорошо, как весело было нам с лордом М., когда по вечерам, покончив с государственными делами, мы садились рядышком на диване, сплетничали, ругали мою маму, — мечтательным речитативом проговорила Виктория. — Мне не нужен совет, мне нужно его утешение.

— Для этого господь даровал вам мужа... О боже!

Пьяницу не тошнило. Он готовился к прыжку.

Как только лошади поравнялись с ним и слякоть из-под копыт брызнула ему на сюртук, он рванул вперед. От пьяных подергиваний не осталось и следа. Он вполне владел своим телом и сейчас, похоже, замыслил недоброе. В следующий миг он швырнул скомканную бумагу перед лошадиными мордами, словно рис перед каретой новобрачных. Лошади шарахнулись в сторону, скользя копытами по мокрой мостовой. Раздавшийся непонятно откуда крик слился со скрипом натянутой до предела подпруги. Ландо заходило ходуном, кучер качнулся вбок, уронил кнут и сам едва не вывалился на дорогу. Цепляясь за край облучка, приподнялся на полусогнутых руках — и вновь рухнул.

Убийца направил на седоков пистолет. Дуло плавно подрагивало, словно рисуя в воздухе полумесяц. Казалось, убийца не может решить, в кого из двоих выстрелить. Но супруги были не из тех, кто завороченно смотрит смерти в глаза. Они одновременно пригнулись, на мгновение опередив выстрел. Пуля просвистела над бархатным капором, опалив шелковые розы на тулье, и рассекла кожаный верх экипажа. Спину принцу кольнула струйка ледяного воздуха.

Прижимая к себе жену так крепко, что сквозь бархатную пелерину он чувствовал каждую косточку ее корсета, принц Альберт осторожно приподнял голову. И встретился глазами с убийцей. Но вместо иступленной злобы, как у прочих злодеев, искавших славу таким путем, прочел в его глазах смертную муку. Отшвырнув пистолет, убийца сорвал с себя манжету и принялся отчаянно тереть узкий лоб, блестящий от испарины. Его лицо приобретало оттенок перезрелой сливы.

— Так жарко, — всхлипнул он, обиженно кривя рот.

Крутанулся, как волчок, и осел на руки кучеру, прибегавшему вязать его. Стыдясь своей нерешительности, тот проявил двойное рвение, встряхивая негодя за плечи и хлопая по щекам.

— Вы целы, Виктория? — обернулся принц к жене.

— Цела, — отвечала она, ощупывая опаленный капор.

От выстрела встрепенулся сонный Грин-парк. Со стороны Пэлл-Мэлл уже бежал полицейский, придерживая на ходу цилиндр, вслед за ним припустили двое мальчишек-подметальщиков с метлами на плече. Чуть приотстав, ковыляла любопытная торговка с корзиной, полной апельсинов.

— А что со злодеем? В обмороке?

— Мертвехонек. Повезло ему, что от страха сердце отказало, — свирепствовал кучер, придерживая обмякшее тело. — А то бы вздернуть его перед Ньюгейтом другим в науку.

— Подобное варварство недопустимо, — осадил его Альберт. — Есть ли свидетели? — обратился он уже к полицейскому, который, откозыряв августейшей чете, принял у кучера труп.

— Только одна барышня, ваше королевское высочество, — отрапортовал тот и указал на вяз через дорогу.

Из-за кряжистого ствола виднелся край платья, усыпанного мелкими незабудками. Когда ее окликнули, девица показалась целиком. Она, видимо, задержалась посмотреть, как чудит незнакомец, вот только вместо пьяного куража на ее глазах совершилась государственная измена. Девушка разевала рот, силилась закричать снова, но каждый раз давилась криком.

— Подойдите, моя дорогая, — приказала ей Виктория, и девушка покорно заскользила к ней по слякоти.

Ее личико навевало мысли о ржаном поле — широкие светлые брови, глаза, как васильки среди колосьев, — и производило в целом благоприятное впечатление.

— Возьмите пример с вашей королевы, — сказала ей Виктория. — Она преодолела свой страх, чего и вам желает.

Поняв, с кем имеет дело, девушка сделала шаткий реверанс, а может, просто не совладала с ногами.

— Этот гадкий человек уже никому не причинит вреда.

— Д-да, ваше величество. Но как быть с тем, вторым?

Альберт торопливо оглянулся. Полицейский был слишком занят осмотром тела, которое кучер, проявив смекалку,

оттащил подальше от королевской кареты. Остальные зрители, а их с каждой минутой все прибывало, тоже обступили труп. Один из мальчишек тыкал в него метлой. Вряд ли кто-то услышал голосок девушки, тихий, как писк мыши под половицей.

— Если вы видели его сообщников, вы обязаны поведать мне о них, — вполголоса проговорил принц, перевешиваясь через лакированный бок ландо. — Я сумею защитить вас от злодеев.

— Не сумеете... потому что вы мне не поверите.

— Отчего же?

Лицо девушки вдруг исказилось, и, проследив за ее взглядом, принц с удивлением отметил, что она смотрит на пальцы королевы, крепко стиснувшие муфту. Муфта была самой обыкновенной, котиковой, но девица взирала на нее так, будто на ее глазах мучили живое существо. Эта ее милая странность окончательно вывела Альберта из себя.

— Говорите!

— Его сообщник не человек, — выдавила девушка. — Это призрак. Он только что... он вышел из тела несчастного. И исчез.

— От жестокого потрясения у вас смешался ум, — медленно и отчетливо произнес принц. — Смею надеяться, состояние это временное. Констебль препроводит вас в участок, где вы восстановите силы, после чего доложите мне — лично мне, я понятно выразился? — что же вы видели на самом деле. Я имею в виду людей, а не... *Gespenster*.

— Нет, свидетельница поедет с нами в карете. Помогите ей, мой ангел.

Принц подался назад, словно ему предложили поправить подушку прокаженному.

— Нам же неизвестно, кто ее родители. Ее пребывание в нашем экипаже недопустимо!

— Сейчас не время сверяться с «Книгой пэров Дебрета». Вы слишком церемонны, мой ангел, тогда как чудовищам неведом этикет. Помогите же девушке.

Закусив губу, принц толкнул дверцу. Правую руку он протянул девице, топтавшейся в нерешительности, а левую убрал за спину и сжал в кулак.

Но лучше уж выполнить просьбу, пока это еще просьба, а не приказ, которому он обязан будет подчиниться. Он ведь тоже подданный своей жены. Об этом ему напомнили перед свадьбой, и напомнили основательно! Обсуждался вопрос, должен ли он преклонить колено во время венчания и, вдобавок к обетам, принести государыне присягу. Он — своей жене!

«Бог вручил мужьям власть над женами, но твое имя вычеркнул из списка, — злорадствовало самолюбие и упивалось обидой, потому как больше упиваться было нечем. — Карманный ты муж. Пустое место во фраке».

А когда Альберт присел рядом с женой, Виктория шепнула:

— Как прибудем, пошлите за лордом Мельбурном. Он знает, как справиться с чудовищами. Только он один.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

7 ноября 1842 года

1

Свою первую встречу с королевой Агнесс Тревельян представляла несколько иначе. Что и говорить, пред взором государыни провинциальная барышня трепетала бы в любом случае, но Агнесс рассчитывала на трепет иного рода, вызванный причинами отнюдь не потусторонними.

Не далее как вчера, когда Агнесс вкушала полуденный чай в ризнице, средоточием ее страхов был шлейф. Из белого атласа, длиной в три ярда.

Тот самый шлейф, который поползет за ее платьем, когда она прибудет во дворец Сент-Джеймс, чтобы быть официально представленной королеве.

Тот самый шлейф, который обовьется вокруг ее ног, подобно удаву, после чего она хлопнется оземь и навлечет позор на себя и свою семью. Шутка ли — прошестьдесят к трону, а затем пятиться к дверям, перебросив шлейф через руку! Такой трюк под силу гимнасткам, что развлекают публику на ярмарках, вальсируя на ходулях. Ей же природа отказала в грациозности.

Заменой шлейфу во время домашних репетиций служил кусок холста, пришпиленный булавками к юбке, а плюмажем служила перьевая метелка горничной Дженни. Но если даже с такой нехитрой утварью хлопот не обе-

решься, как же придется помучиться с настоящим придворным платьем!

— Не поеду, — простионала Агнесс, отталкивая чашку, но осторожно, чтобы не расплескать чай.

— Поедешь как миленькая.

— Нет! Ни за что.

— Да. Сразу, как только потеплеет.

Мистер Линден сгорбился за конторкой, заваленной ворохом бумаг, и высчитывал десятины. Сначала нужно изучить приходскую карту, испещренную цифрами, затем свериться с толстой тетрадью, где приведены сведения о плательщиках: их имена, род занятий, площадь земельного надела и тип посевов — луга или пастбища, рощи или сады, поля пшеницы или хмеля. Для каждого хозяйства была высчитана точная сумма десятины, но тут-то и начиналась морока. Не всяк желал расставаться со своими кровными. Случались даже беспорядки, когда прихожане швыряли в блюстителей душ кирпичами.

На сей счет Агнесс не волновалась. Прежде чем подступиться к ректору, жителям Линден-эбби понадобится собрать воз, доверху полный бузины. Да, пожалуй, и еще один, с холодным железом. Но, даже укрывшись за баррикадой, они вряд ли посмеют повесить на ректора голос. Кому охота приглядываться к грядкам со шпинатом, опасаясь появления загадочных кругов?

Однако боязнь колдовства не мешала прихожанам изводить ректора бумажной волокитой. Бумага действовала на человеческую сторону его натуры так же болезненно, как бузина — на волшебную. Против бумаги бессильны и люди, и фейри. На третий день изучения долговых расписок, сдобренных жалостными, но избыточными деталями, мистер Линден готов был рвать на себе волосы. А этого Агнесс никак не могла допустить. Она украдкой любовалась его волосами — черными, блестящими, очень жесткими, словно крылья ворона, летящего сквозь метель. Вот и сейчас несколько прядей упало ему на лоб, высокий и бледный, на котором никогда не проступает загар.

Неловко повернувшись, мистер Линден задел локтем стопку листов, и они соскользнули с конторки, но не упали на грубо отесанные камни, а зависли в воздухе, пока он не подхватил их и не швырнул обратно.

Как же она раньше не замечала, насколько он красив, подумала Агнесс.

Зато его непреклонность с первых минут знакомства бросилась ей в глаза.

— Нет, не поеду. Ну, сэр, ну, как вы не понимаете!

— ...десять фунтов и девять шиллингов... Без возражений, дитя мое.

Такое обращение обычно приводило Агнесс в чувство. На этот же раз эхом ему стало не «да, сэр», а сердитое сопение. В Сочельник ей исполнится восемнадцать, так что никакое она ему не дитя. И даже не племянница.

— Почему, собственно, я должна ехать в Лондон во время Сезона? — Агнесс с хрустом сломала печенье «дамский пальчик».

Ризницу, где витали запахи старинной кожи да лаванды, уберегавшей стихари от моли, наполнил терпкий аромат гвоздики.

— ...более поздние долги я уже, конечно, не могу затребовать, но за последние шесть лет — запросто. Берегитесь, мистер Скворелл... А почему бы тебе туда не съездить?

— В последней проповеди вы назвали Лондон Новым Вавилоном.

— Но ты же поедешь не срывать цветы удовольствий, — парировал мистер Линден, между делом заменяя огрызок пера свежим.

— Не ради удовольствий? Но зачем же тогда?

— Блистать во время Сезона — долг благородной барышни.

— Я-то думала, что быть представленной ко двору — скорее почесть.

— Почести суть то же самое, что и долг.

— Как это? — удивилась Агнесс.

— Возьмем за образец парад лорда-мэра, на который мы в этом году, увы, не попадаем. Сама подумай, кому приятно громыхать в позолоченной колымаге, а затем плыть по Темзе до Вестминстера на средневековой барке, медленной, как дохлый Левиафан? Однако ежегодный парад — почетная обязанность лорда-мэра и гильдий. Вот и ты, следуя их примеру, поцелуешь руку королеве и поставишь ее в известность о своем существовании. Это твой долг, Агнесс. От долга не отнекиваются.

На блюде из кремового фаянса высился курган искрошенного печенья.

— Вы настолько уверены, что ее величество меня примет? Я же не Линден! Сами посудите, сэр, при дворе принимают дочерей и жен пэров, а я простолюдинка.

— Ты знаешь не хуже моего, что выходцы из джентри тоже бывают представлены... а вот эти три шиллинга прячутся от меня уже который год.

В глубине души Агнесс сомневалась, что ее отец, спившийся художник, хоть каким-то боком относился к почтенной категории джентри, впрочем, весьма расплывчатой.

— Разве я сойду за дворянку? Вот если бы я была дочерью офицера, банкира или священника — тогда да... Или женой священника, — ввернула она. — Тоже считается.

Намек получился тяжелым, как пушечное ядро, но мистер Линден стряхнул его одним пожатием плеч. А может, и вовсе не заметил, уж слишком был погружен в расчеты. Агнесс понадеялась на последнее. Проситься под венец недостойно леди.

Но что делать? Не ждать же 1844 года, который выдастся високосным, когда женщинам по обычаю позволено делать предложение первыми... Хотя, согласно другой традиции, мужчина имеет право откупиться от чересчур ретивой кандидатки в супруги.

— Вздор! Ты внучатая племянница графа, это дорогого стоит. Пусть королева только попробует тебя не принять! Иначе...

— Иначе?

— Я разберу Сент-Джеймс по кирпичу и сложу обратно в хаотичном порядке, — пригрозил мистер Линден.

По недоброму свету в его глазах — точно огоньки вспыхнули посреди топи — Агнесс поняла, что свою угрозу он выполнит. Ей стало не по себе, как и всякий раз, когда она осознавала его истинную природу. Его народ — фейри зимы, злые фейри, те, что заточают смертных в башнях из хрусталя. Миссис Крэгмор, бывшая нянька Джеймса, а ныне экономка, как-то раз спела ей такую балладу. Хотя и не сказала, что песня о них, о его народе, но Агнесс сама догадалась.

Порою ей казалось, что она поднесла к леднику свечку в тщетной попытке его растопить.

Перемена ее настроения не укрылась от Джеймса. Он отошел от конторки и, наклонившись к ней, взял ее за плечи, но осторожно, чтобы не измять голубой шелк ее платья.

— Не тревожься, девочка, ты повеселишься на славу. У тебя будет своя ложа в опере, твой будуар завалят приглашениями на балы, а по утрам ты будешь скакать по Гайд-парку...

— ...и падать из седла, точно куль с яблоками, — буркнула Агнесс. — Не все же такие хорошие наездницы, как...

Тут она неловко замолчала. В молчании как раз и крылась причина, по которой она не стремилась в Лондон, пусть и во время блистательного Сезона.

После того как их дружба оборвалась преждевременно и так неудачно, в столицу уехала леди Мелфорд. Там она пребывала по сей день. Агнесс же была уверена, что если они окажутся в Лондоне одновременно, то обязательно встретятся. Судьба переплетет их дороги, как вышивальщица яркие нити, потому что тогда они не договорили. Единственное спасение — никуда не ехать.

Трудно поверить, что когда-то Джеймс штрафовал ее за каждое упоминание леди Мелфорд якобы для того, чтобы отвадить ее от знакомства со знатной дамой. Теперь же Агнесс сама опасалась произносить ее имя. Один его звук воскрешал в памяти тот рассвет. Вот она дрожит у позорного

столба, а Лавиния, как безумная, направляет на нее револьвер, но появляется Джеймс, и все вокруг замирает. А он склоняется перед Лавинией и целует ей руку, благоговейно, словно паломник прикладывается к святой реликвии. Так ее целует, как будто все еще любит.

— Кстати, о Лондоне, — Агнесс выдавила улыбку и хлопала себя по карману. — Вам пришли письма.

Почту и газеты свозили в трактир «Королевская голова», откуда их потом разбирали горожане. Из пастората за письмами посылали конюха Диггори, чем он гордился, считая себя кем-то вроде королевского герольда, так что отвоевать у него эту должность было нелегко. Но Агнесс отвоевала. Путем несложных умозаключений она поняла, почему Джеймс за столько лет не получил от нее ни одного письма, включая и то последнее, в котором она известила его о своем приезде. Нет, больше Лавиния не прочтет ни одного ее письма. Два раза в неделю Агнесс приходила в трактир, чтобы забрать письма и свежий выпуск «Йорк Геральд». Развязывая почтовую суму, трактирщик Кеббак пристыженно отводил глаза, но Агнесс его не винила. Речи леди Мелфорд сладки, как липовый мед, но если понадобится, она размажет мед по острию клинка.

Сегодня писем пришло два: из Итонского колледжа, где заканчивал обучение кузен Чарльз, и от какого-то лондонского господина, чье имя и адрес ничего Агнесс не говорили. Первое было скреплено черным сургучом, второе щеголяло золотистой облаткой, а края слиплись от воска — для пущей надежности, чтобы никто не отогнул и не прочел, что там внутри.

Мистер Линден взял оба и недоуменно приподнял бровь.

— Начинайте с Итона! — ободрила его Агнесс. — Верно, кузен Чарльз опять взял приз за латинский стих.

— Или измолотил кого-то крикетной битой, — проговорил священник, надламывая сургуч.

Он пробежал глазами по строчкам, выискивая упоминания приза или же описание травмы, как вдруг со сви-

стом втянул воздух. Рухнул на стул рядом с Агнесс и, прищурившись, перечитал послание. Скомкал его судорожно. Вновь расправил и перечел в третий раз, вглядываясь в каждое слово. Затем, глухо простонав, обрушил кулаки на стол, да так яростно, что чашка Агнесс подскочила.

На скатерть не выплеснулось ни капли, но в чашке что-то задребезжало.

— Что случилось, сэр?

— Сама прочти, — и Джеймс сунул ей письмо. — Быть может, ты истолкуешь смысл написанного как-то иначе. Или скажешь, что мне всё пригрезилось.

Агнесс расправила скомканную бумагу, взяла двумя пальцами и поднесла к глазам:

Дорогой сэр,

с прискорбием вынужден сообщить вам, что сего дня ваш племянник Чарльз Линден был с позором исключен из Итонского колледжа за совокупность проступков, отягощенных вызывающим поведением и неподчинением приказу директора. Отныне бремя ответственности за него ложится всецело на ваши плечи, в связи с чем не могу не выразить вам свои глубочайшие соболезнования. Если пожелаете, я готов прислать вам итонские розги, с коими ваш племянник свел более чем тесное знакомство, дабы они послужили для его дальнейшего вразумления. Смею надеяться, что вы одержите победу на том поле, на котором потерпел поражение я. Ваш искренний доброжелатель,

Э. К. Хоутри, директор.

1 ноября 1842 года.

Тут ей стало понятно, что же так разгневало Джеймса. За Чарльзом Линденом водилось немало шалостей, но призы за сочинения на латыни он выигрывал так часто, что изъяснялся на ней лучше древних римлян. Агнесс гордилась умницей-кузеном, да и Джеймс им гордился, хотя был

скуп на похвалу. И тут такой удар! «Изгнан с позором». Что он натворил?

Она так и не додумала эту мысль, потому что вскрикнула от неожиданности. Скатерть, на которую Агнесс, забывшись, поставила локти, взмыла вверх, как от порыва ветра. Впереди, подгоняемые хлопками тяжелого полотна, неслись чашки с блюдами, пузатый заварочный чайник и расписной молочник в виде коровы. Из рта коровы хлынуло молоко и тут же замерзло, распавшись на ледяные бисеринки.

Джеймс добрался до второго письма.

Не спрашивая разрешения, Агнесс выхватила клочок бумаги и начала читать. Аккуратные, как по линейке написанные строки замелькали у нее перед глазами, сливаясь в неразборчивую рябь.

Достопочтенный сэр,

я льщу себе надеждой, что в моих словах вы не найдете и тени оскорбительных подозрений. Написать же вам меня вынуждают обстоятельства. Суть их в том, что ваш племянник Чарльз Линден, одиннадцатый граф Линден, оказал мне честь, сняв меблированную квартиру по адресу Риджент-стрит, 249, над лавкой траурных товаров «Джея и Ко». Не могу выразить, как мне льстит доверие его сиятельства. Однако при личной встрече с лордом Линденом я не мог не отметить, что он совсем еще юн, чтобы не сказать дитя. Словом, его сиятельство пребывает в том возрасте, когда доходы всецело зависят от благорасположения опекунов. Мне же, в свою очередь, не хотелось бы входить в такие расходы, чтобы не сказать разорение, из-за неплатежеспособности жильца, при всем к нему безграничном уважении. Посему спрошу вас без обиняков, сэр: расположены ли вы к своему племяннику и могу ли я рассчитывать на получение ренты (260 фунтов в год) в полном ее объеме?

Ваш покорный слуга, Томас Рэкрент.

3 ноября 1842 года.

Мистер Линден хрустнул костяшками пальцев.

— Это все, что мы получили? — осведомился он, поднимая упавший стул.

— Я перерыла почтовую суму до самого доньшка.

— Первое письмо написано неделю назад. За это время Чарльз успел бы поставить меня в известность об этих переменах, пусть и столь незначительных. Если бы ему было, чем оправдаться.

— Вдруг он не успел написать? Не собрался с мыслями?

— Что ж, собраться с мыслями ему поможет хорошая порка.

Агнесс хотела возразить, но ей помешало шарканье шагов. В дверях показалась охалка спутанных гирлянд из остролиста, которые торжественно, как камердинер парадный фрак, нес на вытянутых руках мистер Джеремая Джессоп, помощник священника.

— Мне пришлось снять сии декорации, сэр, дабы соки древ не пятнали белизну колонн, — отчитался он перед старшим по званию, а перед Агнесс согнулся в три погибели. — Как это благодатно с вашей стороны, мисс Тревелиян, украсить наш храм ко Дню Всех Святых. Все, к чему ни прикоснется ваша десница, преобразается.

Из-за привычки умиленно щуриться его ясные глаза окружала сеточка ранних морщин, терявшаяся в белокурых перышках, напомаженных и тщательно уложенных на висках. Только вялый, почти слившийся с шеей подбородок портил внешность младшего пастора, но мистер Джессоп придавал ему внушительную форму посредством туго затянутого воротничка. После манипуляций с воротничком подбородок выпирал, подобно могучему утесу, и красный в синеву цвет щек был малой ценой за такое величие.

— До моих ушей донесся престранный звук, и я пришел справиться, все ли у вас благополучно.

— Все хорошо, — завершила его Агнесс. — Мы просто... мы чай пьем.

— Чай? Не смею сомневаться в ваших словах, мисс... но где же чай?

Как Джессоп ни вытягивал шею из-за гирлянд, точно выпь из камышовых зарослей, но чайных приборов на столе не заметил. Точнее, не узрел.

— Его здесь нет. В том-то и дело, Джессоп, что чая здесь нет. Если англичанин приготовился вкусить чаю и нашел стол возмутительно пустым, едва ли он заслуживает осуждения за скорбный вопль, — проговорил ректор, барабана по пустому столу.

— Я почел бы за честь разжечь огонь и приготовить сей животворящий напиток для вас и мисс Тревельян.

Агнесс стрельнула глазами вверх. Из чашки выскользнула льдинка приятного золотистого цвета. Она носилась взад-вперед под потолком, словно крошечная комета, разгоня созвездия молочных капель. В этом зрелище была своя красота, но Агнесс не смела наслаждаться ею слишком уж долго. Если мистер Джессоп заметит...

Но младший пастор не принадлежал к любителям задирать голову. Там, наверху, не таилось для него ничего интересного. Его потребность в божественном ограничивалась молитвенником и слоем шиллингов на дне в корзине для пожертвований.

Если мистер Джессоп и напоминал ей пиявку, выбравшую местом обитания бутылку с постным маслом, Агнесс держала свое мнение при себе. Ректору полагается иметь помощника, а практикующему экзорцисту — и подавно. А мистер Джессоп был помощник что надо: услужлив, лишних вопросов не задает, а все старые девы без ума от «душки-пастора».

И все-таки каждый раз, когда по ней скользили его масляные глазки, Агнесс хотелось протереть лицо уксусом.

— Чаю не потребуется, Джессоп, но вы можете оказать мне иную услугу. В Лондоне у меня возникли дела, не терпящие отлагательств.

— У нас, — поправила его Агнесс. — У нас возникли такие дела.

— Я уезжаю завтра поутру...

— Мы уезжаем!

— А время возвращения мне пока что неизвестно.

— Нам.

— Надеюсь, что надолго не задержусь, но как знать, — мистер Линден обращался исключительно к помощнику, оставив все ее поправки за скобками своего внимания. — Придется вам отслужить вместо меня воскресную службу. В это воскресенье совершенно точно, но, может статься, и до Рождества будете меня замещать.

От нахлынувших чувств младший пастор чуть не уронил свою ношу.

— Ах, мистер Линден! Я не подведу вас, даже если горы запрыгают, как овны, и холмы, как агнцы...

— Подготовка к сбору десятин тоже на вас. Нужные бумаги там. Справитесь?

— Почту за честь, сэр, почту за честь, — закивал Джессоп и умиленно посмотрел на Агнесс. — Смею ли я надеяться, что после вашего отъезда мисс Тревельян уделит мне свое драгоценное время, дабы выбрать вместе со мной гимны для воскресной школы...

— Нет!!!

Оба мужчины вздрогнули.

— То есть просто нет, — уже спокойнее сказала Агнесс. — Мисс Тревельян тоже едет в Лондон.

2

В пасторате Джеймс Линден сразу же удалился к себе в кабинет, коротать время в обществе каменных горгулий. К таким приступам угрюмости Агнесс уже притерпелась. Хотя мог бы и объяснить, на чем они будут добираться в Лондон. Очевидно, что не на поезде. Мистер Линден не жаловал любые металлические конструкции, изрыгающие пар, если они крупнее закипающего чайника.

Да и сама Агнесс ненавидела поезда. С лета их возненавидела, со Дня Иоанна Крестителя, с того самого мига, как мистер Хант обрушил на Ронана железнодорожный костыль.

...Но как же он кричал, когда на его плече сомкнулись желтые клыки. Уже и кровь пошла горлом, а он все кричал и не унимался...

Нет! Это был лишь дурной сон, бесформенный, ускользающий, зыбкий, как волны, что слизали с песка следы ног Ронана и отпечатки ластов его матери.

...и кровь его отца...

Сон, просто сон. А когда она очнулась от морока, никого уже не было рядом — ни Ронана, пусть даже его поцелуи горели на ее губах, ни Мэри, обретшей наконец свою шкуру, ни переменчивой леди Мелфорд. Никого из ее друзей, истинных и ложных. Они ушли, как уходят призраки, стоит лишь разорвать цепь, что удерживает их на земле.

«Я медиум. Такова моя награда».

Только Джеймс остался с ней. Замкнул ее в магический круг, и никто не осмелился бросить в нее камень. А если бы и посмел, камень отскочил бы от незримой стены, и комки грязи сползли бы по ней, не замарав Агнесс. Рядом с Джеймсом она почувствовала себя счастливой. Ни строгость, ни наставления не помогли бы ему совладать с ней, но милосердие покорило ее. Отдавать ему долг — по улыбке, по чашке горячего чая, по заботливому слову — стало смыслом ее жизни.

Страхнув с себя раздумья, Агнесс поспешила на задний двор. Что за сомнения? Конечно, они поедут в карете. Не в почтовой — столько миль трястись в тесном коробе! — а в своей собственной, которую еще предстояло подготовить к долгому путешествию. В конюшне она растолкала Диггори, прикорнувшего на коробе с овсом, велела ему смазать колеса дегтем и задать лошадям вдоволь корма. Им предстоит потрудиться. Жаль, нельзя будет взять с собой Келпи, белоснежную кобылу Джеймса, но она не пристяжная. Ничего, и Келпи дождется хозяина. Планы Джеймса задержаться в Лондоне до конца декабря показались ей преувеличением. Устроит Чарльзу разнос, а потом они втроем вернутся в Линден-эбби. На всякий случай Агнесс

приказала Сьюзан, старшей горничной, подготовить гостевую комнату, сама же отправилась на кухню — позаботиться о провизии.

Выслушав пожелания мисс Агнесс и узнав, что за этим стоит, миссис Крэгмор вздохнула. Заколыхались оборки ее чепца, широкие, как капустные листья.

— Это хозяин велел наготовить яств на три голодных года вперед? — уточнила старуха, полируя куском фланели серебряные ножи. — Совсем он, что ли, ополоумел?

— Нет, так решила я сама. Неужели я прошу столь уж многого?

— Холодная баранья лопатка, пирожки с фаршем, яблочный рулет, лимонные тарталетки, сухофрукты...

Перечисляя, экономка откладывала в сторону по ножу, с тем чтобы наглядно явить госпоже эпический размах ее запросов. Горка серебра все высилась.

— ...и ветчина в горшочках. Ветчина-то вам на что сда-лась?

— Мы сделаем из нее сэндвичи. Сами знаете, что на постоянных дворах еда омерзительная. Лучше захватить все домашнее, чем глодать крысу на вертеле.

— Так-то оно так, — миссис Крэгмор ослабилась редкими зубами. — А хотела б я посмотреть, как Джейми все это на себя навьючит. Но, может, для вас расстарается. Будет вам ветчина, мисс Агнесс, только чур разбудите меня, как соберетесь в дорожку. Хотела б я на это посмотреть!

При всем уважении к экономке, мисс Тревельян не могла не отметить, что годы помutilи ее рассудок и притупили почтительность, раз уж на ум ей пришла идея столь нелепая.

— Все припасы в карету погрузит Диггори, — чуть не по слогам объяснила ей Агнесс. — Как будто джентльмен станет таскать корзины!

Но миссис Крэгмор трясло от дряблого старческого смеха.

— Разбудите, мисс Агнесс, окажите милость. Ой, умора будет, как Джейми увидит ветчину!

Опускаться до прений с прислугой было ниже ее достоинства, и Агнесс удалилась из кухни, как только экономка, крихтя, сняла с крюка холодный окорок и стала его нарезать. Это сражение барышня выиграла!

В ночь перед отъездом она почти не спала. Волновалась из-за Чарльза, который по юношеской неопытности попал в беду, и раздумывала о том, какую кару для него измыслит дядюшка. Но разве могла ее хилая фантазия тягаться с его мрачной изобретательностью? Быть может, он заставит племянника наизусть выучить Второзаконие? Защемив ему пальцы в особые колодки, чтоб не убежал? На этом ее воображение замирало и растекалось слезами жалости, но Джеймс, конечно, додумается до чего-нибудь пострашнее.

В мыслях Агнесс уже представляла, как утешает кузена, гладит по понурой голове, объясняет, что жизнь продолжается даже после изгнания. Ведь и сама она стояла над пропастью, в которой тлели угли позора, и лишь чудом туда не упала. Чарльзу повезло меньше. Бедный мальчик! Испугавшись своего проступка, он вынужден прятаться, как беглый каторжник. Даже в лондонский дом Линденов не отважился прийти.

Агнесс давно уже интересовалась своим кузеном, которого, к слову, не видела даже на портрете. Как объяснял Джеймс, мальчик был таким непоседой, что художники не успевали сделать с него хотя бы набросок. Но кое-какое мнение Агнесс о нем составила. В кабинете Джеймса висел портрет его родителей. Уильям Линден, дородный джентльмен в охотничьем костюме, опирается на ружье и смотрит куда-то в сторону, словно ожидая, когда ему составит компанию младший брат. Подле него леди Шарлотта, похожая на сахарную голову из-за голубого платья, прихваченного поясом под самой грудью и резко расширяющегося книзу. Выражение лица у леди Шарлотты встревоженное, правая рука беспомощно сжимает левое запястье. Миссис Крэгмор обмолвилась, что после того, как братья пригласили ее на охоту, бедняжка засыпала, обложившись крестами. Раз и навсегда уверившись, что

попала в дьявольский вертеп, она даже смерть встретила с изрядной долей облегчения.

Если Чарльз хоть чем-то похож на родителей, он окажется добродушным увальнем с каштановыми завитками, которые липнут к его потным, раскрасневшимся щекам, когда он играет в крикет. Служанки хором называли молодого хозяина красавчиком, но их мнению Агнесс не доверяла. Посмели бы они сказать что-то иное о будущем владельце поместья!

Она ожидала Чарльза на каникулы, но в последний момент мальчик отпросился к приятелю в девонширскую усадьбу. У школьных друзей он был нарасхват, что указывало на его общительность и добрый нрав. Оправившись после потрясения, он снова будет весел и мил, хотя и слегка застенчив в присутствии взрослой кузины.

Чарльз был младше ее на полтора года, и разница в возрасте особенно умиляла Агнесс. Ей не терпелось примерить на себя роль старшей сестры... а еще лучше тетушки.

Она не запомнила, в каком часу ее сморила дремота, но проснулась Агнесс еще затемно. В потемках надела бежевое платье с незабудками, которое намеревалась переменить после завтрака. Расчесалась, собрав волосы с гребня в расшитый бисером чехол, свисавший с края зеркала. Скоро их будет достаточно, чтобы сплести браслет. Жаль только, что волосы у нее не хороши — тускло-рыжие, как тронутые осенью листья, но листья дуба, а не пламенеющие кленовые.

Загнав в пучок волос последние шпильки, Агнесс, помедлив, открыла шкатулку красного дерева и достала ожерелье. Тяжелые и неровные жемчужины блестели ярче, чем огонек свечи. Поколебавшись, повесила ожерелье на шею, припратав под высоким вырезом платья. Единственное ее сокровище, талисман на добрую дорогу. Погладив ожерелье через тонкую шерстяную ткань, Агнесс попросила у него иную удачу, без тех ужасов, коими изобиловал ее обратный путь из Уитби. Пусть на этот раз все обойдется.

Она прошла через притихший дом, удивляясь, что служанки еще не поднялись: им давно уже следовало начать

подготовку к отъезду хозяина. Неужели придется будить ленивиц? Собираясь заглянуть в их флигелек, Агнесс вышла на крыльцо, вдохнула предрассветную свежесть... и обнаружила, что кое-кто в доме проснулся.

Джеймс Линден стоял в двух шагах от крыльца, одетый, как для путешествия в город, в плаще и с цилиндром на голове. Видимо, дожидался, когда подадут карету. Агнесс задохнулась от возмущения, а Джеймс посмотрел на нее с таким же недовольством, как при первой их встрече.

— Вы хотели уехать без меня? Как вы могли!

— Вряд ли тебе понравится это путешествие. Мы не сможем захватить багаж, а разве ты обойдешься без вороха чулок и семи пар перчаток?

— Отчего же нет? — Агнесс осторожно спустилась с каменных ступеней, не так давно орошенных дождем. — Обойдусь! Но я думала, что мы поедем в карете.

— Еще чего. Мы отправимся в Лондон по старинке.

— На телеге?

Уже не в первый раз их беседы заканчивались его протяжным вздохом, означавшим, что знамена на башнях спущены, лучники покидают посты, а ворота скрипят тяжелыми засовами, чтобы распахнуться перед победителем. Осады давались Агнесс хорошо. Упрямства ей было не занимать.

Скрипя подошвами по мокрому гравия, мистер Линден сам подошел поближе и, окинув девушку придирчивым взглядом, завязал ей шаль узлом на груди.

— Не то в дороге потеряешь, — объяснил он оторопевшей воспитаннице. — Я бы оставил тебя дома, но от тебя так просто не отделаешься. Ты подоткнешь юбку, как девицы из баллад, ипустишься за мной вдогонку. Я не ошибся?

— Не ошиблись, сэр, — подтвердила она, хотя манипуляции с шалью оставались для нее загадкой. Они поскачут в Лондон верхом? Поскачут быстро? — Никуда вы от меня не денетесь. Если понадобится, я раздобуду железные башмаки и вскарабкаюсь за вами на стеклянную гору, как в сказке про Черного быка Норроуэйского. И все равно вас отыщу.

— Тогда обними меня покрепче и закрой глаза.

— Будет так страшно?

— Не особенно. Но голова непременно закружится, и тебя, чего доброго, стошнит.

Агнесс обняла Джеймса, прижалась головой к его груди, вдохнула запах лаванды и горьких трав и почувствовала, как загораются щеки и уши, а по спине бегут мурашки от удовольствия и легкого стыда. Джеймс велел ей обнять его, и это почему-то нужно для путешествия, и в этом нет ничего зазорного. Совсем невинное объятие, особенно если вспомнить, что очень скоро он будет обнимать ее уже как супругу и, наверное, кое-что еще себе позволит... И все же, все же... Объятие показалось ей настолько приятным, что Агнесс была смущена своими собственными чувствами.

— Я готова, — пролепетала она, но, как выяснилось мгновением спустя, готовность ее была несколько преувеличена. Трудно подготовиться к такому.

Джеймс хлопнул в ладоши прямо над ее головой и громко, четко произнес:

— Лошадь и охапка!

И тут же неведомая сила вырвала почву из-под ног, и их закрутило и понесло куда-то с ошеломляющей скоростью, и когда Агнесс осмелилась приоткрыть глаза — любопытно же! — ее ослепили всполохи радуги, над ней сомкнулся какой-то темный свод, пронеслась стена из вьющихся роз с шипами размером с кинжал, и раскрывались огромные цветы, рядом с которыми Агнесс могла бы почувствовать себя мотыльком, и мелькали чьи-то туманные лица, и было что-то еще, странное и неуловимое взглядом, оставлявшее в сердце острое чувство утраты, желание задержаться, остановиться, вернуться... А потом в ноги ударила земная твердь, Агнесс едва не упала, но Джеймс ее удержал.

Поначалу ей показалось, что они рухнули в огромный колодец, но под ногами был не камень, а брусчатка мостовой, а вокруг взмывали вверх стены домов. Задрав голову,

Агнесс насчитала три этажа, но было их, наверное, больше — верхние тонули в тумане.

— Где мы?

— Не знаю. Какой-то переулок.

Переулок? Да он шире Хай-стрит в Линден-эбби.

— А где он находится, этот переулок?

— В Лондоне, где же еще ему быть. Принюхайся, и сама убедишься.

Агнесс попыталась последовать его совету, но от тумана, окутавшего ее влажным одеялом, закладывало нос.

— Но как же... как вы это сделали? Ведь вот только что...

— Я провел тебя по Третьей дороге, — ответил Джеймс, поправляя цилиндр. — Но ты ступала на нее и прежде, разве не так?

— Да, ступала.

Но тогда она вообще не смотрела по сторонам и не думала ни о чем, а только чувствовала. Чувствовала Ронана, растущую в нем силу, через толстую кожу перчаток ощущала охвативший его жар. Они были такие горячие, его руки. Горячие от страсти к ней и от исступленной ярости, что выжгла в нем все человеческое. И еще от того, что кожа Ронана, вся в рубцах и струпьях, была так страшно воспалена.

Ее тело отозвалось на его жар и, согретые пламенем, в ней созревали и наливались алым такие желания...

Нет, нельзя об этом вспоминать. Не было ведь ничего. Просто сон.

— Обратно мы вернемся так же, по Третьей дороге?

— Нет. Такого рода перемещения отнимают немало сил, особенно если проделывать их вдвоем. А втроем они невозможны. Я уже пробовал... однажды. У меня не получилось.

— Но откуда вы знаете, что Чарльз квартирует именно здесь?

— Кровь.

— Где кровь? — спросила Агнесс, проводя рукой по лицу.

Вдруг те розы оцарапали ее своими страшными шипами?
— У нас с Чарльзом общая кровь, и она зовет меня, зовет всегда. Я найду его, где бы он ни был и хочет он того или нет.

С ней все иначе, поняла Агнесс. Чтобы Джеймс нашел ее, она должна воззвать к нему первой. Помянуть по имени. Ведь в имени фейри заключено волшебство, от которого веками отгораживались люди, придумывая им почтительные прозвища — «добрые соседи», «народ с холмов», «благословение своей матери». Сам же он ее не отыщет.

Порою Агнесс сожалела, что у них с Джеймсом нет ни капли общей крови, ведь покойный лорд Линден был родней ей, но не ему. Вот бы и ей частицу волшебства! Она-то хоть и медиум, но совсем простушка. Способность видеть сокрытое досталась ей по чистой случайности, потому лишь, что ее угораздило родиться в Сочельник, в то самое время, как досадовала мама, когда не найдешь ни одной трезвой повитухи. Будь она фейри или хотя бы полукровкой, все было бы иначе. Третья дорога расстилалась бы перед ней по одному лишь зову и несла, куда Агнесс вздумается. А сама она была бы прекрасной и такой могущественной, что никто не посмел бы поставить ее у позорного столба...

Мечты, пустые мечты. Нужно сосредоточиться на том, что на самом деле объединяет ее с Джеймсом, — на их общем родстве с Чарльзом Линденом. А бедный мальчик оказался в Лондоне совсем один.

3

Вместе с опекуном Агнесс вошла в просторное фойе. У двери похрапывал портье, примостившись в кресле, похожем на половину яичной скорлупы — спинка-навес защищала от сквозняков. Кресло было таким уютным, что портье не потревожило эхо от шагов незваных гостей, когда те поднимались по мраморной лестнице. Впотьмах Агнесс

ни разглядела, как именно Джеймс открыл нужную дверь — сломал ли замок, или же она была незапертой. Зажмурилась, когда он зажег газовый светильник в прихожей. Протерев глаза — ну и яркий же свет от газа! — она заметила зеркало во всю стену, заключенное в тяжелую золотую раму, а под ним ореховый столик, на который Джеймс поставил свой цилиндр. Рядом стоял другой цилиндр, перевернутый и доверху полный апельсиновых шкурок. Дорожка из засохшей кожуры петляла по коридору, заканчиваясь у приоткрытой двери, из-за которой слышалось посапывание. Поблуднев от гнева, Джеймс с силой толкнул дверь. Снова вспыхнул яркий свет. Мышкой проскользнув за опекуном, Агнесс оказалась в спальне и увидела... ох, что она увидела!

Раздвинутый бархатный полог окаймлял просторную кровать, на которой возлежал Чарльз, одиннадцатый граф Линден. Он оказался совсем не таким, каким представляла его Агнесс. Красивый мальчик, крепыш, с нежной белой кожей и спутанными со сна пепельными кудрями. Яркий рот, по-детски пухлый, и упрямый подбородок. Выглядел Чарльз юным, но на роль младшего брата никак не годился. Слишком насмешливым и как будто даже циничным показался взгляд его голубых глаз, опущенных длинными ресницами и окруженных глубокими тенями. И хотя при виде дяди на щеках у Чарльза вспыхнули алые пятна — не то стыда, не то гнева, — он был бледен и выглядел утомленным. Да и не удивительно: он проводил время в развлечениях, которые не могли не оставить следов...

Рядом с Чарльзом, повернувшись на бок, лежала дама. Постарше его, с весьма внушительными формами и — румяненными щеками! Точно. С левой щеки румянец почти стерся, да и на правой он имел слишком четкие края и не слишком естественную форму. И глаза тоже подведены. Дама конечно же была не дамой, а падшей женщиной... Агнесс тихонько ахнула, одновременно от ужаса и восторга. Это было приключение посерьезнее волшебного перелета в Лондон!

Падшая зевнула, прикрывая рот правой рукой, а левой придерживая на груди одеяло, но не от стыда, а сберегая накопленное за ночь тепло.

— Нет, петушок мой, так мы не договаривались, — пожурила она мальчика, который отодвинулся подальше и посмотрел на нее с нескрываемым омерзением. — Белых воротничков я обслуживать не намерена. Они все блажные. Все-то вам с вывертом подавай, — упрекнула она мистера Линдена. — Но ежели вы охочи до строгостей, сэр, за этим к матушке Беркли на Шарлотт-стрит, двадцать восемь. У ней особый станок имеется. — Наконец она заприметила Агнесс, и карминовая улыбка вновь налилась сладостью. — А! Ну, это еще куда ни шло. Только дайте слово, что будете просто смотреть, пока мы с ней...

— Вон, — тихо приказал мистер Линден, но женщина не шевельнулась, лишь вопросительно взглянула на Чарльза.

— Делай, что велит мой дядя! — прикрикнул на нее мальчик.

— С тебя один фунт, утеночек.

— Нашла дурака! Я заплатил гинею вперед.

— Заплатил-то ты заплатил, петушок, да только не за то, чем я тебе услужила. За такое с тебя отдельно причитается... а то ведь расскажу дядюшке, как мы с тобой ночь провели.

— Если не расскажешь, я заплачу тебе вдвойне, — прервал ее мистер Линден, доставая кошелек.

— Как есть блажные, — хихикнула женщина, радуясь, что ее мнение о клире подтвердилось.

— Агнесс, ты бы не могла оставить нас, пока мы не разрешим это маленькое недоразумение? Но если ты желаешь, чтобы Чарльз и дальше мучился стыдом, то останься. Нет таких мучений, которые он не заслужил.

— Я подожду в прихожей!

Она плотно закрыла за собой дверь, не желая слушать продолжение торга, но присмотрелась к замочной скважине. Оттуда пока что не летели хлопья снега, и это обнаде-

живало. Не выпуская дверь из виду, Агнесс попятилась и присела на узкий столик у стены, на котором покоился чей-то цилиндр. Столик заскрипел и прогнулся. Что за диво? Пошатав его за ножку, Агнесс пришла к выводу, что изготовлен он был из фанеры, покрытой густым слоем красного лака. Послунявив палец, потрогала зеленые обои — тоже не шелковые, а бумажные, — и на коже остался грязный след. Попробовала на язык — сладко. Краска с примесью мышьяка.

Вот так квартира! И за нее просят почти пять гиней в неделю? Кузен попался на крючок хитрому дельцу.

Тем временем переговоры завершились, и из спальни, покачивая бедрами, выплыла публичная женщина. Агнесс отвела глаза, чтобы не видеть, как она заталкивает монеты в необъятное декольте. Каково же было ее удивление, когда прелюбодейка, одернув алое, украшенное желтыми фестонами платье, посмела обратиться к ней:

— Ты откуда будешь, дитятко?

— Из Йоркшира, — пискнула Агнесс, вжимаясь в отравленные обои.

— То-то я тебя не узнаю. Небось недавно в ремесло пошла? — бесстыжая улыбнулась, явив отсутствие двух нижних зубов. — Видок у тебя, по правде сказать, простецкий. Ну, так мой тебе совет — держись от белошеих подальше. Короче, когда он попытается связать тебе руки своим шарфом, вот тогда ты, уточка, швыряешь в него ночной горшок и драпаешь через три ступени, хоть и в чем мать родила.

Агнесс смотрела прямо перед собой.

— И платье-то смени, горе луковое, в глазах от него рябит. Цветочков на тебе больше, чем в оранжерее Кью. Только садовник и позарится, — хрюкнула от смеха развратница.

Запах ее пачулей еще не успел выветриться, когда в прихожую вошел мистер Линден. С отсутствующим видом он терзал белый пасторский шарф, что свидетельствовало о расстроенных чувствах.

— Надеюсь, эта женщина ничего тебе не сказала? Я приказал ей с тобой не заговаривать.

— Она ушла спокойно, — отважно солгала девушка.

— Я виноват, Агнесс. Я так перед тобой виноват. Ты не должна была увидеть ту сцену.

Бедный Джеймс! Он ведь так и не узнал, какой страшный сон приснился ей в День Иоанна Крестителя. В его глазах она по-прежнему неискнутое дитя.

— Я повидала слишком много привидений, чтобы лишиться покоя из-за какой-то там размалеванной особы. Хотя не скрою, встреча с ней была мне неприятна. Но пройдет несколько дней, и я ее позабуду.

— А давай-ка сотрем ее из твоей памяти еще быстрее, — сказал Джеймс и торопливо уточнил: — Нет, вовсе нет! Я так даже не умею. — Разжав ее кулачок, он начал выкладывать ей на ладонь монету за монетой. — Пройдись по магазинам и купи, что душа пожелает. И пусть вид красивых вещей очистит твой взор от увиденной мерзости.

Эта идея показалась ей удачной, а то, что опекун отсыпал ей шиллингов, ничуть не смутило Агнесс. Пора привыкать. Скоро он будет давать ей деньги на хозяйство.

— Пожалуйста, не наказывайте кузена слишком строго, — попросила она, рассовывая монеты по карманам.

— Посмотрим, — только и сказал Джеймс, вмиг по-мрачнев.

4

Портье по-прежнему спал, и Агнесс незамеченной вышла в переулок, откуда затем свернула на какую-то широкую улицу — не иначе как Риджент-стрит. В полумгле белели классические фасады домов, таких высоких, какие она никогда прежде не видела. Казалось, она стоит на сцене древнеримского амфитеатра и смотрит вверх. Величие портил только запах навоза и гниющего мусора, но нет такого зловония, которое не заглушили бы нюхательные соли.

Агнесс покрутила головой, чувствуя, как мерзнут уши. Да, капор тоже придется купить. Но куда пойти в первую очередь?

По правую руку от нее расположился тот самый «Траурный склад Джея и Ко». Рассмотрев хорошенько его витрину, Агнесс поневоле содрогнулась. По сравнению с лавкой гробовщика в Линден-эбби, чьим украшением служил гробик с восковым младенцем, лондонский магазин казался пиршеством смерти. За стеклом громоздились надгробия иobelisks всех размеров и форм — погасшие факелы, обломки колонн и целый сонм ангелов на любой вкус и кошелек.

Неприятно начинать знакомство с городом на такой мрачной ноте, но Агнесс заглянула бы и в «Траурный склад», если бы он не был закрыт, как и все прочие магазины. За витринами разгорался свет и сновали тени, но никто пока что не спешил отпирать. Слишком рано. Уличных торговцев тоже не было видно, за исключением одной ирландки в грязном клетчатом платье, с шалью, повязанной на груди крест-накрест.

— Апельси-и-и-ны! — охрипшим спросонья голосом выводила торговка. — А кому апельси-и-и-ны?

Агнесс подивилась, как она умудряется выкликать товар, держа во рту трубку, а тетка, заметив внимание к своей персоне, подмигнула.

— Купите апельсин, вашмилость. Сочный, сладкий, аж язык к нёбу липнет!

Против таких посулов Агнесс не могла устоять. Со вчерашнего вечера у нее во рту и маковой росинки не было. Стоило вспомнить о ветчине, как в животе жалобно заурчало, а потом вспыхнули уши. Ох, и клянет же ее миссис Крэгмор за то, что столько господской еды придется переводить на троих дармоедов — Сьюзен, Дженни и Диггори.

За шиллинг — у торговки не оказалось сдачи — Агнесс был вручен самый крупный апельсин, ярко-оранжевый, как восходящее солнце, с ноздреватой податливой шкуркой. Агнесс впилась в сердцевину зубами, и тут же поморщи-

лась. Фу, гадость-то! Вместо кисло-сладкой мякоти внутри скукожились жесткие пленки с налипшей на них желтоватой слизью, как будто из фрукта отжали весь сок, а потом замочили в воде, чтобы он разбух и приобрел товарный вид. Неужели в Лондоне все насквозь фальшивое?

Она послала торговке уничижительный взгляд, но та уже завлекала другого покупателя. Тогда Агнесс отшвырнула фрукт в казавшуюся бездонной лужу у обочины.

— Эй, девка!

От окрика она чуть не подпрыгнула. Может, в столице не положено мусорить на улицах? Но в той луже плавала брюхом вверх дохлая кошка. Уже в следующий момент Агнесс поняла, что окликнули, должно быть, не ее. К ней обратились бы «мисс»...

— Да, ты, рыжая.

Оттолкнув ирландку так, что с ее подноса посыпались фрукты, к Агнесс шагнул долговязый юноша в расстегнутом сюртуке.

— Что, гостя себе высматриваешь? — ухмыльнулся он, обнажив зубы, желтые, как его жилет. — Считаю, что нашла.

Агнесс промолчала. Низкий голос никак не вязался с внешностью наглеца, казавшегося типичным клерком, как с карикатур в журнале «Панч»: лицо лошадиное, губы вытянутые, будто он постоянно дул на чай, а масла в волосах больше, чем в маслбойке.

— Чего ты кобенишься? — Он попытался схватить ее за локоть, но Агнесс увернулась. — Ступай со мной, в убытке не будешь.

За его спиной, охая, ползала торговка, собирая раскатившиеся апельсины. Помощи ждать было неоткуда. Не тратя дыхания на возмущенные крики, Агнесс бросилась бежать.

Сердце так колотилось, что выскочило бы из груди, если б не корсет. Пучок волос на затылке подпрыгивал, роняя шпильки. Дороги она не разбирала, потому довольно скоро заплутала в лабиринте улиц, но, к счастью, дома

здесь были солидными, белостенными или же из красного кирпича. Если закричать, из просторных окон выглянет горничная, а с крыльца, увенчанного портиком, выбежит лакей.

Она остановилась у площади — оглядеться и перевести дыхание. Ее преследователя нигде не было. Возможно, он и не думал гнаться за ней, просто чудил во хмелю, а она и струсила.

Приободренная, Агнесс продолжила свой путь. Найти дорогу обратно, до лавки «Джея и Ко», она и не рассчитывала, но надеялась выйти в людное место, где кто-нибудь подскажет, как добраться до Риджент-стрит. Как на грех, уличные торговцы навстречу не попадались: из таких фешенебельных кварталов их, наверное, гонят взащей. А толстяк кучер, дремавший на облучке у чугунной ограды, лишь отмахнулся от ее расспросов. Затрапезное платье Агнесс не располагало к любезностям.

Ручейки переулков вливались в реку, и Агнесс обрадовалась, выйдя к просторной дороге, по которой уже катились кэбы, пусть и немногочисленные — утро только начиналось. Пахло навозом, хуже, чем на конюшне у Диггори, и уже приятнее — цикориевым кофе. Запах кофе тянулся от жестяных канистр, расставленных на телеге под брезентовым навесом, но Агнесс решила не рисковать. Наверняка кофе здесь разбавляют сушеной морковью или еще худшей примесью.

Но куда же ее занесло? Что за улица? И главное, как пересечь озерцо густой, хлюпающей грязи, что преграждало ей путь?

— Стойте, мисс!

С метлами наперевес к ней летели двое оборвышей, но тот, что выглядел младше, оказался проворнее.

— Стойте, я шас!

Ловко орудуя метлой, чернявый мальчуган принялся расчищать ей путь посреди слякоти, и Агнесс, довольная, что не запачкала платье, последовала за своим проводником до самой дороги, где и вручила ему шиллинг.

Но и второй постреленок, с хитрой мордашкой, искоренной оспой, оказался не промах. Пока его конкурент работал, он быстро чертил что-то черенком метлы, используя густую грязь в качестве холста.

— Мисс, а мисс! Гляньте сюда! — И торжественным жестом, будто открывал выставку в Академии художеств, мальчишка указал на свое творение.

Облезлая кошка, выпустив когти, насадала на рогатого пони: они делили что-то округлое, похожее одновременно на щит и на ковригу хлеба. Присмотревшись, Агнесс увидела, что над зверями парит корона. Живописец изобразил королевский герб.

И тут ей в голову пришла неожиданная мысль.

— Что это за улица? — спросила мисс Тревельян, протягивая одаренному мальчику монету.

— Пиккадилли, мисс.

— А в какую сторону до дворца Сент-Джеймс?

Это ведь там она явится пред светлые очи королевы, так не лучше ли осмотреться заранее? А мистер Линден вряд ли хватится ее так уж скоро. Им с Чарльзом предстоит долгий разговор, пересыпанный цитатами из пророков. Чарльз совершил вопиющее блудодейство, тут двух мнений быть не может.

— Туды, мисс, — метельщик мотнул лохматой головой.

— Отсюда близко?

— Ежели через Грин-парк пройдете, будет рукой подать.

Поблагодарив мальчишку, Агнесс пошла в указанном направлении. Но как только ее обступили вязы, девушку едва не покинула решимость. Туман в Лондоне висел то тут, то там, как будто клочья мокрой ваты, но в Грин-парке он оказался особенно густым, словно зацепился за голые ветви деревьев. Бродить в незнакомом месте, когда не видишь, что там таится впереди, было страшновато. И лишь услышав неспешный перестук копыт, Агнесс вздохнула с облегчением и возобновила свой путь.

Она прошла всего ничего, как вдруг туман выплюнул чей-то силуэт — высокий, без шляпы. Агнесс остолбенела.

Навстречу шел он, грубиян с Риджент-стрит. По дороге он успел приложиться к бутылке, потому как вел себя совсем уж безобразно — голова тряслась, ноги только что в узел не завязывались. И как только он ее выследил в огромном городе? Не желая испытывать судьбу, Агнесс подхватила юбки и выскочила на дорогу. Перед ней мелькнули лошадиные копыта, и она отшатнулась, услышав, как рывкнул куцер — только под карету попасть не хватало!

Уже на другой стороне дороги она почувствовала, что от бега у нее развязалась подвязка на чулке. Посмотрела на пьяного — тот вертел в руках какие-то бумажки, ею же совершенно не интересовался. А открытый экипаж повернулся к ней кожаным задником. Может, никто и не заметит, если она быстро сунет руки под юбку и подвяжет чулок? С болтающимся у щиколотки чулком далеко не убежишь. Агнесс уже наклонилась, но распрямиться ее заставило оглушительное ржание. Не сразу понимая, что произошло, девушка вскрикнула...

...А затем пронаблюдала ту же страшную пантомиму, что и сидевшие в ландо, хотя, в отличие от них, не из первого ряда, а из галерки или даже из райка...

Но видела Агнесс и то, что было сокрыто от обычных глаз. Как только стрелявший отбросил пистолет и сорвал с себя манжету, его тело словно бы раздвоилось. Ошарашенная девушка потеряла глаза, но тот, второй, не исчезал. Издали она не сумела бы разобрать его черты, но от нее не укрылось его странное одеяние — длиннополая ряса с капюшоном, скрывавшим лицо. Монах обогнул клерка, рывком схватил его за плечи, разворачивая к себе, и... сунул руку ему в грудь. Лицо клерка налилось кровью. Он упал, а монах, хохотнув, растворился в тумане.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Чарльз был сама кротость. Он попросил прощения и объяснил, что, как ни парадоксально, его вылазка в клуб «Аргайл», где он снял самую дорогую куртизанку, свидетельствует о его покаянии. Ему хотелось порадовать себя перед тем, как он примет мучительную, но вполне заслуженную смерть от дядюшкиных рук. Он ведь так и думал, что дядя приедет по его душу, как только получит запрос от пройдохи лендлорда. Одного лишь не учел — что дядя приедет так скоро, иначе успел бы прогнать девицу и должным образом подготовиться к страшной каре. Побрить голову, облачиться во власяницу... А кстати, как так вышло, что дядя примчался молниеносно? Запустили какие-то особые поезда?

Джеймс и не думал удовлетворять его любопытство, как, впрочем, и наказывать шалопаю. Успеется. Не стоит позволять ярости водить своей рукой тому, кто может в считанные секунды превратить любое помещение в арктические льды. Однако вопрос с новой школой предстояло решать срочно. Не хватало еще, чтобы наследник Линденов остался недоучкой и осрамился на первом же заседании парламента.

— Между прочим, по школе я не скучаю, — заявил Чарльз, натягивая штаны, пока дядя, отвернувшись, изучал часы на каминной полке. — Помимо латыни и греческого,

нас там учат лишь тому, как хранить величавый вид, пока тебя хлещут розгами по голому задку.

— Превосходно! — бросил Джеймс через плечо. — Как раз умение превозмогать боль больше всего пригодится джентльмену.

— А вдруг я ее не превозмогал? — подходя поближе, мальчишка загадочно улыбнулся. — Сначала приходится притерпеться к боли, а уж затем... она начинает даже нравиться.

— Тогда мне остается лишь посочувствовать тебе, друг мой. Во взрослом мире приходится платить за все услуги, в том числе и за те, которые оказывает матушка Беркли. А денег ты не увидишь, покуда не доучишься.

Лорд Линден вспыхнул, готовый заспорить, но поник под ледяным взглядом опекуна.

— В какую школу вы хотите отдать меня, сэр? — спросил мальчик понуро.

— Вот это уж совсем другой разговор. Давай подумаем вместе.

В конце концов, Итон не единственный пансион в Англии. Есть школы ничуть не хуже — Рэгби, Винчестер, Харроу. Сошлись на Рэгби, где еще витал дух прогрессивного директора Арнольда. Была бы его воля, Джеймс отправил бы туда племянника завтра поутру, но полугодие начинается после рождественских каникул. До тех же пор Чарльзу предстояло коротать дни в Линден-эбби в постах и молитвах. Иногда ему будет позволено помогать Агнесс в воскресной школе, но только в награду за хорошее поведение. В остальное время лорд Линден будет спрягать латинские глаголы, запертый в спальне.

Покончив с напутствиями, мистер Линден повелел племяннику собирать пожитки и отправляться в их дом в Мейфере. Пешком, разумеется. Просьба о шести пенсах на кэб была отклонена. Сам же пастор отправился на поиски Агнесс, которая выбирала кружева для нового платья в какой-нибудь пещере Али-Бабы, коими изобиловала Риджент-стрит — средоточие модных магазинов Лондона.

Он дошел до «Квадранта», где Риджент-стрит изгибалась, словно ее распирало от лавок, и вступил в крытую галерею, тянувшуюся вдоль дороги. По вечерам в галерее прятались девицы и подкарауливали прохожих, а с утра вокруг колонн расхаживали лоточники всех мастей. Кто торговал перочинными ножами, кто расхваливал свежие баллады, кто поднимал за шкирку щенков спаниеля. Совсем скоро в пассаже будет не протолкнуться, но к тому времени Джеймс рассчитывал найти Агнесс и увести ее из этого водоворота.

Утро выдалось серым, как обычно и бывает в Лондоне, в пассаже было темно, но еще темнее были мысли мистера Линдена.

Зря он распекал мальчишку за эскападу. Если рассудить трезво, виноват Чарльз только в том, что непотребство оскорбило взор Агнесс. Но ему, Джеймсу, на что дана голова — думать или носить широкополую шляпу, которой пугаются вороны? Нужно было выяснить, что это за место, прежде чем вести туда леди.

Если уж на то пошло, Уильям Линден стал мужчиной еще раньше, лет эдак в четырнадцать, и помогла ему доярка с молочной фермы при усадьбе. Потом она все сокрушалась, что к тому времени, когда младший брат Уильяма возмужает, сама она станет старухой и вряд ли ему приглянется — а ведь ей так хотелось согрешить с полуженитом! Уильям утешал ее, как мог, но понимал, что это и впрямь беда. Уже овдовев, он проводил время с лондонскими жрицами Киприды, предпочитая из всех заведений «Белый дом» на площади Сохо-сквер. Тот самый, где вдобавок к «Золотой», «Серебряной» и «Расписной» спальням имелся зал, где посетителей пугали механическим скелетом — этакая встряска разгоняет кровь. С собой Уильям не раз захватывал и Джеймса, о чем юноша предпочел не сообщать Лавинии, дабы не запятнать их отношения вульгарностью...

Но, по крайней мере, их с Уильямом никогда не выгоняли из школы, да еще с позором!

А все потому, что оба ни дня не проучились в Итоне.

Уильям сражался с наукой под присмотром гувернера. Джеймс был предоставлен самому себе, что не помешало ему блестяще овладеть не только латынью и греческим, но также староанглийским и арамейским — на этих языках были написаны самые интересные книги. О закрытой школе для сыновей лорд Линден даже не помышлял, поскольку слишком сильно за них боялся. Вдруг Уильям затоскует вдали от отчего дома или учителя сделают из него козла отпущения, раз учение дается ему с таким трудом? И вдруг Джеймс причинит зло своим однокашникам? Если верить балладам, такие, как он, вырывают у обидчиков глаза и развешивают на рябине. Так рисковать лорд Линден не мог.

В лавке тканей Агнесс не оказалось, и Джеймс проследовал дальше, заходя в один магазин за другим и морщась от их кичливого блеска. Приказчики, все как один, божились, что в глаза не видели рыжеволосую красавицу в платье с незабудками. Обойдя с полдюжины лавок, Джеймс расслышал голос тревоги, который прежде заглушала досада на племянника. Еще десять — и тревогу было не унять.

Агнесс исчезла, пропала без следа. Малиновка затерялась в золотой многоярусной клетке, но стоит ей только защелкнуться, и он тут же ее отыщет. После перелета из одного конца Англии в другой у него, полукровки, не хватит сил на еще один бросок. Зато он узнает, где она. И что она где-то есть. Живая.

«Позови меня по имени, Агнесс. Я не смогу появиться в тот же миг, но хотя бы кэб возьму. Где же ты?»

Она молчала.

2

За всю дорогу до Букингемского дворца, занявшую, впрочем, не более десяти минут, Агнесс рассмотрела каждую ворсинку на муфте королевы. мех влажно блестел, отсыревший из-за тумана, но Агнесс все равно казалось, что с муфты стекает морская вода... как со шкуры Мэри.

Кроме муфты, смотреть было не на что. Поднять на супруга глаза Агнесс не смела, а стоило ей зажмуриться, как возникало страшное видение: вот монах отделяется от того, второго, как своенравная тень, вот хватает его за плечи, вот...

Ландо окутало насыщенное, непроницаемое молчание, и от него отскакивал даже цокот копыт. Королева была погружена в свои думы, принц же посматривал на девушку многозначительно и зловеще. Ему не нравится, что она сидит в его присутствии, смекнула Агнесс, но вставать было поздно. Стоя в открытом экипаже, она выглядела бы еще нелепее и рассердила бы принца еще больше.

Прежде Агнесс доводилось видеть венценосных супругов лишь отлитыми из фарфора. Каждая гостиная в Линден-эбби могла похвастаться статуэткой королевы, а на каминной полке миссис Билберри от королевских особ так просто рябило в глазах. В центре полки, там, где треснула штукатурка, красовался Альберт, по его левую руку Виктория гладила упитанного льва, по правую — она же баюкала на коленях дитя. Фарфоровая группа всегда вгоняла Агнесс в смущение, уж очень довольно улыбался принц-двоеженец.

Кто бы мог подумать, что в жизни он так скован, так неласков! И что у него такой сильный немецкий акцент. Два года в Англии живет, мог бы уже заговорить по-человечески.

Девушка вздохнула, когда экипаж остановился во внутреннем дворе, хотя прошло еще несколько минут, прежде чем лакеи, ступая торжественно, отворили двери. Агнесс покинула ландо последней и долго топталась на месте, пораженная величием дворца. Дымчато-серый, его фасад почти сливался с небом и казался выстроенным из затвердевшего тумана.

Тем временем королева перебросилась парой слов с офицером в высокой медвежьей шапке. «В Зеленую гостиную», — донеслись до Агнесс обрывки их разговора, но консорт, подхватив супругу под руку, настойчиво повел ее в покои. Коро-

лева, похоже, позабыла про свою гостью, зато к ней обернулся принц. Черты его отличались строгой правильностью, как у статуи греческого бога, хотя еще ни одна статуя не смотрела на нее так враждебно. «Тебе оказана милость, — читалось в его взгляде. — Не забывай об этом ни на минуту».

Офицер подробно расспросил ее о семье, уточнил адрес особняка Линденов, который Агнесс давно уже выведала у экономки, и порекомендовал ее заботам двух гвардейцев. Под их конвоем девушка вошла во дворец и поднялась по грандиозной лестнице на второй этаж. Раздвоенная лестница напоминала подкову, но вряд ли сулила удачу. Устилавший ступени ковер показался Агнесс жидким, как разлитое клубничное варенье — туфельки вязли в нем, и каждый шаг давался с трудом. Перила дрожали перед глазами, сливаясь в нестерпимо яркое золотое море. Ах, до чего же тошно!

Как бы ни хотелось Агнесс убедить себя, что она тут ни при чем, так, мимо проходила, но страх только нарастал. Не зря подруги по пансиону пугали, что когда-нибудь ее будут топить, как ведьму! Но лучше уж идти ко дну, связанной по рукам и ногам, чем краснеть в присутствии Альберта. Ведь он грозился самолично ее допросить. В привидения принц не верит, значит, будет смотреть на нее, как на умалишенную, и неторопливо, педантично, со знанием дела вынимать из нее душу.

Снедаемая недобрыми предчувствиями, мисс Тревелиян уже не смотрела по сторонам и вздрогнула от неожиданности, когда перед ней распахнулись двери. По кивку гвардейца вошла в комнату, а когда оглянулась, то увидела лишь свое лицо, такое перепуганное, что на щеках проступили бледные осенние веснушки.

Двери внутри гостиной были зеркальными, и оттого комната казалась еще просторнее. Все здесь было зеленым: и обои на стенах, и обивка кресел, чьи позолоченные львиные лапы впивались в зеленый же ковер, и экран у камина. Полуприкрыть глаза — и окажешься на опушке леса. Золотое шитье на гардинах блистало, как блики солнца среди листвы, а хрустальные люстры обрушивались с потолка за-

стывшим водопадом. Поневоле Агнесс напрягла слух, ожидая, когда же защебечут птицы, но в гостиной было тихо.

Тишина подействовала на девушку умиротворяюще. Агнесс присела на краешек кресла и просидела так час, а может, и два, как вдруг застекленные двери отворились. В Зеленую гостиную прошествовала королева.

Агнесс чуть не вскрикнула от радости, когда вместо принца за ней, прихрамывая, вошел пожилой джентльмен. Наверное, в молодости он был высок и статен, но годы не пощадили его фигуру: из-под лоснящегося фрака выпирал живот, а стоячий воротничок, подвязанный бордовым шейным платком, не мог скрыть обвисшие щеки. Да и крупный, чуть загнутый нос с возрастом сделался хищным. Но более всего поражали его брови: густые и седые, как побелевшие от мороза заросли терновника, они так и лезли ему в глаза, заставляя щуриться.

— Ах вы, негодник! Вы заставили меня ждать! — распекала его королева и топнула ножкой, но не во гневе, а как будто поддразнивая.

Ее спутник выпятил грудь.

— Ваше величество! Джентльмен не может потратить менее получаса на одевание к ужину, а прием во дворце... х-м-м... требует куда большей элегантности. Я хотел произвести благоприятное впечатление.

— Вам это удалось. Похоже, вы все еще помадите волосы «имперским кремом Арнольда».

Она уже протянула руку, чтобы потрогать его клочковатые бакенбарды, но опомнилась и указала гостю на кресло у камина. Сама же присела на диван и разгладила складки синей тафты, такие жесткие, что они топорщились зигзагами.

— Только брови вы перестали подкрашивать.

— Виноват, мадам. В следующий раз явлюсь при всем параде. — Джентльмен поскрипывал креслом, устраиваясь поудобнее. — Не пеняйте старику за то, что он отвык от придворной жизни. Наши встречи стали так редки с тех пор, как я оставил пост. И с тех пор, как в жизни моей королевы произошли... гм-м... некоторые изменения.

Говорил он в нос, а «р» произносил неразборчиво, почти как «в» — «павад», «коволева». То был выговор, присущий аристократам из среды вигов, их потайной язык, который высмеивали сатирики. У Агнесс имелись свои причины, чтобы ненавидеть светский акцент. Именно так разговаривал с ней барон Мелфорд, пока Агнесс не заманила его во флакон из-под духов. Наверное, он до сих пор проклинает ее со дна озера, манерно растягивая слова...

Речь джентльмена не понравилась и королеве, но по другой причине.

— Неужели вы дуетесь на меня, мой милый друг? — Меж ее бровей пролегла морщинка, но тут же разгладилась. — Если так, то мне нечем оправдаться, кроме того, что только в замужестве я обрела счастье. Я не стыжусь делать это признание в присутствии моей гостьи. Вот вы хотите выйти замуж, Агнесс Тревельян?

Агнесс еще только выпрямлялась из глубокого реверанса.

— О да, ваше величество! Больше всего на свете!

— Достойное желание. Видите: мы, женщины, думаем одинаково. Нам ни к чему громкие права, завоевания, какие-то свершения в науке. Наше счастье — в семье.

— Лучше не скажешь, мадам, — почтительно склонил голову старик.

— Что же до вас, мой добрый друг, у меня к вам просьба. Побеседуйте с моей гостьей. Она стала свидетельницей ужасного происшествия, но вы сумеете ее и успокоить, и разговорить. А когда прибудет ее дядя, Джеймс Линден, поговорите и с ним тоже.

— Вы вызвали меня только ради этого? — спросил он разочарованно.

— Не только, — улыбнулась королева. — Я скучала по вам, милый лорд М., и мне очень жаль, что ужасное происшествие омрачает нашу встречу. Я приму вас, как только вы освободитесь.

— Буду счастлив вновь послужить моей государыне.

Он поднялся, чтобы проводить ее поклоном, и долго еще стоял, прислушиваясь к затихающим шагам. Правой рукой

он цеплялся за подлокотник, и Агнесс отметила, как сильно она дрожит. Левая висела безвольно, и жизни в ней было не больше, чем в рукаве фрака.

Так вот он кто, опомнилась Агнесс. Уильям Лэм, лорд Мельбурн. Легендарный премьер-министр, в честь которого назван город в Австралии. Он занимал высокий пост, когда Виктория взошла на престол, и он же ввел ее в курс всех дел, обучил всем премудростям политики. Не так давно Агнесс слушала о Мельбурне на уроках, а теперь ощущала на себе его испытующий взгляд.

— Нуте-с, мисс Тревельян, поведайте-ка мне, что в вас такого особенного, — неторопливо заговорил вельможа.

— Простите, милорд?

Мельбурн принадлежал истории. Это ведь все равно, как если бы к ней обратился Юлий Цезарь, ну или хотя бы Оливер Кромвель.

— Эххмм... Сами рассудите: моя покойница-жена, леди Каролина, любила приводить в дом бродяжек. Пичкала их сладостями, обряжала в восточные костюмы, забавлялась с ними, как с куклами. Однако... гмм... фривольная филантропия не свойственна ее величеству. Так чем же вы ее заинтересовали, милое дитя, раз вы во дворце, а не в околотке? Что в вас особенного?

— Я вижу привидения, — создалась Агнесс.

Карие глаза под седыми бровями заблестели, как желуди, упавшие в заиндевевшую траву.

— Кхм... многообещающее начало, — пожевал губами Мельбурн. — Нельзя ли подробнее?

3

Дома Джеймса ожидало еще одно потрясение. В фойе по обе стороны двери стояли навтыжку гвардейцы в алых мундирах. По двум рядам пуговиц, пришитых попарно, и красной кокарде на медвежьих шапках Джеймс определил, что принадлежали они к полку Колдстрим. Королевский караул. Но здесь-то они что позабыли?

Третий гвардеец, капитан, о чем свидетельствовала роза на эполетах, замер перед кушеткой, на которой, согнув ногу в колене, возлежал лорд Линден.

— ...но самым примечательным директором Итона был Николас Удалл, живший в XVI веке, — вещал сиятельный племянник. — Вместе с двумя учениками он украл школьное серебро и снес ростовщику...

Рука в белой перчатке стискивала эфес. Судя по тому, как подергивались черные завитые усы, офицер прилагал все усилия, чтобы не выхватить саблю из ножен и не обрушить мальчишке на темя, пусть и плашмя. Каждое слово лорда Линдена увесистой каплей падало в чашу его терпения.

— Чарльз!

Мальчик вскочил и отвесил поклон, но его учтивость не смягчила опекуна.

— С тебя глаз нельзя спускать! Что ты успел натворить, раз за тобой присылают королевских гвардейцев? Полицию еще понятно, но гвардейцев?

— Не за мной, сэр, а за вами.

— Что? — опешил мистер Линден.

— Кузина Агнесс попала в переплет. Сейчас вас отвезут к ней в Тауэр, — посочувствовал племянник. — Но я буду носить вам передачи.

— Не в Тауэр, а в Букингемский дворец, — устало сообщил капитан гвардии. — Извольте следовать за нами, но имейте в виду — дело строжайшей секретности. А вам, юный сэр, надлежит тотчас забыть об увиденном.

— Сделать сие будет сложно, ибо память у меня остра, — повинился Чарльз. — Впрочем, ничто так не притупляет память, как бутылка мозельского в ресторане «Веррей».

Сколько бы времени ни провел капитан в компании лорда Линдена, этого хватило, чтобы надломить его волю. Избегая смотреть на подчиненных, он протянул мальчику монету в один фунт. То была малая плата за избавление от лекции по истории Итона.

— Надеюсь, деньги не из казны. Не из моих, стало быть, налогов, — процедил Джеймс, следуя за гвардейцами.

Но от сердца отлегло: Агнесс жива. Ему еще предстояло выяснить, как вместо галантерейной лавки она попала во дворец, но, учитывая ее дар мгновенно заводить знакомство с самой знатной особой в округе, удивляться тут нечему.

4

Букингемский дворец порадовал его новой отделкой фасада и тем, что наконец-то был убран купол, похожий на перевернутый таз для умывания. В покоях дворца скромному пастору еще не доводилось бывать, но даже парадная лестница его не впечатлила. Чересчур помпезно. И до мраморных ли колонн ему было, если все мысли занимала Агнесс? Уж не положила ли на нее глаз королева? Одно дело — представление ко двору, ритуал важный, но ни к чему не обязывающий, и совсем иное — личный интерес королевы. С ее приятными манерами и пристрастием к рукоделию Агнесс стала бы хорошей фрейлиной, но так просто он ее никому не отдаст.

«Агнесс, я тебя не выпущу...»

Гвардейцы были так же словоохотливы, как медведи, чьи шкуры пошли на их высокие шапки, поэтому Джеймс предпочел не тратить времени на расспросы. Обнадеживало, что никто из них, с виду выходцев из простого народа, не сплевывал украдкой через плечо. Значит, подробности биографии пастора им неизвестны. Но как только перед Джеймсом распахнулись двери в Зеленую гостиную, тревога выпустила когти — не один за другим, а все сразу. Агнесс он заметил моментально: она притаилась в углу гостиной, а рядом с ней в кресле развалился тучный старик, и это был...

— Мистер Линден? Несказанно рад встрече. Я Уильям Лэм...

— ...второй виконт Мельбурн. Не трудитесь представляться, сэр, я вас узнал, — проговорил Джеймс, подходя поближе к Агнесс, которая так и потянулась к нему навстречу. Обнял ее за плечи. Шаль промокла насквозь, и только сейчас он заметил, какой тонкой была ткань ее домашнего платья.

Несколько минут спустя простуда казалась ему наименьшей из опасностей, подстерегавших воспитанницу.

— Что ж, не будем тратить время на приветствия и... эххмм... вернемся к делу, — как ни в чем не бывало, продолжил бывший премьер.

Рот его был скошен влево, потому к светскому сюсюканью примешивалось еще и кряхтение. Не так давно он перенес удар, догадался Джеймс, стараясь не думать о мокрой подушке, с которой, едва шевеля губами, проклинал его лорд Линден. Старый граф был крепок, как столетний дуб, но удар расколол его надвое, превратил в трухлявую корягу. Мельбурн оказался прочнее.

— Какое дело вы имеете в виду, милорд?

— Да то самое, о котором мы толковали с вашей племянницей. У мисс Тревелиан есть дар рассказчика. Я бы посоветовал ей описать свои впечатления в романе, хотя... гм... опубликовать сочинение пришлось бы под мужским псевдонимом. Тема уж больно неделикатна.

Агнесс обратила к Джеймсу встревоженное личико, и от негодования тот не сразу подобрал слова.

— Вы допрашивали мою племянницу?

Мельбурн поморщился. Кустистые, невероятно густые брови сомкнулись, как два атакующих мамонта.

— Допрашивал! Что за казенщина, право слово. Мы... кх-м... просто беседовали, сэр, беседовали о вечном. О душах.

— Неупокоившихся, надо полагать? — вздохнул Джеймс, не забывая поглаживать Агнесс по плечу. Она-то не виновата, что призраки слетаются к медиуму, как скворцы на созревшую вишню.

— О ком еще? Мисс Тревелиан, дружок, расскажите дяде, что вы увидели сегодня поутру.

И Агнесс заговорила, широко распахивая глаза и заправляя за уши выбившиеся из прически пряди. Она волновалась, но, судя по тому, как гладко текла ее речь, эту историю она пересказывала не единожды. Чем больше Джеймс узнавал о ее злоключениях, тем мрачнее становился, а когда Агнесс упомянула Грин-парк, он убрал руки за спину, потому как правая уже начала описывать дугу, словно взмахивая невидимым кнутом. Сколько ударов потребуется, чтобы подчинить себе эту тварь? Дюжины, пожалуй, не хватит...

Постойте-ка!

— Стало быть, уже на Риджент-стрит поведение того мужчины показалось тебе странным?

— Да, очень, — отвечала Агнесс. Присутствие Джеймса ее приободрило. — Голос у него был препротивный, низкий и хриплый. И говорил он ужасные вещи. Я подумала даже, что он пьян, хотя джином от него не разило.

— Полагаю, к моменту вашей встречи бедняга был одержим призраком.

...Нет. Кнут не годится против духа, который творит злодейства в чужом теле. Так можно изувечить утратившую волю жертву. Ничего, в арсенале экзорцистов найдется немало средств. Зажженные свечи. Заклинания. Звон колокола, вроде того, каким святой Патрик изгонял из Ирландии змей...

Бывший премьер хлопнул себя здоровой рукой по колену.

— Вот ведь что творится! Привидения совсем распустились, экие фортеля выкидывают!

— Да, дух на вольном выпасе — явление не вполне обычное. Привидения обычно привязаны к определенному месту, тому, где прервалась их жизнь. Хотя знаком мне один покойный рыцарь, который разгуливает по всему северу, потому как в двенадцатом веке там лежали его земли. Но монахи? Монахи встречаются в церквях и монастырях.

...По всему видно, что он силен, но с любым привидением можно совладать. Хотя не с любым — в одиночку...

— А еще у того несчастного был расстегнут сюртук. Вдвойне странно, ведь я-то едва не замерзла. Да и от привидений исходит холод, а не жар. Как так?

— Этому у меня тоже нет объяснений.

Он чувствовал себя как гончий пес, которого дернули за привязь в тот самый момент, когда в кустах, потрескивая хворостом, пробиралась лисица. Но вместо того, чтобы отпустить, погнало обратно на псарню. В отличие от пса, джентльмен не может зарычать и оскалиться, так что пришлось ограничиться тихим вздохом. Не его добыча. Дни его охоты миновали.

— Если у вас все, сэр, то нам с мисс Тревелиян пора домой, — вежливо кивнул он Мельбурну. — А призраком пусть займется придворный экзорцист.

Премьер откинулся на спинку кресла и улыбнулся в пол-лица.

— Откуда же при дворе ее величества взяться экзорцисту? Сие занятие нынче не в моде. Как сказал один умный человек: «Из мира ушла вся радость, когда феири перестали плясать, а священники — изгонять духов».

На правой щеке заиграли ямочки, как у довольного младенца, левая же была неподвижна, и морщины казались высеченными в камне.

— Не беда. Я уже знаю, к кому надо обратиться.

— Отлично... А к кому? — не удержался Джеймс.

Встречать коллег ему еще не доводилось. К началу века эта профессия почти сошла на нет, хотя столица кишела медиумами и месмеристами всех мастей. Но изгнание духов было им не по плечу. Их мастерства хватало лишь на то, чтобы заставить совсем уж безобидное привидение показывать трюки. В глазах мистера Линдена такой медиум мало чем отличался от фокусника, дрессирующего ученую свинью.

Но если в Лондоне появился сильный экзорцист...

— Да к вам же. Вот вы и выследите сию зловредную тварь. Вам это будет с руки. Подобное тянется к подобному — не так ли, сэр?

Вот с этого и следовало начинать. К чему тратить время на преамбулы?

Краем глаза он заметил, что щеки Агнесс пошли неровными красными пятнами, словно пожар вспыхнул на вересковой пустоши. Выставить бы ее за дверь, но ведь не уйдет. Пришлось усадить на диван и сесть рядом.

— И что же вам обо мне известно?

— Не так много, мистер Линден. Лишь однажды довелось мне увидеть ваше имя написанным на бумаге, среди других имен. Их там было много, этих имен... Кх-м... Рядом с некоторыми значилась видовая принадлежность одного из родителей, — сказал Мельбурн с тем же спокойным дружелюбием.

— О, нет, не может быть! — вырвалось у Агнесс. Лучше бы она молчала.

— Я сказал что-то не так? Мисс Тревельян, вы уж простите старика, — каясь, он постучал кулаком по белому жилету. — Не зря же старость называют вторым детством, мы лопочем, что на ум взбредет. То ли дело ваш дядюшка — молод, полон сил, остер, как бритва. Да он этого призрака в два счета выследит!

— И не подумаю.

— Вижу, вам угодно со мной поторговаться. Хорошо, мистер Линден, давайте поторгуемся, коль скоро фейри ничего не делают даром, — не смутился бывший премьер. — Я мог бы предложить вам родного сына, да вот беда — он скончался несколько лет тому назад. Хотя вы и так бы им не прельстились, первенец у меня... кхэ... вышел неказистым.

— Вы не понимаете...

— Я мог бы посулить вам приход побогаче или, чтоб не мелочиться, облачение с пышными батистовыми рукавами.

— Только епископства мне и не хватало.

— Стало быть, вы разделяете мое мнение, что во главе церкви должны стоять только достойные люди. Отрадно слышать, отрадно.

Пальцы мистера Линдена покалывало — их покрывали иней, — но нельзя, чтобы во дворце повторилась безобразная сцена, как давеча в ризнице. Но с той, другой стороны досталась ему леденящая ярость, как дуновение мороза, от которого лопаются кора на деревьях и чернеют первые плоды. С той самой стороны, на которую намекал милорд.

— Я также мог бы напомнить вам о государыне и ее малых детушках, но, в свете всего сказанного, воздержусь. Детский плач для неблагих фейри подобен звукам свирели... Что там ваши родители делают с детьми, которых воруют? — осведомился старик, оглаживая бакенбарды.

— Они редко забирают детей... и я не знаю, что потом с теми происходит, — ответил Джеймс. Услышал, как тихо ойкнула Агнесс, но не посмел взять ее за руку — чтобы не обморозить.

— Не хотите рассказывать, и не надо. Остается, наконец, злополучный «Билль о полукровках». Его проталкивал некий мистер Хант со товарищи, но с лета от настойчивого джентльмена ни слуху ни духу. Пропал наш мистер Хант. По странному совпадению, на севере, в ваших краях.

В гостиной повисло молчание, но не успело оно стать ни томительным, ни звенящим, как заговорила Агнесс:

— Вы ничего уже от него не услышите.

— Вот как?

— Он погиб. Его забрало море.

Джеймс напрягся.

О Ханте она упомянула впервые с того утра, когда появилась в Линден-эбби в изорванном платье, пропахшем морской солью и водорослями, а сильнее всего кровью... Он прождал несколько недель, но Агнесс так и не заговорила о пережитом. Предпочла в одиночку нести бремя воспоминаний, и вырывать у нее эту ношу было бы насилием, пожалуй, еще худшим, чем то, которое она испытала. Каждый имеет право на свои тайны. Ему ведь тоже не пришлось бы в голову поведать ей, как они с Лавинией возвращались тогда в наемной карете, усадив между собой и поддерживая

плечами тело его брата. От таких подробностей Агнесс следовало беречь так же истово, как и от любого другого зла.

Возможно, точно так же она бережет его. И ее молчание — не дань хорошим манерам, что удерживают девиц от грубых речей, но признак любви. Иногда у него почти получалось в это поверить.

— Что ж, одним фанатиком больше, одним меньше — невелика утрата, — равнодушно фыркнул лорд Мельбурн. — Однако за мистером Хантом остался бумажный след, а господа из Общества по искоренению пороков продолжают его дело.

— Так билль уже готов?

— Да, но это ничего не значит. Покамест ни тори, ни виги не спешат к нему даже вилами прикоснуться. Хотя тори он, безусловно, нравится. Они бы и суды над ведьмами вернули, не говоря уже о том, чтобы поставить на учет в полиции всех фейри-полукровок. Но — молчат! Как воды в рот набрали, только глаза пучат от бессильной злобы. Что же до нас, до вигов, то мы бы не вложили персты в раны Христа. Мы попросили бы его рационально обосновать свое Воскресение, сопроводив рассказ дюжиной таблиц. Что за чертовщина, что за нянькины байки! Фейри, гоблины, гномы — экая дичь!.. Ах да, есть же еще и привидения. Эмм-хм... но минувшие события заставят даже скептиков призадуматься. Особенно если наш фантом опять учинит что-нибудь эдакое. Затейливое.

— И тогда нечисть никто не станет сортировать на хорошую и плохую, — додумал за него Джеймс.

— Не станет, мистер Линден, ох, не станет... Но я не буду угрожать вам биллем, потому как одному джентльмену не пристало шантажировать другого. А в том, что вы английский джентльмен, я ни на миг не сомневаюсь... Уж лучше я подожду, пока вы сами не вызоветесь изловить супостата.

Что за странное чувство? Как будто ошейник сняли, но проворно заменили другим — уже не таким тяжелым, но не менее прочным, а потом потыкали хлыстом в ребра. Возьми

след. Найди. Растерзай. Если что-то останется, принеси показать, но это не обязательно. Сколько лет его передергивало от одной только мысли, что его пригласят на королевскую охоту — в качестве пса, — но вот его пригласили, и что же он чувствует? Азарт, а не унижение. Ведь так давно он не охотился по-настоящему.

— Я все сделаю. Изгоню призрака и не потребую ничего взамен. Ни денег, ни почестей, ни фунта плоти.

Лорд Мельбурн заерзал в кресле, края воротничка захлопали его по щекам. Он выглядел довольным, но отнюдь не удивленным, и Джеймс почувствовал к нему невольное уважение. Горазд же он торговаться. Наверное, королева сожалеет, что он больше не числится в ее советниках.

— Вот и славно, вот и договорились! А я со своей стороны попрошу ее величество написать письмо с просьбой оказывать вам всяческое содействие.

— В двух экземплярах, пожалуйста. Я тоже буду участвовать в расследовании, — попросила Агнесс, и, прежде чем Джеймс успел возразить, старик рассмеялся.

— В двух так в двух.

— Слово джентльмена?

— Оно самое, дружочек мисс Тревельян, — ласково кивнул ей Мельбурн, когда Агнесс подлетела, чтобы помочь ему встать с кресла.

В ее глазах разливалась яркая, манящая синева, как всегда после выигранного спора, но Джеймс не собирался уступать так быстро.

Что и говорить, изгонять злого духа, особенно если он так силен, сподручнее вдвоем. Один терзает чудовище, пока оно не выбьется из сил и не явит свою истинную форму, другой в тот момент накинет удавку твари на шею, или плеснет святой водой, или выстрелит серебром. Но в напарники можно взять не всякого — лишь того, кому доверяешь всецело, как самому себе...

...и которого любишь больше, чем себя...

Лавиния. Когда-то ее меткий выстрел спас ему жизнь. А семь лет спустя она вновь взяла оружие — ради него —

и не выстрелила — тоже ради него. Он поцеловал ей руку, хотя должен был облобызать ноги, потому что она вернула ему жизнь, и волю к победе, и себя самого. О, если бы выехать с ней на охоту! Усмирение нечисти — занятие не для леди, но Лавиния такая же леди, как он — пастырь англиканской церкви. Они созданы, чтобы охотиться вместе. Они созданы...

5

Всю дорогу в Мейфер он раздраженно слушал, как Агнесс в десятый раз перечитывает грамоту ее величества. Взять Агнесс на Охоту — все равно, что сломать малиновке крылья и швырнуть ее на потеху уличному коту. Девочка еще не знает, каковы бывают чудовища, а уж он на них насмотрелся. Ущерба от иных не в пример больше, чем от сквернословия сэра Ги.

— «Мы, Виктория, милостью Божией королева и защитница веры Объединенного королевства Великобритании и Ирландии, настоятельно просим всякого, коему будет предъявлен сей документ, оказывать содействие Агнесс Тревельян, девице, жительнице Йоркшира, во всех ее делах, направленных на укрепление порядка и не противоречащих законам государства нашего...»

«Настоятельно просим», мрачно усмехнулся Джеймс. Елизавета написала бы «сим повелеваю», присовокупив, каким именно способом будет казнен всякий, кто не внемлет приказу. Но Агнесс так и ела глазами гербовую бумагу.

— Ну что, давайте распределим обязанности! Кто что будет делать? С чего мы начнем?

— Завтра я поеду в морг, куда увезли тело нашего Бруга, — нехотя отозвался Джеймс. Не ссориться же перед кэбби.

— Тогда я поеду с вами.

— Нет. В морг тебя не допустят. Ты женщина, а в морг женщин допускают только в том состоянии, в каком я надеюсь никогда тебя не увидеть.

— Что же в таком случае делать мне? Пришпилить к юбке занавеску и готовиться к приему у королевы? Знаете, сэр, если покушения продолжатся, к весне королевы у нас может и не быть.

Чем же ее занять, лихорадочно думал Джеймс. Истинная дочь своей эпохи, Агнесс любит помогать ближним. Если раньше леди порхали по салонам, то теперь, заразившись жертвенностью, потчуют супом сирот. Что бы такое измыслить трудное, неприятное, но вместе с тем вдохновляющее? И тут его осенило.

— Ты меня очень обяжешь, если посетишь парад лорда-мэра вместе со своим кузеном.

— Чудесно! — оскорбилась Агнесс. — Пока вы будете вести расследование, мы станем любоваться, как вы сами выразились, золоченой колымагой. Это несправедливо. Привидение увидела я, значит, в расследовании у меня ведущая роль. Я не намерена порхать, пока вы занимаетесь делом.

— Порхать?

Работа женщин, сортирующих уголь в шахтах, покажется легкой по сравнению с тем, что ей предстоит!

— Агнесс, я попросил тебя выгулять твоего кузена. И проследить, чтобы он никого не покусал и не ублудил. Я не намерен посвящать Чарльза в наше расследование, иначе завтра об этом будет трещать весь Лондон. Сделай это ради меня.

— Полно вам возводить на него напраслину, — упрекнула его Агнесс, когда кэб остановился у обочины, и Джеймс помог ей сойти. — Чарльз, конечно, провинился, но неужели он и впрямь распутник? Бедняжка был так испуган.

Мистер Линден поставил ногу на вбитую у ступеней скобу, соскребая с подошвы городскую грязь, да так и замер. Чарльз? Испуган? Если мальчишка и выглядел поте-

рянным, то лишь потому, что второпях выдумывал новую шалость, чтобы затмить предыдущую.

— Все верно, — сообразил он. — Ты же с ним как следует не познакомилась.

Ему было что ей рассказать, но каждый человек имеет право составить мнение самостоятельно, а не под влиянием чужого авторитета.

— Поищи Чарльза в гостиной. Я скоро вернусь и еще успею вас разнять.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В другое время Агнесс восхитилась бы трехэтажным особняком с белым фасадом, но после Букингемского дворца резиденция Линденов не произвела на нее впечатления. Тем более что холл пустовал, на рыцарские доспехи, что несли караул у подножия лестницы, было наброшено полотно, да и саму лестницу с чугунными перилами покрывал слой серовато-черной пыли. Только там, где ступал Джеймс, появлялись алые следы. Агнесс вздрогнула, но, приглядевшись, успокоилась. Под пылью скрывался бархатный ковер, за столько лет не утративший яркий цвет.

В гостиной тоже царило уныние: диваны и кресла с округлыми спинками, столы и этажерки выступали из-под холста, словно надгробия из-под несвежего снега, а люстру, упрятанную под пыльными складками, в потемках можно было принять за висельника. На месте картин виднелись прямоугольники на несколько тонов светлее пунцовых обоев. Лишь зеркало над камином оставалось открытым, от чего казалось, что гостиная следит за Агнесс огромным круглым глазом.

Сэра Чарльза Линдена она заметила не сразу. Кузен устроился на подоконнике, поджав по-турецки ноги. Возможно, он и походил бы на страдальца, если бы не серебряный поднос у него на коленях. На подносе в изобилии лежали сладости — розоватые квадратики рахат-лукума, зер-

нистая нуга, похожие на ломтики янтаря цукаты. Чарльз уписывал их за обе щеки и слизывал сахарную пудру с пухлых губ.

Агнесс смотрела на него во все глаза, выискивая пресловутую печать порока на челе, но его лоб был гладок и чист, и его миновала даже такая, казалось бы, неизбежная напасть, как прыщи. А румянец во всю щеку и тот беззаботный аппетит, с которым он уплетал сласти, придавали лорду Линдену трогательную непосредственность. Но давешняя сцена не давала Агнесс покоя.

К слову сказать, она не рассчитывала застать кузена стоящим на коленях в углу, но ожидала увидеть хотя бы проблески раскаяния (лорд Линден отрезал кусочек нуги и съел его с ножа). Разве могла она забыть, как весь город травил Милли за то лишь, что та обвенчалась с отцом своего ребенка? А Чарльзу блудодейство сошло с рук. Все потому, что он мужчина. Или потому, что лорд.

Агнесс почувствовала, что уже закипает, хотя они еще словом не обмолвились.

Не зная, как привлечь его внимание, она настойчиво зашелестела платьем, а потом кашлянула, как будто от пыли. Уловки возымели действие: Чарльз обернулся, поставил поднос, схватив напоследок кусочек ананаса, и поклонился учтиво, как на балу.

— Кузина Агнесс.

— Кузен Чарльз.

— Я думал, ты назовешь меня «милорд», — мальчик расхохотался так заразительно, что Агнесс поневоле заулыбалась. — Уж очень испуганной ты показалась. Не робей, со мной можно по-свойски. Без церемоний. Дядюшка лишил меня карманных денег, так что это я тут на правах бедного родственника.

Улыбка сползла с ее лица.

— Какие вы, женщины, обидчивые. Я и не думал попрекать тебя твоим происхождением! А если кто-то напомнит тебе, откуда ты родом, сразу дай мне знать — болтунишка отведаст моей трости.

С этими словами он бросил за спину раскрытый перочинный нож, бросил небрежно, но лезвие вонзилось в бархатную подушку. Перламутровая рукоятка тускло заблестела в лучах лондонского солнца.

Агнесс почувствовала, как корсет становится тесным, хотя туго она его никогда не затягивала. Нет, нельзя поддаваться на провокации. Понятно, что Чарльз пробует ее на твердость, как избалованный, закормленный конфетами шалопай испытывал бы новую гувернантку. Пусть себе ехидничает. Огонь скоро угаснет, если не подкидывать в него дрова.

— Я ценю твое заступничество, кузен Чарльз, но я довольна тем, кто я есть. Если напомнить мне о моем происхождении, я не обижусь.

Усмехнувшись, милорд обошел вокруг нее, и она едва удержалась, чтобы не развернуться прыжком, когда он оказался за спиной. Да что же это, в самом деле? Неужели испугалась глупого сорванца? И это после увиденного в парке?

— Твое смирение заслуживает награды. Как ты смотришь на то, чтобы стать леди?

— Едва ли это возможно. Разве что небо разверзнется, и оттуда посыпятся титулы.

— О, это более чем возможно, — сказал Чарльз, начиная еще один круг. — Ты можешь стать леди Линден. Моей леди.

Агнесс закусила губу.

— Но сначала ты должна мне понравиться.

В ушах у нее застучало и сделалось горячо. Каков наглец! Прошло всего лишь две минуты, а у нее уже руки чесались исколотить его кочергой, а потом сунуть головой в ведро для угля — вон то, в форме раковины. А ведь в Итоне он провел пять лет... Как его там не убили?

— Что молчишь, кузина? Понравься мне, и я осыплю тебя золотыми клубничными листьями. Хочешь, я расскажу, что мне нравится?

— Сомневаюсь, что мистер Линден придет в восторг от твоей затеи.

— Так ведь затея не моя, а его.

— Что? — спросила она чуть громче, чем следовало.

Чарльз вытащил из подушки нож и ни с того ни с сего полоснул бархат. Серебряное лезвие мелькнуло два раза. «Л». «Линден». А когда он обернулся, в прозрачных глазах сквозила обида, такая искренняя, что Агнесс засияла. Не от злорадства — от радости. Наконец-то в нем проступило хоть что-то детское.

— Он хочет, чтобы я на тебе женился — это как пить дать. Иначе с чего бы ему в каждом письме петь тебе дифирамбы? Кузина Агнесс то, кузина Агнесс сё. Не припомню, чтобы он так восторженно отзывался о другой женщине.

Оттолкнув поднос, он забрался на подоконник с ногами и болезненно зажмурился, как будто перед ним уже маячил алтарь, похожий издали на плаху. Ах, вот в чем дело! Осторожно, чтобы не запачкаться сахарной пудрой, Агнесс присела рядом.

— Чарльз, мне вовсе не хочется за тебя замуж и не захочется никогда. И даже графская корона с золотыми листьями меня не соблазнит. И уж тем более я не желаю знать, какими способами можно тебе угодить. Что же до твоего дяди, то он... он просто добр ко мне.

— И только-то?

— Конечно.

Мальчишка надолго умолк, рассеянно поигрывая ножом. То подкидывал его, то крутил вокруг большого пальца. Мелькание лезвия беспокоило Агнесс. А ну как порежется? Несколько раз лезвие почти касалось кожи, но пальцы Чарльза оказывались проворнее.

— Может, ты и права. Хотя мне его доброта никогда глаза не колола. Если он такой добрый, то почему загнал меня в Колледж?

— Ты имеешь в виду Итон?

— Нет, сам Итон неплох, есть где разгуляться, — сказал кузен. — Но ты, конечно, ничего о нем не знаешь. Тогда слушай. В Итоне есть два вида устройства. Некоторые ученики живут при Колледже, посему их называют колледжерами. Обедают они с учителями в столовой, спят в Дол-

гом зале. Дивные чертоги, ничего не скажешь. Кровати из досок, окна расколочены, грязь, как в курятнике, и крысы такие крупные, что мышеловкой их не проймешь — впору ставить капкан. Естественно, при Колледже живут одни лишь зануды, которые даже такие условия почитают за счастье, лишь бы им дали учиться. Все приличные люди снимают комнату в городе, и называют их оппиданами. Оппидан и кормят получше, и мантию, в отличие от колледжеров, им носить не нужно — достаточно фрака с цилиндром. Так с какой, спрашивается, стати дядя отдал меня в Колледж, в эту унылую и зловонную дыру?

В свете его слов жестокость мистера Линдена начинала казаться неоправданной.

— Думаю, он желал тебе только добра, — предположила Агнесс. — Чтобы этот опыт закалил тебя. Или что-то в этом роде.

— Уж закалил так закалил, — хмыкнул Чарльз. — Первую неделю я вообще от стыда сгорал. Даже баронета завалящего поблизости не было, сплошь простой народ, соль земли. Но это еще полбеды. На второй же день у колоннады я наткнулся на четверых оппидан. Они волокли черный куль, который при ближайшем рассмотрении оказался колледжером, завернутым в свою же мантию. Его несли окунать в пруд. Вот так я окончательно возненавидел и Колледж, и школьную форму, и дядюшку заодно.

Он снова вонзил нож в подушку и распорол ее с кровавадной основательностью, словно пуская кровь врагу.

— Ты можешь прекратить?! — не сдержалась мисс Тревельян.

Еще немного — и она вlepит ему затрещину, что будет совсем ужасно. Леди не распускают руки, их сила — слово и порядочная порция сарказма.

— А? Извини. — Он спрятал нож. — Оппидане начали задирать меня, а один громила заявил, что отныне я стану его фэгом, то есть пажом. Буду воду ему носить по утрам, камин чистить, гренки намазывать маслом. Так в Итоне принято, младшие всегда прислуживают старшим. Но это

не входило в мои планы. Я, лорд Линден, стал бы прислуживать только Истинному королю, но он умер уже давно. Так я и заявил этим скотам.

— И побил их как следует?

— И пустился наутек, — криво улыбнулся Чарльз. — Я не струсил, но ведь ни один человек не пойдет в рукопашную против носорога. У всех на слуху Великая Драка тысяча восемьсот двадцать пятого года, в которой погиб сын лорда Шафстбери. Но тот сын был младший, а младшего сына, согласись, хотя и жалко, но не очень. Я же наследник титула. Мне ли рисковать? Но оппидане все равно меня догнали и так отлупили, что брызги крови из моего носа долетали до верха колонн.

— Вот же негодяи!

— Бывает и похуже. Задело меня другое. Я должен был стать одним из них, равным среди равных, и вместе с ними колошматить колледжеров. Если бы наш дядюшка.... Простите, сэр, я не слышал, как вы вошли.

Джеймс появился в дверях тихо, как тень. Длиннополый черный сюртук, черный жилет, только пасторского галстука не хватает — его мистер Линден снял. Еще в кэбе Агнесс отметила, что батист успел посереть от городской копоти.

— Отчего же ты умолк?

Лавируя вокруг этажерок-obelisks, пастор направился к племяннику, который вскочил, как ужаленный. Нахальство нахальством, но манеры Чарльза были безупречны.

— Пусть мое присутствие не тяготит тебя. Ну же! — И дядя чувствительно встряхнул его за плечо. — Или Агнесс никогда не услышит продолжение твоей повести? Как ты сдружился с колледжерами и вместе с ними поставил на место напыщенных юнцов из города. Каким уважением ты начал пользоваться среди тех и других. Как, наловчившись, стал выходить победителем в драках. Все это было, Чарльз. Ты славный малый, когда не распускаешь хвост. И как только тебя угораздило вылететь из Итона? — спросил мистер Линден, стягивая холстину с ближайшего кресла.

Агнесс и Чарльз дружно чихнули.

— Директор разве не написал вам, за что меня так? — прочистив горло, спросил племянник.

— За совокупность проступков, отягощенных вызывающим поведением и неподчинению приказам.

Сидел мистер Линден так прямо, словно спинка кресла была не сливочно-белым атласом обтянута, а утыкана гвоздями. Эту позу Агнесс знала хорошо. Держись, кузен. Сейчас пойдут цитаты из псалмов.

— И вы поверили? Ну так слушайте! На самом деле Хоутри потребовал, чтобы я дал ему прочесть мой дневник. Кто-то донес, будто я собираюсь устроить фейерверки на пятое ноября, и он хотел выяснить, не изложил ли я свои планы на бумаге.

— Но фейерверки — это же добрая традиция... — начала Агнесс.

— Если бы! В Итоне с тысяча восемьсот четвертого года запрещено празднование дня Гая Фокса.

— А что произошло в тысяча восемьсот четвертом году? — с замиранием сердца спросила девушка. Итон казался ей чем-то вроде гладиаторской арены.

— Какому-то ротозею сунули зажженную петарду в карман, вот ему бедро и разворотило. Он, кажется, умер от ран, — пожал плечами Чарльз. — Но суть-то не в этом! Суть в том, что от меня потребовали подлость.

— Да, и вправду гадко получилось. Ты поступил как джентльмен, Чарльз, — обрадовался мистер Линден и встал, потирая руки. — Кажется, вопрос разрешился сам собой. Я укажу директору на неправомерность его требований, и тебя зачислят обратно... Позволь только уточнить — речь идет о паре хлопушек или новом Пороховом заговоре? — спохватился он.

— Ну-у... положим, пороха там было всего ничего. Один бочонок. Маленький. И мы припрятали его далеко от Долгого зала...

Агнесс скосила глаза на запыленное окно, ожидая, когда по стеклу поползут морозные узоры — они бывают так красивы! — но Джеймс лишь вздохнул. Даже такая выходка Чарльза не казалась ему из ряда вон выходящей.

— Поскольку поездка в Итон была бы бессмысленной, сэкономленное время я готов потратить на дела в Лондоне.

Поклонившись Агнесс, он молча вышел из гостиной.

— Какие такие у него дела? — подступился к кухне Чарльз. — И кстати, для чего вас вызывали во дворец?

— Я... я гуляла в Грин-парке и... и повстречала архиепископа Кентерберийского, — вдохновенно солгала она. — Он хотел передать мистеру Линдену привет. Все ж они коллеги... в некотором роде. Теперь у них какие-то общие дела... церковные, и они хотели посвятить в них королеву.

К ее немалому удивлению, Чарльз проглотил ее ложь с тем же аппетитом, с каким давеча уплетал нугу.

— Чего только на свете не бывает, — присвистнул мальчик. Похоже, дядины странности тоже были ему не в диковинку. — А ты сама не хочешь почитать?

— Что почитать?

— Не Великую же хартию вольностей! Мой дневник.

— Да ты что, как можно! Чужой дневник!

— Если с моего согласия, то можно.

Чарльз порылся под подушкой и извлек книжицу, переплетенную в шагреню — зеленую и пупырчатую. Видимо, незадолго до прихода Агнесс он перечитывал дневник, скукая по школе.

— Сейчас я отыщу тебе что-нибудь поинтереснее, какой-нибудь вдохновляющий пассаж... Так, ну это клише... а это вообще стоило бы вымарать, дабы не гневить бумагу... Вот, хотя бы...

Буквы, выведенные легким, летящим почерком, складывались в слова, но что это были за слова!

2

«Свист и удар, свист и удар, и так до бесконечности. Стираю зубы, проглатывая крик. Не отгоняю боль, но бросаюсь в поединок с ней, пока она не подчинится мне, пока из всепоглощающей, от которой хочется скулить и да-

вать любые клятвы, не превратится в легкое жжение, по-своему даже приятное. Ну вот, так лучше. Теперь за дело.

Перочинный нож споро скользит по дереву, вырезая буквы. Их остается четыре.

Так начался мой первый день в среднем отделении пятого класса. Отучившись в нем, попадаешь в старшее отделение, где сидишь, как на иголках, дожидаясь вакансии в шестом. А после шестого — все, свобода! От нее меня отделяет пара лет.

По традиции, я должен был притащить в часовню «церковные сласти», сиречь кулек с орехами, и угостить других пятиклассников. Но мы же не дети, чтобы грызть миндаль и замирать от дерзости. Я принес кое-что посолиднее — флягу с бренди. Мы пускали ее по рукам во время коленопреклонений. Забавы наши протекали гладко, пока Генри Лэмбтона не угораздило заготовить посреди гимна. За смех в часовне директор спускает шкуру. А за смех, вызванный глотком бренди, он готов пробрать тебя до костей.

Отдуться за всех пришлось мне, но я и не возражаю. Давно хотел осуществить сей прожект.

Пережидаю новый удар, не выпуская из рук ножа. Снова наклоняюсь пониже, так, что волосы щекочут лицо. На очереди буква «Н».

Колода для порки испещрена инициалами. Их было еще больше, но года три назад лорд Уотерфорд выкрал старую колоду, распилил на табакерки и раздарил друзьям. После все ринулись украшать новую плаху своими фамилиями, так что отметить на колоде — дело не хитрое. Но доселе ни у кого не получалось расписаться на ней во время экзекуции.

А у меня получится.

Снова противный мокрый свист, а за ним удар такой силы, что нож едва не падает из рук. Лезвие вонзается в древесину, оставляя царапину на навершии «Н». Тысяча чертей! Все насмарку!

Директор вознамерился стегать меня до «воплей и скрежета зубовного», как выразился бы мой набожный родственник. Иначе говоря, пока не попрошу пощады.

— Да заори ты наконец, — шепотом умоляет меня Друри.

Его позвали, чтобы держать мне руки, но они сейчас заняты, и он нервно комкает рубашку у меня на спине. Если она соскользнет вниз, то испачкается в крови. Лишняя работа для прачек.

— Как бы не так.

— Линден, он тебя до обморока запорет. Или до смерти.

— Молчи, непарнокопытное, не сопи мне в ухо.

Но едва я успеваю превратить царапину в красивый завиток, достойный любого каллиграфа, свист умолкает. Вот те на. Не хочется оставлять надпись на середине.

— Вставайте, милорд! — рокошет директор Хоутри.

Пока поднимаюсь, успеваю потереть колени — всего-то минут пять прошло, а уже затекли — и осторожно натягиваю штаны. Кланяюсь директору, стараясь не морщиться. Второй поклон благодарной публике в лице Младшей школы, все это время наблюдавшей за мной, приоткрыв рот.

— За эти три года на розги для вас мы извели лес площадью не меньше Арденнского, — негодует директор, потрясая влажной метелкой, впрочем, изрядно уже обтрепаншейся. — Я заработал радикулит, воспитывая вас и вбивая крупницы добра в вашу неподатливую голову.

Когда Бог взялся лепить доктора Эдварда Хоутри, то до конца не мог решить, кто получится — человек или обезьяна. В итоге вышло нечто среднее. Его выступающий лоб составляет гармоничное целое с тяжелой челюстью, а злодейские черные брови гораздо гуще, чем волосы на макушке. Он невысок ростом и все время клонится набок, словно Пизанская башня. Недаром же его прозвали Образиной.

— Мне жаль вас, сэр.

— Неужели вам самому не надоело?

— Напротив, я только во вкус вхожу. Вам известно не хуже моего, сэр, что в Итоне всего три развлечения — крикет, гребля и порка, — втолковываю я ему. — Ну так вот, крикет мне уже опостылел. Вот если бы у нас бытовала старинная итонская забава — забивание дубинками барана!

Но ее отменили. А гребля начнется не раньше марта. Значит, остается только порка. Но она ничего так. Бодрит.

Третьеклашки взирают на меня с почтительным ужасом, как брамины на Джаганната. Для них я бог и кумир. Они до синяков дерутся за право быть моим пажом.

— А ведь вы юноша отнюдь не глупый, — разоряется директор. — Вы поступили сразу в четвертый класс, и на всех испытаниях получаете высший балл.

— Стараюсь, сэр.

До сих пор никто во всем Итоне не прознал, что дядя с самого начала отказал мне в карманных деньгах. Зато назначил солидный приз за лучший результат на испытаниях. Приходится корпеть над учебниками, чтоб их черти взяли, и чувствую я себя при этом омерзительно. Создается впечатление, что деньги я зарабатываю своим трудом, что мне как лорду совершенно не пристало. Но без денег я сгинул бы еще в четвертом классе. Чтобы побеждать в драках, нужно есть много говядины и пить много портера — на школьной баранине и разбавленном эле быстро концы отдашь.

— Но каков же контраст с вашим поведением, милорд! Меня беспокоит и даже печалит ваше будущее, потому как вы, видимо, задались целью стать последним пэром, казненным на виселице. Чего вы хотите от жизни?

Чего я хочу? Каков вопрос!

Иные юноши моего возраста маются, не зная, чего хотят. Мои же мечты настолько осязаемы и реальны, насколько неосуществимы. Прочь, прочь из этой Англии! Дайте мне погрузиться в Лондон былых времен, в его тьму, где вспыхивают факелы пажей, что бегут за моей каретой. В Лондон, пропитанный духами шлюх и вонью дешевого джина, который торговцы прячут среди перезрелых апельсинов и, подмигивая, предлагают прохожим. В Лондон, где вечером можно наведаться в бордель матушки Нидхем, а днем закидать камнями старую сводню, пока она стоит в колодках. В Лондон, где разрешено прикладываться к бутылке даже в соборе Св. Павла.

Я хочу в мой Лондон. В мою Англию, которая еще помнит Истинного короля.

Но зачем метать бисер перед свиньями? Никто не поймет, как это жутко — чувствовать себя изгоем в своей эпохе и в своей стране. Ах, если бы я родился столетие назад! В ту эру, когда от джентльменов требовалось сохранять приличия на публике, но за закрытыми дверями они вытворяли все, что им вздумается! А сейчас что лорд, что лавочник, все едино. Одни и те же ценности, нормы поведения, даже сюртуки такие же скучные и единообразные. Я еще жить толком не начал, но меня уже с души воротит от всей этой дребедени.

— Я хочу предаться пороку во всех его проявлениях, — отвечаю я. — Как и подобает джентльмену.

Директор так багровеет, что кажется, будто кровь брызнет из глубоких, как жерла вулкана, пор на его носу.

— Снова нагнуться, сэр?

Но он мотает головой и даже убирает розгу за спину. Такое чувство, что закончить надпись мне уже не дадут. Жаль.

Образина хватает с полки «Вульгарию» Уильяма Хормана, наугад открывает страницу, тычет в первую попавшуюся строку.

— Перепишите эту вокабулу сто... нет, пятьсот раз. Завтра я все проверю.

Смотрю, что за латинское изречение мне досталось. Ожидаю нечто занудное до нестерпимости, но едва сдерживаю радость: «Негоже ученым мужьям посещать монахинь ни поутру, ни ввечеру». Умели же веселиться в XVI веке! Фортуна явно ко мне благоволит».

3

Агнесс протянула кузену дневник. Слов она не находила. Перед глазами возникло лицо другого мальчишки, которого тоже все детство били смертным боем. А еще рань-

ше — искалечили ему руки, искромсали ланцетом, срезая перепонки между пальцами. Весь он был покрыт шрамами, снаружи и внутри, и скалился, как затравленный зверь. По бои ожесточили его настолько, что он бросился прочь из мира людей — и прочь от нее.

— Мне... мне очень жаль, что тебе причиняли такую боль, — начала она неловко. — Такую мучительную боль и так часто. Люди, поступающие жестоко с учениками, недостойны называться наставниками. Им даже щенков нельзя воспитывать, не то что детей.

— Дете-е-ей? — насмешливо протянул Чарльз.

В его глазах, казавшихся полусонными из-за тяжелых век, не было и намека на ожесточенную тоску Ронана. Но для чего же тогда он дал ей дневник?

— И это все, что ты вычитала? Бедная моя кузина! Глупая валлийская пони.

Не церемонясь, он выдернул дневник из ее ослабевшей руки, как вдруг страницы распахнулись. Кружась в воздухе, на пол опустился засохший стебелек с цветами. От давности лет цветы побурели, но цвет их все еще можно было разобрать — красный. Пару секунд оба разглядывали находку, но Агнесс среагировала быстрее: схватила, прежде чем Чарльз успел на нее наступить.

— Что это?

— Да так, чепуха какая-то, — буркнул Чарльз. — Ветром занесло сорняк, он и прилип к странице. Выбрось.

Но это был не сорняк, пригляделась Агнесс. Это была наперстянка.

4

Теперь он все время ходил в полутьме. Даже если на улице был белый день, ему казалось, что он движется в сумерках. Зато во тьме ночной он видел все ясно, в мельчайших деталях. У всех ли призраков наблюдалось такое явление, он не знал.

Ему случалось встречать других духов на улицах Лондона, особенно часто — в ночное время. Днем расхаживать по городу могли только самые сильные, только такие, как он, находившиеся на особом положении, внесшие за свое призрачное бессмертие уникальную плату... Аристократы мира духов. Обычные же бедолаги, лишенные упокоения, бродили ночью.

Но и ночные, и дневные призраки в равной степени проявляли безразличие к нему, а может, и ко всем себе подобным.

Он не раз видел, как призраки преследуют живых. Встречал группы призраков. Но никогда не удавалось застать призраков за разговором друг с другом.

Быть может, это и вовсе не возможно?

Достоверных исследований о бытии призрака ему при жизни не попадалось в руки, да и после смерти он зря шуршал страницами в библиотеках. Его это удивляло: ведь призраки могут вступать в контакт с живыми, а некоторые даже вселяться в них! Так почему никто не написал о своих посмертных приключениях? Пусть под видом романа, вымысла... Те, кто на самом деле стал призраком, поймут, правдиво ли повествование.

Впрочем, даже призраку нужен литературный талант и некоторая усидчивость, чтобы создать книгу. С усидчивостью бывает плоховато даже у тех, у кого в распоряжении целая вечность, как у всех этих скитающихся душ. Они не исчезают... Одни и те же. Всегда одни и те же. За годы прогулок по Лондону он точно знал, где и кого он встретит. Некоторые появлялись раз в год, некоторые — раз в месяц, но были бедняги, которых он видел каждый день. Или каждую ночь.

Вот из этого переулка неподалеку от Риджент-стрит всегда выбегала женщина с ребенком на руках — не с младенцем, а с девочкой лет шести, слишком большой и тяжелой, чтобы унести ее далеко, — а за ними мчался мужчина с дубинкой в руках, настигал, бил женщину по голове, после чего она вместе с девочкой рассыпалась серебристой

пылью, а преследователь проваливался сквозь мостовую. Судя по одежде, они начали свои ночные прогулки еще при Тюдорах.

Попадалась ему маленькая оборванка, рыдающая и просящая дать ей хоть кусочек хлеба: будь она живой, прохожие бросались бы врассыпную, заметив ее чумные бубоны.

Юный щеголь, современник Браммела, гулял вдоль решетки Гайд-парка и снимал цилиндр, демонстрируя простреленную голову. Сухопарая женщина с подушкой в руках допытывалась: «Вы не видели моих детей? Где мои дети? Я хочу попросить у них прощения... Пожалуйста, скажите, куда увезли моих детей?» Он предполагал, что детки покоятся на кладбище, а у матушки неспроста в руках подушка. И неспроста она стала неприкаянным духом.

Кстати, отвечать ей бесполезно. Она не услышит.

Иногда ему казалось, что слабые призраки, даже произнося какие-то фразы, на самом деле не думают о том, что говорят. Они просто снова и снова переживают тот миг боли, который сделал их вечными скитальцами. И если в этот миг они говорили или кричали, то вечно будут говорить или кричать.

Бывали призраки древнее.

Каждую ночь близ Спиталфилдза он встречал гулящую девуку, ярко размалеванную, с распущенными волосами, в разорванном на груди платье, с вспоротым горлом, из которого вытекала кровь, сияющая, как ртуть. Она тут бродить начала явно еще до Великого Лондонского пожара.

Или двое дворян, принаряженных по моде эпохи Королевы-Девственницы, которые азартно дрались на шпагах на углу возле церкви Святого Варфоломея — и всякий раз протыкали друг друга насквозь.

Призраками, как правило, становились убийцы или жертвы, или же те, кто, как он сам, добровольно желал продлить свое пребывание в этом мире. Но почему же ему ни разу не повстречались те, кого он сам столкнул за порог жизни? Их было много, и смерть их была беспокойной.

По логике, он и другие братья должны были населить предместья Лондона десятками мятущихся духов, и некоторых из них он не прочь был увидеть вновь. Тех женщин, что ложились на алтарь. Вероятно, их души попадали в ад, не задерживаясь на бренной земле, а жаль. Когда-то они были красивы.

Он мог бы показать их той девочке, рыжей милашке с нежными щечками, и она бы их тоже увидела. Так же, как увидела его.

Забавно. При виде таких девочек, как эта, у него рождались приятные фантазии, и смерть не изменила его. По крайней мере, не в этом отношении... Правда, для того, чтобы приподнять ее хрустящие юбки и вдохнуть аромат ее непорочности, ему понадобился бы человек. Мужчина. Или женщина? Может, так даже занятнее? Нет, все же мужчина... Ведь просто взметнуть ей юбки он может и безо всякой помощи смертных, только зачем их задираť без цели? А осуществить свои бесспорно порочные намерения он может только с помощью чужого тела... Чужого, молодого, сильного тела.

Хотя... Может, в этот раз ему следует поумерить свою похотливость. От нее так и разит добродетелью. Аромат сладкий и пленительный, но вместе с тем едкий и удушающий, как аромат ландышей, им невозможно долго дышать... Впрочем, он и не дышит. Он чувствует. Чувствует ее добродетель и не может находиться рядом слишком долго.

Человеческие добродетели раздражали его. Блеющая паства и их пастыри... Жаль, он не мог, как при жизни, подстегнуть их религиозное рвение в буквальном смысле: хлыстом!

Он лелеял воспоминание о своем путешествии в Италию, когда однажды, в Страстную пятницу, он присутствовал на службе в самом сердце христианства: в Сикстинской капелле. Это была особенная служба: при входе прихожане получали маленькую плетъ, чтобы предаваться флагеллянтскому пороку... То есть самобичеванию в знак покаяния. В капелле царил мрак, лишь на алтаре горели свечи, и ни-

кто не заметил, что он пробрался туда в костюме стражника и принес с собой хлыст для верховой езды: куда более могучее оружие, чем эти их игрушечные плети! Священник торжественно, одну за другой, погасил свечи, а паства обнажилась до пояса и принялась стегать себя по плечам. Слегка. Напоказ. Не больно. И тогда он молча, во тьме, пошел между рядами верующих и принялся их охаживать хлыстом — наотмашь, жгуче. Они не могли разглядеть его, они решили, что это дьявол пришел за ними, они кричали: «Il diavolo!» Жалобно блеяли. Кто-то покорно склонялся под его ударами, кто-то пытался увернуться... Это было славной забавой.

«Il diavolo».

Лучший в его жизни комплимент. Эх, если бы... Если бы он был одним из демонов! Увы — его не удостоили такой чести.

А ведь он так старался.

Он столько сделал, чтобы заслужить их расположение...

Столько труда! В его памяти всплывают всполохи огня на стенах, оскаленная морда бабуина, оскверненный алтарь, окровавленная облатка. Хоровод монахов, бормочущих «Pater noster» наоборот. Сияние золотого шара. И он — в центре, он, вдохновитель их всех. И сердце, мертвое сердце в его ладони...

Все стало прахом и тленом.

А он получил бессмертие. Но не власть. Пока еще не власть.

Однако и ее он получит тоже. План приведен в действие, и время пошло.

Что же до рыжей девочки... она тоже пригодится. Вернее, ее кровь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Труп не доставало правой руки.

Это обстоятельство объясняло, почему Джеймсу Линдену пришлось битых полчаса препираться с мистером Джорджем Кетчем, интендантом работного дома Стрэнда, что на Кливленд-стрит. Вызванный сторожем, мистер Кетч наотрез отказался пускать священника в мертвецкую. Что ему там делать? Исповедь покойнику ни к чему. И вот нечего тыкать в нос бумажками! Он сам из бывших полицейских, все процедуры знает и человека с улицы к трупу не подпустит. Тем более если тот не от коронера... А от кого? Так-так. Что ж вы сразу не сказали, ваше преподобие! Извольте, извольте.

Дав пинка сторожу за то, что тот не разглядел в пасторе посланника короны, мистер Кетч заюлил вокруг гостя. Учитывая его великанский рост, заискивать у интенданта получалось не лучше, чем у медведя приносить в зубах мяч. А через миг из четырехэтажного здания, желтого, как болотные испарения, выкатилась миссис Кетч, жена и верная соратница. Мистер Кетч заправлял мужским отделением, миссис Кетч — женским. Супруги были похожи, словно два оттиска с одной деревянной доски: дюжие, нескладные, с грубыми чертами лица, глубоко посаженными глазами и линией волос, начинавшейся чуть выше переносицы.

Визитеру (ревизору? соглядатаю?) была предложена чашечка чаю, но перспектива провести хоть сколько-то времени в гостиной миссис Кетч не прельстила джентльмена. Из полуподвального окна валил вонючий пар: здесь стирали, а стало быть, и все помещения давно пропитались зловонием. Нет, ему бы в мертвецкую.

Супруги чуть не уронили улыбки, но натянули их обратно и, переглядываясь, повели его на задний двор. Идти приходилось медленно. Скользкие булыжники выпирали там и сям, и, несмотря на свою природную ловкость, несколько раз Джеймс едва не запнулся. Перед ним расступались работницы, выбивавшие ковры — бледные тени в бурых платьях и грязных фартуках. То и дело миссис Кетч останавливалась, чтобы сделать им внушение за ротозейство. Работницы оправдывались сквозь сухой кашель.

Мертвецкая являла собой кирпичный сарай, такой же неказистый, как и все строения этого типа. Здесь было темно: свет из узких окон терялся в клубах табачного дыма, к счастью, перебивавшего запахи, свойственные подобным помещениям. У стола, положив ногу на ногу, сидел коренастый мужчина — видимо, судебный врач — и курил трубку в виде конской головы. При виде интенданта врач сплюнул и сделал еще одну глубокую затяжку. Приветствовать священника он тоже не счел нужным.

Но и тому было недосуг раскланиваться с грубияном. Внимание Джеймса всецело захватил длинный стол. Под простыней, присыпанной крошками табака, угадывались очертания тела...

...Он был закутан в одну только простыню, хотя воздух в лазарете был стылым, как в погребу. Сбрасывает с себя одеяла, пояснил доктор. Жар слишком силен. Любая тяжесть на теле причиняет ему боль. Лицо мальчишки стало прозрачно-бледным и влажным, как у утопленника, губы спеклись под коростой, волосы липли к заострившимся скулам. Лишь хриплое, прерывистое дыхание свидетельствовало о том, что он цепляется за жизнь, но она выскальзывает из немеющих рук...

...потому что надежды не оставалось никакой. Плеврит можно залечить на курорте, но куда ж его вести в таком состоянии. Думать надо было, прежде чем прыгать в Кукушкину запруду. Купания начинаются после Пасхи, а мальчик полез в воду, когда еще лед не сошел. Хотел козырнуть перед товарищами. Но это полбеды. Если бы пришел в лазарет, когда в горле запершило, ему дали бы микстуру, а теперь, две недели спустя, о чем уж говорить? Почему не пришел? Может, наказания испугался, может, опять хвастался удалью. Вы лучше знаете своего племянника, мистер Линден. А сами, кстати, думаете обзаводиться потомством?

...Когда он положил руку на лоб мальчишке — доктор не солгал про жар, полыхало, как от раскаленного котла, — Чарльз с трудом открыл глаза, слипшиеся от засохшей желтой слизи, и вдруг закричал...

Годы спустя крик племянника стоял у Джеймса в ушах.

Мистер Линден откинул простыню и содрогнулся, увидев багровые полосы, рассекавшие ввалившийся живот и безволосую грудь покойного. И лишь потом заметил отсутствие правой кисти.

В замешательстве Джеймс обернулся к Кетчу, который притаился у двери, стараясь занимать поменьше места, что при его габаритах было затруднительно.

— А почему нам знать? — воинственно заговорила интендантша, упреждая расспросы. — Может, его в таком виде и привезли.

— Как же, — хмыкнул доктор.

— Господа полицейские привезли тело и оставили здесь! Может, оно уже было такое, без руки! Нечего взыскивать с нас за недостачу! Сами привезли, сами и разбирайтесь.

— Отсутствие реакции ткани, полнокровные сосуды на линии разреза, — отозвался доктор, — кровотечения в помине не было. Ладно, кому я это объясняю. Руку ему оттапали сегодня поутру в вашем заведении. Ну, да не суть важно. Черт с ней, с рукой.

— Говорил же я, что Митча нельзя выпускать из карцера, — зарокотал интендант. — Митч, ваше преподобие, один из наших подопечных. Пьяница горький, и где только джин берет? В руках у него такая трясучка — все от него, от пьянства — что уж ни на какую работу не годен, кроме как в мертвецкой подметать. Он все утро тут с метлой околачивался, а потом доктор вернулся — глядь, а руки-то и нет! Мы давай Митча трясти, а он лишь мычит. Ничего, говорит, не помню, в горячке был.

— Руку так и не нашли? — спросил Джеймс.

— Все вверх дном перевернули, ваше преподобие. Нет руки. Знать не знаем, куда подевалась.

На сей счет у пастора имелись кое-какие догадки. Ему доводилось слышать о работных домах, где старики вгрызаются в заплесневелые кости, которые им поручают перемалывать на удобрения, и где молодых матерей неделями держат на пустой овсянке — а нечего было плодить нищету. Однако версия получалась настолько циничной, что служителю церкви не подобало ее озвучивать.

Он готов был и дальше расспрашивать интенданта, выковыривая подробности из заплывшей жиром памяти, как вдруг в мертвецкую со всех ног прибежала девчонка. Некая Дороти отказалась выходить на работу и пряталась в каминной трубе, так что не могла бы миссис Кетч как-нибудь ее оттуда извлечь? Откланявшись впопыхах, супруги поспешили вразумлять Дороти, как следовало из их разговора, с помощью зажженной соломы.

— Рука! — подал голос доктор. — Тоже мне, выдумали — рука.

Доктор был приземистым джентльменом лет сорока, с седым ежиком волос и густыми усами, тоже седыми, но пожелтевшими от табачного дыма. Черный шейный платок был завязан кое-как, а левый карман сюртука прожжен насквозь — доктор по забывчивости вытряхивал в него пепел.

— Рука это дрянь, нелепица и сапоги всмятку. Тут, сэр, творятся дела почище.

Мистер Линден посмотрел на него вопрошающе. Ни дать ни взять викарий из захудалого села, простак, в первый раз очутившийся в столице.

— Сразу уговоримся — никакой чертовщины. — Доктор потыкал трубкой в его сторону. — Мистику оставьте трепетным девам, любительницам «Удольфских тайн». И про Божий гнев, поразивший преступника, тоже не надо мне толковать. Если на то пошло, в Бога я вообще не верю. Сколько трупов вскрывал, а душа мне под скальпель еще не подворачивалась. Не знаю, какова она с виду. Хотя о чем я! — нахмурился он, очевидно полагая, что белый галстук священники получают в обмен на логику. — С вами ли вести такие беседы. Ладно, перейдем к сути вопроса. Сердце. Вот в чем загвоздка-то.

— С его сердцем что-то не в порядке? Кроме очевидного.

— А вот я вам сейчас объясню. — Доктор встал и размял поясницу. — Глянул я на этого господина еще в Гринпарке и решил, что возиться тут не с чем. Очевидно же, что обширный инфаркт. Но труп в хозяйстве лишним не бывает. Конечно, снабжение покойниками идет уже лучше, чем раньше, когда приходилось покупать их у расхитителей могил. Сейчас-то разрешено практиковаться и на бедолагах, опочивших в работных домах. Но раз ты, голубчик, попался ко мне на стол, так почему бы мне тебя не вскрыть? — Он хлопнул покойника по плечу, как давнего приятеля. — На кожных покровах грудной клетки повреждений я не обнаружил, зато как добрался до сердца, тут-то меня и ждал сюрприз!

Мистер Линден внимал ему в почтительном молчании.

— Кровоизлияние под эпикардом, участки разможенного миокарда — это я уже под микроскопом посмотрел, — гематомы в толще миокарда... Хотя откуда вам знать, что такое миокард! Ладно, объясню еще проще: представляете, сэр, какие отпечатки останутся на горле, если человека душили руками? Ну, или на бедрах женщины, над которой надругались? Так вот, точно такие отпечатки были у него на сердце.

— Кто-то сдавил его сердце пальцами так крепко, что оно остановилось, — повторил Джеймс.

Именно это и видела Агнесс — как монах погрузил руку ему в грудь. Значит, дух может материализовываться частично, раз снаружи не осталось повреждений. И все это уже после того, как он гонял свою жертву по Лондону, как минимум от Риджент-стрит до Грин-парка. Откуда в нем такая сила? Приходилось признать — с подобным Джеймс Линден не сталкивался еще никогда.

А не вошел ли он в пропойцу Митча, заставив того сначала отрезать руку, а потом напрочь забыть о содеянном? На это указывает и горячка. Нет, невозможно. Привидениям тоже нужно накапливать энергию, после каждого всплеска активности они надолго слабеют. И уж тем более в голове не укладывалось, что дух может менять тела, как перчатки...

«Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, — усмехнулся он про себя. — Однако нет в природе ничего такого, что не могла бы объяснить британская наука».

Как бы то ни было, придется угодить скептикам и заметить следы, пусть и чужие. Газетчиков следует держать на голодной диете. Достаточно одного упоминания о призраке, как по столице пойдут кривотолки, а тут и закон о полукровках подоспеет. Какая публике разница, кто убийца — привидение или отпрыск судомойки, что слишком близко подружилась с домовым?

— Вы должны составить отчет для коронерского суда, не так ли?

На подоконнике, придавленные микроскопом, лежали листы бумаги.

— Что вы указали как причину смерти?

— Ничего еще не указывал. Что ж мне, писать, что так, мол, и так, с его сердцем порезвился невесть кто?

— Да, это объяснение не понравится научному обществу. Сведения могут просочиться в «Ланцет». Едва ли статья о докторе, которому мерещатся отпечат-

ки призрачных пальцев, послужит карьере упомянутого доктора.

— Так что же мне, черт побери, написать?

— Обширный инфаркт. Негодяй поднял руку на королеву, но сердце не выдержало. Цареубийство — занятие не для слабых духом.

— И то дело, напишу, — согласился доктор, вытряхивая трубку на пол. — К чему мне лишняя морока. У меня в день по пять трупов бывает, что ж мне, над каждым философствовать? И все же, сэр...

Но мистер Линден его не слушал. Внезапно он вспомнил об одном упущении и едва не зарычал от досады. Приходилось признать: сыщик из него такой же бесталанный, как и пастор. А все потому, что потусторонние явления интересуют его гораздо больше, чем люди, обычные люди.

Как вообще звали покойника? Кем он был? Настоящие сыщики начинают именно с этого.

— Как его звали?

— Что-то-там Темплъ, — отозвался доктор, вновь укутывая труп простыней. — Вон полицейский отчет, сами посмотрите.

Отодвинув микроскоп, Джеймс взял отчет и пробежал глазами по первым строкам.

Имя: Стивен Темплъ.

Возраст: 22 года.

Место рождения: Лондон.

Место службы... место службы...

Джеймс читал и не верил своим глазам.

Через минуту он уже мчался в полицейский участок.

2

На хэнсомский кэб Агнесс посмотрела с сомнением: вместо четырех колес два, извозчик сидит не спереди, где его можно окликнуть в любой момент, а сзади, чуть ли не на крыше, да и сам экипаж тесный, как футляр для очков.

Неужели в нем хватит места для двоих? И прилично ли это — прижиматься к другому пассажиру? Из уроков этикета вспоминалось, что кататься в новомодном хэнсоне — дурной тон для леди. Слишком уж быстро мчит... Но Чарльз вскочил на подножку и втащил кузину за собой, а пока она расправляла платье, постучал по крыше:

— Гони к мосту Ватерлоо!

Каурая лошадка рванула вперед и понеслась так быстро, что Агнесс едва не выбросило из кэба. Пришлось вцепиться кузену в рукав. Чарльз похлопал ее по затянутой в перчатку руке — ободряюще, хотя и с оттенком снисходительности, — и даже через два слоя замши она почувствовала, какие горячие у него пальцы. Такие же, как у Ронана, когда он тянул ее за собой по Третьей дороге. А губы у Чарльза румяные и пухлые, и хотелось надавить на них мизинцем, чтобы почувствовать их мягкость... Ах, ну что за мысли! Гнать такие прочь.

Отвернувшись от кузена, Агнесс задумалась о параде. Вчера она выпросила у Джеймса, как проходит парад лорда-мэра — одно из главных событий года, посмотреть на которое приезжают не только из пригородов, но со всего Миддлсекса. Поутру в ратуше соберутся отцы города — старый мэр, его преемник, олдермены и представители гильдий, а также их разнаряженные супруги. После завтрака новый мэр, в алой мантии и с золотой цепью на груди, займет место в карете, которая, как выяснила Агнесс, скоблив сарказм со слов опекуна, вовсе не выглядит колымагой. Скорее уж похожа на шкатулку с драгоценностями, вывернутую наизнанку. А у Лондонского моста мэра и его свиту ждут ладьи, которые поплывут в Вестминстер, где новый городской глава принесет присягу.

Развлечься созерцанием Лондона у Агнесс не получалось: вид по сторонам закрывали поля нового капора, обтянутого изнутри белым атласом, а перед глазами мелькали то поводья, то конский хвост. Что за дурацкая повозка этот хэнсом! Как только лондонцы в нем ездят? Гайд-парк пронесся мимо черно-белой узорчатой лентой, а когда кэб

свернул на Пиккадилли, явив взору Агнесс ненавистный Грин-парк, Чарльз полез в карман и достал вчерашние сласти, аккуратно завернутые в носовой платок.

— Хочешь цукатов?

— Давай, — согласилась Агнесс и вкусила нечто при-
торное, скрипящее сахарной пудрой на зубах. — Кстати,
откуда они у тебя?

— Из «Гюнтерс», что на Беркли-сквер.

У лакомства появился отчетливый металлический при-
вкус.

— А «Гюнтерс», наверное, дорогая кондитерская?

— В другие не хожу.

— А деньги откуда? Мистер Линден сказал, что до со-
вершеннолетия фартинга тебе не даст.

— Зато тебе он назначил ежегодную ренту в сто фунтов.

Позабыв, насколько неприлично разговаривать с наби-
тым ртом, Агнесс поспешила возразить, но закашлялась,
прикрываясь носовым платком.

— Сумма, конечно, крохотная. Смех один, а не сумма.
Приказчик в кондитерской даже поморщился, но я обещал
пристрелить его, если он плохо о тебе подумает.

— Ты воспользовался моим кредитом?

— Я выступил в роли твоего агента, кузина. Агента по
покупке сладостей. Но если тебе еще что-то понадобится,
я и это тебе куплю, — расщедрился Чарльз.

Агнесс волновал более насущный вопрос — что делать
с сахарной пудрой, набившейся в нос? Вряд ли леди позво-
лительно сморкаться.

— Ни одного пенни из моей ренты ты не потратишь на
дурных женщин! — опомнилась она. — Ни одного! Хотя бы
это ты можешь мне пообещать?

— Как тебе угодно, кузина. На дурных — ни одного.
Только на достойных... Эй, в чем дело?

Кэб остановился так же резко, как снялся с места, и из-
возчик обратился к затылкам седоков:

— Дальше Трафальгарской площади не проехать, сэр.
Сами поглядите, какая толчея.

Площадь напоминала заправку, где люди стояли плечом к плечу, а несколько экипажей, непонятно как очутившихся в центре столпотворения, не могли податься ни вперед, ни назад и лишь поскрипывали колесами. Такого скопления народа Агнесс не видела ни разу. Сразу вспомнились статьи о том, как на парадах затапывают старушек, чье любопытство оказалось крепче коленей, а также о пушках, которые взрываются, нанося прохожим чудовищные травмы. Родители Агнесс до дыр зачитывали такие статьи, а после по памяти цитировали отрывки. Ведь травмы всегда описывали так образно и живо...

Не повернуть ли назад? Но Чарльз, привстав, кивнул на колонну в лесах — кажется, строили какой-то памятник. Невысокая колонна походила на обрубок пальца, но Чарльз счел ее указующим перстом. За ней людской водоворот растекался двумя потоками: один на юг, в сторону Вестминстера, другой на восток, к мосту Ватерлоо. Туда-то им и нужно!

Не слушая возражений, он потянул кузину в разноцветное людское море, и в первый миг ей показалось, будто она в самом деле упала в воду. Дыхание перехватило: со всех сторон подступили запахи, уже знакомые ей по городским улицам, но настолько насыщенные, что защипало в носу, а на глаза навернулись слезы. Запахи навоза и гнилой соломы, пота от слепого попрошайки и мокрой псины от его дворняжки-поводыря, жареной макрели с лотка одного торговца и корицы из корзины, которой другой балансирует на голове, пачулей от простоволосой женщины в вызывающем платье... От лесов, за которые Агнесс зацепилась подлом, пахло опилками и мокрой древесиной, а когда она изорвала перчатки, спасая платье, ее оглушил запах типографской краски. «Баллады, совсем свеженькие! — ревел небритый детина и совал ей в лицо ворох засаленных листов. — Портной порешил жену! Откровения контрабандиста виски! Ужасный прием королевы в Эдинбурге! Граф Эррол раздавлен королевской каретой!» Но Чарльз взглянул на торговца так, что тот попятился, уступая им дорогу,

и вновь перед Агнесс замелькали платья. Мятый лен, ситец, гарус... Шелк и бархат тоже попадались, но по большей части на заплатках.

— Сброд проклятуший, — бормотал Чарльз, вклиниваясь в толпу правым боком и энергично работая плечами, как на состязаниях по гребле.

— Это не сброд. Это избиратели.

— Уж точно не мои. Когда я достигну совершеннолетия, то займу место в палате лордов, уготованное мне по праву рождения. А с выборами в палату общин пусть возится чернь. Хотя, с другой стороны, выборы — это не так уж плохо. Но только если ты будешь раздавать поцелуи в обмен на голоса... Оу!

Кузина пребольно впилась ему в запястье ноготками, благо разорванные перчатки открывали простор для подобных маневров.

Агнесс и сама не заметила, как вместе с толпой их вынесло на мост. Чтобы пройти дальше, требовалось уплатить полпенни с носа, и приоткрытые ворота заставы походили на узкое горлышко воронки, в которое пытались опорожнить пивную бочку. «Хорошо, если в реку никто не свалится, — на ходу приговаривал Чарльз. — Недаром же Ватерлоо зовут Мостом вздохов. Отсюда часто самоубийцы сигают». Идея уплатить полпенни за возможность покончить с собой показалась мисс Тревельян странной расточительностью.

Сунув монету будочнику, они прошли на мост. Публика здесь собралась приличнее, в цилиндрах и бархатных капорах, но мост едва вмещал всех зевак. Мальчишки гроздьями висли на фонарях, а на крышах некоторых карет сидели целые компании и угощались вином и пирогами. Кое-как добравшись до балюстрады, Чарльз расшвырял по сторонам карапузов в белых панталончиках и пропустил кузину вперед.

— Вот он, батюшка Темза. Нравится?

Девушка беззвучно кивнула. Трудно было подобрать слова, чтобы описать открывшийся вид. В лучах солнца,

выглянувшего так кстати, река то наливалась зеленью, становясь почти матовой, похожей на опрокинутую нефритовую колонну, то посверкивала мелкими серебристыми чешуйками, то замирала, то вдруг вздымалась гребнями, легко, точно щепки, швыряя от берега к берегу лодки. Она казалась живой и немного лукавой. На илистом берегу тоже пестрели толпы, а у самой кромки воды сновали ребятишки в закатанных до колен штанах: собирали гвозди, кусочки угля и все то, что можно сбыть старьевщику. Темза питала всех своих детей, больших и малых.

Агнесс подалась вперед, упираясь животом в нагретый гранит, и чуть отогнула поля капора. Со всех сторон на нее хлынул Лондон. Прав был Чарльз, что привел ее именно сюда. Лучше места не сыскать! С моста Ватерлоо можно было разглядеть не только арки его соседа, моста Блэкфрайэрс, тоже облепленного зеваками, как леденец муравьями, но и купол Святого Павла, а за ним — бессчетные колокольни и шпили, что таяли в серой мгле. Город казался огромным, как целый мир.

— Как же красиво! Ах, Чарльз, до чего же здесь красиво!

— Летом ты б запела иначе. У батюшки Темзы в руках трезубец, а на каждом острие по дохлому котенку. Вонь в июле стоит ужасающая.

Прошло около часа, но ладьи не спешили появляться. Начинало припекать, и мужчины уже развязывали шейные платки и, сняв цилиндры, обмахивали ими напояженные головы. Агнесс тоже почувствовала, как ее шерстяное платье намокло на спине, хотя о том, чтобы почесаться, не могла и помышлять: что это за леди, которая чешется на публике? Новое платье, бежевое в голубую продольную полосу, нравилось Агнесс, хотя сама она не выбрала бы такую плотную шерстяную ткань. Но Джеймс, опасаясь, что вчерашнее приключение подорвет ей здоровье, принес из лавки именно эту обновку — не осеннего фасона, а скорее зимнего, с высоким воротничком, от которого по корсажу тянулся ряд серебряных пуговиц, и с точно такими же пуговками на узких рукавах. К платью прилагалась каше-

мировая шаль, капор, несколько пар перчаток, фланелевая ночная сорочка и чепчик, а также вязаный кошелек, в котором лежал граненый флакон из рубинового стекла — нюхательные соли. Мистер Линден легко забывал о нуждах окружающих, если эти нужды выходили за рамки его долга, но когда вспоминал, то вспоминал основательно.

— Иду-у-ут! — закричали на мосту Блэкфрайэрс.

Агнесс встрепелулась, чуть было не подарив Темзе свой капор. Ее оттеснили к фонарю. Зеваки напирали сзади, вопя «Ладьи идут», и казалось, что мост треснет и обрушится в воду.

С Блэкфрайэрс доносился непонятный гул, в котором привычное «ура» перемежалось со свистом и улюлюканием. На Ватерлоо встревожились. В чем дело? Неужели один из баркасов сел на мель? Еще несколько минут, и причина стала ясна: из-за арки показалось первое судно, но то была не ладья лорда-мэра, а небольшой пароход. Попыхивая черным дымом, он двигался вперед, буксируя три ладьи, над которыми реяли флаги. Гребцы в ладье мэра, украшенной богаче остальных, только мочили весла в воде. Всю работу выполнял пароход. Вслед за ним показался его собрат с двумя баркасами, а в отдалении скользили те ладьи, владельцы которых не доверяли новомодным веяниям. Но как лодочники ни налегали на весла, угнаться за пароходами не могли.

— Да чтоб вас всех черти взяли! Это ж надо так парад испортить! — в сердцах выругался Чарльз, но господин справа от него, кругленький, как бильярдный шар в скюртуке, затряс на него пальцем.

— Позвольте возразить вам, молодой человек. Мы стали свидетелями прорыва в механике, могущего вывести нас из тьмы веков в новую эру прогресса! Небывалое событие, небывалое!

Чарльз равнодушно отвернулся от него и объяснил Агнесс:

— Понимаешь, для лодочников парад лорда-мэра всегда был событием года. Никто из них в этот день не оставался

без работы. Гильдий много, всех гребцов они нанимают подчистую. Не то чтобы меня волновало, что будут есть их дети — пудинг или черствый хлеб... — спохватился Чарльз, натягивая маску спеси, — но соревнования лодочников в день лорда-мэра — это ведь традиция! А мы, англичане, чтим традиции.

Ладьи вздымали носы и поводили ими недовольно, словно чистокровные рысаки, которых впрягли цугом за коренастой, очень деловитой пони.

— ...давай тогда и на соревнованиях будем лодки к пароходам привязывать! А капитан нашей команды пусть уголь подает! — вторил Чарльзу звонкий мальчишеский голос.

— Тарвер?!

Огибая необъятного джентльмена, к нему бросились двое мальчишек в цилиндрах. Щекастые, курносые, с блестящими карими глазами, они напоминали пронырливых барсучков. Темные куртки с белыми отложными воротниками довершали сходство. За мальчиками нехотя двинулся юноша постарше, на вид ровесник Чарльза.

— Ба! Кого я вижу! Весь выводок Тарверов — старший, младший и минимус, — поприветствовал их Чарльз. — Тарвер, только не говори, что ты удрал посмотреть на парад и малышню с собой уволок.

— Мы не удирали, — насупился старший мальчик. — Отец получил приглашение на банкет и по столь важному поводу испросил для нас выходной.

— Поздравляю, большое дело. Наконец-то твой отец почувствует себя джентльменом, да и ты за компанию. А если цены на хлопок и дальше будут расти, твоих сестер представят королеве, как будто они настоящие леди. Вот ведь как славно!

Тарвер покраснел, как от двух пощечин, но его братья были слишком заняты беготней вокруг Чарльза, чтобы вслушиваться в его слова.

— Линден, вся Младшая школа с тоски помирает без тебя! Ты даже не представляешь! А это твоя невеста, да? — опомнился Тарвер-младший, заметив Агнесс.

— Кузина.

— Ваш покорный слуга, мисс.

Мальчик поклонился ей с комичной торжественностью, его братья приподняли цилиндры.

— Как жалко, что Хоутри-Образина прогнал тебя, Линден. Так здорово было тебе прислуживать. А теперь меня забрал себе Брайн, вот кто сволочь.

— Замолчи! Жаловаться недостойно, — одернул его брат.

— Разве я жалуясь? Он всего-то окунул меня в пруд, когда я опоздал с чаем на три минуты. Это Коксли пусть жалуется, Брайн ему ребро сломал за плохо заправленную кровать.

— Линден был самый лучший хозяин, — подтвердил минимус. — Он нас почти не бил.

Растроганный Чарльз протянул бывшим пажам руку, и мальчишки затрясли ее так остервенело, словно старались вырвать из плеча. Только старший брат воздержался от приветствий, но его холодность не осталась незамеченной.

— Не пожмешь руку изгнанному товарищу? — упрекнул его Чарльз, стряхивая с себя визжащих мальчишек.

— Я воздержусь от рукопожатий по другой причине.

— По какой же?

— Сам знаешь. Не стану ее озвучивать из уважения к твоей кузине.

— Как тебе угодно.

С западной стороны моста слышались крики, но не восторженные, а как будто возгласы испуга, и толпа отхлынула уже туда, унося с собой запахи пота и макассарового масла.

— Мальчишки, стройтесь! — скомандовал Чарльз. — Посмотрим, может, затоптали кого-то.

— Ой, давай, Линден, давай! — запрыгали на месте мальчишки.

Когда Чарльз удалился в сопровождении пажей, которые расталкивали прохожих, чтобы расчистить ему дорогу,

Агнесс осталась наедине с неприветливым юношей. Настолько наедине, насколько возможно на мосту в разгар праздника, но Тарвер-старший все равно отчаянно краснел. Ему, видимо, еще не доводилось разговаривать с барышней в отсутствие компаньонки, и нарушение приличий его тяготило. Переборов, наконец, смущение, он заговорил, глядя в сторону:

— Мой долг предупредить вас, что ваш кузен — человек непорядочный. Вам не следует проводить с ним время.

— Благодарю вас, сэр, но я сама решаю, с кем мне водиться.

— Директор был прав, с корнем вырвав сорняк.

И он продолжил очернять Чарльза Линдена, хотя преступления беспутного лорда описывал в общих фразах, по которым можно было судить только об их размахе, но никак не о составе. В конце концов Агнесс догадалась, почему Тарвер-старший никак не успокоится. Обвинительная речь одновременно была и оправдательной.

— Так это вы на него донесли?

— А что мне оставалось делать? Мое дежурство выпало на ту неделю, когда Линден и его прихлебатели собрались в кабаке и... и я даже не могу сказать вам, что они там устроили. Я же обязан был следить за порядком и поставил директора в известность.

— Наушничать — это так низко, сэр.

— Я же не знал, что его исключат, — буркнул итонец. — Это только нам, сыновьям фабрикантов, приходится что-то делать, чего-то добиваться. А знатные наглецы идут по жизни припеваючи. Но вы бы видели, мисс, какие у него были глаза, когда он писал в своем дневнике. Я подумал, что он замышляет недоброе, и всякий бы так подумал.

Агнесс отвернулась. Ей не нравилось, что на ее родственника клеветают, и она решила прервать неприятную беседу. К счастью, мальчишки уже бежали обратно, подпрыгивая и сопя от радостного возбуждения.

— Отчитываюсь! — еще издалека затараторил младший. — Там такое произошло, ну, такое! Ой, жалко вы не

видели, мисс! Там пароход, к которому три ладьи привязаны, налетел на таможенную лодку, вот! И лодка перевернулась, и прямо вот все, кто в ней сидел, в воду попадали. Две дамы аж сомлели, думали, таможенникам конец, но их сразу выловили. А потом...

— Джон Фрэнсис Тарвер, — напустился на него брат, — я запрещаю тебе говорить о катастрофах так восторженно, словно наши войска взяли Кабул. Я знаю, от кого ты нахватался этих замашек...

— От кого, как не от меня.

Подкравшись со стороны, Чарльз так хлопнул однокашника по спине, что с того чуть не слетел цилиндр.

— Флиртуешь с моей кузиной, Тарвер? Я требую объяснений.

Тарвер-старший поправил цилиндр и махнул рукой, подзывая братьев.

— Мы уходим, мальчики. До свидания, мисс. Я вас предупредил.

— О чем тебя предупреждал этот слизень? — спросил Чарльз, подозрительно глядя ему в спину.

— О том, что ты безнравственная личность, — вздохнула девушка.

— А, это самой собой. Приходится поддерживать репутацию. Ну, так что, по магазинам?

3

Гладить бархат приятно. Чувственное наслаждение на кончиках пальцев. Прикасаться к новой ткани, пахнущей так свежо, как может пахнуть только материя, еще свернутая в рулон, которую не осквернили руки портнихи и грязный лондонский воздух.

А вот бархат нежный, как лепесток фиалки, как шкурка новорожденного щенка. Цвет... Какой выбрать цвет? Вот этот оттенок синего — идеально подходит к ее глазам, но почти такое же платье у нее уже есть. Может быть,

светло-серый? С скромный и строгий, но при этом оттеняет румянец и молодит. А какой чудесный цвет у чернильного гиацинта... На языке цветов темные гиацинты означают печаль, и на фоне этой ткани ее пальцы покажутся ослепительно-белыми, как мраморные статуи из коллекции сэра Генри. Жаль, невозможно купить вот этот великолепный венецианский бархат, гранатовый с черными узорами. Разве что сшить домашнее платье и самой на себя любоваться?

Или посмотреть еще и алый шелк? Почему бы и нет? У нее достаточно времени. Даже слишком много. К счастью, и денег тоже. В деньгах счастья нет, это Лавиния точно знала, потому что не была счастлива ни дня, прожитого в богатстве. Однако деньги дают защищенность, а большие деньги — возможность проводить лишнее время с удовольствием. Пожалуй, за одни только магазины, каких не бывает в провинции, стоит перестать ненавидеть Лондон, с его зловонием и оборванцами на каждом углу.

Ненавидеть? Нет, ей не полагается бы мыслить такими категориями. Сильные страсти — для простого народа, для краснощекого Джона Булля, любителя пива и петушинных боев. Душа истинной леди должна быть спокойна и невозмутима, как озеро в погожий день. И может, даже тронута ледком. Леди плывет по жизни неторопливо, как лебедь по спокойной воде, в покое и благодати, слишком нежная, хрупкая и уязвимая для того, чтобы соприкоснуться с окружающим миром. И конечно, леди не испытывает сильных страстей. Никогда.

Леди Лавиния Мелфорд настоящей леди не была, хотя притворялась вполне успешно, и ей верили. Богатство и титул — лучшая защита, а она так богата, что вопрос ее происхождения если не забыт раз и навсегда, то поднимается очень редко. Тем более что баронесса Мелфорд красива, и нравится столичным джентльменам, и ведет столь добродетельный образ жизни, что их жены прощают ей красоту. Даже сочувствуют: бедняжка, совсем юной досталась в жены такому кошмарному развратнику. Вы же знаете,

какие о нем ходили слухи? О том, каким способом он когда-то излечился от дурной болезни? Неудивительно, что, овдовев, баронесса избегает мужского общества.

На самом деле Лавиния Мелфорд с удовольствием избегала бы и женской компании, если бы только могла. Но приходилось исполнять светские обязанности, принимать приглашения на чай и домашние вечера и самой устраивать приемы... И умирать от тоски, слушая разговоры о планируемых и свершившихся бракосочетаниях, планируемых и свершившихся балах, о благотворительности (долг каждой леди и тоска, такая тоска!), о новинках моды... Впрочем, когда разговор касался моды, Лавиния немного оживлялась, в остальном же — скука. Смертная скука. И мужчины, как правило, еще более заурядные собеседники, чем женщины. Сэр Генри, конечно, изрядно подпортил ей жизнь. Немалая его вина была в том, что он привил молодой жене интерес к чтению и музыке, научил разбираться в живописи и скульптуре, поселив в ее душе жажду новых впечатлений, жажду красоты. После сэра Генри мужчины были слишком скучны.

А после Джеймса Линдена — невыносимы. Просто потому, что все они — не Джеймс.

Дни идут и складываются в недели, недели — в месяцы, так пройдут годы, и Лавиния будет принимать у себя в гостях высший свет и делать ответные визиты, но никогда уже ей не оказаться рядом с единственным человеком, которого она жаждала всем своим существом. Лавиния думала о нем так много, что иногда ей казалось — Джеймс, сам того не зная, проживает еще одну жизнь. Рядом с ней. Ведь она даже беседовала с ним иногда. Про себя, разумеется. Не дай бог, услышит Грейс, а она так беззвучно подкрадывается, чтобы узнать, не нужны ли леди какие-либо услуги.

...Говорят, если дева вкусила любви одного из фейри, и фейри околдует ее, она уже не сможет полюбить смертного, и вечно будет тосковать по своему волшебному любовнику, и никогда не сможет стать счастливой женой

и матерью, и иссохнет, начнет хворать и таять, пока вовсе не сгинет от тоски.

Увы, любовником Лавинии Джеймс так и не стал. Тогда все эти страдания имели бы хоть какой-то смысл. И вряд ли он околдовал ее. Лавиния уже достаточно знала о фейри, чтобы понимать: нет тут никакой магии, потому бесполезно искать средство от приворота...

Так какую же ткань ей купить?

Вот этот серебристый атлас оттенит свежесть ее румянца даже лучше, чем серый бархат, думала леди Мелфорд. А этот бледно-голубой переливается перламутром, словно вода в ручье. Золотистый тоже очень красив, жаль, что не ее цвет. Не удержавшись, Лавиния указала и на рулон атласа оттенка сочной майской травы, хотя не собиралась его покупать: слишком яркий, такие цвета для нее под запретом. Хотя она относится к тому редкому типу блондинок, кому идет зеленое.

Зеленое.

Любимый цвет фейри.

Любимый цвет Джеймса.

Ей так к лицу зеленое...

Может быть, сшить домашнее платье? А почему бы, собственно, нет? Зеленый и алый — два их любимых цвета. И оба ей к лицу.

Эту мышку Агнесс Тревельян зеленый цвет удивительно красил, зато алый убил бы напрочь, сделав грубыми и цвет лица, и оттенок волос. Лавиния же могла себе позволить надеть алый, если это был самый чистый и ясный оттенок. Одета в алый, она начинала сиять, и волосы ее казались еще светлее, а глаза — темнее. Удивительное свойство цвета — преображать внешность женщины или убивать даже имеющиеся достоинства.

Когда-то у нее была алая амазонка с широкими рукавами. Пришлось ее сжечь, потому что с нее не отстирывались ни кровь, ни трава. Ни воспоминания.

Алый нужного оттенка нашелся среди шелков. Плотный шелк-дюшес. Да, она сошьет себе домашнее платье алого

цвета, а заодно купит бархат оттенка темных гиацинтов и вон тот серебристый атлас. Надо подумать над отделкой.

Звякнул колокольчик над дверью в лавку. Лавиния была слишком погружена в размышления о будущем алом платье, в котором ее никто не увидит, и не обратила внимания на входящих, пока ломающийся юный голос не окликнул ее:

— Мисс Брайт?

Лавиния изумленно повернулась. Так не называли ее уже восемь лет. Кто во всем Лондоне сможет распознать в ней мисс Брайт?

Юношу, стоявшего перед ней, Лавиния не узнала, хотя сразу отметила, что он очень хорош собой, зато его спутница...

— Здравствуйте, мисс Тревельян.

— Миледи, — холодно сказала Агнесс.

— Простите, ну, конечно же! — заговорил юноша. — Я слышал о вашем браке и о вашей утрате. Но я узнал ваше лицо. Вы так мало изменились... Простите... — Его румянец сделался ярче, перетекая на шею. — Чарльз Линден к вашим услугам, баронесса Мелфорд.

— Боже мой... Чарльз?

Этого мальчика она помнила еще в пеленках. Играла с ним, когда он был бойким карапузом, и начисто забыла о нем, когда Джеймс сослал его в пансион. Столько ему сейчас? Рядом с ним она кажется совсем старой!

— Вы изменились, лорд Линден, с тех пор, как я вас видела в последний раз.

Мальчик вытянулся, ростом почти догнал Джеймса, хотя еще не обрел мужской стати и до сих пор похож на гончего щенка. Но уже такой обворожительно-нахальный! Этот прямой сияющий взгляд, и рот — пухлый, яркий, надменный. Безупречные зубы, но между верхними щель: в народе считается, что это — признак похотливой натуры. Ох, и намучается же с ним преподобный дядя!

— А я повторю, что вы, леди Мелфорд, не изменились вовсе. Так вы знакомы с моей кузиной?

— Да, мы знакомы, — сказала Агнесс, глядя исподлобья: перед ней стояла беглая каторжница, знакомством с которой не стоит похвастаться. Лавиния послала буке обворожительную улыбку.

— Я имела счастье познакомиться с ней этим летом, лорд Линден.

— Только вы называйте меня Чарльзом. Как прежде. Пожалуйста.

Она вспомнила: в детстве Чарльз был в нее влюблен. Ей было восемнадцать, ему — восемь. У нее в разгаре был роман с Джеймсом, и тогда она свято верила, что рано или поздно они поженятся, что их ждет долгая, счастливая, а главное — интересная жизнь! А Чарли злился, и ревновал, и пакостил дяде, насколько хватало силенок и умишка. А Уильям шутил, что будь Лавиния расчетливее, могла бы выйти замуж не за младшего из братьев, а сразу за наследника рода.

Лавиния перевела взгляд на Агнесс. Девочка повзрослела. Лицо еще не утратило детские линии, но в глазах больше не светится доверчивость и та безмятежность, которая когда-то пленила Лавинию. Что ж, страхи имеют свойство сбываться. Агнесс стала ее соперницей, причем удачливой, победившей. Что бы ни стояло за победой, ее личные достоинства или холодный расчет Джеймса, желавшего заполучить послушную жену. Расчет... Нет, расчета там, на площади, не было и в помине. Чувство. Пусть чувство собственности, присущее фейри, но все же чувство. Лавиния умела признавать самую горькую правду, но правдой было и то, что краше Агнесс не стала. И что мальчик, по возрасту годный ей в кавалеры, пожирал глазами не ее, а старшую даму.

— Вы подыскиваете ткань для первого большого бала, мисс Тревелиан? Вот этот оттенок весенней зелени достаточно светлый, чтобы считаться подходящим для юной особы, но выделит вас из толпы и подчеркнет ваши достоинства.

Агнесс жарко вспыхнула. На миг Лавинии показалось, что она, с присущей юным особам пылкостью, зальется сле-

зами и выбежит вон. Но девочка совладала с чувствами и промолвила неожиданно твердо:

— Ваш совет неуместен, миледи. Я готовлюсь не к балу, а к представлению ко двору. Весной королева примет меня во дворце Сент-Джеймс. Этой почести соответствует иной цвет, цвет безупречной репутации. Белый.

Ох, уж эти девические выдумки! «Репутация! Откуда же у нас с тобой взяться репутации?»

— Цвет репутации тоже бывает разных оттенков, — сообщила миледи без малейшей иронии и прошла взглядом по штукам белого шелка. — Вот этот. Шестой снизу.

Приказчик топтался в стороне, но следил за ее пальцами, как ожидавший подачи спаниель, и рулон тут же лег на прилавок.

— Великолепный выбор, мадам. Лионский шелк наивысшего качества. Плотный, прекрасно держит форму.

— Не слишком яркий белый оттенок с золотистым свечением. На вашем месте, мисс Тревелиан, я бы отдала ему предпочтение, в нем вы не будете выглядеть слишком бледной. Когда меня представляли королю... Королю Вильгельму... Я выбрала ослепительный белый с легчайшим серебристым отливом, — Лавиния снова улыбнулась, теперь уже с совершенно искренним удовольствием.

— Билли-морячок не заслуживал такого зрелища! — надулся Чарльз Линден, как будто обделенный. — А правду говорят, будто голова у него была точь-в-точь как ананас?

— Я не заметила, Чарльз. Под огромным париком трудно было разгадать форму головы его покойного величества.

— Какими вы нашли его манеры? — допытывался юный лорд. — Я много слышал о том, что после долгих лет во флоте они покрылись коркой соли. Будто бы он был несдержан на язык и выражался, как заправский боцман. Надеюсь, он не пел при вас «Что будем делать с пьяным матросом»?

— Он проявил себя настоящим джентльменом.

— А его побочные дети? Они тоже сгрудились в гостиной и смотрели на вас?

— Господа и барышни Фитцкларенс тоже были там, но, смею тебя заверить, вели себя сдержанно...

— Как и долженствует тебе, Чарльз! — запальчиво проговорила Агнесс.

Закусив губу, она озиралась по сторонам, словно ища поддержки в угодливых лицах приказчиков, как вдруг ее глаза расширились. Она моргнула, впуская в душу радость и плотно захлопывая за ней дверь. Когда же обернулась к кузену, детская досада сменилась уверенностью, как показалось Лавинии, расчетливой. Подмоги девочка дождалась.

Ее утешитель замешкался у витрины, словно ворон, спорхнувший с голой ветви на розовый куст. Для него мода остановилась несколько веков назад. В своем долгополом черном сюртуке и узких черных брюках Джеймс Линден смотрелся совершенно неуместно в этом царстве роскоши. Впрочем, один из приказчиков, вертлявый паренек с липкими перышками на висках, подлетел к гостю и предложил его преподобию лучший батист, белый, как одежды праведников. И тут же поежился, словно ледяным ветром потянуло. Подобная суетность священнику не к лицу. Очевидно, что в магазин он пришел не за покупками.

При встречах с преподобным Лавиния наловчилась так быстро надевать маску надменной иронии, что он не успевал разглядеть ее лица. Поверхность маски приятно холодила кожу, правда, слезы под ней сохли дольше. Но и так сойдет. Многолетняя привычка выручила ее и сейчас.

Она коротко кивнула, отвечая на низкий поклон, и скосила глаза на Чарльза. Мальчик ухмылялся как ни в чем не бывало. Был он задорным, как петушок на флюгере — чем сильнее гроза, тем бойчее вертится.

— Рад вас приветствовать, леди Мелфорд. Чем я обязан вниманию, кое вы проявили к моим скромным племянникам?

— Леди Мелфорд помогала Агнесс подобрать ткань к платью, — зачастил юный лорд. — И рассказывала нам о своем представлении ко двору. Леди Мелфорд пришлось

иметь дело с Билли-морячком, и это, скажу я вам, был первостатейный ужас! Король так залил за воротник, что прыгал по трону, как по палубе в шторм, песенки непотребные пел и требовал еще грога. Но бастарды были начеку и быстро повязали папашу-буяна...

— Чарльз, ничего подобного я не говорила!

— Все потому, что вы жалели кузину Агнесс. Уберегали ее от скверны...

В следующий миг граф был схвачен чуть выше локтя. Мальчик сморщил нос, но не от боли, а от досады, что дядя не дал ему доврять.

— Мы уходим, леди Мелфорд, — сказал Джеймс.

Агнесс довольно кивнула. Так и льнула к опекуну — праведница, довольная тем, что повеса едва не схлопотал по губам за нескромные речи. Интересно, в воскресной школе она первой тянула руку, увидев, как сосед по парте пририсовывает ангелу цилиндр и усы? Маленькая ябеда.

Но радость Агнесс пропадала втуне, потому что Джеймс медлил. Его задумчивость, впрочем, не мешала ему с должной твердостью сжимать локоть племянника, вызывая если не скрежет зубовой, то хотя бы хруст костей.

— Что вы хотели купить?

— Мистер Линден? — переспросила Лавиния, уж больно неожиданным был вопрос. Или Джейми, взобравшись на воображаемую кафедру, поведает ей о греховности роскоши?

— Миледи не из тех, кто приезжает в модный магазин пощупать тафту и повздыхать над атласом. Что-то же вы хотели купить.

— Алый шелк и бархат цвета темных гиацинтов.

— Алый шелк на амазонку?

— На домашнее платье.

— Повремените, леди Мелфорд, не давайте портнихе раскраивать его прежде времени. Женский ум переменчив. Вы можете еще передумать.

Лавиния вспыхнула едва ли не ярче, чем несколькими минутами назад Агнесс. Ему все же удалось ее смутить.

Тем, что он повел себя... Как феири. Загадки. Они обожают загадки. А может быть, предсказание? Она опустила ресницы, чтобы скрыть блеск в глазах, и спокойно ответила:

— Прислушаюсь к вашему совету, преподобный Линден. Я куплю этот шелк, и он... подождет.

4

На Чарльза было жалко смотреть. Распекать его опекун начал в карете, вполголоса, чтобы не срамить перед извозчиком и попрошайками, что так и липли к окнам. Еще не разобравшись, за что ему влетело, Чарльз вызывающе выпятил губу, но при первом же упоминании призрака его покинула не только спесь, но и мужество. Поднимаясь на крыльцо, он несколько раз запнулся и чуть не упал. Вспотевшие ладони скользили по перилам.

Если в кэбе мистер Линден хоть как-то сдерживал гнев, то, переступив порог дома, дал волю чувствам. Лужи на мраморном полу фойе, оставленные нерадивой поденщицей, сковал лед, стоило Джеймсу взмахнуть рукой.

— Стивен Темпл, клерк на службе домовладельца Томаса Рэкрента, эсквайра. Утром восьмого ноября был послан по адресу Риджент-стрит, 249, дабы оставить сообщение жильцу. Тебе, Чарльз. Все это время призрак разгуливал поблизости. Ты отдаешь себе отчет, что на месте клерка мог оказаться ты сам? Надо же было тебе приехать в Лондон именно сейчас!

— Нет, сэр, невозможно, — лепетал Чарльз, пятясь от дяди.

— Отчего ж нет? Лежал бы в морге с желе вместо сердца и отрезанной непонятно зачем рукой. Я даже не сомневаюсь, выйди ты на улицу, и призрак вселился бы в тебя. Потому что вакуум в твоей голове затягивает вовнутрь всяческую мерзость. В том числе и такую.

Мальчик попытался сглотнуть, но в горле у него пересохло.

— Если бы призрак вошел в тебя, ты бы стал государственным преступником. Веком ранее тебя бы четвертовали, а сейчас, скорее всего, сослали бы в Австралию. Только ты бы все равно не доплыл до ее благословенных берегов.

— П-почему?

— Думаешь, призрак оставил бы тебя в живых?

Агнесс и предположить не могла, что зазнайка-кузен так перетрусит из-за близости потустороннего. С леди Мелфорд он держался куда как смело. «Ах, лорд Линден, вы ли это?», «О, прошу вас, по старой дружбе зовите меня Чарльзом». Понадобилось всего-то одно привидение, чтобы сбить с него спесь, зато она сама столько их перевидала.

Но едва затеплившийся огонек гордыни смыло волной раскаяния: ей-то чудовища ничего дурного не сделали, не считая попытки утопить ее в пруду Линден-эбби, которая, что греха таить, закончилась приятно. Но у Чарльза, если она правильно истолковала намеки крестьян, какое-то чудовище убило отца. Не его ли могилу мальчик видел, когда смотрел перед собой таким потерянным взглядом?

Скользя по черно-белым плитам, Агнесс подошла к кузне, но тот отшатнулся от нее, как будто она возникла из ниоткуда.

— Тссс, Чарльз, это всего лишь я. Мы с мистером Линденом позаботимся обо всем. Мы же твоя семья. Не бойся.

Щеки мальчика запылали так, что, казалось, кровь проступит из пор и смешается с каплями пота, стекавшими с висков.

О, кто ее за язык тянул? Как можно столь явно привлекать внимание к тому, что Чарльз, без сомнений, считает постыдным — к его малодушию? Как бы ни гневался Джеймс, ему хватило такта отчитывать племянника, не унижая.

— П-пожалуйста, сэр, — запинаясь, взмолился Чарльз. — Я выйду ненадолго.

— Ступай, — кивком разрешил ему Джеймс.

Мальчик опрометью бросился вверх по лестнице, но как только хлопнула дверь в его спальню, Агнесс, как ни сили-

лась, не смогла сдержать слез. Что же за день сегодня такой? Сначала — столкновение с леди Мелфорд, а теперь вот эта нелепая сцена.

— Пойдем, с тобой мне тоже нужно поговорить, — вздохнул Джеймс, подхватывая девушку под локоток и мягко, но настойчиво уводя ее в гостиную. — Едва ли ее величество обрадуется, узнав, что мы тратим на ссоры время, которое покамест принадлежит короне.

Погруженная в раздумья, девушка не сразу вслушалась в слова опекуна, а переспросить не решалась. К счастью, начал пастор со своей излюбленной темы — критики системы работных домов, так что пропустила она немного. Пройдясь по новым законам о бедных вдоль и поперек, мистер Линден изложил свой визит в Кливлендский морг, но, как подозревала Агнесс, с большими купюрами. Подробностей она так и не дождалась. А ведь судя по рассказам Мэри Шарп, подруги по пансиону и дочери врача из Эдинбурга, в мертвецких стоят чаны с виски, в которых плавают тела прекрасных покойниц...

— Агнесс, ты меня слушаешь?

— Да, сэр! — Она выпрямилась в своем кресле.

— Умница. Итак, это не первое покушение на королеву, а ни много ни мало — четвертое. Первые три, если мне не изменяет память, выглядели довольно однообразно: безумец палит по королевской карете, и под улюлюканье газетчиков его волокут или в тюрьму, или в Бедлам. Внезапной смертью нападавшего доселе не заканчивалось ни одно из покушений.

— Значит, в них призрак участия не принимал?

— Вот это как раз не обязательно. Хотя расклад, конечно, выходит страннее странного. Обычно привидения не настолько организованны, чтобы устроить покушение, устранить свидетеля и вернуться за его рукой, при этом перепрыгивая из тела в тело. Да, они могут причинить вред, и не малый, но здесь... здесь мне видится не стихийная агрессия, а злой умысел. Одно из двух: или мы имеем дело с необычайно умным и коварным фантомом, который пре-

следует определенную цель... Но какую? Какой резон привидению убивать королеву? Не на престол же он, в самом деле, хочет воссесть. Тем более что сидеть-то ему нечем, — заметил мистер Линден и смутился, упомянув при даме нескромное.

— Или? — напомнила девушка.

— Или у него есть сообщник из числа людей. Он призвал привидение и использует его в своих интересах.

— Возможно, даже не один сообщник, — дополнила Агнесс, понемногу втягиваясь в обсуждение. Как лестно, что он советуется с ней, как с напарницей, а не с девчонкой, что уцепилась за полу его сюртука!

Джеймс кивнул.

— Я тоже подозреваю заговор. Других ассасинов я наведу на днях. Вдруг их безумие как раз и вызвано тем, что призрак запустил пятерню им в череп и как следует пошевелил пальцами... Прости, Агнесс. Такого рода подробности...

— ...не для дамских ушей, — со вздохом договорила Агнесс. — Давайте так, сэр, — минут на десять я выйду из рядов леди, а потом быстренько вернусь в их строй. Расскажите мне все.

— Как пожелаешь. Стало быть, цареубийц придется допросить. Они могут указать на того, кто за всем этим стоит. Хватило бы и намека. Пока же у нас есть лишь одна зацепка — рука. Как думаешь, Агнесс, для чего заговорщикам понадобилась чья-то правая кисть?

— В качестве трофея? Охотники же отрубают у лис хвост и голову...

— Или, быть может, в наказание за провал. Отрезали ту руку, в которой он держал пистолет.

— А что, если...

Слишком часто бывает, что муж, разочарованный необразованностью жены, убожеством ее интересов и узостью кругозора, ищет развлечения в иных кругах. Поэтому Агнесс решила во всем соответствовать ожиданиям своего избранника. Еще с лета она заимствовала книги из его библиотеки.

— ...что, если они хотят изготовить руку славы? Ту самую, что помогает грабителям в их недобрых делах.

— Об этом я даже не думал, — признался мистер Линден, впечатленный ее познаниями. — Хорошая версия. Одно лишь противоречие — руку славы отрезают у повешенных, а скорбный главою клерк погиб иначе.

— А вдруг он был без пяти минут висельником? Я слышала, как кучер говорил, что неплохо бы его повесить. Или же сгодится рука любого преступника?

— Да, этого нельзя исключать.

— Но неужели заговорщики хотят обобрать нашу королеву?

— Да уж не старьевщика из Крипплгейта. — Мистер Линден задумчиво потер переносицу. — Сокровищницы есть и в Тауэре, и в Эдинбургском замке — грабь не хочу.

— Но кто за всем этим стоит и что ему нужно?

Переняв повадки дяди, Чарльз неслышно вошел в гостиную, но, в отличие от вечно напряженного Джеймса, двигался он мягко, с ленцой. Трудно было поверить, что полчас назад этот юноша — горделивый, уверенный в себе — дрожал точно мальчуган, которого заперли в чулане под лестницей, как следует напугав гоблинами. Лишь воспаленный блеск глаз указывал на недавно пролитые слезы.

— Чарльз, не лучше ли тебе вернуться в свою комнату? — проговорил опекун.

— Нет, не лучше. Потому что Агнесс была права. Когда вы упомянули привидение, я струсил. Мое поведение было недостойно лорда и уж тем более вассала Истинного короля.

«Кто такой этот король?» — подумала Агнесс, но постеснялась вслух признаться в своем невежестве. Тем более что мистер Линден и бровью не повел.

— Впредь я буду сдержаннее, даю слово. Но позвольте и мне принять участие в расследовании. — Чарльз умоляюще посмотрел на дядю. — Должен же я доказать себе, что страх надо мной не властен. Пожалуйста! Вот увидите, я вам пригожусь. Охотиться лучше всего втроем.

Если бы деревянные львы на подлокотниках чувствовали боль, то заревели бы, так сильно Джеймс стиснул их морды. На лице пастора не отразилось ничего. И гнев, и смятение ушли в его пальцы, из-под которых сыпалась позолота.

— Ты не прав. Третий сбивает с толку. Охотиться сподручнее вдвоем.

— Тогда хотя бы дайте мне задание. Вот завтра — что вы делаете завтра?

Перестав выдавливать глаза львам на подлокотниках, Джеймс откинулся на спинку кресла и смерил племянника внимательным взглядом.

— Кто-то должен расспросить мистера Рэкрента о поведении его клерка, — помедлив, сказал он. — С кем Темпл водил дружбу, где бывал, не значилось ли за ним эксцентричных поступков. Словом, выяснить, состоял ли бедолага в заговоре.

— И расспрошу его я, — вставила Агнесс.

— А я поеду с тобой.

— Как-нибудь в другой раз, Чарльз.

— Нет, в этот, и во все остальные тоже. Без меня никто не воспримет тебя всерьез. Сами скажите ей, сэр.

Все верно, подумала Агнесс. Она барышня. Да и ростом не вышла, и голос у нее, как блеяние апрельского ягненка. Домовладелец ее на смех поднимет. С другой стороны, в компании Чарльза больше шансов быть спущенной с лестницы, так что ситуация требовала обдуманного решения.

— Если понадобится, я напялю на себя чепец и буду изображать ее пожилую компаньонку. Как вам такая идея? На прошлом школьном спектакле я играл леди Макбет.

— Хорошо получилось? — не сдержал усмешки дядя.

— Да прескверно, если уж начистоту. Ведьмы вместо зелья сварили в котле настоящий пунш, да такой крепкий, что половину актеров стошнило прямо на сцене. Ох, и драли нас потом!.. Ну, так что, я зачислен в штат сыщиков?

— Зачислен. Поедешь с кузиной к мистеру Рэкренту и сделаешь все, что она прикажет. Агнесс, даже не спорь. Кому-то нужно вести записи, пока ты будешь вести допрос.

Получив разрешение, Чарльз издал радостное улюлюканье, точно вождь индейского племени, одной стрелой уложивший бизона, но, заметив, как нахмурился опекун, успокоился вмиг и отвесил поклон — один дяде, другой кузине.

Агнесс приуныла. Послушание Чарльза не внушало ей доверия, но еще больше настораживала та легкость, с которой Джеймс допустил к расследованию племянника-шалопая. Как будто это не он устроил мальчишке головомойку лишь за то, что тот оказался с призраком в одном городе. Чем же он сам намерен заняться? Неужели выслеживать призрака в одиночку?

Нет, не в одиночку, поняла Агнесс. «Охотиться сподручнее вдвоем», — звенело у нее в ушах.

Вдвоем — с кем же?

Уж наверняка с тем, кто не путается под ногами, и не боится ничего, кроме скуки, и знает, за какой конец брать пистолет, заряженный серебряными пулями, и в случае опасности прикроет спину... Нет, не с тем. С той.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

У конторы Рэкрента, расположенной в почтенном Сити, кузенов обогнал мальчишка-посыльный — тощий, большеголовый, с широко расставленными глазами. Под мышкой он держал два крошащихся пирога, карманы кургузого сюртучка топорщились от устриц, а в покрытых цыпками ладонях он перебрасывал дымящуюся картофелину. В конторе собирались обедать. Посетители нагрянули не вовремя, и им было предложено вернуться через часок. А услышав, что у визитеров дело к хозяину, мальчишка отчаянно замотал головой.

Нет, никак нельзя. Весь вчерашний день мистер Рэкрент провел в полицейском участке, а как вернулся, на нем лица не было. Сегодня никого не принимает. За исключением аптекаря, который обещал принести ему еще пинту нервных капель.

Агнесс развязала кошелек, прикидывая, куда бы сунуть монету, раз уж и руки, и карманы мальчишки были заняты одновременно, но Чарльз, фыркнув, затолкал кошелек обратно ей в карман. На клерка он воззрился так, что бедняга уронил картофелину. Юный граф отшвырнул ее прочь ловким пинком. Процедил: «Не дерзи мне, щенок!» — и дернул на себя тяжелую дверь, за которой слышался шелест бумаг. Кузина бросилась было вслед за ним, но с полпути вернулась, чтобы помочь мальчишке, который уронил оба пирога,

пытаясь выудить свой обед из лужи. Пришлось подтолкнуть картофелину кончиком зонтика и вернуть законному владельцу. После Агнесс утешила его шестипенсовиком.

Но неприятный осадок остался. Плохое начало. Если Чарльз и дальше будет заноситься, на сговорчивость мистера Рэкрента, от которой зависел успех расследования, можно не рассчитывать. Скорее уж давать показания придется им с Чарльзом — перед магистратом.

Дурные предчувствия не обманули Агнесс. В кабинете Рэкрента, куда она вбежала, пропуская мимо ушей возгласы клерков, девушка застала картину малоутешительную. Мистер Рэкрент, тучный господин с рыхлым, как непропеченный пудинг, лицом, отгородился от посетителей массивным столом в форме буквы П. Из своего укрытия он взирал на них, как на захватчиков. И разговорить его будет труднее, чем деревянных великанов Гога и Магога у лондонской ратуши.

А все Чарльз виноват! Кто просил его вести себя так вызывающе?

Развалившись в кресле, кузен перекинул правую ногу через подлокотник и лениво ею покачивал. В правой же руке держал перочинный нож. Кончик лезвия скользил по отполированному ореху, соскабливая лак.

— Итак, Рэкрент, расскажите нам про своего клерка, да подробнее. Не заставляйте мою кузину ждать.

Домовладелец издал булькающий звук, как будто давился костью, и Агнесс, желая хоть как-то загладить нахальство кузена, очертя голову бросилась в разговор. Давно она не стрекотала так быстро. Менее чем за минуту охватила все приличествующие темы, от погоды до вчерашнего парада, посетовала на распущенность прислуги, пожелала здоровья всей родне мистера Рэкрента, а между делом, не замолкая ни на секунду, сунула ему королевскую грамоту. Для этого ей пришлось перегнуться через стол — уж очень далеко отсел домовладелец. Он внимательно перечитал документ, даже посмотрел на свет гербовую бумагу. Упоминание королевы не прибавило ему

доброжелательности. Скорее уж наоборот. Морщины на лбу и щеках сделались еще глубже, словно из мистера Рэкрента откачали воздух.

Пока Агнесс говорила, то и дело цитируя грамоту, домовладелец кивал, пробуя каждое слово на зуб. А когда Агнесс, предложив ему стать спасителем Британии, выжидающе умолкла, Рэкрент постучал по столу пресс-папье в виде бронзового слона и сказал «Мда-с». Больше девушка, как ни билась, ничего не смогла из него выудить.

Как бы на ее месте поступила леди Мелфорд? Уж точно не мямлила бы, заглядывая Рэкренту в глаза. И не теребила бы ленты капора, чтобы унять дрожь в руках. Лавинии достаточно раз приподнять бровь, и окружающие наперегонки бросаются выполнять ее волю. Знают: стоит только прогневить ее — прогневить по-настоящему, как тогда Агнесс, — и гордячка леди Мелфорд пустит им пулю в лоб. А вторую, возможно, себе. Ибо ей нечего терять.

О, Лавиния бы давным-давно распутала все нити и сплела из них удавку для злодеев! Как хорошо, что ее здесь нет.

Отчаявшись, Агнесс простилась с гордыней и обернулась к Чарльзу, одними губами шепнув: «Помогай».

Кузен только того и ждал.

— Что это за фамилия у него такая — «Темплъ»? Из подкидышей?

— Именно так, милорд, — напрягся Рэкрент, которому не по душе пришлась осведомленность человека совершенно постороннего

— Подкидышей, найденных в районе Темплъ, часто крестят в той же церкви и фамилию дают соответствующую, — пояснил Чарльз кузине. — Стало быть, сирота. Сколько лет ему было, когда работный дом продал его в вашу контору?

— Не продал, а устроил мальчишкой на побегушках. Ему было десять.

— Значит, вырос он на ваших глазах. Возмужал тут же, у вас в конторе. Ну так расскажите нам, Рэкрент, — продолжил лорд Линден доверительно, — как вам удалось вос-

питать из него ассасина? Революционеры Европы дорого заплатят за ваш секрет.

— Да как вы!.. Да что вы себе позволяете... Вы еще мальчик, милорд, и я не допущу!.. — возопил домовладелец, багровея, и Агнесс почудилось, что сейчас его хватит удар.

Раздался сочный треск. Отодвинув поля капора, она увидела, что перочинный нож на пол-лезвия вошел в подлокотник.

— Не забывайте, с кем говорите, Рэкrent. Я вам не мальчик. Это, знаете ли, клевета. А чтобы подать в суд за клевету, мне все-то и нужно, что два свидетеля. Один уже есть — моя кузина, а вот этим, — кузен вытащил из кармана несколько золотых монет, — я куплю себе второго.

— Чарльз, ты ведешь себя... ну как же ты себя ведешь! Пожалуйста, не обижайтесь на него, сэр. Но нам и правда важно, чтобы вы рассказали про клерка. Что он был за человек? От вашего ответа зависит благополучие королевы.

Мистер Рэкrent подождал, пока граф выдергивал из мебели нож, и вновь болезненно моргнул, когда одну глубокую засечку перехлестнула другая — «Л». Чарльз и тут не мог не отметить. Наконец хозяин заговорил громко и внушительно, с тем расчетом, чтобы его слышали клерки, которые, судя по шарканью, толпились с другой стороны двери.

— Да вот и сам не знаю, мисс, что Стивен Темпл был за человек. Видимо, не слишком хороший, раз пошел на такое дело.

Вслед за этим мистер Рэкrent разразился получасовой тирадой. Усопшего клерка он величал не иначе как «аспидом, пригретым на груди», и лишь единожды, смягчившись, поименовал его «дрянным яблочком, от которого гниет весь воз». По всему выходило, что покойник был человеком дурным. В общем и целом, его безнравственность укладывалась в теорию о заговоре. Нужно быть отпетым мерзавцем, чтобы вступить в сговор с нечистью, но это Агнесс знала и так. Рассчитывала она на другое — на подробности из

биографии клерка, на имена его сообщников, если таковые имелись, и желательно с адресами. В конце концов, мисс Тревельян начала нетерпеливо постукивать зонтиком. Нужные ей сведения Рэкrent отвечивал скупю, как бакалейщик чай покупателю, задолжавшему не один десяток фунтов. Все характеристики, данные им клерку, были чересчур обтекаемыми. Что же до наводящих вопросов, на них домовладелец отвечал односложно. Не знает, не видывал, может, и было что, но он точно ни при чем.

По завершении речи Рэкrent отер пот, насквозь промочив платок.

— Это все, милорд. Больше мне добавить нечего. Если меня вызовут в коронерский суд, я повторю сказанное слово в слово.

— Захватывающий рассказ, Рэкrent, — нежно, как опытный цирюльник, Чарльз провел лезвием по подлокотнику. — Вот только я не услышал объяснения, с какой стати ваш клерк разгуливал с пистолетом за пазухой. Вы об этом знали?

— Да откуда мне было знать?

— А вот лгать у вас получается не так складно, как строчить кляузы чужим опекунам. Мой паж на вопрос, почему тосты подгорели, и то ловчее бы отоврался. Вы знали, что у клерка был пистолет. Наверное, сами ему и купили. Я ведь тоже выяснил, какого вы полета птица.

— Милорд, я...

— Ладно, запирайтесь дальше. А я тем временем расскажу кузине, чем еще вы зарабатываете на хлеб наш насущный. Этот господин, Агнесс, хотя и кажется респектабельным, на самом деле «трущобный лорд».

— Прошу вас не называть меня так! — всколыхнулся Рэкrent, но заметив, что лорд Линден вновь нацелился на кресло, смирил гнев. — Не по нраву мне это прозвище, но что есть, то есть. Дела нынче такие, что не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Приходится соломку постелить. Да, я сдаю внаем не только апартаменты на Риджент-стрит, но и квартиры в... менее престижных кварталах...

— В Ист-Энде.

— Квартиры тем не менее чистые, благоустроенные...

— По десять человек на комнату. Взрослые и дети спят вповалку. Тараканы охотятся на котят, — смаковал воображаемые подробности Чарльз.

— И в таких кварталах бывает опасно, потому вашему клерку пришлось вооружиться? — поняла Агнесс.

Домовладелец горестно вздохнул.

— Некоторые из моих... менее цивилизованных жильцов задолжали ренту за прошлый месяц. И Стивен... то есть проклятый бунтовщик... собирался проследовать в Ист-Энд, как только побеседует с его милостью. Соседи жаловались на шум.

— Да много ли они понимают! — вмешался Чарльз. — Мой прадед подзывал дворецкого не звоном колокольчика, а выстрелом из мушкета. Создавать шум — у нас, у пэров, это в крови.

— Но если ваш клерк был настолько опасен, почему вы доверили ему оружие? — продолжала Агнесс.

— Откуда мне было знать о его замыслах? Их он держал при себе. Говорю же, змею пригрел на своей груди. Азиатскую анаконду.

— То, что ваш клерк был настоящий маньяк, мы уже поняли, — остановил Чарльз поток жалоб. — Агнесс, у тебя есть еще вопросы?

— Нет, кажется, — упавшим голосом сказала девушка. Разве что послушать, как домовладелец будет очернять своего клерка по второму разу? И без того понятно, что ни о каких сообщниках он не упомянет. А если в заговоре состоит он сам, то уж наверняка будет запираяться до последнего. Своими силами ей не вывести его на чистую воду.

— Да и у меня нет. Хотя... а был ли он вам верным слугой?

— Что-с?

— Верно ли он вам служил? — повторил Чарльз. — Были ли вы им довольны?

Мистер Рэкрент поставил на место пресс-папье, покрыв в руках бронзового кабана, из спины которого торчала щетина для вытирания перьев, поставил и его на место и глухо забарабанил пальцами по зеленому сукну. Затем изрек, обращаясь к чернильнице:

— Нет. Не был он мне верным слугой. Слишком часто прикладывался к бутылке. Мне следовало рассчитать его много лет назад. Избежал бы стольких бед.

Закрыв дверь конторы, Агнесс вышла на улочку, зажатую между рядами однообразных грязно-серых домов. Полуподвальные окна, казалось, следят за ней из-за чугунных заборов. Сам воздух здесь пропитан подозрительностью. А уж она-то по наивности своей решила, что мистер Рэкрент раскроет перед ней все карты. Как бы не так! И с чем теперь возвращаться к Джеймсу?

Уже на Бартоломью-лейн, у самых стен Банка Англии, ее нагнал Чарльз. Судя по тому, как рывкнул он на чумазого подметальщика, приковылявшего к нему с метлой, кузен был не в духе. Слишком резко оборвала Агнесс его забавы, не дала как следует, до самых костей, пробрать домовладельца сословным презрением. Подкараулив, когда он подойдет поближе, кузина взмахнула кошельком и как следует вытянула его по плечу. Будет знать, как задаваться!

— Чарльз! Тупица ты эдакий, ты все испортил! Если бы ты не начал ему дерзить с самого начала, он был бы разговорчивее. Может, рассказал бы, с кем водился его клерк... вдруг вся контора в заговоре состоит?

— Да уж, заговор клерков — звучит многообещающе. Вместо кинжала — гусиное перо.

— Вовсе не смешно! Я скажу Джеймсу, и больше ты никуда с нами не пойдешь.

— Ты не скажешь! — взвыл кузен.

— Скажу, — проговорила Агнесс, довольная, что наконец-то удалось его уязвить. На удар кошельком он никак не отреагировал. Оно и понятно, после Итона-то. — Обязательно скажу. Сил моих больше нет выносить тебя, и твое

чванство, и твои феодальные замашки. «Был ли он верным слугой?» Это еще откуда взялось?

Чарльз остановился у колонн, украшавших восточный фасад банка. Возможно, когда-то колонны сияли белизной, но из-за копоти, с годами въевшейся в их вогнутые грани, они темнели на фоне стены, словно рубцы от гигантского бича. К одной из них Чарльз собирался прислониться, чтобы удобнее было вещать, но в последний миг передумал. Проведя по камню указательным пальцем, милорд поморщился.

— Да так, к слову пришлось, — пояснил он, переменяя перчатку. — Мой личный интерес. Ищу вот, осталась ли в Англии преданность. Мы ведь нация изменников. С тех самых пор, как мы отреклись от Истинного короля.

— Ты из меня душу вынул своим Истинным королем. Кто он вообще такой?

— Король-за-морем, — внушительно, как архиепископ на коронации, представил его кузен. — Он же Красавчик Чарли — мой тезка, кстати, — он же Молодой претендент...

— Чарльз Стюарт, что ли? Так бы и сказал, незачем тень на плетень наводить. Чарльза Стюарта мы в пансионе проходили.

— Да? И что же ты о нем знаешь?

— Все знаю, — сказала Агнесс. Ей пришлось посторониться, чтобы пропустить мясника с подносом, полным отбивных, но она подхватила бойко: — 1720 год — Чарльз Стюарт родился в Риме, где укрывался его отец Джеймс, Старый претендент. 23 июля 1745 года — вместе со своими сторонниками Чарльз высадился в Эриксее, Шотландия. 21 сентября того же года — разгромил войска правительства в битве при Престопансе. 16 апреля 1746 года был полностью разгромлен в битве при Каллодене. Вскоре после битвы с помощью Флоры Макдональд бежал с острова Скай, переодевшись ее горничной-ирландкой. 31 января 1788 года умер в Риме.

— Вам, девочкам, всю историю так преподают — по датам?

— А что, ее можно преподавать как-то иначе?

— Если так учиться, то меж дат смысла не разглядишь, — попенял ей кузен. — А смысл-то в том, что Чарльз Стюарт был законным претендентом на престол, но мы его предали. Мы, англичане. Мы отреклись от него, усадив на трон зануд из Ганновера. А они скрутили нашу страну, отжали и стряхнули с нее всю радость, весь задор... всю свободу. Если бы нами правили Стюарты, то не позволили бы святошам задавать тон политике....

— Мило-о-орд!

С севера, со стороны Трогмортон-стрит, мчался мальчуган из конторы Рэкрента. Приближаться к лорду Линдену он побаивался, потому замер на безопасном расстоянии и, шмыгнув носом, просипел:

— Если вам угодно, милорд, мисс, хозяин просит вас обратно в контору. Чегой-то еще хочет вам сказать. Говорит, что в тот раз запамятовал, — доставив послание, он бросился наутек, сверкая дырявыми подошвами. Урок, преподаанный графом, пошел ему на пользу.

Мистер Рэкрент все так же восседал за столом, но на этот раз перед ним стоял полупустой графин с янтарной жидкостью. Горошины пота на багровом лице Рэкрента свидетельствовали о том, что половины своего содержимого графин лишился за последние двадцать минут. Как раз с момента ухода гостей.

— Да, он был мне верным слугой, — сэкономив на приветствиях, сказал домовладелец.

Кузены подошли поближе.

— Стивен Темпл. Добрый, услужливый мальчик. И миссис Рэкрент в нем души не чаяла. Супруга моя, уж пять лет как преставилась. У нас был сын, но он ушел в море на торговом корабле, и с тех пор от него ни слуху ни духу. Говорят, будто держит лавку где-то на Мадейре — шут его знает, может, так и есть, а все одно не пишет.

Тяжело дыша, он распустил шейный платок, буровато-красный, как стены домов где-то в трущобах. Затем налил еще рюмку и опрокинул ее в один присест. Крякнул, зачмо-

кал толстыми губами. На гостей он не смотрел с самого начала, адресатом его слов снова была чернильница.

— А Стивен... знаете, было такое времечко, когда контора висела на волоске от банкротства. От меня тогда все клерки разбежались, кроме Стивена. Он разгонял кредиторов и утешал миссис Рэкрент, которая была в такой ажитации, что слегла... Потом-то все обошлось, хотя миссис Рэкрент этого уже не узнала... А Стивен... он снял бы с себя последнюю рубашку, чтобы уплатить мои долги. Он никогда бы от меня не отрекся, как я от него. Мне ли судить его за то, что он пропускал рюмку-другую? Работенка у нас не легкая. Так что да, милорд, он был мне верным слугой, чтобы он там ни натворил в пьяном угаре. Надеюсь, я ответил на вопрос вашей милости.

— Вы на него ответили, мистер Рэкрент, — сказал Чарльз. — Хорошо, что в мире еще встречается верность.

Домовладелец поднял голову, и в его выпученных, с красными прожилками глазах стояли слезы.

— Да теперь-то ее уже не осталось, — тихо проговорил он.

2

Дома Агнесс направилась напрямиком в гостиную, где отчиталась перед мистером Линденом о результатах своего расследования, к сожалению, более чем скромных. Равнодушие, с которым он выслушал отчет, не огорчило Агнесс. Напротив, у нее гора с плеч свалилась. Голос страха, нараставший крещендо в такт скрипу экипажа, что целый час вез их из Сити в Мейфер, сразу умолк, стоило ей взглянуть в лицо Джеймса. Не было и намека на ту недоуменную радость, которую вызвала в нем встреча с леди Мелфорд. Значит, он был не с ней.

Приглядевшись, она заметила пыль на рукавах его черного сюртука. А когда он смахнул с дивана несколько подушечек, чтобы ей удобнее было расправить юбки, Агнесс

разглядела на пальцах чернильную синеву. Джеймс упоминал, что пойдет в архив Олд-Бейли. Так и оказалось. День его прошел за изучением судебных протоколов, а подобное чтение способно поколебать веру в человечество.

Вслед за этим мистер Линден побывал в конторе по найму прислуги, чтобы подыскать новую поденщицу на место прежней, чье отношение к частной собственности оставляло желать лучшего. Служанкам, конечно, разрешено забирать огарки свечей, но нахальная корнуоллка повадилась забирать нетронутые свечи. Вместе с подсвечниками. Впрочем, чего еще ждать от приходящей прислуги? Обзаводиться же постоянным штатом мистер Линден не намеревался, раз уж возвращение в Линден-эбби не за горами. Агнесс одобрила его решение. Зимовать в Лондоне ей не хотелось. Какое уж тут рождественское веселье, когда повсюду враги?

Когда с обменом информацией было покончено, пастор прошелся по комнате, раздраженно смахивая волосы со лба. На виске, там, где он проводил пальцем, оставались грязные полосы. Погруженный в раздумья, Джеймс ничего не замечал на своем пути и едва не запнулся о подставку для ног, притулившуюся у резного кресла. Агнесс вскинула руку, но так и застыла. Поскрипывая ножками о навощенный пол, мебель отодвигалась в сторону, уступая ему дорогу.

— На субботу у меня намечено рандеву с первым из цареубийц. Постараюсь выпросить у него, не имел ли он дела с духами. Знать бы, где находится обитель того монаха!

— Хоть на этот раз вы возьмете меня с собой?

— Конечно же нет! — отмахнулся Джеймс. — А вот Чарльза, пожалуй, следует захватить.

— Да Чарльз только и умеет, что под ногами путаться! — выкрикнула Агнесс, не заботясь о том, услышит ли кузен ее со второго этажа.

— Вот как? А ведь не так давно ты жалела мальчишку.

— Я до сих пор его жалею. Потому что он не злой, а озлобленный. И во всем виноваты вы. Незачем было запереть его в этом ужасном Итоне, где его подвергали наказанию столь постыдному, что я не смею произнести на-

звание той части тела, по которой оно производится. Хороша школа жизни, ничего не скажешь!

— Он лорд, и его место в Итоне.

— Он Линден, и его место в Линден-эбби. Неужели ваших познаний в латыни и греческом не хватило бы, чтобы натаскать его к экзаменам в Оксфорд?

— Агнесс, Агнесс, ты ничего не понимаешь! Итон — это не только латынь и греческий, гребля и беготня в Виндзорском парке, — сказал Джейс, останавливаясь возле воспитанницы. — Итон — это возможность завязать знакомства, которые придется как нельзя кстати, когда Чарльз займет место в палате лордов. Никакие наказания, пусть и жестокие, не преуменьшат пользы Итона. А я — чему я мог его научить? Чертить круги из соли и гонять гончих Гавриила по торфяным пустошам? Таким ты представляешь себе будущее одиннадцатого лорда Линдена? Видит Бог, большой пользы эти умения нам с его отцом не принесли. Да и Лавинии тоже.

— Леди Мелфорд, — поправила Агнесс.

Выражение его лица из насмешливого вдруг стало потерянным и каким-то виноватым, словно он был мальчишкой, которого застукали за сочинением валентинки. У Агнесс защемило сердце. Никаких привидений она не боялась, даже того монаха, что на ее глазах убил человека. Только один призрак заставлял ее обмирать от страха. Призрак белокурой девчонки с наглой усмешкой, девчонки, что поигрывала вуалькой и нетерпеливо махала хлыстиком, призывая Джеймса на Охоту. На ту Охоту, куда ей самой заказана дорога. Ту, что существовала только в их, Джеймса и Лавинии, воспоминаниях.

Вздохнув, Агнесс вытащила платок и, привстав на цыпочки, вытерла грязную полоску у него на виске. Джеймс задержал дыхание. Внезапная близость застала его врасплох. Не следует барышням вот так распускать руки, но Агнесс не могла удержаться.

Сквозь тонкий батист она почувствовала, какой ледяной была его кожа. На подушечках пальцев вздуются волдыри,

но это ничего. Она принимает его таким, какой он есть. Ведь на всем белом свете нет у нее никого ближе, чем Джеймс Линден. Ни к одному другому мужчине она не испытывает такого глубокого, почти болезненного, такого всепоглощающего чувства благодарности.

— Возьмите меня с собой в субботу, — попросила она, проводя пальцами по твердым скулам, чувствуя рельеф плотно сжатых губ. Только платок и придавал ее касаниям хоть какой-то намек на приличия. — И впредь пусть я всегда буду подле вас. Рядом с вами меня ничто не страшит.

Она убрала в карман платок и посмотрела выжидательно. Джеймс молчал, ища приличествующие моменту слова, но не находя их.

— Я не могу взять тебя с собой по иной причине. На завтра ты ангажирована. Вон, посмотри в вазе для визиток. Приглашение дожидается тебя с утра.

Теряясь в догадках, Агнесс заглянула в упомянутую вазу и оторопела. Она ожидала увидеть розоватый, пропахший духами конвертик от школьной подруги, разузнавшей ее лондонский адрес. Но уж точно не герб со львом и единорогом и не монограмму VR.

«Ее королевское величество имеет удовольствие пригласить мисс Агнесс Тревельян провести время в Виндзорском замке в субботу, 12 ноября 1842 года, в 10 утра».

Если бы райские врата распахнулись, а святой Петр, согнув руку в локте, пригласил ее на тур вальса, Агнесс удивилась бы меньше. Вот так милость! Очевидно, что приглашение в Букингемский дворец было вынужденным, о нем и вспоминать нечего. На этот же раз королева благоволила к ней столь явно, что у девушки голова пошла кругом. Забыты были и обиды на леди Мелфорд, и досада на Джеймса, который вновь отстранил ее от дел. Размахивая приглашением, Агнесс бросилась прочь из гостиной.

Лишь одно занимало ее мысли — какой туалет подобрать сообразно случаю? Платьев у нее всего два, и одно затрапезнее другого. Срочно в пассаж! Мельком взглянув

на себя в зеркало, она открыла круглую шкатулку и сунула туда драгоценный конверт. Одной рукой поправила прическу, другой надавила на крышку, но шкатулка никак не закрывалась — мешало жемчужное ожерелье.

Жемчужины искрились, словно впитывая в себя окружающий свет. Были они крупные, с неровными очертаниями, и каждая казалась отражением луны на зыбкой поверхности моря. Когда Агнесс подносила ожерелье к уху, слышалось шуршание волн и где-то вдали — крики морских созданий, не людей и не животных, а тех, кто вечно живет на грани, изменчивой, как само море. Она часами могла вслушиваться в эти звуки... Но только не сейчас.

Нахмурившись, она вытащила ожерелье и положила на стол рядом с черепаховым гребнем. Оклеенное синим бархатом пространство шкатулки отныне всецело принадлежало конверту. Так и должно быть. Не каждый день получаешь приглашения от королевы.

Закрывая за собой дверь, Агнесс услышала дробный перестук, но возвращаться не стала. Хорошо, что агентство еще не прислало новую горничную. Никто не войдет в ее комнату. Жемчужины она соберет чуть позже.

3

— В стране у нас блуждают ведь немало бедламских нищих, что безумно воют...

— Прекрати.

— И в руки онемелые втыкают булавки, гвозди, ветки розмарина...

— Чарльз, ты мешаешь мне думать.

— И, страшные на вид, по деревням, убогим мызам, мельницам, овчарням, то с бешеным проклятьем, то с молитвой... собирают подаянье! — вдохновенно закончил лорд Линден.

— В наши дни подаянье собирают по подписке, а в конце года подписчики получают финансовый отчет.

— Скукотища, — приуныл мальчик.

Всю дорогу до Сент-Джордж-Филдз, где расположилось новое здание Вифлеемской больницы, известной в народе как Бедлам, Чарльз строил догадки относительно ее интерьеров. По его мнению, подкрепленному, очевидно, чтением готических романов, в Бедламе потолки плачут от сырости, разошедшиеся половицы хватают за пятки, а паутина в углах плотнее и крепче, чем саваны, в которых хоронят безумцев, скончавшихся от голода и лишений (хоронят, естественно, в ямах, вырытых прямо в подвале). Каково же было его разочарование, когда вместо темницы ему явилось бежевое здание в три этажа. Почтенной лысиной возвышался купол. От портика с колоннами тянулись два крыла, и если бы не решетки на окнах, здание больницы можно было принять как за инженерный колледж, так и за банк: вместо печати безумия оно было отмечено респектабельной безликостью. Но что, если отсутствие криков лишь намекает на толщину здешних стен?

— Неприемный день, в понедельник приходите, — прогнусавил привратник, на что мистер Линден сунул ему под нос грамоту. Глаза привратника забегали по первым строкам, но руки уже двигали засов, открывшийся, против ожиданий, без скрежещущего лязга. Чарльз вздохнул. Еще одно очко в пользу прогресса.

В вестибюле внимание юного лорда привлекли каменные статуи Мании и Меланхолии, некогда украшавшие ворота старой больницы в Мурфилдз. Мускулистые, с гладко выбритыми головами, безумцы полулежали на боку. Меланхолия печально кривила рот, Мания рвала на себе цепи и заходила в беззвучном крике. Пока Чарльз прохаживался между статуями и строил им рожи, мистер Линден похрустывал грамотой. Наконец по лестнице спустился толстячок в круглых очках, с блестящей лысиной, целомудренно прикрытой редкими светлыми волосами.

— Доктор Форбс? — вежливо поклонился священник.

Но, как выяснилось сразу же, главный врач Бедлама Джон Форбс выступал с речью перед студентами Универси-

тетского колледжа, посему на рабочем месте отсутствовал. Встречающий отрекомендовался Джоном Хаслэмом, аптекарем при больнице.

Обстоятельство это лишь обрадовало мистера Линдена. Меньше придется объяснять. Об истинной цели своего визита он решил до поры до времени умолчать, надеясь, что грамота с печатью сама собой наведет персонал на мысль о правительственной комиссии. Аптекарю хватило беглого взгляда на печать, чтобы его улыбка, и так вежливая, пропиталась приязнью.

— Не угодно ли будет осмотреть здание?

— Бесплатно? — наострил уши Чарльз.

— Конечно.

Щедрость аптекаря опечалила юного лорда.

— Я читал, что в минувшем столетии, когда Бедлам еще располагался в Мурфилдзе, полюбоваться на безумцев стоило два пенса. А за полшиллинга их, наверное, давали потыкать тростью, — добавил лорд Линден мечтательно.

— Пусть сии варварские практики и остаются уделом прошлого, — поморщился аптекарь, сверкнув очками. — Итак, откуда джентльменам угодно начать осмотр?

— С подземелий, — снова влез Чарльз, прежде чем дядя успел рот открыть. — Самое интересное всегда находится в подземельях.

— То, что вы именуете подземельями, всего лишь полуподвальный этаж. Да, в нем расположены палаты для, скажем так, безнадежных, но от остальных палат они отличаются лишь тем, что вместо матрасов больные спят на соломе. Солому меняют регулярно, однако определенного рода миазмы все равно неистребимы.

— Спасибо, что предупредили, сэр. Мое чувство обоняния тоже рассыпается в благодарностях.

— В таком случае, позвольте препроводить вас на второй этаж.

По просторной лестнице они поднялись наверх. Если Чарльз рассчитывал увидеть хоть какие-нибудь обломки прошлого в виде торчащих из стен цепей или железных

клеток, его чаяния рассыпались прахом. Коридор был выстелен добротным паркетом, а стены тщательно выбелены — ни трещинки, не говоря уже о пятнах крови.

Каков все-таки контраст с Кливлендским работным домом, подумал мистер Линден. Хотя чему удивляться? К безумцам англичане относятся куда милосерднее, чем к тем же ткачам из Спиталфилдза, оставшимся без работы из-за появления фабричных машин.

— Здесь неожиданно тепло, — заметил священник, следуя за аптекарем.

— И вы туда же! Не так уж неожиданно, сэр, учитывая, что у нас центральное отопление. Новейшее слово в механике.

Палаты пустовали. Как пояснил мистер Хаслэм, в это время суток пациенты упражняются на свежем воздухе, так что если джентльмены желают осмотреть, в каких условиях они содержатся, то милости просим. Приоткрыв дверь в одну из палат, мистер Линден увидел койки, заправленные свежим бельем, а на окне — цветочные горшки и клетку с щеглом. Под самым его ухом племянник испустил зауспокойный вздох. В ответ дядя пребольно стиснул его локоть. Нечего устраивать сцены. Мог бы сидеть дома и штудировать церковную историю Лондона, выискивая среди тысяч имен — латинских, французских, английских — подходящего аббата-отступника.

В рекреационной тоже оказалось уютно: от обычной, хотя и скромно обставленной гостиной ее отличал разве что камин, забранный толстой решеткой, к которой была прикована кочерга (как ни пытался Чарльз оторвать ее, цепь оказалась прочной). Не будоражила воображение также и столовая, где пахло молочной кашей. У одного из длинных столов трудилась женщина в чепце и простом сером платье. Из корзины она доставала сложенные в стопки скатерти и, неловко шевеля короткими пальцами, разглаживала их по столешнице.

— А вот и Мэдж Уайлдфайр! — обрадовался Чарльз своей первой сумасшедшей, но вместо безумных завываний она только кланялась и бормотала.

Пресытившись этим зрелищем, лорд Линден развернулся и вышел вон.

Догнали его на заднем дворе. Со скучающей миной он наблюдал за тем, как больные прогуливаются по присыпанной песком площадке. Кто-то плакал, кто-то баюкал щенка, замотанного в полотенце, несколько человек играли в потертый мяч.

— А там что?

За площадкой для прогулок виднелся двухэтажный флигель, отгороженный чугунным забором. Заметно было, что пациенты хотя и разбредались по всему двору, но от этой пристройки держались подальше.

— Отделение для преступников, — сообщил аптекарь. Очки запрыгали на его приплюснутом носу. — Душегубы всех мастей, но тоже душевнобольные. Сомневаюсь, что встреча с ними украсит ваш день.

— Отчего же? Давайте и с нимиведем знакомство. Нам поручено было осмотреть все помещения, — возразил мистер Линден с деланным равнодушием.

А про себя торжествовал — вот она, цель их визита. Много лучше, чем нахваливать тупые костяные ножи в столовой и отвешивать комплименты бильярдной.

Опасные больные бродили по дворику, громяхая ручными и ножными кандалами, прикованными к железному поясу. В сторону визитеров повернулось несколько бритых голов. Недобрыми были их взгляды. С особенной злобой зыркали на Чарльза, который чуть в ладоши не хлопал от восторга — наконец-то ему показали хоть что-то интересное! Аптекаря, начавшего представлять заключенных, он слушал куда внимательнее, чем в главном корпусе.

Вон там, привалившись к забору, стоит Джон Хордер. Убил свекра, вступившегося за его жену, когда она, избитая, прибежала в отчий дом. Тот господин в шляпе, утыканной кокардами и перьями, — Ной Пейдж, законченный неудачник. Даже милостыню не мог просить как следует, вследствие чего оказался в работном доме. Там ему не понравилось, и он выразил свой протест, зарезав интенданта.

А шляпа — его корона. Рядом с ним Хью Тир, Главнокомандующий земного шара, и Джон Робертс, Бог войны.

А убеленный сединами джентльмен, величавый, как лорд-канцлер, — Джордж Барнетт. Выстрелил в актрису Фанни Келли во время спектакля. До покушения он засыпал мисс Келли акrostихами, но она не оценила его поэтический дар. Тогда поклонник поклялся наказать ее «за хамство и возмутительную наглость», а также за то, что актриса имела дерзость расхаживать по сцене в брюках. Произошло это двадцать шесть лет тому назад. Господин, швыряющий мяч о стену, — Дэвид Дэвис, пытался убить министра лорда Палмерстона. Милорд не только простил злодея, но и оплатил услуги его адвоката...

— Кстати, о покушениях. Который из них Эдвард Оксфорд? — спросил мистер Линден. — Тот самый, что пару лет назад стрелял в королеву.

— Его здесь нет. Во время прогулок он обычно остается в камере.

— Привязанный к койке? — обрадовался Чарльз.

— Неужели он настолько опасен?

— Напротив, сэр, тише воды. Он любитель игры на скрипке, но товарищи по несчастью поклялись, что пережгут ему горло смычком, если не прекратится пиликание. Он упражняется, когда никого нет поблизости.

— Вот он-то нам и нужен.

Аптекарь понимающе кивнул. Не так давно здесь содержался еще один неумелый царевубийца — Джеймс Хэтфилд, выпаливший в короля Георга в театре Друри-лейн. Но в прошлом году он составил компанию Кассию и Бруту, так что Оксфорд остался главной знаменитостью Бедлама. К нему хоть экскурсии води. Не задавая лишних вопросов, аптекарь подозвал одного из охранников, здоровяка в серой рубаше, поверх которой, словно нарцисс над коркой грязного снега, желтел шейный платок. С угрюмым вздохом детина повел визитеров во флигель.

Стоило священнику переступить порог, как здание дохнуло ему в лицо сырым зловонием. Вонь от помоев, пере-

полненных ведер с нечистотами и прелой соломы застоялась в тесном, как угольный чулан, холле. За спиной дяди засопел Чарльз, хлопая по карманам в поисках флакончика с уксусом, да и сам мистер Линден прикрыл нос манжетой. Доказано, что болезни передаются посредством дурных запахов, а здесь миазмов хватило бы на две эпидемии. Охранник высморкался в свой шарф и, что-то буркнув, повел гостей вверх по лестнице.

Ступени были шершавыми настолько, что даже проворный Чарльз шаркал по ним, как старик. Шарканье заглушало иные звуки, так что оценить музыкальные таланты Оксфорда мужчины смогли, лишь достигнув второго этажа. Там от его импровизации не было никакого спасения. Эпитет «невыносимый» стал бы им похвалой. Не прошло и минуты, как Джеймсу начало казаться, будто по его черепу изнутри скребут осколком глиняного горшка.

— Воском я всем по порядку товарищам уши залил, — процитировал Чарльз на языке Гомера.

— Свое мнение держи при себе, — одернул его дядя. — Разговаривать с Оксфордом я буду сам, а ты будь любезен постоять в сторонке. И без гримас.

— Да полно вам, дядя! Будто ему есть чем оскорбляться.

Охранник обернулся, придерживая на шее желтую тряпку.

— Вы бы поостереглись-то, сэр, — проговорил он отрывисто и хрипло. — Они только с виду смиренные. Отвернешься, так накинутся на тебя, что крысы на терьера. С оглядкой надо ходить.

Он пропустил гостей в темный коридор, упиравшийся в стену с узким оконцем под самой крышей. По обе стороны находились камеры. Через решетку легко было разглядеть их скучную обстановку — койки, прикрытые комковатыми матрасами, а в углу разошедшееся, с омерзительными подтеками ведро. В одной из таких камер и был обнаружен виртуоз. Им оказался мужчина лет двадцати пяти, невысокий и щуплый, с копной жестких черных волос. Большой кивнул в сторону, то ли приветствуя гостей, то ли веля им не задерживаться. Скрипку он так и не отложил.

Отпустив стража, Джеймс заговорил погромче:

— Мистер Оксфорд! Можно вас на пару слов?

Но смычок продолжал скользить по струнам, то и дело срываясь на визг, уж слишком сильно дрожали пальцы музыканта. Сам же Оксфорд внимал игре, полуприкрыв глаза от наслаждения. Очнулся он, лишь когда Чарльз обеими руками тряхнул решетку и рявкнул:

— Отвечай на вопросы, негодяй! И прекрати кошачий концерт!

Скрипка обиженно всхлипнула, и Оксфорд поморщил нос, обнажив бугристые, воспаленно-красные десны.

— Да что ты, сопляк паршивый, понимаешь в музыке? Уши прочистить не пробовал, молокосос?

Лорд Линден отдернул руки от решетки.

— Это ты мне? Дядя, да как он посмел?

— Когда ты важничаешь, мальчик, то выглядишь немногим лучше.

— Я не важничаю, сэр, я держусь в соответствии со своим положением. Ибо я одиннадцатый лорд Линден. А он грач в отрешках.

— Так пристало ли ястребу обижаться на грача?

На это возражение у Чарльза ответа не нашлось, поэтому он надулся и потерял интерес к происходящему. В минуты скуки спасала его лишь одна утеха — портить чужое имущество перочинным ножом, и к этому спасительному времяпровождению он прибегнул и теперь. Пока он скрежетал лезвием по простенку между камерами, мистер Линден завел беседу с узником.

4

Нельзя сказать, что Джеймс беседовал с цареубийцей вслепую. Полдня в архивах Олд-Бейли — и он выяснил всю подноготную Оксфорда вплоть до беспричинного смеха, за который его поколачивала матушка. Но чем ближе Джеймс знакомился с объектом своих изысканий, тем

меньше у него оставалось вопросов. Эдвард Оксфорд, сын ремесленника из Бирмингема. С детства отличался нравом неуживчивым, вследствие чего приходилось ему скитаться с места на место, покуда он не устроился официантом в захудалый лондонский кабак. Что ж, и на дне пивной кружки можно разглядеть свое счастье — если трудиться усердно. Но мистеру Оксфорду наскучило вытирать плевки за кабацкой публикой. Он устремился на поиски иных развлечений. А что в наш век пьянит молодые души так, как цареубийство? И пускай за подобную выходку проще заработать петлю вокруг шеи, чем нимб вокруг головы, но слава!..

4 мая 1840 года Эдвард Оксфорд прохаживался вдоль дороги Конституишн-хилл. Карманы его оттягивали два пистолета. Он дождался, когда из Букингемского дворца выедет карета, и выстрелил в молодую женщину под парасолькой. Выстрелил дважды, и оба раза промахнулся. Прохожие тут же повязали злодея. Судили Оксфорда за измену, однако вместо плахи он очутился в Бедламе. Говорят, за него просил принц-консорт, который не желал смотреть на четвертование...

Чтобы обсудить преступление, вдаваясь во все подробности, мужчинам хватило пятнадцати минут. Оксфорд отвечал охотно, местами даже заученно. Но за какую бы ниточку ни хватался Джеймс, ни одна из них не мерцала таинственным светом. О сообщниках Оксфорд не упоминал. Все попытки навести на них беседу заканчивались не боязливым молчанием, а горделивым недоумением героя, который в одиночку выходит на поле брани.

— Вы почувствовали что-нибудь после того, как совершили покушение на королеву? Жар, к примеру? Тесноту в груди?

— От стыда, что ли? — недопонял Оксфорд, и Джеймс вздохнул — еще один промах. — Да было б чего стыдиться — прихлопнуть миссис Мельбурн.

— Кого, простите? — переспросил Джеймс, наблюдая краем глаза, как племянник выцарапывает на неровном

камне итонский герб. Три лилии белели на нижнем поле, и Чарльз принялся за верхнее.

Сухая, с оттенком желтизны кожа так плотно обтягивала лицо узника, что, казалось, стоит ему рассмеяться, как на скулах закровоточат трещины. Поэтому он всего лишь хмыкнул.

— Крошка Вик, кто ж еще. Она и есть «миссис Мельбурн». Как он за ней увивался, этот обрюзгший волокита. Говорят, она уже приданое шила, чтоб пойти с ним под венец. Срам на всю Европу — ее элегантно величество в постели со стариком! Кто-то должен был положить конец их плутням.

— И это были вы.

— И это был я.

— Напомнить ли вам, Оксфорд, что к тому времени, когда вы подкараулили королеву, она уже вышла замуж? За принца Альберта. Принц и заслонил ее от вашей пули.

— Да, принц там тоже мельтешил. Жаль, что обоих куропаток не удалось застрелить, — опечалился Оксфорд.

— Так при чем же здесь Мельбурн?

— Вряд ли она так быстро забыла старого друга, — нашелся цареубийца. — А он ее.

«А он ее», — повторил про себя Джеймс. «А он ее».

...Нити замелькали, переплетаясь, ряд за рядом являя совсем иную картину. Не было на ней уже ни ячейки террористов, ни банды взломщиков, заполучивших «руку славы». А был лишь один человек, который на удивление много знает о магии...

— Вы мне очень помогли, мистер Оксфорд. Спасибо за беседу.

— И вам спасибо, уж развлекли, так развлекли, — закивал цареубийца, пощипывая струны скрипки. — Вы ведь, судя по акценту, не из Лондона. Откуда-то с севера, из краев торфа и деревенщин. А то бы знали, как малютку-королеву величали в столице. Вовек не видывал такого простака!

Ничком рухнув на койку, Оксфорд загоготал. Долго еще он твердил «миссис Мельбурн» на разные лады, то басом, то визгливо, и каждый раз всхрапывал от смеха.

Тяжело дыша, Чарльз чертил силуэт льва, но все медленнее двигалось лезвие, все глубже вбивалось в камень, как вдруг мальчик чиркнул по гербу, добавив ему два лишних поля, и швырнул нож на пол.

— «Спасибо за беседу»? Да разве за этим я сюда пришел — чтобы смотреть, как над вами будут насмехаться? Над моим дядей? Он быстро смекнет, как с вами разговаривать, если его пальцы превратятся в сосульки. А сосульки легко ломаются...

Не дав ему договорить, Джеймс встряхнул мальчишку за плечи, но, поскольку были они накладными — каков денди! — Чарльз легко вывернулся и отступил к решетке.

— Ты напротился со мной в Бедлам, чтобы посмотреть, как я буду пытаться Оксфорда?

— Нет... но... так у него быстрее развязался бы язык. Он рассказал бы о привидениях...

— Да не видел он ничего!

— О привидениях?

Мистер Оксфорд уже отсмеялся свое, но упоминание фантомов вернуло ему былую веселость.

— Уж кто только меня не допрашивал, а со спиритами иметь дела не приходилось. Спросите еще, не заряжал ли мой пистолет пасхальный заяц!

Заходясь от смеха, почти что в припадке, он скатился на пол и уткнулся лицом в матрас, колотя по нему руками. Солома перелетала через решетку, оседая на черном сюртуке. Мистер Линден отряхнулся.

— Поучите его хорошим манерам, сэр, — топнул Чарльз, озираясь в бессильной злобе.

«Агнесс, Агнесс, я тебя не выпущу... но и ты меня тоже».

— Неужели тебе его совсем не жаль?

Жаль, жаль, жаль... Слова брызнули по коридору, отражаясь от камня, и звенели, звенели, потому что были пустыми.

— Жаль?

Когда Чарльз обижался, то напоминал отца: та же манера грызть нижнюю губу, пока она не распухнет, как от пчелиного

укуса, тот же вздернутый подбородок, та же тяга заедать обиду сладостями, которая подарила Уильяму подагру в тридцать лет... Но сейчас Чарльз не дулся. Он гневался. А во гневе его светлые глаза темнели внезапно, как небо во время летней грозы. Няня говаривала, что Чарльз уродился в бабушку, а уж когда гневалась леди Линден, вся прислуга набивалась в гостиную экономки и подпирала дверь сундуком...

— Я не узнаю вас, дядя. Вы и раньше изображали милосердие, но я хоть знал, что вы лицемерите. А где еще искать лицемерие, как не в церкви? И все равно вы оставались прежним. Как в те годы, когда отец мой был жив, а мисс Брайт была еще мисс Брайт, и когда вы говорили о магии фейри так же спокойно, как о скачках в Аскоте...

— Те времена канули в прошлое. Они никогда не вернуться.

— Они могли бы вернуться, дядя. Если бы вы захотели.

— Нет.

— Это Агнесс во всем виновата! — выпалил Чарльз. — От нее вы набрались этой... этой...

— Любви к ближнему?

— Посредственности. Ненавижу вас и вашу рыжую дуру.

Хватило бы одной пощечины, чтобы остановить поток дерзостей, и Джеймс Линден занес руку...

— Нет! Не надо! — Чарльз тогда кричал так, что набухли вены на висках, а уголки рта треснули, и показалась кровь. — Прогоните его... я не хочу!

Джеймс вцепился в изголовье кровати. Рано или поздно между ними состоялся бы этот разговор, но только не сейчас, когда Чарльз сгорает на медленном огне. Что сказать мальчику, как его утешить? «Я не убью тебя — как не убивал и твоего отца»?

— Я не буду исповедоваться... мне рано... я еще не умираю!

У Джеймса камень с души свалился. Чарльз смотрел широко раскрытыми глазами, но видел лишь черный силуэт с белой шеей.

— Оставьте нас, — сказал он доктору, сам же склонился над мальчиком, мазнув волосами по его горячей щеке, и прошептал: — Это я, Джеймс Линден, твой дядя. Что мне сделать для тебя? Чего ты хочешь?

— Хочу... чтобы стало холодно, — оседая на подушку, попросил Чарльз, который всегда предельно точно выражал свои желания.

— Сейчас.

Он обнял мальчика...

...и оттолкнул в сторону прежде, чем нож успел полоснуть его по бедру. Лезвие скрежетнуло по решетке, соскребая ржавчину. Звякнуло о пол. Джеймс стиснул костлявое запястье безумца. Чарльз завопил. Отшвырнув Оксфорда в глубь камеры, Джеймс поспешил к мальчишке, но в проходе на брюках белела полоска кожи. Крови не было.

Оглянувшись, Джеймс увидел, как безумец отползает к койке. Но смех сменился воплями, стоило Оксфорду услышать топот на лестнице. По слаженным движениям санитаров было ясно, что дело им не впервой. Двое вошли в камеру и ловко подхватили вопящего Оксфорда, вытягивая ему вперед руки, а третий, детина в желтом шарфе, натянул на него парусиновую рубаху с длинными рукавами. Как ни брыкался бедняга, как ни мотал головой, санитары пеленали его в угрюмом молчании, смахивая брызги слюны. Оксфорду скрестили на груди руки, и, пропустив под мышками концы рукавов, крепко-накрепко стянули их за спиной. Чарльз наблюдал за их действиями, как замороженный. Под конец процедуры от криков Оксфорда осталось хрипкое эхо. Когда он успокоился окончательно, санитары толкнули его на койку, где он и остался лежать, судорожно подергиваясь. Щеголь в платке заметил на полу скрипку. Усмехнувшись, с хрустом на нее наступил.

— Была б моя воля, перевешал бы их чохом, — просипел он, запирая дверь на ключ. — Да не на веревке — велика честь, — а как в старину, в железной клетке, чтоб проорались, пока вороны им глаза не склюют.

— Эх, Нед, послушал бы тебя доктор Форбс, — покачал плешивой головой напарник.

— Я хочу посмотреть, как его накажут, — заинтересовался Чарльз, еще не отвыкший от любимой итонской забавы — публичной порки. Это зрелище всегда возвращало ему вкус к жизни.

— Так его, почитай, уже наказали. У нас тут других кар нет, кроме усмирительной рубашки.

Лицо Чарльза вытянулось.

— В тесноте, да не в обиде, — усмехнулся мистер Линден.

— Да и ту приходится применять исподтишка, чтоб начальство не увидело, — вступил в беседу третий санитар, старик с загорелым лицом, похожий на лодочника с Темзы. — Для доктора Форбса смирительная рубашка, что красная тряпка для быка. Ему кандалы подавай. Резон в том есть — в кандалах больной хоть блоху согнать сумеет. А мы услышим треньканье, коли кто подкрадется со спины.

— Услышим, да поздно будет, — хриплоголосый оттянул шейный платок, являя багровеющий синяк. В очертаниях синяка угадывались звенья.

5

Под сетования санитаров гости спустились во двор, где уже закончилась прогулка. Безумцы выстроились в шеренгу вдоль забора, готовясь расходиться по камерам, но Чарльз их не поддразнивал. Был он странно задумчив. Да и мистер Линден молчал, вглядываясь в новый узор, сотканный воображением. Маловато ниток, полотно готово лишь наполовину, с прорехами там и тут. Но уже неплохо.

До ворот их вызвался проводить Нед, благо было перед кем посетовать на коварство больных. Закончив речь хриплым «Бывайте, господа», он поковылял прочь. Джеймс окинул больницу прощальным взглядом, но племянник вздрогнул, словно пораженный внезапной мыслью.

— Подождите, сэр! Я сейчас.

Он бросился к Неду, который еще не успел свернуть за угол, и, ухватив его за рукав, начал что-то объяснять. Говорил он сбивчиво, потому что детина переспросил, а услышав ответ, пошевелил губами, повторяя. Казалось, ему подсунули какое-то новое кушанье, и он долго жевал его, распознавая вкус, прежде чем отважился проглотить. Чарльз улыбнулся и закивал. В заскорузлую руку легли три монеты. словно уберегая их от стылого воздуха, охранник прикрыл их другой ладонью и, стрельнув глазами по сторонам, кивнул Чарльзу. «Будет сделано, милорд», — донеслось до мистера Линдена. А Чарльз уже вприпрыжку бежал к дяде.

— Я подозревал, что милосердие тебе свойственно, — сказал Джеймс запыхавшемуся мальчику. — Но, кажется, впервые застаю его с поличным.

— Пустяки! Всего-то три фунта — вот еще, повод для бахвальства.

Джеймс подумал было возместить племяннику понесенный ущерб, дабы укрепить его на стезе добродетели, но отменил эту идею. В благородном поступке уже заключена награда. Иначе чего он стоит?

— Ты передал деньги Оксфорду?

— Да, сэр. Пусть купит себе новую скрипку. Не следовало мне его задирать, все же он безумен. Истинный безумец, что тут скажешь.

— Стало быть, ястреб снизошел ко грачу. Агнесс будет на седьмом небе от счастья, если узнает...

— Если бы узнала, — поправил его Чарльз.

— Будь по-твоему. Но я рад, что ты не безнадежен.

Глаза Чарльза снова стали ясными и прозрачными, как озерцо, еще не затянутое ряской.

— О, я вовсе не безнадежен! — заявил он торжественно. — И когда-нибудь я докажу вам это, сэр. Дайте срок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Всю дорогу до королевской резиденции Агнесс просидела, не поднимая головы от страниц «Путеводителя по достопримечательностям Лондона». Справочник нахваливал долину реки Темзы, в свое время приводившую в восторг Тернера и Констебля, но пейзажи мало занимали барышню. В один присест она пыталась проглотить всю историю Виндзорского замка, запомнить, какой из монархов пристроил какую башню и в каком году. Вдруг ее величество устроит ей экзамен за чаем?

От имен и дат, а всего пуще от тряски наемного экипажа Агнесс начало подташнивать. Она сняла капор и двумя пальцами помассировала виски, осторожно, чтобы не расстегнуть локоны. Сражение с ними Агнесс затеяла еще затемно. Новая горничная отродясь не держала в руках щипцов для завивки, а ее знакомство с парикмахерским искусством сводилось к тому, что когда-то она стригла узниц в тюрьме Миллбэнк. Если бы не кузен, это утро Агнесс вряд ли бы пережила. Но лорд Линден так рыкнул на служанку, что она сразу прекратила препираться и аккуратно уложила барышне волосы.

Да и вчера Чарльз был сама любезность. Он вызвался сопроводить Агнесс по магазинам, чтобы выбрать достойное ocasion платье. Не бескорыстно, разумеется. Любую ситуацию кузен умел обратить к личной выгоде. Пришлось

топтаться у прилавка, наблюдая, как по нему змеятся галстуки, а рядом, словно подбитые тропические птицы, падают ворохи разноцветных жилеток. Приказчики сбивались с ног, выполняя распоряжения лорда Линдена. Он же водил рукой, словно колдун, и перед ним возникали все новые предметы туалета, без которых не обойтись ни одному джентльмену.

О кухне он тоже не забывал. Для нее был выбран наряд из перламутрового фуляра, переливчатый, как закатное море. Платье Агнесс не понравилось ни ценой, ни фасоном. От шелковых роз, разбросанных по подолу, рябило в глазах, а пышные рукава в стиле «пагода» смотрелись так, будто их набили конфетами. Но Чарльз был неумолим. Только в этом платье он отпустит кузину в Виндзор, и точка. Дополнением к платью был соломенный капор с подкрашенным розовым пером, пелеринка на беличьем меху и перчатки модного изумрудного оттенка. Узнав цену всего ансамбля, Агнесс приуныла. Таких денег у нее не водилось. Но кузен не падал духом. С его слов выходило, что презренными шиллингами и пенни расплачиваются лишь с зеленщиком за пучок шпината. Если уж на то пошло, приличные люди не набивают карманы монетами. Они берут в кредит.

Вернув шляпку на положенное место, Агнесс смахнула расшитую бисером закладку, но прочесть ничего не успела. Карета свернула на прямую и бесконечно длинную дорогу. По сторонам тянулись двойные ряды вязов. Их голые ветви, словно гребни, чесали волокнистый туман.

А впереди показался замок. Сначала крохотный, как футляр для визиток, он все рос и рос, а когда карета наконец проехала под аркой, Агнесс втянула голову в плечи — серые стены давили на нее своим величием. Карета вкатилась на просторный двор и, скрипя по мокрому гравию, подъехала к памятнику королю Карлу. За конной статуей возвышалась Круглая башня, над которой виднелся штандарт — знак того, что монарх пребывает в своей резиденции. Флагу долженствовало реять, но от дождя он

намок и свисал так же уныло, как страусиное перо на капоре Агнесс.

Кучер натянул удила, и лошади всхрапнули, как показалось девушке, неприлично громко. Уместен ли здесь шум? Девушка огляделась по сторонам, рассчитывая увидеть целый гарнизон солдат, но вход охраняли всего-то двое гвардейцев. Один из них чиркал спичкой по стене, пытаясь разжечь трубку. Бросив это занятие, он счел нужным прикрикнуть на кэбби, посмеявшегося въехать в замок не через ворота для посетителей, а с парадного входа. Но, услышав приветствие Агнесс, сменил тон. Это девушку приободрило. Очевидно, что ее ждали. Гвардеец скрылся в недрах замка, а вернулся уже с джентльменом, тоже одетым в виндзорскую форму — темно-синий, почти что черный мундир с красным воротником и обшлагами. Королева примет ее после обеда, услышала Агнесс. До тех же пор гостя может не спеша осмотреть замок. С любезным поклоном джентльмен предложил себя на роль провожатого.

Ее гид оказался одним из придворных шталмейстеров. Водить экскурсии по замку он мог с завязанными глазами. Он наперечет знал все полотна Ван Дейка в Бальной зале, и о каждой изображенной особе рассказывал с полдюжины анекдотов. Агнесс слушала его, приоткрыв рот. Она тщи-лась запомнить хоть что-то из его лекции, но понимала, что следующая же зала опустошит ее память. Слишком много было картин, и слишком давно жили все эти короли и их фаворитки. Запомнился ей только портрет герцогини Ричмонд в образе святой покровительницы Агнессы. Под таким холодным, самодовольным взглядом сник бы кто угодно, в том числе и леди Мелфорд. Научиться бы так смотреть! Пока же Агнесс напоминала себе ягненка, готового облизать герцогине палец.

За Бальной залой последовала Королевская гостиная с замечательным расписным потолком, затем покои Вильгельма, убранные в синих тонах. Король-моряк развесил по стенам трезубцы, сабли и якоря, но Агнесс не смогла

в должной мере отдать долг его таланту декоратора. Из головы не шли рассказы Чарльза про Билли-морячка. Голова, как ананас, это ж надо такому случиться. Как на ней корона-то держалась?

Скоро Агнесс потеряла счет комнатам и лишь кивала, когда ее гид задерживался у очередного полотна. Только в зале Святого Георгия к ней вернулась способность восхищаться. Из-за ребристого потолка в готическом стиле зал напоминал остов того самого дракона, которого умертвил отважный рыцарь. На деревянных панелях потолка пестрели щиты, придавая залу какое-то ярмарочное легкомыслие. Агнесс зевнула в кулак, вдыхая терпкий запах замши. Сейчас ее гид расскажет о рыцарях ордена Подвязки и пересчитает каждый листик на их родословных деревьях. Но лекции не последовало. Щелкнула крышка часов, и королевский шталмейстер виновато развел руками. Пора на аудиенцию.

Ее величество не терпит опозданий, объяснил он по дороге. Однажды герцогиня Сазерленд, ее хранительница гардероба, припозднилась к обеду и схлопотала такой выговор, что весь день места себе не находила. Новые сведения встревожили Агнесс. Вслед за своим гидом она припустила по коридору, соединявшему государственные палаты в северном крыле с королевскими покоями в южном.

Коридор тянулся целую вечность. От воспаленно-багровых обоев в глазах начиналась резь, а пьедесталы с мраморными бюстами, казалось, специально были расставлены для того, чтобы цепляться за юбку. Двери слева, как сообщил шталмейстер, вели в парадные гостиные — Бордовую, Зеленую и Белую. Из их окон открывается чудесный вид на сады, посему государыня так любит здесь завтракать. В какой из гостиных примет ее королева, гадала Агнесс, но провожатый не сбавлял шаг. И лишь когда коридор изогнулся, плавно перетекая в южное крыло, джентльмен подозвал лакея, сам же снова поклонился девушке.

— Не волнуйтесь, мисс Тревельян, и держитесь естественно. Хотя случай, что и говорить, необычный. Первый такой случай на моей памяти.

— Что такое, сэр? — заранее испугалась девушка.

— Не припомню, чтобы ее величество соизволили принимать визитеров в своей личной гостиной.

На негнущихся ногах Агнесс проследовала за лакеем и не расслышала, как он объявил ее имя. Но не топтаться же в коридоре? Она вошла.

2

Если бы Агнесс не знала, что это покои королевы, то приняла бы их за еще одну парадную палату. Массивные, в полстены зеркала удваивали размеры гостиной, алые же обои с золотыми арабесками придавали ей величие тронного зала. Агнесс выдохнула. Хорошо, что не придется сидеть с королевой нос к носу!

Виктория расположилась на диване с резной позолоченной спинкой. Перед ней стоял дубовый столик со стопками бумаг и пюпитр, на котором лежало незаконченное письмо. Одета государыня была по-домашнему, в белое муслиновое платье с высоким горлом и узкими рукавами. На корсаже переплетались вышитые серебряной нитью узоры. Волосы королева убрала под чепец из невесомого хоттингтонского кружева.

Привстав, королева обернулась к гостье и посмотрела на нее пристально, как голубь на неизвестного вида насекомое, возможно даже съедобное.

— Как вы поживаете, мисс Тревельян?

Агнесс заверила ее, что поездки в Виндзор как раз и не хватало для того, чтобы жизнь стала блаженством. Королеву ее слова удовлетворили. Она вытянула руку, нетерпеливо шевеля пальчиками, и гостья запечатлела поцелуй на младенчески нежной коже. От руки пахло шоколадом и свежей сдобой.

Выпрямившись, Агнесс не могла не отметить, что они с королевой почти одного роста. Это обстоятельство не укрылось и от августейших глаз. Видимо, птичий рост служил ей источником неиссякаемых огорчений, и королева с чрезмерной поспешностью опустилась на диван. Гостье было предложено кресло напротив. На пути к нему Агнесс пришлось обогнуть стеклянный шкафчик, заставленный фарфором, а затем двух скайтерьеров. Собаки разлеглись у камина, точно два бурых коврика, и впитывали тепло. Они покосились на Агнесс глазами-бусинками, но ее щиколотки оставили их равнодушными.

— Значит, вам уже удалось осмотреть замок? — защелкала королева. — В субботу не бывает экскурсий, иначе вам оттоптали бы подол платья все эти несносные туристы. Иногда им удастся пробраться даже в мои покои, где им бывать не должно. Такие докучливые!

— Смею вас заверить, мадам, что мне никто не мешал. Я смогла все отлично разглядеть.

— И каким же вы находите Виндзор?

— Он прекрасен.

— Я тоже так думаю, — улыбнулась королева, приоткрыв мелкие зубки, — хотя Альберт жалуется, что воздух здесь не хорош. Будто бы от таких миазмов и зарождаются болезни, вроде холеры и тифозной лихорадки, и рано или поздно это всех нас погубит. Ведь вы так не думаете, мисс Тревельян? Вам же не кажется, что здесь нездоровая атмосфера?

— Нет, не кажется, — сказала девушка, тем более что в гостиной приятно пахло березовыми дровами. — Что же до его королевского высочества, он так и пышет здоровьем. И всех нас, конечно, переживет.

Год назад был принят закон, назначавший Альберта регентом в случае кончины королевы. Агнесс же не могла не заметить, что там, где плиссированный низ лифа смыкался с пышными складками юбки, выступал холмик. Королева опять беременна, а роды — всегда тяжелое испытание. Повитуха играет в карты со смертью, говаривала миссис

Крэгмор, и неизвестно, кому попадетсЯ туз. Месяца не проходит, чтобы мистер Линден не служил по роженнице панихиду...

— Да, что Альберту какие-то там испарения, — воспряла духом королева. — Выходит, во время осмотра государственных палат вы не увидели ничего неприятного?

— О чем вы, мадам?

Королева вскинула голову, досадуя на непонятливость гости.

— О чудовищах, разумеется. О чем же еще.

Агнесс порозовела. Так вот зачем ее позвали в Виндзор! Не в гости, как она уже возомнила, а по делу. Чтобы она произвела осмотр помещений и запротоколировала потусторонние явления, если таковые встретятся на ее пути. Хорошо, что один из скайтерьеров вовремя тЯвкнул, и королева потЯнулась к вазочке, чтобы угостить его бисквитом. Агнесс успела обмахнуть пылающее лицо. Она чувствовала себя горничной, которая прикорнула на хозяйской кровати, вместо того чтобы взбивать перину.

— Никаких чудовищ я не заметила, мадам, — пролепетала девушка. — А что, в замке происходит что-то странное?

Королева резко встала. Белые юбки взвились снежным вихрем. Несмотря на полноту, движения ее были упругими, энергичными, как у истинной наездницы. Агнесс тоже вскочила и неловко топталась, теребя шелковую розу, пока королева мерила шагами ковер. Вид у Виктории был грозный. И напоминала она уже не откормленную голубку, а пустельгу, чьи скромные размеры с лихвой искупаются свирепостью нрава.

— Да! Происходит! Странное и нехорошее! — выкрикнула королева. Ее пухленькие, налитые младенческим жирком щеки пошли красными пятнами. Рот некрасиво искривился.

Оба терьера стряхнули истому и, скользя когтями по паркету, удрали за каминный экран, где, как завистливо подумала Агнесс, третьему не хватило бы места. Пришлось

замереть соляным столбом, чему весьма способствовал цвет ее лица.

— Взять хотя бы письмо, что само собой возникло в моей спальне! Я с содроганием вспоминаю угрозы, написанные на том жалком клочке бумаги. А потом письмо вспыхнуло в моих руках, да так внезапно, что я едва не обожглась. Естественно, я решила, что готовится что-то очень нехорошее, возможно, какой-то устрашающий акт во время парада. Мы с Альбертом поспешили в Лондон и, видимо, попали в расставленную чудовищами ловушку. А после... на дне рождения Берти мама жаловалась на сквозняки, хотя каминны полыхали так, что я едва не сомлела. На следующий день леди Литтлтон учуяла в детской явственный запах серы. Да и Альберт его учуял, но сослался на миазмы. Тем же вечером Дэнди, — один из терьеров выглянул из-за экрана, — забился под диван в Белой гостиной, зато Ислей надрывался от лая, причем лаял на пустое место. Все это не могло меня не беспокоить.

— Вы совершенно правы! — с жаром подтвердила Агнесс.

Среди людей встречается немало скептиков, чей разум всегда готов отвесить затрепину их воображению. Увидев, как уголь взмывает из ведра, образуя в воздухе пентограмму, а пламя за каминной решеткой собирается в оскаленную пасть, они бросаются проверять барометр на предмет шквальных ветров. Но животных так просто не проведешь. Им все равно, кто разгуливает по гостиной — незнакомый ли господин в маске или боггарт с близлежащего болота. Главное, что его сюда не звали.

— Альберт же со мной не согласен. Он слишком образован, чтобы верить в чудовищ.

— А вы, мадам? Что думаете вы?

— Я верю тому, что видели мои глаза.

Она остановилась у гардины и провела рукой по мягкому бархату, словно ища поддержки у своего замка — замка, который невидимый пришелец взял без штурма.

— Когда я была маленькой, мама часто пугала меня чудовищами, — сказала королева, пропуская между пальца-

ми бахрому. — Говорила, что они хотят меня отнять. Но с ее слов выходило, что чудовища — это мои дяди. Будто дядя Сассекс, с которым мы делили апартаменты, выскочит из кабинета и отшлепает меня, если я буду шалить. Или дядя Кларенс поселит меня со своими сорванцами, которых он прижил от актрисы. Или же меня зарежет дядя Камберленд, как однажды он зарезал своего лакея. Но страшнее всех был мой дядя-король. Он мог воспитать из меня лентяйку и неряху, от которой вся Англия отшатнулась бы с отвращением. Только мама и могла меня защитить. Потому что я поняла, что она просто запугивала меня, чтобы я не вырвалась из-под ее гнета. Лорд Мельбурн все мне объяснил. И рассказал, какие на самом деле бывают чудовища.

— Разве лорд Мельбурн в них разбирается? — спросила Агнесс, уязвленная. Она привыкла считать своего опекуна единственным хранителем подобных знаний.

— Он знает все обо всем и обо всех, знает, кто кем был и кто что сделал, — убежденно сказала государыня. — И превосходно умеет объяснять! В первый же день он обговорил со мной мои обязанности как королевы, а вот чудовищ... дайте вспомнить... их он упомянул, кажется, через неделю. Когда я была уже не так возбуждена. Упомянул мельком, как нечто, не заслуживающее моего внимания. Мне же, напротив, стало любопытно на них посмотреть.

— И вы?..

Снова зашелестела золотая бахрома. Стоя вполборота, королева смотрела на Длинную аллею, окантованную черным кружевом вязов, и рассеянно теребила гардину. Воспоминания давались ей нелегко.

— Я спросила, в моей ли власти их призвать. Лорд М., колебавшись, ответил, что у меня есть такие полномочия. Но они могут и не прийти. Дело в том, что они не признают нас, ганноверцев, королями, потому что у истинных королей есть дар целительства. Их прикосновение лечит золотуху. Такой дар якобы был у Стюартов, но потомки Георга I, курфюрста Ганновера, этого дара лишены. Что за чепуха, подумала я тогда. Пусть попробуют не прийти.

Я повелела им предстать пред мои очи и принести мне присягу, подобно другим лордам наших земель. Они пришли в ночь после коронации. Их было много... разных. И ни одно из них мне не поклонилось.

Королева поправила сползший на затылок чепец и отошла от окна. Полистала ноты, разложенные на подставке из красного дерева. Смахнула пылинку со статуэтки купидона.

— Вы, верно, не ждали от меня такой откровенности, милая мисс Тревельян. Не припоминаю, чтобы я говорила так вольно с кем-либо, кроме лорда М. Или все дело в том, что вы медиум? И люди так же, как и привидения, обязаны говорить вам чистую правду?

— Нет, наверное, — смутилась Агнесс. — Во мне вообще нет ничего особенного.

— А каково это — быть медиумом и видеть потусторонний мир?

— Очень... очень одиноко.

«Потому что все, к кому я привязываюсь, оставляют меня, стоит только сделать им добро. Я та, что машет рукой вослед».

— А вам тоже? Вам бывает одиноко? — вырвалось у Агнесс.

Глаза королевы округлились, их синева, которую так восхваляли художники, подернулась льдом.

— Мне? — На Агнесс смотрели две градины. — Что это за вопрос, мисс Тревельян?

— Я забылась, ваше величество.

— По-видимому, да. Одиноко — это мне-то? У меня лучший в мире муж и чудные дети, я правлю превосходной страной. Вот в детстве — тогда мне вправду было одиноко. — Она прикусила длинноватую верхнюю губу. — Меня держали взаперти в Кенсингтонском дворце. Моей жизнью управлял сэр Джон Конрой, страшный и злой человек, который опутал сетью долгов мою маму. Я так злилась на него. Кричала и топала ногами, и тогда меня наказывали. Мне связывали руки за спиной и выставляли в коридор,

пока не попрошу прощения, — она потеряла запястья, словно ощущая ссадины от пут. — Да, именно так я чувствую себя сейчас. Словно у меня связаны руки, и я задыхаюсь от ярости, пока вокруг меня ходит кто-то недобрый и решает, как со мной поступить... Наверное, вы правы. В бессилии как раз и чувствуешь себя поистине одинокой.

— Если вам кажется, что тот призрак бродит поблизости, вам нужно было позвать моего опекуна. Мистер Линден легко укротит любое... э-э... чудовище. — Агнесс послушно выбрала именно тот термин, которым королева, видимо, обозначала любое отличное от себя существо.

— Я знаю, что ваш опекун способен на многое. И знаю почему.

— Вам лорд Мельбурн рассказал? Если так, он истолковал все превратно. Мистер Линден джентльмен, хотя и...

От слова «полукровка» щипало язык, и Агнесс не смогла его произнести.

— Я не сомневаюсь, что и по ту сторону встречаются достойные... личности и что именно к ним принадлежит ваш опекун. Но я никогда не лгу и не заключаю сделок с совестью. Присутствие вашего опекуна мне неприятно, и я не буду утверждать обратное. Так что помочь я попросила именно вас.

— Но чем же я могу помочь?

— Какой странный вопрос! — снова упрекнула ее королева. — Откуда мне знать, что вы умеете? Это вы должны оценить свои навыки и решить, чем именно вы можете послужить короне.

Сложив руки на животе, она посмотрела на гостью выжидательно, словно боялась упустить момент, когда та вытащит голубя из широкого рукава а-ля пагода.

Предложение королевы звучало резонно, и Агнесс устыдилась, что не выдвинула его сама. Если задуматься, умеет она не так уж мало. Часы, проведенные в библиотеке мистера Линдена, не прошли для нее даром. Хотя еще больше проку будет от тех знаний, которыми, не забывая ворчать, снабжала ее миссис Крэгмор.

— Где находится детская? — уточнила Агнесс.

— Прямо над моими покоями. Вы начнете с детской?

— Нет. Если ваше величество не против, я хотела бы сперва заглянуть на кухню.

Недаром же миссис Крэгмор учила, что натиск нечисти можно отразить при помощи ингредиентов, которые найдутся в кладовой у любой хозяйки, если только она рачительна и не дает прислуге спуска. Пора проверить ее слова на практике.

Для начала понадобится овечье сердце.

3

Ослиное молоко без сливок, две галеты и бараний бульон. Кошечка любит бараний бульон. Причмокивая, она будет сосать его из фарфоровой кружки со смешным длинным носиком. Вечером малютка капризничала, и сколько отец ни носил ее на руках, сколько ни гладил животик, легла спать вся в слезах. Значит, возвращаемся к облегченной диете.

Ничего эти англичане не понимают. Скармливают детям всякую дрянь — жирное, жареное, а поутру подойдут к колыбели, и там... У покойного короля Вильгельма и королевы Аделаиды во младенчестве умерли две дочки. Никто так и не понял почему. Да и не горевал никто. Бог дал — Бог взял, короток бывает детский век. Но он, Альберт, подзревал — все дело в еде.

Даже на фоне других здешних бедствий, как то нахальство простого люда и прожженный цинизм знати, английская кухня казалась ему той кознью, которую Сатана продумал с особой тщательностью. Тяжелая, как ком глины, сдоба, кровавые куски мяса.... Как можно этим питаться? А придворным все нипочем. И стоит ли удивляться их обжорству, если тон задавала сама королева? По приезде в Англию принц не раз наблюдал, как его невеста уписывает блюдо за блюдом, и удивлялся, что не слышен треск корсета.

Вообще, если задуматься, в ее тогдашнем поведении было много от животного. Не только в застольных манерах, но и в тех взглядах, которые она бросала на жениха. Взглядам этим недоставало целомудрия. Когда она, еще будучи девицей, осыпала поцелуями его чело и присаживалась к нему на колени, он едва сдерживал подступавшую тошноту, догадываясь, что мысли ее нечисты. А ведь он знал в точности, что бывает с женщинами, которые позволяют низменным инстинктам брать верх над добродетелью...

...блудниц прогоняют из дому...

...им не дают попрощаться с детьми...

Своим примером он приучил Викторию к умеренности во всем, подумал принц, поднимаясь по лестнице. Брак пошел ей на пользу. Она стала покладистее, степеннее. Танцулькам за полночь предпочитала совместное музицирование или чтение книг, укрепляющих моральные принципы. И, что важнее всего, по каждому поводу шла к мужу за советом. Шажок за шажком он отвоевывал себе место в политике, хотя и понимал, что его амбициям так и не суждено будет развернуться в полной мере. Его жена хоть и мала ростом, но отбрасывает длинную тень. И в этой тени надлежит ему прятаться до скончания дней.

Если, конечно, Господь, чьи пути неисповедимы, не укоротит ее жизнь...

Но сейчас принца одолевали другие заботы. Поначалу слуги пропускали его распоряжения мимо ушей, словно то был крик назойливого грача. Но со временем он сумел так поставить себя, что не только челядь, но и фрейлины встречали его подобострастными улыбками. И только няньки саботировали его приказы. За ними нужен глаз да глаз. Дай слабину, и напичкают детей бараниной до заворота кишок. И тогда...

Нет, не будет никакого «тогда». Это его дети, и они выживут.

Конечно, малышам полезнее всего материнское молоко, об этом который век твердят светила медицины. Он рассчитывал, что Виктория будет вскармливать сама — и Ко-

шечку, и Малыша. Но старая Лецен, бывшая гувернантка королевы, все нашептывала ей, что негоже знатым дамам перебивать хлеб у кормилиц. Склонять Викторию долго не пришлось: она ненавидит беременность и сейчас, когда у нее опять налился живот, вздыхает и называет себя крольчихой. Кормить грудью она отказалась наотрез.

Что ж, слово короля давно уже не закон, но и с ним приходится считаться. Кошечке наняли кормилицу. А та, как выяснилось уже позже, тайком прикладывалась к бутылке. От ее молока у девочки начались колики. Вики плакала без умолку — ее пичкали микстурой с лауданумом. Она теряла в весе — ее закармливали жирными сливками.

Не было в жизни Альберта года страшнее. Он метался по Виндзору, не зная, молиться ли ему или снять со стены ружье и расстрелять Лецен и всю ее камарилью, прежде чем они уморят Вики. А жена лишь плечами пожимала. Лецен знает, что делает. Доктор Кларк знает, что делает. Сумасшедшая нянька Саути, что сидела у полыхающего камина в жару, тоже, очевидно, знает, что делает. У каждого из нас свои обязанности. Не мешай.

Но не тут-то было. Пускай англичане посмеиваются, что он, сентиментальный Vater, так носится со своими отпрысками, тогда как настоящий джентльмен только с картой отыщет дорогу в детскую. Ничего. Пусть зубоскалят. Это его дети. Его сын и его дочь. От них он никогда не отступится.

Скандалы принц-консорт ненавидел. Слишком часто и громко ссорились его родители, а он, карапуз трех лет от роду, рыдал до судорог, слушая, как они поносят друг друга. Еще в детстве Альберт усвоил, что нельзя кричать на свою жену. Это недостойно рыцаря. И всегда можно найти обходные пути.

Но смотреть, как угасает Вики! Слушать, как хнычет Малыш, отравленный молоком все той же пьяницы! Этого он не мог стерпеть. От его разгневанных криков дрожали стекла в часовне Святого Георгия. Без экивоков он обвинил королеву в том, что своим попустительством она убивает

детей, и — о, чудо! — Виктория послушалась. (Страх, женщин пробирает только страх.) Лецен вернулась в Ганновер, нянек разогнали, а бразды правления в детской приняла фрейлина Сара Спенсер, леди Литтлтон. Ласковая старушка воспитала пятерых детей, а когда ей предложили позаботиться о принце и принцессе, даже прослезилась. Ей так хотелось услышать топот детских ножек!

И ему этого хотелось.

Перегнувшись через перила, он посвистел Эос, и борзая черной стрелой взлетела со второго этажа на третий. Но на верхней ступени замешкалась. Поскуливала, рассекала воздух хвостом, перебирала длинными ногами, но приблизиться не смела. Помнила, как утром хозяин отходил ее арапником — впервые за время их знакомства. И поделом глупой псине. Битый час заливалась в Зеленой гостиной, уставившись на окно, ничем не примечательное, за исключением разве что замызанного стекла. А если на охоте начнутся такие же фокусы? Она всех оленей распугает своим дурашливым лаем.

Помолчав для острастки, хозяин сменил гнев на милость и поманил собаку. Эос ринулась к нему, чуть не сбив с ног. Пританцовывала вокруг хозяина, ластилась. Улыбнувшись, Альберт потрепал ее по изящной голове. Верная Эос! Она сопровождала принца, когда тот прибыл на эти унылые, чуждые ему берега. Библиотекарь, лакей и борзая — вот и вся свита, которую Альберту позволено было привезти с собой из Кобурга.

Внезапно борзая подняла уши, вслушиваясь во что-то, различимое пока что ей одной. Шерсть на холке вздыбилась. Неужели опять за старое? Альберт нахмурился, готовясь сделать Эос еще одно внушение, как вдруг понял, что заставило ее насторожиться. Это был звук. Лишний, посторонний. Звук, которому никак не место в королевской детской.

Вот лопочет двухлетняя Вики, звонко, как ручеек у стен замка Розенау. «Лэддл! Лэддл!» — так она называет гувернантку. Нет на свете ничего слаще, чем ее голосок. Когда родилась Кошечка, Виктория, виновато улыбаясь, пообе-

щала, что следующим будет мальчик. А ее муж в тот миг согласился бы еще на дюжину дочерей, лишь бы они были такими же, как Вики. Нежными, словно сердцевина розового бутона... пахнущими молоком с корицей...

Но жена не обманула. Следующим родился мальчик — Альберт Эдуард, малыш Берти, наследник престола. Что это за мальчик! Спокойный, улыбчивый, он ловит каждое слово отца. Берти вырастет послушным сыном, отрадой родителям.

Годовалый Берти заливался веселым смехом, перекрикивая сестру, но звон детских голосов не мог заглушить гудение голосов взрослых. Кто-то переговаривался в детской, и переговаривался напряженно.

Шаги Альберта сделались тише, мягче. Подслушивать под дверь детской, конечно, моветон, но в прошлый раз он именно так вычислил няньку, посмевшую сказать, что принца с принцессой плохо кормят. Что, дескать, за еда такая, галеты да бульон? Где деликатесы? За свою дерзость дуреха поплатилась местом.

4

Альберт заглянул в приоткрытую дверь. В плетеном кресле у окна сидела леди Литтлтон — кругленькая, точно булочка, как всегда в опрятном платье и чепце. У ее ног возились Вики, посасывая коралловую погремушку, рядом ползал Берти, настойчивый, как майский жук. Вот он добрался до кресла напротив и вцепился в чью-то серую, расшитую вульгарными розами юбку — чью же?

— Я не ослышалась, мисс Тревельян? Вам требуется... предмет туалета его королевского высочества? — вопрошала статс-гувернантка.

— Ну да.

— А вы уверены, что нам не обойтись одним лишь звеном на подоконнике? И тем истыканным булавами овечьим сердцем, которые вы закопали в кадке с пальмой?

— Так было бы спокойнее, миледи.

Альберт открыл дверь пошире, хотя и так знал, кого увидит. Мало того, что негодница вновь забрела в его дом. Она еще и сидела! Сидела в присутствии принца крови — и это при том, что даже кормилицам было велено стоя прикладывать детей к груди. Видимо, поездка в королевском ландо, пусть и краткая, нагнала на девчонку спеси.

— Я прослежу за тем, чтобы обе колыбели ежедневно обмахивали Библией. Скажем, в восемь утра и в восемь вечера, после ванны, — придворная гувернантка во всех обстоятельствах сохраняла деловитость. — Четырехлистный клевер мы закажем в Ирландии, хотя не знаю, как скоро его привезут... Но это? Сомневаюсь, что его королевское высочество согласится на вашу просьбу. Всякого рода обряды ему не по душе.

— Понимаю, миледи, — улыбалась рыжая бестия. — Но если спрятать нижнее белье отца в изножье кровати, никакая нечисть к ребенку не подступится. Так в народе говорят.

— Что ж, я попрошу его камердинера...

— Не утруждайте себя, миледи. Девушка может лично высказать мне все, что пожелает.

Рыжей хватило ума, чтобы вскочить и сделать книксен, но любезности припозднились. Ее стараниями детская напоминала шатер в цыганском таборе. Куда ни посмотри — наткнешься на амулет. Даже с кисейного полога над колыбельками свисали нитки бус. А в простенке между окнами виднелся обращенный вершиной вниз треугольник, состоявший из букв. В этой тарабарщине угадывалось слово «Абракадабра», начертанное углем прямо на обоях.

Принц ослабил шейный платок и сразу же почувствовал, как в голову ударила кровь. Невероятно! Эта дрянь прикасалась к его детям. Прикасалась пальцами, измазанными в соке ядовитых трав, учила Вики твердить галиматью, набивала головку девочки языческой шелухой. И все это — под носом у него, у отца!

— Как, вы побледнели? А я уж было подумал, что наглости вам не занимать — не всякая посмеет превратить детскую в балаган. И какую детскую! Вот это что? — Он шагнул к окну и двумя пальцами снял с гвоздя пучок сухих трав.

— Зверо-б-бой. Он защищает от...

— А это? — Он схватил холщовый мешочек, внутри которого что-то перекатывалось. — Тоже какое-то средство, годное лишь на то, чтобы пугать крестьян? Я еще понимаю, если бы ей поверили няньки, они простого звания, но вы, Литтлтон? Вы меня разочаровали. Будьте уверены, это происшествие не останется без последствий.

— Ее величество приказывали... — начала старушка, чуть не плача.

— Если маленькой шарлатанке удалось одурачить вашу королеву, вы, как леди ее двора, должны краснеть от стыда, а не плясать под ту же дудку!

Заходилась в лае Эос. Дети хватали гувернантку за ноги и ревели. Им никогда еще не приходилось видеть отца разгневанным, и он почувствовал укол стыда, но уже не мог остановиться.

Как же он ненавидел эту кликушу. Она здесь лишняя, она все испортит!

— Schande! Всю эту мерзость снять. — Он обвел рукой детскую — замусоренную, оскверненную. — Немедленно! А вы, Агнесс Тревельян, подите прочь, и чтобы духу вашего здесь не было! Вам все понятно? Держитесь подальше от моих детей! Появитесь еще раз, и я запру вас в тюрьме, пусть это и против всех здешних законов! Прочь!

5

Подгоняемая окриками, точно хлопками бича, Агнесс выскочила из детской. Где она, как сюда попала и куда ей теперь, девушка не имела ни малейшего представления. Голова шла кругом. Букли растрепались и липли ко лбу, за-

стилая и без того затуманенный взор. Она прислонилась к стене, чтобы перевести дыхание, но вскинулась от лая борзой и, не разбирая дороги, помчалась по коридору. Все равно куда, лишь бы прочь!

Принимать решения она предоставила ногам, потому как думать уже не могла. В голове клокотала обида, точно варево в котелке миссис Крэгмор, и мутной пеной над ней вскипала ярость.

Почему, ну почему принц устроил ей такой разнос? И нет бы ей одной — милейшая леди Литтлтон тоже схлопотала нагоняй! А ведь обе они выполняли приказ королевы, которая, между прочим, властвует над всем, включая своего мужа. Он-то ей не соправитель, а всего-навсего консорт, а следовательно, никто. Выскочка из какого-то княжества, а уж задается! Помолчал бы.

Агнесс оглянулась, опасаясь, как бы он не расслышал ее мысли, уж очень громко они думались. Но погони не было. Долго еще принц будет бесноваться, срывая со стен плоды ее многочасовых трудов. До овечьего сердца, центрального элемента этой кропотливо сложенной мозаики, он тоже рано или поздно доберется. И тогда детская останется без защиты. Если злые духи захотят туда наведаться, то войдут беспрепятственно. Над принцем и принцессой, такими славными крошками, нависла угроза!

Выход напрашивался один: срочно отыскать королеву, пасть ей в ноги и взывать о справедливости, до тех пор, пока все амулеты не будут возвращены на свои законные места. А принц пусть у себя в Кобурге командует. Да что он вообще понимает в исконном английском волшебстве?

Выдохнув, Агнесс разжала кулак и посмотрела, что же у нее в руке, такое мягкое и шелковистое. Это была шелковая роза с подола ее платья. Отшвырнув бесполезное украшение, девушка задумалась. Чтобы отыскать королеву, придется вновь пройти мимо детской. А уж если она в третий раз попадется принцу на глаза, ей точно несдобровать. Такие, как он, грели руки у костров, на которых сгорали такие, как она.

Неужели нельзя спуститься вниз, избежав столкновения с консьертом? Должна же в замке быть лестница для прислуги, и, пожалуй, даже несколько. Агнесс лихорадочно огляделась. Хоть бы один лакей поблизости! Но дворцовая челядь, видимо, проявила благоразумие и ретировалась при первых звуках грозы, оставив коридоры под присмотром гулко-го эха. Спросить дорогу было не у кого.

Разве что постучаться в ту дверь, из-за которой доносился тихий плеск? Напрягая слух до предела, девушка подкралась к ней и замерла в нерешительности. Да, в комнате кто-то был. Сквозь журчание воды слышалось невнятное бормотание, становившееся то громче, то тише, но не терявшее своей монотонности. Уж не принимают ли там ванну, подумала Агнесс и тут же взмолилась, чтобы ванна была для ног.

Потому что войти все равно придется. С восточного конца коридора к ней, оскалившись, летела тонконогая борзая. Мышцы на груди псины вздымались, зубы кусали воздух. Запаниковав, Агнесс подергала за ручку, но дверь не поддавалась. Древесина, словно набухшая от влаги, со скрипом терлась о камень. Тогда Агнесс что было сил рванула дверь на себя и, не глядя, ввалилась в комнату. Лай в коридоре звучал теперь глухо, а потом по непонятной причине превратился в скулеж. Вскоре и подвывания затихли, но девушка не спешила выходить. Нужно хотя бы дыхание перевести, а то попадает из одной переделки в другую!

Прищурившись, она осмотрелась в новом помещении. По всей видимости, это одна из гостевых комнат. Единственным источником света служил зазор между гардинами. В полутьме проступали контуры кровати под балдахином, виднелся туалетный столик с черным провалом зеркала, а старомодный громоздкий предмет в углу, по всей видимости, был гардеробом.

Перед занавешенным окном стояло кресло, в котором и располагался источник звуков. По овальной спинке струились волосы, длинные и седые, и Агнесс не сразу поняла, кто перед ней — джентльмен или дама. Но кто бы это ни

был, внезапное вторжение не произвело на него должного эффекта. Человек в кресле даже не обернулся. И лишь когда в его бормотании начали появляться слова, точно комки подгоревшего овса в каше, Агнесс поняла, что имеет дело с джентльменом, причем пожилым. Голос был скрипучим, старческим.

— Сплиш-сплаш, волны бьют о ступени. Вода поднимается, поднимается вода, — бубнил он. — Вода повсюду, и не видно уж ни Лондонского моста, ни купола Святого Павла, только грязная, вонючая вода. Во-дааа. Вооо-да.

— Простите, сэр, что я к вам вот так, без стука, — неловко начала Агнесс. — Вы не подскажите...

Он встал и обернулся к ней — большой и грузный. Вскрикнув, девушка отступила.

Смутил ее не костюм джентльмена, состоявший из ночной сорочки, поверх которой, уж непонятно зачем, болтался какой-то орден на золотой цепи. Страх внушало его лицо. Оно казалось не просто опухшим, а как будто состояло из мешочков с жиром, и они дрябло колыхались, когда он тряс головой. Нижняя губа отвисла, обнажая желтые зубы, искрошившиеся почти до десен. В затянутых бельмами глазах подергивались голубоватые зрачки. И хотя его лицо было одним из самых омерзительных, которые ей доводилось видеть, в его чертах мерещилось что-то знакомое. Где она видела этот крючковатый нос?

Старик повел головой, вслушиваясь в шелест юбок. Он был слеп.

— Эмили? Это ты? А?

Стараясь двигаться как можно тише, девушка продолжала пятиться и замешкалась, лишь когда, прямо у нее на глазах, незнакомец прошел сквозь кресло. На душе сразу полегчало. Для человека он был невообразимо уродлив, но в мире духов свои эстетические каноны, и в них он пока что вписывался. Вот бы он еще и стоял на месте, а не пытался нащупать ее отеками руками.

— Вода поднимается, детка. Воо-даа, — приговаривал он. Орден подпрыгивал и хлопал по грязному полотну со-

рочки. — Но ты не бойся, я тебя спасу. Да, спасу! Дай мне свою лапку, мое сокровище, и я отведу тебя на крышу.

Не отзываясь на его посулы, Агнесс скользнула к двери. Никуда она с ним не пойдет. От обитателей Виндзора добра не жди, это и так ясно. А от этого господина еще и несет, как из сточной канавы на рыбном рынке.

Призрак все шарил по воздуху, но, так и не поймав ее, топнул ногой и проревел:

— Эмили?! Нет, ты не Эмили! Моя девочка всегда мне верила. Да, вот так. Сомневаться в моих словах равносильно измене. Или ты тоже из этой шайки пройдох? Тебя подослали доктора? Чего молчишь, оглохла, дрянь? Ничего, сейчас ты мне за все ответишь!

Он подался вперед, заколыхавшись, как огромная медуза, но Агнесс уже выскочила в коридор и бросилась вправо. За ее спиной словно вихрь возник. Оглянувшись, она увидела, что он несется вслед, широко расставив руки. Взгляд вареной рыбы ничего не выражал, но рот кривился, выплевывая: «Воо-даа... даа...»

Вопрос о том, как проложить маршрут мимо детской, более не тревожил Агнесс, а встреча с консортом вдруг показалась желанной. Но коридор снова был пуст. Агнесс летела сломя голову, как вдруг взгляд ее зацепился за темневший в стене проем. Девушка бросилась к нему, не успев подумать, что на узкой лестнице схватить ее будет, пожалуй, еще проще. Туфельки заскользили по истертым ступеням, несколько раз она чуть не теряла равновесие. Добежав до первого этажа, отдышалась, но услышала лишь стук своего сердца. Билось оно громко и часто, как церковный колокол во время пожара, и каждый удар отдавался в животе.

Кажется, обошлось. Призрак не стал ее преследовать. Видимо, спускаться в помещения для слуг он считал ниже своего достоинства.

Обессиленная, роняя на ходу шелковые розы, Агнесс поплелась к черному входу. Плечом надавила на дверь и чуть не вывалилась на крыльцо. Только тут она поняла, каким же затхлым был воздух в замке. Пожалуй, в словах принца

есть зерно истины, и миазмов действительно стоит опасаться, хотя, конечно, не в первую очередь — встречаются тут явления и пострашнее.

Оттянув воротничок, Агнесс вдохнула полной грудью. После недавнего дождика пахло землей и мокрой пылью, а еще картошкой с неразгруженной телеги и разбросанной по двору отсыревшей соломой. Агнесс окинула взглядом двор, прикидывая, в какую сторону идти, как вдруг сдавленно вскрикнула. Схватила за ручку двери, но замша скользила по мокрой меди, и тогда девушка прижалась к стене. Шероховатые плиты царапали ей спину, но Агнесс не смела пошевелиться. Ну и дела! Между молотом и наковальней!

У забора широко разлилась лужа, но отражались в ней лишь две бочки и коновязь, а не стоявшая перед ними фигура в рясе. Монах откинул капюшон и, причмокнув толстыми губами, посмотрел на Агнесс.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

«А он — ее», — поджаривая тост у камина, повторял мистер Линден, чувствуя, что с каждым разом злится все сильнее.

Проклятье! Столько раз он зарекался иметь дело с властью имущими! И хотя палата общин состоит из прощелыг, подкупивших избирателей бочонком эля, а палата лордов — из напыщенных кретинов, чьи мысли крутятся вокруг вальдшнепов, гончих и нового седла, попадают в правительстве люди неглупые. Вот как тот же Мельбурн. Как раз они-то знают, что самые жестокие надсмотрщики выходят из лачуг рабов, а лучшие сыщики когда-то хлеба-ли с ворами из одной миски. Из полукровки тоже получится ценный сотрудник. Начнется все не сразу. Сначала его натааскают на тех, кого он и сам не прочь истребить, а уж потом начнут спускать на всех подряд. И тогда одна часть его природы должна будет перебороть другую, или же его разорвет надвое...

От скрипа колес он вздрогнул. Оставив тост обугливаться на каминной решетке, подошел к окну и кивнул Чарльзу, чтобы не загораживал вид. У обочины остановился экипаж, из него едва не вывалилась Агнесс. Визит в королевскую резиденцию не пошел ей на пользу. Шляпки на ней не было, а рыжеватые локоны растрепались так, будто она добрых три часа плясала на празднике урожая.

Цветник на подоле тоже изрядно поредел. Минуту спустя она уже стояла в дверях гостиной. Руки скользили по корсажу, словно она пыталась водворить на место сердце. Взгляд был загнанный.

Мистер Линден считал нужным отвесить ей глубокий, исполненный почтительности поклон, каким и следует встречать особ, входящих в придворные круги.

— Дитя мое! Как счастлив я, что королева не завербовала тебя во фрейлины. Стань ты леди опочивальни, в один миг забыла бы пожилого йоркширского родича...

— Полно вам насмешничать, сэр! У меня такие новости! Такие!

— Ты видела призрака? — спросил Джеймс, сменив насмешливый тон на серьезный.

Чарльз тоже высунулся из-за гардины и, готовый внимать увлекательной истории, сунул за щеку марципан.

— Двух! Один был монахом, но это полбеда. Второй-то оказался еще страшнее.

Ничего не скажешь, отпустил воспитанницу почаевничать с государыней! Мог бы и догадаться, что привидения Виндзорского замка полчищами слетятся к Агнесс, и весело провести время за городом у нее не получится в принципе.

А как в замке не быть призракам? Не мог же там не задержаться дух того, для кого резиденция стала личной психиатрической палатой? При жизни он любил гоняться за фрейлинами, которые разбегались от него с истошным визгом. Один Господь ведает, на что он способен после смерти. Вот кого следует кнутом гнать из этого мира в следующий, раз уж он посмел напасть на Агнесс и лишить ее душевного покоя.

— Чтоб мне весь век давиться итонской овсянкой, если второй дух — это не фермер Джордж! — авторитетно заявил Чарльз.

— Кто-кто?

— Твой непочтительный кузен имеет в виду Георга Третьего, — пояснил Джеймс. — Его прозвали фермером за то, что он слишком въедливо интересовался сельским хозяй-

ством. В Виндзорском парке он держал несколько ферм. Деловитый был государь.

— Тоже мне государь! — скривился юный лорд. — Хорош король, которого привязывают к стулу! Говорят, врачи его лупили почем зря, чтоб не плевался и не орал непристойности. Психопат, как и все ганноверцы.

От его речей у Агнесс вспыхнули щеки.

— Умоляю, Чарльз, не обобщай так! Ведь наша королева его внучка! А она сама доброта и любезность, так радушно меня принимала.

— Агнесс права. Или прекратишь нести крамолу, или я спущу тебе шкуру, а Агнесс обошьет ее канителью. Не отдавать же тебя, в самом деле, палачам.

Угроза не возымела действия, и Чарльз продолжал витийствовать из-за шторы.

— Да таких психопатов даже в Бедламе не сыщешь! Вечно старине Джорджу мерещились наводнения. А когда он не прятался от воды на крыше, то лез с объятиями к дереву, приняв его за датского короля...

— Дерево обнять бывает приятнее, чем иного человека, — поделился мнением мистер Линден.

— А кто такая Эмили? — спросила Агнесс. — Король меня с нею перепутал.

Бормоча имена, Джеймс начал загибать пальцы, сжал кулаки и принялся по новой. Наконец большой палец задергался, подсказывая правильный ответ.

— Должно быть, прозвище принцессы Амелии, пятнадцатого отпрыска короля. Амелия была любимицей отца. Когда она сгорала от лихорадки, он места себе не находил, а как ее не стало, окончательно погряз в безумии.

— Да он из безумия вообще не вылезал. Резвился в нем, как лягушка в кувшине с молоком, а брызги на парламент летели. И потомки его немногим лучше, — снова надерзил Чарльз. — Но довольно о ганноверцах. Не стоят они того. Расскажи, что там за монах рядом с ним отирался.

Но Агнесс так дрожала от волнения, что не могла двух слов связать. Только после чашки горячего чая, за которой,

вопреки порядку старшинства, был послан сам наследник рода, к девушке вернулась способность связно излагать мысли.

Пока она говорила, Джеймс держал ее за руку и ободряюще поглаживал, сожалея, что не может позволить себе большего. Обнять бы ее, прижать к груди, предлагая защиту, утешение и все, чего она ни попросит. Он и сделал бы так — если бы был уверен в ее чувствах. Иначе его объятия покажутся ей стальными тисками, и она забьется в них, как пойманный в силки кролик.

Однажды он пытался удержать ее насильно. Его слепящий, как пурга, гнев истаял от крошечного, но неколебимого огонька ее любви — любви к другому мужчине. Прикрывая тот огонек ладошкой, Агнесс пронесла его сквозь метель, и он освещал ей дорогу до Уитби. А вернулась она с потухшим взором. Все в ней выгорело. Сколько раз он заглядывал ей в глаза, надеясь разглядеть хоть что-то, хоть одну случайную искру от того огня, но не видел ничего, кроме золы.

Агнесс была достаточно деликатна, чтобы припрятать золу за каминным экраном — изысканным, богато украшенным вышивкой, — но при виде него Джеймс едва справлялся с отчаянием. Веселость Агнесс казалась ему натянутой, а та предупредительность, с которой она выполняла малейшую его просьбу, не находила отклика в сердце. Он вспоминал, как она опаздывала к завтраку на полчаса, как дописывала отсебятину в его проповеди. Тогда она упоенно бунтовала, теперь же обеими ногами стояла на той первой, заросшей терниями дороге, что ведет напрямик к райским вратам. Как в землю выросла — не сдвинешь.

Может, оно и к лучшему, думал ректор Линден-эбби. Скоро они вернутся обратно в приход, он — в ризницу, она — в воскресную школу, учить крестьянских девочек петь гимны и вышивать благонравные изречения на полотенцах. Жизнь потечет размеренно. Их приключения в Лондоне останутся чем-то вроде надорванной страницы в семейной Библии — чем-то, что заставляет поморщиться, но, по большому счету, ничего не меняет. Засыпая рядом со своей же-

нушкой, ректор начнет наконец видеть сны, подобающие его сану — о венчаниях, десятинах и жареном гусе на День архангела Михаила. А не о скачках посреди ночи, когда звенит смех женщины, самой дерзкой и отважной из всех, и луна серебрит ее разметавшиеся кудри... При пробуждении ему не придется слизывать кровь с искусанных губ...

— Хочешь еще чаю?

Агнесс помотала головой. Она была слишком поглощена своими злоключениями. Монах, повстречавшийся ей у черного входа, наверняка и был тем самым убийцей. Поняв, что узнан, он имел дерзость послать ей воздушный поцелуй, прежде чем раствориться в воздухе. Когда же он взмахнул рукой, она заметила, как из-под рукавов его грубой рясы взметнулись кружева. У монаха были кружевные манжеты! Ничего более странного и неподобающего она не видывала отродясь.

— Кружевной монах из Ордена Святой Коклюшки, — протянул лорд Линден. — Вот кузина и досиделась за пальцами.

— Все было именно так, как я говорю!

— А фестончики у него на рясе были? А прищепка-паж, чтоб задирать подол для коленопреклонения... Оу! Дядя! — Он осторожно потрогал затылок, к которому приложилась тяжелая десница опекуна. — В Итоне хоть заранее давали знать, когда бить будут.

— Вот и оставался бы в Итоне, где жизнь текла так благостно, — заметил Джеймс, оборачиваясь к Агнесс. — Что до монаха, то я озадачен не меньше твоего. Ты разглядела его в точности? Не могли те кружева как-то проступить сквозь него, скажем, если они послужили ему фоном?

— Он стоял перед забором, а кружева на заборах не растут. Так как же они могли послужить ему фоном?

— Что, если их повесили для просушки?

Воспитанница посмотрела на него так, словно он заявил, что звезды прибиты к небу гвоздями.

— К-кружева? Да чтобы постирать кружева, нужно взять бутылку объемом не менее пинты, обвязать ее льня-

ным полотнищем, закрепив его несколькими стежками, после чего аккуратно обмотать вокруг бутылки кружево и уже в таком виде прополоскать мыльной водой, а как сойдет грязь, выставить бутылку на солнце, а просохшее кружево бережно, дюйм за дюймом, отлепить и, разгладив его между страницами альбома, придавить грузом!

— Раны Христовы, — потрясенно выдохнул Чарльз и схлопотал еще один подзатыльник — за упоминание имя Божьего всуе.

Пастор потер карающую длань. Мальчишка начинал всерьез действовать ему на нервы, а тут еще расследование в который раз зашло в тупик. Хотя, говоря откровенно, в тупике оно пребывало с самого начала.

— Не знаю, что и думать. Ряженный какой-то, а не монах!.. Так. Погодите-ка! А ведь это, в самом деле, может быть маскарадный костюм.

Агнесс согласно закивала, радуясь течению его мысли. Наконец-то прорыв!

— Что ж, поднимем полицейские архивы и выясним, не совершались ли убийства непосредственно во время маскарада. Но одно мне ясно как день — мы имеем дело не с настоящим монахом. Носить кружевную сорочку под рясой было бы извращением любого монастырского устава и издевательством над самой идеей усмирения плоти...

Не договорив, мистер Линден застыл, пораженный догадкой.

«Извращением», — повторил он, беззвучно шевеля губами. Издевательством.

Боже правый!

Братья из Медменхема.

2

Агнесс никак не могла взять в толк, почему бы им не навестить лорда Мельбурна сразу после воскресной службы. То есть днем, в то самое время суток, которое справоч-

ники по этикету застолбили для визитов. А вовсе не ночью, как предлагал мистер Линден. Это неприлично, и так дело не пойдет.

На протяжении службы, растянувшейся на два часа, над ее капором нависало грозное облачко. Девушка ерзала, фыркала и раздраженно сопела.

Вся эта возня не могла не раздражать Джеймса. В церковь Святого Георгия, что на Ганновер-сквер, он пришел с той целью, с какой актеры ходят к конкурентам на спектакли — посмотреть, чем тут можно поживиться. Что ставят, как обустроена сцена, сопровождается ли декламация жестами, а если да, то какими.

В особенности мистера Линдена интересовали проповеди. Свои он брал преимущественно из шеститомника «Британская кафедра: собрание проповедей выдающихся богословов». А когда и этот запас исчерпал себя, поступил так же, как скуповатая кухарка обходится со спитым чаем — высушил и заварил по новой. Теперь ему интересно было узнать, откуда проповеди берет коллега. Не из головы же, в самом деле. Десятины и требы едва ли оставляют время на столь легкомысленные упражнения с пером. Он захватил блокнот, готовясь законспектировать текст, а в свободное время поломать над ним голову, но не мог сосредоточиться. Фырканье Агнесс отскакивало от стройных колонн с золотыми капителями и рассыпалось по полу, выложенному черно-белой плиткой. Как можно писать в такой обстановке?

Конечно, Агнесс вправе злиться, раз уж он не потрудился обосновать свое решение. Но как объяснить подобное барышне? Пришлось сказать, что у него есть свой резон. 13 ноября — памятная дата для бывшего премьера, но ее значение многократно возрастет после заката солнца. Джеймс ведь тоже разузнал, откуда берет истоки осведомленность Мельбурна о потустороннем.

В качестве премьера Мельбурн ему совершенно не запомнился. Прихожане, правда, роптали в кабаке, что если бы Мельбурн оторвал седалище от кресла и сделал что-

нибудь по поводу чего-нибудь, в стране наступило бы благоденствие. Так нет же, его кредо: «Пусть все будет, как есть». И придерживается этого правила он как в политике, так и в частной жизни.

Так вышло и с королевой. Лорд Мельбурн стал первым наставником этой юной особы, едва только переступившей порог детской. И сразу к ней прикипел. Со слезами умиления он следил за всем, что бы ни делала его протеже — примеряла ли она корону святого Эдуарда или кушала баранью отбивную. А когда его правительство потерпело крах, с вежливым поклоном отступил в тень. С тех пор он почти не видится с королевой, ведь бывшим премьерам не положено давать монархам советы. Вот он и не стал навязывать Виктории свое общество. Пусть все будет, как есть.

Или не пусть?

«Она не забыла его. А он — ее».

«Какую игру вы затеяли, милорд?» — мысленно вопрошал Джеймс, возвращаясь домой под аккомпанемент девичьих вздохов.

Чем ближе они подходили к дому, тем сильнее становилось возмущение Агнесс. Увидев в окне гостиной Чарльза, превратившего подоконник в любимое логово, она залилась краской. Не то чтобы мисс Тревельян считала поход в церковь тяжелой повинностью. Она как раз и была из тех редких счастливых, на кого не нападает зевота, стоит им переступить порог храма. Но почему ей пришлось плестись по слякоти четыре квартала, пока Чарльз отсиживался в тепле?

Лорд Линден наотрез отказался выполнять свой долг христианина. По его словам, в Итоне он наслушался проповедей и настоялся на коленях на год вперед. Должна же и его набожность взять выходной! Он не преминул добавить, что в прошлом веке религии вообще уделялось меньше внимания. Тогда только методисты распевали гимны по амбарам, а народ если и шел в церковь, то лишь затем, чтоб погреть босые ноги на устланном тростником полу. Аристократы и вовсе не знали, с какого конца открывать молитвенник. Вот сами спросите у лорда Мельбурна, как пойдете к нему

вечером! Он все подтвердит. Сколько раз его заставляли хрипеть в церкви, куда его на аркане тащила королева!

Дерзкие речи обошлись мальчишке в две затрешины и распухшее ухо, но неволить его дядя не стал. Стоило только вспомнить себя в его возрасте... О, что это было за время!.. Пусть шалопай перебесится. Перед вступлением в палату лордов ему все равно придется признать себя членом англиканской церкви, иначе путь в политику ему заказан.

А ведь из Чарльза получится первоклассный тори. Такой, какие рождаются раз в столетие. Тори защищают монархию от новомодных веяний, а уж по части консерватизма Чарльз всех оставил позади. Он по-прежнему был верен Стюартам.

Политические пристрастия племянника мистер Линден ставил себе в укор. Он помнил, как вдвоем они вернулись с кладбища, где рядом с одной свежей могилой появилась вторая. Меньше чем за месяц мальчик потерял и отца, и деда. Раньше горничные хватались за голову от его проказ. Теперь он стал тенью прежнего себя, не мог не то что смеяться, а даже голос поднять. Дяди он дичился, замирал в его присутствии, как мышь-полевка при виде скользящей крылатой тени. Наверное, наслушался сплетен о том, как мистер Линден спровадил на тот свет обоих титулованных родственников. И боялся, что он следующий.

Нужно было вытаскивать мальчика из этого оцепенения, пока оно панцирем не сомкнется вокруг него. Но как? И тогда Джеймс вспомнил про библиотеку. Сколько раз книги скрашивали его одиночество и поверяли ему свои тайны.

По воле судеб, первой книгой, что легла на колени Чарльзу, была история якобитских восстаний. Мальчишки любят читать о походах и сражениях, рассудил Джеймс и оказался прав. Весь вечер племянник просидел в кресле, листая страницу за страницей и — о, чудо! — болтая ногами, а поутру его голос звенел, когда он пересказывал няне самые захватывающие главы. С тех самых пор Чарльз Лин-

ден был потерян для современности. Не раз он похвалялся, что спихнул бы с трона ганноверца Георга и усадил бы на древний Скунский камень Истинного короля — Чарльза Стюарта, Красавчика Чарли.

Почему, ах, почему он родился так поздно? Над этим вопросом лорд Линден не раз скрипел зубами.

Как истинный тори, он заявил, что ноги его не будет в доме бывшего лидера партии вигов. К Мельбурну Джеймс и Агнесс поехали вдвоем, чему немало обрадовались, ибо дерзость Чарльза, особенно в больших количествах, была весьма утомительна. Если весь вечер им придется щипать мальчишку с двух сторон, толку от визита уж точно не будет.

3

Лондонский адрес Мельбурна отыскался в книге британских пэров — Саустстрит, 39, близ Гросвенор-сквер. Уже перевалило за одиннадцать, когда они оказались перед солидным домом в четыре этажа, с массивной арочной дверью, над которой нависал балкон. Взойдя на крыльцо, Агнесс прищурилась и задрала голову вверх, затем неодобрительно прищелкнула. Ни в одном окне не горел свет, и дом казался погруженным в дрему.

— Право же, сэр, всему есть свои границы. Говорила же я вам, что мы нагрянем слишком поздно. Вот, полюбуйтесь — все спят.

Джеймс улыбнулся в белый шейный платок. Те кутежи, которые в былые дни устраивал Уильям, тянулись ночи напролет, а шум пробуждающегося города служил братьям Линденам колыбельной. Но откуда Агнесс было знать, как поздно ложатся спать аристократы? Вся ее жизнь прошла в провинции. Даже столичный обычай ужинать в восемь вечера, а не в шесть, причинял ей немалые телесные страдания, и несколько раз Джеймс становился свидетелем того, как его протеже, воровато озираясь, бегала на кухню за бисквитами, как только на улице темнело.

Однако лорд Мельбурн был вельможей старой закалки. Такие привыкли полуночничать. Погасшим огням Джеймс находил иное объяснение. Не смутило его и то, что стук дверного молотка стал самым громким звуком на всей Саус-стрит. Никто не торопился отпирать, но Джеймс удвоил усилия. Наконец заскрипела щеколда, и в приоткрытой двери показалась свеча, освещающая чей-то крупный, похожий на перезревшую клубнику нос.

— Кого нелегкая принесла? — осведомилась его обладательница с густым северным акцентом.

— Мы к его милости, — пояснил Джеймс и вновь усмехнулся, когда Агнесс отступила в сторону и сделала вид, что она не с ним. — По крайне срочному делу. Касательно королевы.

— Проходите, коль так.

В другое время он и сам бы удивился, что в доме лорда дверь открывает не лакей, а приземистая, краснолицая старуха, от ситцевого платья и чепца которой разило прогорклым жиром. Но, видимо, крепче нервов ни у кого во всем доме не нашлось. Ведь ночь-то сегодня непростая.

Приказав гостям следовать за ней, служанка загрохотала по лестнице, и каждая ступень визгом отзывалась на ее тяжкую поступь. Огонек свечи прыгал вверх и вниз, выхватывая из темноты углы золоченых рам на стенах. Пару раз экономка подымала свечу так высоко, что видны были лица предков лорда Мельбурна. Джентльмены в париках и треуголках смотрели на чужаков неодобрительно.

Впрочем, к хозяину они имели такое же отношение, как к его незванным гостям. О том, что Уильям Лэм никакой не сын первому виконту Мельбурну, знал весь Лондон. Леди Элизабет, дама крайне общительного нрава, прижила сына от любовника, а ее супругу не оставалось ничего иного, кроме как признать сей плод чужой любви. Утешало его лишь то, что бастард все равно ничего не наследует. Отрадой виконту служил его старший сын, походивший на него как заурядной внешностью, так и скудоумием. Вот он-то и получит все состояние. А бастард пусть себе небо коптит.

Но злодейка-фортуна распорядилась иначе: одарив наследника поцелуем, она вдохнула в его легкие заразу. А после кончины законного сына деньги и титул прибрал к рукам не кто иной, как Уильям Лэм.

Джеймс прокрутил в голове эту историю, и она отозвалась неожиданной болью узнавания. Кажется, он понимает лорда Мельбурна слишком хорошо, и от этого ему становилось не по себе. «А он — ее», — в памяти всплывали слова безумца. На что же можно пойти, чтобы вернуть бывшего друга? И на что он, Джеймс Линден, ректор Линден-эбби, готов пойти сам?

— М'лорррд! — зычный голос выдернул его из размышлений. Служанка остановилась у одной из дверей и яростно в нее заколотила. Свеча в ее руке задергалась, орошая паркет горячим воском.

Послышался скрип кресла, а вслед за ним голос хозяина — низкий, протяжный.

— Что тебе? Еще рано.

— К вам джентльмен и девица, бают, будто бы по делу, а вот сумлеваюсь я. Чай, не до гостей вам нонче, в такую-то ночь.

— Пусть войдут, — милостиво разрешил лорд.

Вопреки этикету, Джеймс не пропустил вперед Агнесс, но, отстранив ее, вошел сам и огляделся по сторонам, однако не заметил ничего неподобающего. Кабинет как кабинет. Вместо газовых горелок его освещали восковые свечи в разлапистых, украшенных гирляндами канделябрах. В мягком свете таинственно мерцало золотое тиснение на корешках книг, которых были тут сотни. Прикрыв глаза, Джеймс втянул запах книжной пыли с тем же наслаждением, с каким пропойца, перешагнув порог питейного дома, впитывает ароматы мятного джина. Лорд Мельбурн знал толк в литературе. Никаких сочинений Диккенса, только классики. Хотя попадались здесь и те книги, с которыми мистер Линден свел более чем тесную дружбу в библиотеке Линден-эбби.

Хозяин развалился в глубоком кресле у окна, вытянув больную ногу на скамеечку. Несмотря на поздний час или

же, вероятнее, отдавая ему долг, Мельбурн был одет в безукоризненно отглаженный фрак, бордовый галстук и жилет с золотыми разводами, очевидно модный. Внушительные бакенбарды резко темнели на фоне мучнисто-бледного лица. Видимо, старый бонвиван успел их подкрасить. При виде гостей он приветственно закричал, но подниматься, конечно, не стал — удар давал о себе знать.

— Ба, мистер Линден, мисс Тревелия! Какими судьбами? Пришли скоротать ночь за беседой и обильными возлияниями или же вы по делу?

— По делу, — отрезал Джеймс, подзывая Агнесс, которая озиралась в непривычной для себя обстановке и в целом держалась скованно, как и подобает хорошо воспитанной девице.

Краснея перед вельможей, она рассказала о своих приключениях. Милорд слушал ее очень внимательно. Даже левая, неподвижная часть его лица ожила: густые брови хмурились, на пухлых скулах ходили желваки. Наверное, так же напряженно, подавшись вперед, он выслушивал доклады на заседаниях кабинета министров. Когда же Агнесс дошла до эпизода, поражавшего ее своей значительностью — до кружевных манжет, — лорд с досады саданул по столу.

Чайные приборы, расставленные на пунцовой скатерти, подскочили и возмущенно тренькнули. А кстати, зачем тут все эти чашки, блюдца и пустой молочник? В кабинете джентльмена уместен скорее графин с кларетом...

— Каков подлец! — кипятился лорд Мельбурн. — Одно дело Лондон, где и так каждой твари по паре. Тут вам и оборванцы, и беглые подмастерья, и прочий сброд, к которому питает такую приязнь мистер Диккенс!.. Эххмм... Как тут не быть привидениям? Так нет ведь, оказывается, и Виндзор ими кишмя кишит, как ирландская гостиница клопами. Мистер Линден, вы-то куда смотрите? Уж изловите супостата, сделайте нам всем одолжение.

— Всенепременно, — заверил его Джеймс, и от него не укрылось, что премьер вздрогнул. Такой готовности он не

ожидал. — Но для начала я хотел бы кое-что проверить, — добавил мистер Линден, присаживаясь. — В нашей домашней библиотеке была книга о Клубах Адского Пламени, а в ней гравюра, изображавшая одного из так называемых братьев. Довольно известная гравюра. Я обошел всех лондонских книготорговцев, но никто не смог ее найти. Не в Линден-эбби же за ней посылать.

— Как же, помню, — отозвался лорд. — В свое время такими гравюрами приторговывали все печатные лавки. А уж чем простонародье к витринам приманивали — Боже правый! Мисс Тревельян, дружок, если вас не затруднит, подайте мне альбом вон с той полки. Левее, левее. Да, вот этот, в алом сафьяновом переплете. Кажется, необходимый нам артефакт находится здесь.

Гравюра отыскалась, но не сразу. Сначала Джеймсу пришлось пролистать с полсотни плотных листов, между которыми были вложены разные гравюры, акварели, аккуратно вырезанные иллюстрации из старых книг. Встречались там разные сюжеты, однако общая, довлеющая над всей коллекцией тема стала ясна странице к десятой. Джеймс едва удержался, чтобы не захлопнуть альбом. Наверняка в Итоне Чарльз видел и более вопиющие сцены насилия человека над человеком, подумал пастор, но гадливости от этой мысли не убавилось.

Острый локоток Агнесс давил ему на плечо. Девушка с любопытством рассматривала картинки и в простоте своей не понимала, какого рода удовольствия предпочитает почтенный вельможа. Что ж, пусть невинность станет ей щитом. Тем не менее лорду Мельбурну он послал уничижительный взгляд, словно тот был фермером, ввалившимся в церковь с бутылкой под мышкой. Вот ведь старый греховодник! Мог хотя бы предупредить.

— Ой, на этой картинке женщину кто-то бьет, — всплеснула руками Агнесс. — И на этой. Бедняжка.

— Это ничего, мисс Тревельян, — хохотнул Мельбурн. — Женщины как раз и созданы для того, чтобы их шлепали... иногда. Так они вызывают больше сострадания.

С невероятным облегчением Джеймс поднял лист тончайшей рисовой бумаги, под которым таилась искомая гравюра.

С первого взгляда казалось, что изображен на ней монах, склонивший колени в молитве. Лишь оправившись от первого шока, зритель начинал воспринимать и другие детали гравюры: кружевной воротничок и манжеты «монаха», его нимб, похожий на полумесяц с недоброй усмешкой, раскрытую перед ним книгу, которая никак не могла быть часословом. Вместо тонзуры — грива черных волос, вместо печати набожности на челе — усмешка полных, чувственных губ. И взирал монах не на распятие, а на развалившуюся перед ним миниатюрную девушку. Та была в костюме Евы. Одну руку она завела за голову, потягиваясь в истоме, а где была другая рука, пастор предпочитал не знать.

За его спиной громко ахнула Агнесс.

— Да, это он! Тот самый призрак!

— Похоже, мы нашли нашего злодея. Это сэр Фрэнсис Дэшвуд в образе святого Франциска. Сэр Фрэнсис был председателем Клуба Адского Пламени, действовавшего в Лондоне в прошлом веке. Точнее, аббатом, потому что члены клуба собирались в Медменхеме, в бывшем аббатстве. Там они рядились в монахов и насмехались над церковными ритуалами. Отсюда и кружева под рясой вместо власяницы.

Говоря это, он пристально смотрел на Мельбурна — уж не забегают ли глаза под клочковатыми бровями. Но если бывший премьер и был замешан в этой истории, виду он не подал. И немудрено — баталии в парламенте закалили его волю. Лорд Мельбурн не был блестящим политиком, но чего-чего, а выдержки ему было не занимать.

— Что ж, меня не удивляет, что после смерти братья не оставили старые повадки. При жизни они... кхмм... весьма неплохо уживались со своей темной стороной.

— С чем? — переспросила Агнесс. Вигский выговор ставил ее в тупик: слово «темный» в устах Мельбурна звучало как «теоуммный».

— У каждого из нас есть своя темная сторона, мисс Тревельян. И она же есть у нашего мира. Ее составляют феири и иже с ними. — Он вежливо кивнул мистеру Линдену, как и следует, когда упоминаешь кого-то в разговоре. — Но хотя они темная сторона цивилизации, это не означает, что их надобно истреблять... Гм-м... Точно так же, как не следует выкорчевывать пороки из души, потому что там может вообще ничего не остаться. Зачем выплескивать дитя с крестильной водой? Нет, с темной стороной можно ужиться. Можно сохранить баланс.

— Во всем-то вы правы, милорд, кроме одного — братья из Медменхема не сохраняли баланс, — возразил Джеймс. — Ни в жизни, ни после нее. Темная сторона составляла всю их суть. Ходили слухи, что они продали душу дьяволу, и, судя по всему, так оно и было. Мы имеем дело с очень опасным противником.

— Что же вы теперь намерены предпринять?

«Так я вам и сказал».

— Об этом мне еще предстоит подумать. Пока же я намерен попросить у вас чашечку чая. Тем более что все нужное для чаепития уже на столе.

Лорд Мельбурн позвал экономку, ту сумрачную йоркширку, что отперла им дверь. Выслушав его распоряжение, она покачала головой, но повиновалась. Следующие десять минут лорд Мельбурн, переключивший все внимание на Агнесс, развлекал ее светской болтовней. Виг до мозга костей, он не стерпел бы, чтобы дама томилась от скуки. Его доброжелательная, хотя и несколько однобокая улыбка растопила ее скованность. Скоро Агнесс уже хихикала, слушая анекдот за анекдотом, да и Джеймс поневоле втянулся в беседу. Рассказчиком Мельбурн был превосходным. Память его напоминала бездонный колодец, из которого он мог начерпать историй на любой случай и любой вкус.

Трогательно приоткрыв рот, Агнесс ловила каждое слово. Должно быть, точно так же премьеру когда-то внимала королева, едва перешагнувшая порог детской. Слушала и не могла поверить, что все эти сокровища принадлежат

ей. Кладовая ее памяти, где пылились вырезки из учебников да материнские наставления, наполнялась восхитительными пирожными, и начинкой в каждом была тайна, и вкушать их можно было до бесконечности. Виктория была голодна, а он накормил ее досыта. И тогда она полюбила своего нового друга так пылко, что напрочь забыла о приличиях и своим поведением дала повод для пересудов.

Неужели все это в прошлом? Нельзя же просто так выкорчевать память о друзьях? Корни дружбы залегают глубоко. Они пускают ростки, даже если над землей не осталось и пня. Оглянешься вокруг — и видна поросль, зеленая, как надежда и волшебство.

«Она не забыла его. А он — ее». Так можно сказать и о них с Лавинией.

На анекдоте о том, как Георг IV не пускал на коронацию свою жену, в кабинет вернулась экономка. Она грохнула поднос с такой силой, что из чайника выплеснулась заварка. Сочтя книксен излишеством, молча развернулась и ушла. Агнесс вскинула брови. Вот так бесцеремонность! И при таком знатном господине! Ее замешательство не укрылось от пронизательных глаз милорда.

— Я редко отчитываю слуг, — посмеиваясь, объяснил он, когда Агнесс поднесла ему чашку. — Иначе мне пришлось бы разговаривать с ними, а от этого они начинают слишком много о себе мнить.

Но Джеймс догадывался, чем на самом деле вызвано недовольство старой служанки. Кому-то же придется приводить комнату в порядок после того, как здесь появится еще один гость. Вернее, гостья. Ради встречи с ней он выбрал именно эту ночь.

Джеймс пригубил чай и чуть поморщился.

— Хороший чай, но дешевый фаянс портит его вкус. Неужели у вас не нашлось сервиза получше? — Он поднял чашку, разглядывая донышко. — Или всю посуду с гербами она уже успела перебить?

На миг ему показалось, что лорда хватит новый удар, уж слишком громко, со свистом, он втянул воздух, и от

лица отхлынула кровь. Но то была лишь минутная слабость.

— Как вы догадались... эмм-э... про нее?

Голос лорда был ровным, и лишь дрожание руки, когда он оглаживал бакенбарды, свидетельствовало о пережитом потрясении. Мистер Линден попытался вызвать в себе сочувствие к старику, но не смог. Уж слишком они с Мельбурном были похожи.

А к себе он не испытывал ни малейшего сострадания. Только злобу.

— Вы думаете, сэр, что только вам позволено ворошить чужое прошлое?

— Вы не ошиблись, мистер Линден. Как не ошибся и я, поручив вам расследование этого дела. Ум ваш остр.

Мельбурн тоже взял со стола чашку, словно поднимал за хвост дохлую крысу.

— Однажды... мхмм... Каро перебила посуды фунтов на двести, а после так раскаивалась, что торговалась с молочником из-за сыра — хотела проявить себя хорошей хозяйкой. Зачем повторять былые ошибки? Она безумна. Что ей стоит вообразить роскошный Веджвуд вместо этого чертова фаянса? Ведь и про нашего сына она говорила, что он изящно изъясняется по-французски, хотя он едва мог нацарапать свое имя и забывал чистить зубы по утрам. Наш сын Август родился идиотом, мисс Тревельян... Эм-хм... я, право же, не знаю, зачем все это вам рассказываю.

— Кого вы имеете в виду, сэр?

— Как это — кого? Леди Каролину Лэм, мою дражайшую супругу. Покойную. Сегодня день ее рождения, и я просто жду не дождусь, чтобы поздравить ее с сим знаменательным событием. В эту ночь она всегда меня посещает. Я загодя даю слугам выходной. При жизни она, бывало, гонялась за прислугой с кочергой... гм... не хотелось бы так рисковать. С последними лучами солнца старая матушка Симкинс накрывает на стол и уходит к себе. Небеса благословили ее не только тугоухостью, но и равнодушием, посему она не задает лишних вопросов, когда поутру я зову ее прибрать в кабинете.

— Миледи появится в полночь? Так эффектнее, — предложила Агнесс.

— Вы правы, Каро всегда была любительницей дешевых трюков... Сколько сейчас времени? Я, знаете ли, не держу часов, меня раздражает их тиканье.

Чашки на столе треснули одновременно. Чайник, сахарница и молочник последовали их примеру минутой позже. Запятнанная скатерть поползла по столу, словно ее тянули за угол, но остановилась прежде, чем посуда посыпалась на пол.

— Я знаю, что ты можешь видеть нас, милое дитя, — произнес тихий, хрипловатый женский голос.

4

Воздух задрожал, как в часы полуденной жары, и рядом со столом появилась невысокая, весьма миловидная леди. Выглядела она изможденной, глаза ввалились и лихорадочно блестели, губы потрескались, и она беспрерывно стискивала и теребила пальцы, то и дело принимаясь ковырять кожу возле ногтей, и без того покрасневшую и опухшую. Каролина была коротко острижена. Хотя Джеймс знал, что в начале века леди носили подобные прически, все же знать — одно, а видеть — другое. Впечатление было отталкивающим. К тому же волосы поредели, выглядели сваявшимися и сальными.

Стрижка довершала образ безумия, и даже сияние темно-лилового муарового платья и мерцание бриллиантов в серьгах не улучшало впечатления. Перед смертью леди Каролина Лэм выглядела прескверно, и кончина отнюдь не пошла ей на пользу.

— Я умею прятаться от таких, как ты. Меня научили. Даже ясновидящие не увидят меня, пока я не захочу. Я знаю, как прятаться от людей. Никто не нарушит моего уединения, пока я не пожелаю, — прошелестела призрачная дама, обращаясь к Агнесс. — А если бы тебя здесь не

было, девочка, я бы сделала так, чтобы эти чашки взорвались, и джентльменам за столом пришлось бы уворачиваться от осколков. Я бы устроила небольшой ураган из чая, фаянса и серебряных ложечек...

Последние слова были произнесены с нескрываемым сожалением об упущенной возможности. Однако на Агнесс леди Каролина смотрела с симпатией и вроде бы даже с жалостью.

— Сегодня я этого не сделаю. Если бы за столом были только джентльмены... О, я бы показала им чудеса! Но я не хочу, чтобы осколок задел твое милое личико. Тебе еще предстоит настрадаться, слезы смоят красоту и свежесть, и не я стану виновницей того, что отражение в зеркале перестанет тебя радовать. Не я... Он, — леди Каролина Лэм кивнула на Джеймса. — Но я все равно тебе завидую. Тебя ждут не только страдания, но и наслаждение. Ах, какое упоительное наслаждение тебя ждет, когда он, наконец, решит взять тебя к себе в постель...

— Каро, — с усталым укором произнес Мельбурн, без надежды увещевать покойную супругу, а всего лишь переводя ее внимание на себя.

Леди Каролина взглянула на него и зло поджала губы. Осколки чашки на столе взлетели и закружились, распадаясь мелкие и острые кусочки. Милорд отмахнулся от них, как от назойливых насекомых.

— Ты никогда не понимал. Ты ничего не мог. Ты даже желать по-настоящему не умел. И удержать свое... ты не умел тоже. — Голос леди Каролины взмыл от тихого шелеста к пронзительному визгу. — Ты не пожелал удержать свое! Свою женщину! Ты мог только изображать терпение и добродетель! И все сочувствовали тебе: ах, бедный Уильям Лэм, он настоящий джентльмен, он не бросил жену, несмотря на ее позор и безумие, несмотря на то, что она способна рожать только мертвых младенцев и слабоумных! Он простил ей измену! Он оставался с ней до конца, сидел у ее смертного одра! Благородный Уильям Лэм! Бессильный, ничтожный, убогий Уильям Лэм! Лицемер.

Каролина резко отвернулась от мужа, словно потеряв к нему интерес, скользнула к Джеймсу, склонилась к нему и жадно вдохнула аромат его волос.

— Аромат леса и похоти. Я научилась отличать вас по запаху. От вас всегда пахнет так, что невозможно устоять. Вы сами по себе соблазн, даже когда не пытаетесь соблазнить. Но от вас, преподобный, пахнет зимним лесом и холодом.

Джеймс отшатнулся. Ему почудилось, что на ее лице, словно оттиск камня на горячем воске, проступили иные черты.

...Лавиния. Белокурые волосы волной упали на плечи, переливаясь в лунном свете. Лавиния схватила одну прядь и дернула так, что натянулась кожа на виске. В руке что-то сверкнуло, и тугой локон упал, рассыпаясь на отдельные волоски. За ним последовал другой. Лавиния кромсала волосы бритвой, прядь за прядью, а когда их больше не оставалось, поднесла нож к груди...

Мгновение — и наваждение развеялось. Только призрачная дама кружила перед ним, источая ароматы склепа и платяного шкафа, где годами отсыревали шелка и нити плесени вплетались в кружево.

— А от него пахло апрельским ветром, юной травой. Мой поэт. Вы же слышали сплетни о нас? Все слышали. Все слышали, как я переоделась в пажа, чтобы бежать за его каретой. Как я пыталась покончить с собой ради любви к нему. Моя любимая сплетня — о том, как я явилась на маскарад полуобнаженной! Даже жаль, что на самом деле я ничего такого не сделала.

Леди Каролина кокетливо улыбнулась и вдруг помолодела, ее кожа разгладилась, появился нежный румянец, и даже подстриженные волосы легли чистыми шелковистыми колечками.

— Но было много другого, что я вспоминаю с блаженством и болью. Вы ведь думаете, что я осталась неупокоенным духом, потому что умерла в безумии? Или потому, что была неверной женой и меня тяготит мой грех? Ничего

меня не тяготит, кроме смерти... Моей и его... Кроме вечной разлуки.

Без прелюдий, она упала на колени и разрыдалась в голос, завывая, как раненое животное. Вцепилась в свои короткие волосы, раскачивалась из стороны в сторону. Дорожки слез прожгли на ее лице борозды, и плоть начала распадаться, истлевать на глазах. Оставалось радоваться, что закрытое платье с длинными рукавами не позволяет разглядеть, что происходит с ее телом.

— Я никогда его не увижу! Если бы я верила, что такие, как он, уходят в ад — я пошла бы за ним в ад. Но говорят, что у них вовсе нет души, и нигде мне его не встретить, ни на единый миг, и все, что осталось мне — моя память. Вспоминать, как все было, каждое свидание, каждый поцелуй, каждое прикосновение. Но от воспоминаний так больно, ведь приходится помнить и все остальное: как он меня отверг и как я потом его предала. Он не виновен, это всего лишь его природа, соблазнять и забывать. А я виновна перед ним.

Каролина метнулась к Агнесс и приблизила к ее лицу свое жуткое, полуистлевшее лицо. Еще живые и влажные глаза ворочались в ввалившихся орбитах, а веки ссохлись, обнажая край кости, и слезы выжгли в щеках дыры, сквозь которые можно было видеть потемневшие зубы.

— Не предавай его. Ты себя потом не простишь. Не сопротивляйся страсти. Ты у себя отнимаешь радость. Посмотри на меня! Все мы умрем, и ты будешь когда-то такой же, как я сейчас. Но пока у тебя есть время для наслаждения. Мало, так мало времени, но оно есть! Бедная девочка. Счастливая, ты не знаешь, какая ты счастливая! — И вновь обернулась к Джеймсу: — Берегитесь, преподобный охотник на нечисть. Будьте очень, очень осторожны с Уильямом. Когда-то он не смог соперничать с такими, как вы. И тогда стал их изучать. Уильяму казалось, это ставит его на ступень выше. Помнишь, как ты читал о них, запершись в библиотеке Брокет-холла?

Мельбурн шевельнулся в кресле. Нога его соскользнула со скамеечки, начищенный до блеска ботинок стукнул

о паркет. Странно было слышать настолько обыденный звук посреди завываний мертвой леди.

— Что мне оставалось делать? Не мог же я появиться в столице, когда, что ни день, ты забавляла газетчиков новыми выходками. Я попытался извлечь хоть какую-то пользу из дурацкого положения, в которое ты меня поставила.

— Поэтому ты начал изучать иные миры.

— Да. Прежде ни фейри, ни духи не вызывали у меня сколько-нибудь значительного интереса...

— Но я разожгла в тебе страсть исследователя, ведь так? О, да, расчет в жизни моего мужа был превыше всего. Даже когда он остался рядом со мной, безумной и опозорившей себя адюльтером, это был расчет. Уильям хотел выглядеть благородным джентльменом. До конца. И вот теперь он научился сотрудничать с полукровками. Тех, кого он когда-то мечтал уничтожить, он принимает в своем доме. Делает вид, будто относится к вам, как к людям. Но в награду за услуги он предаст вас. Он считает, что так — справедливо. Берегитесь, преподобный.

Такие предупреждения стоит принять к сведению. Не нужно уважать нечисть, чтобы попросить ее об услуге...

— Как мне жаль! — возвестила непоследовательная леди. — Как жаль, что я не могла просто любить тебя, Уильям. Просто любить тебя и радоваться тому, что ты мог мне дать.

Она заскользила к мужу, оставляя за собой дорожку пепла. Ни один мускул не дрогнул на его лице. С тем же невозмутимым выражением он смахнул с колена полу сюртука, приглашая жену присесть.

— Как жаль, что мне всегда было нужно что-то особенное, — леди Каролина застыла в шаге от мужа. — Звезда с небес. Он был моей звездой. А ты был — как хлеб. Скучный, как хлеб. Как бы я хотела нуждаться только в хлебе. И какое это было счастье — владеть звездой. Пусть недолго, но я им владела... А ты и по сей день мой. И никуда не денешься. До гроба, Уильям, до гроба!

«Не всем нужна звезда, — успел подумать Джеймс. — Иные удовольствуются хлебом, лишь бы на нем был гу-

стой слой меда. Вот Виктории звезда совершенно не-зачем».

Пронзительный голос Каролины еще звенел в тишине, а сама она упала на пол грудой костей и ветхой ткани, рассыпалась бурым прахом, и словно бы сильный, но неосязаемый ветер сдул прах с паркета...

...Отрезанные локоны падают, точно перья подстреленной цапли...

...Третья дорога жестока к просящим...

5

— Если вам угодно, я могу вновь призвать миледи, — предложил мистер Линден.

Во взгляде, которым одарил его Мельбурн, гнев и ужас медленно растворялись в восхищении.

— Вы с ней... недоговорили?

— Нет. Миледи высказалась в полной мере.

— Всегда была словоохотлива, — поддакнул милорд. — Женщины подчас такие трещотки.

И он мечтательно покосился на альбом, который Агнесс уже поставила на полку, между сочинениями Мальтуса и Адама Смита. Оставалось надеяться, что фантазии милорда являются следствием его семейных неурядиц, а вовсе не их первопричиной. Хотя как знать, какими методами он призывал к порядку свою ветреную Каро, капризную, как малое дитя. Досталась ли ему невеста с червоточиной в сердце, или же его темная сторона капля за каплей просочилась в ее сознание, превращая мутноватую водицу в бурую жижу? Так или иначе, дело закончилось безумием.

Но кто посмеет упрекнуть леди Каролину за то, что она потянулась к волшебству? Пусть запотеет в его руке камень. Недаром же Гоббс называл человеческую жизнь «мерзкой, звериной и короткой». Один взгляд на звезду испепеляет разум, но еще страшнее непроглядная тьма... И кто посмеет упрекнуть Лавинию?

— Я мог бы провести обряд экзорцизма. Прямо здесь и сейчас. Душа леди Каролины упокоилась бы с миром и перестала терзать вас.

Агнесс съежилась в кресле и тихо всхлипывала, прикладывая к глазам платочек, но, услышав эти слова, привстала. Шелковые юбки всколыхнулись, сметая с паркета пыль и табачную крошку.

— Да, пожалуйста, давайте ее упокоим! Велите экономке принести из кухни соль и свечи. — Она уже деловито оглядывалась, прикидывая, что из мебели придется отодвинуть, чтобы в центре комнаты поместился соляной круг. — В качестве колокола сгодится колокольчик для прислуги...

— ...а молитвенник одолжим у соседей, — кивнул Джеймс. — Откуда в доме виги взяты молитвеннику?

— И то верно, откуда? — согласился Мельбурн.

Он пожевал губами, словно пробуя на вкус жизнь, лишенную подобных треволнений.

— Благодарю вас, однако ж ваше предложение отклоняю, хотя подобная забота, безусловно, мне льстит. Но пусть все будет, как есть. Не надо ничего менять.

— Но она же так страдает! И вы вместе с ней.

— Эм-м... вы еще так юны, мисс Тревелиян. Ваши помыслы чисты, как родниковая вода. Со временем вы поймете, что не всяк, кто страдает, достоин сочувствия. Иные заслуживают даже горших мук.

— Мое сердце думает иначе!

— Сердцу нечем думать, — отрезал Мельбурн и, желая смягчить резкость, неуместную в обращении с дамой, добавил примирительно: — И разве это трагедия? Так, пустяковина. Я уже притерпелся. Иное дело, когда у наших лучших друзей заводятся свои лучшие друзья. И это не мы. Из-за любви сходят с ума, кончают с собой или, если хватит благоразумия, бегут за тридевять земель, но совершить все те же безумства из-за дружбы — это было бы нелепо. Не правда ли, мистер Линден? Посему нет ничего горше участи покинутого друга. Негде ему искать утешения.

— Вы говорите о королеве? — поинтересовался Джеймс, стряхивая с кресла прах, прежде чем в него присесть.

— О ком еще?

Лорд Мельбурн искал, чем бы смочить горло, но чай и молоко растеклись по полу и просачивались в щели между половицами. Вздыхнув, милорд просительно пошевелил пальцами, и Агнесс кинулась наливать ему херес из хрустального графина, чудом уцелевшего во время буйства леди Каролины. С канделябра на граненые бока накапал воск, вино успело нагреться, но лорд Мельбурн опрокинул рюмку с нескрываемым наслаждением. Промокнув губы, протянул платок Агнесс. Девушка сложила его вчетверо и затолкала обратно во внутренний карман фрака.

Вот какой ей нужен дядюшка, подумал Джеймс. Такой, чтобы можно было подносить ему рюмку и вышивать подтяжки бисером. А не тот, который потащит ее охотиться на дьяволопоклонников в подвалах Медменхема.

Вино вернуло милорду красноречие:

— Когда леди Каролина явилась мне впервые, в таком, с позволения сказать, своеобразном облике, я не почувствовал даже страха. Что с того, что она бросила горсть пепла на пожарище?... Кхэ... И другие леди после нее — леди Бранден, леди Нортон, леди... как бишь ее? Не важно... Одни были глупы и пошлы, другие остроумны и с нашими вигскими вычурами. Но какая разница? Все они приходили и уходили, не оставляя за собой ничего, кроме гаденьких писем, которые слали мне потом их мужья... И на этом фоне — представляете? — Виктория! Вы ведь говорили с ней, мисс Тревельян. Вы поймете мои чувства.

— Наша королева обворожительна, — без запинки подтвердила Агнесс. — Ее ласковость так и греет.

— Что верно, то верно. Но только... мн-н... только если ты в ее ближнем круге. И она, только она сама очерчивает его границы. А я, старый дурак, разомлел, что твой кот у камина, и подумал было, будто всегда буду греться в ее лучах. И не заметил, как похолодало, а когда проморгался,

рядом с ней сидел другой мужчина. И граница их круга была мощнее Адрианова вала.

— Она поступила дурно, отрекшись от такого верного друга, как вы, — заметил Джеймс.

— Она — королева. И не обязана ничего никому объяснять.

— Забавно. Говорят, будто леопард не меняет пятен, но преданность ее величеству превратила вас в твердолобого тори. Разве вы, будучи вигом, не должны считать, что монарху не полагаются особые привилегии?

— Вы бы посидели в парламенте с мое, сэр, а уж потом рассуждали бы о партиях, — оборвал его Мельбурн. В кои-то веки вельможе изменила его всегдашняя любезность. — Что виги, что тори, всем подавай только одно — власть, и получает ее тот, кто бойчее остальных орудует локтями, а вовсе не самый смысленый участник гонки... Кх-м... И, если уж на то пошло, здравого смысла у нашей королевы больше, чем в обеих палатах вместе взятых. Не говоря уж о совести. У меня найдется немало аргументов против единовластного правления, но когда я смотрю на Викторию, они рассыпаются в прах. Она — лучшее, что могло случиться с Англией.

«Боже праведный, предо мной сидит виг — сторонник самодержавия, — присвистнул про себя Джеймс. — Мир окончательно сошел с ума».

— Если бы только она не вышла замуж так рано, — добавил Мельбурн. — И за такого человека.

— Вы не одобряете ее выбор супруга?

— Кто я такой, чтоб быть судьей в подобных вопросах? Но, да, черт возьми, не одобряю.

— И я! — пискнула Агнесс и стрельнула глазами по сторонам, словно опасаясь, что в малахитовой вазе, занимавшей целый угол, притаились шпионы принца. В Виндзоре он нагнал на нее немало страха.

— Тем не менее нравственные качества принца Альберта не подлежат сомнению, — сказал мистер Линден, вспомнив про свой сан.

Он потерял шарф, на котором остались следы пепла, там, где батиста коснулись пальцы призрака. Иногда ему казалось, что если затянуть шарф совсем уж туго, в голову перестанет поступать кровь, привнося с собой свежие мысли, и тогда под черепной коробкой останутся одни лишь клише, что, безусловно, облегчило бы ему жизнь.

— В том-то и беда, — опечалился бывший премьер. — Королева радовалась, что Альберт не знает с другими женщинами, а я ответил... не при барышне да будет сказано, но из песни слова не выкинешь... я ответил, что и этому придет свой черед. Как же я ошибался! Альберт, пожалуй, единственный принц на всю Европу, кто обходится без метрессы. Его батюшка, герцог Эрнст, заманил к себе в замок парижскую певичку и, решив не тратить на провожатого, велел ей переодеться мальчиком. А вместо спальни определил ее в сарай, чтобы много места не занимала. Второй сын герцога, тоже Эрнст, приехал в Англию погулять на свадьбе брата, а в качестве сувенира увез домой дурную болезнь.

Джеймс кашлянул, напомнив о присутствии дамы, но лорд Мельбурн бровью не повел. У него накопилось.

— Лучше бы его высочество на сторону сходил, чем день-деньской маячить у жены за спиной. Королеве думалось бы вольнее, если бы ей постоянно не сопели в ухо.

— Как пастор я нахожу целомудрие принца похвальным.

— Так-то оно так, мой дорогой сэр, но вы представляете, сколько у его высочества нерастраченной энергии? И она конечно же его душит.

— И подбивает на дурные поступки, — согласилась Агнесс. Долго же она будет припоминать принцу то овечьё сердце!

— Совершенно верно, мисс Тревельян. Настроить жену против старых друзей — этот поступок хорошим уж точно не назовешь.

Вновь пригубив херес, Мельбурн ослабил шейный платок. Точнее, развязала его Агнесс, намучившись смотреть, как милорд сражается с узлом.

Левая его рука была бесполезна. Пальцы согнуты, как у мертвой птицы, ногти пожелтели, хотя по-прежнему аккуратно подстрижены и тщательно отполированы. Если его раздражало, как она болтается, Мельбурн клал руку на колено и, задумавшись, постукивал по ней, словно по крышке часов или еще какому-то неодушевленному предмету. Свое увечье он принял с тем же равнодушием, что и прочие невзгоды, в изобилии усыпавшие его жизненный путь.

Только одно имя наполняло жаром его слова. Вернее, два имени. Виктория и Альберт.

— Раньше у меня были личные апартаменты и в Виндзоре, и в Букингемском дворце, теперь меня не приглашают даже на ужин. Иногда я подъезжаю к Букингемскому дворцу в своей карете. Я жду, когда стемнеет, чтобы зажгли свет и я мог бы различить силуэты за окном. Я вижу, как она скользит по гостиной, мне даже кажется, что я слышу ее смех...

— А что бы вы сделали, чтобы вернуть дружбу королевы, милорд?

Этот вопрос Джеймс собирался задать между делом, растворив его в беседе, словно гран мышьяка в бокале вина, но как же ему опостылело ходить вокруг да около! Он охотник, а не дознаватель. По мышцам прокатилась волна азарта, заставив их содрогнуться. Это было приятно и больно, все равно что наступать на затекшую от долгой неподвижности ногу.

Взгляд милорда, затуманенный винными парами, сделался вдруг цепким, оценивающим. Левая сторона лица застыла неподвижно, как осколок маски, на правой же прорезалась добродушная улыбка. Какой из них верить?

«Он предаст вас, — шелестел незримый голос. — Он считает, что так справедливо».

— Что бы я сделал? — протянул Мельбурн и подмигнул гостю. — О, я сделал бы все, что позволительно джентльмену, мистер Линден. Все и ни одним поступком больше.

«Так что же, по-вашему, позволительно джентльмену? — едва не выкрикнул Джеймс. — И что позволяли приличия

в вашем веке, о котором так грезит Чарльз? Устранить соперника на дуэли? Но что, если вы слишком немощны, чтобы удержать пистолет, зато тесно связаны с потусторонним миром? Уж не пришла ли к вам старая когорта на подмогу?»

В той суматохе было не разобрать, в кого целился одержимый — в королеву или в принца-консорта. Пуля могла предназначаться Альберту. Из всего, что Джеймс знал о Клубе Адского Пламени, безусловно следовало, что святошу из Кобурга Дэшвуд прикончил бы с особым удовольствием. Кого сэр Фрэнсис не терпел, так это праведников. С ханжой можно договориться, из лицемеров получают лучшие компаньоны для похода в бордель. Но истинного праведника ничем не проймешь. А принц-консорт был из этой породы. Под его благочестивым взором вянет порок, от ослепительной белизны его сердца все искушения бросаются наутек. Такого соблазнить невозможно. Только убить.

А сколько времени пройдет с момента его смерти, прежде чем из Букингемского дворца в Брокет-холл полетит письмо? Нисколько. Тем же вечером королева будет хватать Мельбурна за руки и орошать слезами его жилет с узором из павлиньих перьев. На похоронах он будет поддерживать ее под локоть. Потому что, кроме него, у нее никого не останется. И вокруг них, королевы и ее старого друга, вновь сомкнется круг...

«Если все так, то я вас понимаю, милорд. Но все равно покончу с вашими сообщниками, сколь бы ловки они ни были. Все потому, что они добыча, а я гончий пес, и ничего тут не поделать. И еще потому, что теперь я знаю, как с ними совладать».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Когда леди Мелфорд сообщили, что к ней с визитом преподобный Линден, повела она себя наихудшим образом: как чувствительная девица при упоминании имени жениха. Огромного усилия воли ей стоило не заметаться, не побежать ему навстречу, не бросаться в гардеробную в поисках платья покрасивее... Только насмешка в глазах камеристки, не то и впрямь мелькнувшая, не то почудившаяся, привела Лавинию в чувство. Приморозив камеристку к месту ответным взглядом, Лавиния снова опустилась в кресло, устроила ноги на скамеечке и приказала пригласить пастора прямо сюда, в малую гостиную.

Уютно горел огонь в камине за шелковым экраном с непристойно-пасторальной картинкой, умиротворяюще стучал в стекло дождь. Таким пасмурным осенним утром лучше бы подольше не вылезать из постели, спать и видеть сны, а выспавшись, потребовать прямо в кровать чашку горячего шоколада и читать, пока не придет время одеваться для музыкального вечера в салоне леди Холланд, где Лавиния обещала непременно быть... Но ей не спалось, она рано встала, и от безнадежности устроилась с книгой у камина.

Книги напоминали ей оконца в мир, куда женщине, пусть даже богатой и свободной вдове, вход воспрещен. Мир свершений, событий, приключений. Она зачитывалась мемуарами военных и историями о путешествиях в дебри Аф-

рики. Впрочем, за неимением лучшего годилась и беллетристика. Поутру Лавиния открыла роман Диккенса, где уже которую страницу умирала маленькая Нелл, и подумала, что это как раз тот случай, когда вовремя нажатый курок сэкономил бы немало времени, эмоций и типографской краски...

Наконец он вошел, и Лавиния встала навстречу, протянула руку, как простому посетителю. Прикосновение его губ — быстрое, сухое, почтительное, — как всегда, вызвало трепет.

— Леди Мелфорд, прошу прощения за этот неожиданный визит.

— Преподобный Линден, рада вас видеть. Чем обязана?

Взглядом отослать камеристку... Дверь закрылась. К черту любезности, он бы не пришел просто так, он никогда не приходил...

— Джеймс, что случилось? — выдохнула Лавиния.

Маска надменной скуки, казалось, навеки примерзшая к лицу Джеймса, словно дала трещину: расширились глаза, дрогнули губы, и выражение лица вдруг стало прежним, живым...

— Я пришел поблагодарить тебя. Тогда... когда ты сделала то, что сделала... ты вернула меня к жизни.

«Вернула, а потом отдала той девчонке».

— Я рада, что сумела так хорошо услужить тебе. Хотя твоя протезе едва ли питает ко мне столь уж глубокую признательность.

— За горьким вкусом лекарства она не распробовала его пользы, — покачал головой Джеймс. — Никто не вправе требовать, чтобы она испытывала к тебе что-либо, кроме неприязни. Никто не вправе требовать этого от нее. Со мной все иначе.

Лед треснул и осыпался на пол звенящими осколками. Невидимый лед, неслышимый звон.

— Я слишком беспечно обошелся с нашей дружбой, Лавиния. И страшно оскорбил тебя своим безразличием... своей ложью. И не знаю, найдешь ли ты силы меня про-

стить. Ты вправе затворить передо мной дверь, так же как я некогда затворил перед тобой створки своего сердца. Но мне так нужна твоя помощь.

«Дружба», — повторила про себя Лавиния. «Дружба».

Нет на свете более уродливого слова. Фальшивое насквозь, как ограненная стекляшка в золотой оправе на золотом же ободке. Но если он, преклонив колени, протянет ей именно это кольцо, она, не раздумывая, наденет его на безымянный палец. Потому что он пришел к ней. Он прежний.

— Чем я могу тебе помочь?

— Мне нужен охотник, Лавиния. И я не знаю в Лондоне никого, кроме тебя, кто бы не только верил в нечисть, но имел бы опыт, и навыки охоты, и необходимое бесстрашие. Лавиния, я не знаю никого, кому я мог бы доверить свою жизнь. Кто мог бы... просто прикрыть мне спину в той вылазке, которую я должен совершить завтра. Возможно, это будет опасно. Скорее всего. Наверное, я совершаю преступную глупость, обращаясь к тебе, но больше никто...

— Спасибо, Джейми, — прошептала Лавиния и вдруг расплакалась.

Охота... Джеймс... И он снова говорил с ней, как будто ничего не произошло.

Впрочем, она быстро справилась со слезами. Быстрее, чем он придумал, как ее утешать. А может, он и не придумал бы? Стоял перед ней, даже не пытаясь прикоснуться. Она же боялась, что он сочтет ее слабой, как прочие женщины: жалкие, пугливые зверушки, легко проливающие слезы. Чуть что — обморок. Она никогда не была такой, но он мог заключить, будто она изменилась... А она ведь плакала от счастья!

Лавиния знала, что слезы надо деликатно промокнуть, чтобы глаза не покраснели, но она просто стерла их ладонью.

— Я подумал, что это то, чего ты всегда хотела.

— Правильно подумал. Ты тоже возвращаешь меня к жизни. Я по-прежнему отлично стреляю, хотя теперь пред-

почитаю револьвер. — Она усмехнулась. — На кого мы будем охотиться?

— Пока что не охотиться, а выслеживать. Похоже, в Лондоне орудует призрак-убийца, а может, и не один.

Лавиния с трудом удержалась от ликования, но вместо этого указала на диван, а сама опустилась в кресло.

— Присядь, пожалуйста, и Расскажи мне все, что можешь.

Надо было разрушить это напряжение, возникшее от того, что они так близко стояли друг к другу.

Джеймс сел и принялся рассказывать. С каждой произнесенной им фразой Лавинии казалось, что мир становится ярче, а жизнь обретает забытый вкус и аромат. Аромат горьких трав и лаванды, которыми пахло от Джеймса. И запах охоты... Аромат крови. Да, Лавиния, как хорошая гончая, трепетала в предвкушении крови. Пусть даже у призраков никакой крови нет.

— Надо бы нанять карету...

— Лучше возьмем мой фаэтон. Кучер вряд ли нам поможет, да и тебе придется тратить силы на то, чтобы наложить чары и затуманить ему взор. Не стоит.

— Хорошо. Я приеду к семи утра. Нам нужно побывать в Медменхеме в светлое время суток. Я помню, что ты предпочла и вовсе не ложиться, нежели рано вставать...

— По такому случаю я встану рано, а сегодня выплусь как следует, чтобы набраться сил. Я все сделаю правильно, Джеймс. Наверное, намгодились бы серебряные пули, но не могу придумать, кто мог бы изготовить их достаточно быстро...

— Не нужно. У меня есть необходимое, чтобы защититься от потустороннего... Но револьвер захвати. В этом деле могут быть замешаны люди, которым хватит и обычной пули. Но они опасны, очень опасны. — По ее разгоравшимся глазам он понял, что упоминание опасности действует на нее примерно так же, как описание рождественского пудинга на голодное дитя, и тоже усмехнулся. — И то, что ты лежи, их не остановит. Они уже покушались на лежи, самую знатную из всех.

— Леди из меня так и не получилось, Джеймс. Ты и сам знаешь.

— Как и из меня приходского священника.

— В таком случае ничто не мешает нам взяться за старое... в память о нашей дружбе. Приезжай поутру, я буду во всеоружии.

«И не вздумай передумать, Джейми! Не вздумай передумать — сейчас... Этого я тебе уже не прощу. Это будет слишком страшным ударом», — подумала она, но вслух говорить не стала.

Леди не должна слишком уж навязывать свое общество джентльмену, пусть даже речь идет об охоте на нечисть или об исследовании дьявольски подозрительных развалин. Особенно если речь идет о таких замечательных, интересных и отчаянно желанных вещах.

«Я никогда не перестану любить его, — думала Лавиния, когда Джеймс поцеловал ей на прощание руку. — Никогда не перестану любить его, но страсть к тому, что он может дать мне, сильнее, чем страсть к нему... Это неправильно, это дурно, это гадко. Однако это так. Я умереть готова ради него... Но он должен быть рыцарем-эльфом. Пусть даже не моим рыцарем-эльфом, пусть даже принадлежащим Агнесс... Только не преподобным Линде-ном, ректором из захудалого прихода. Он снова должен быть собой».

...Он никогда не придет на ее зов, как пришел на зов Агнесс. Она это знала. Не пришел же он спасти ее, когда она выходила за сэра Генри, не пришел ни в одну из тех ночей, когда она рыдала и произносила в темноте его имя. «Джейми, Джейми, Джейми...» Он не пришел и не придет, сколько бы она ни звала. Он сделал свой выбор тогда, раз и навсегда. А она — свой. А потом он выбрал еще раз. Не ее. Другую.

«Наша дружба».

А пусть так.

Главное, что на охоту Агнесс он с собой не возьмет. Эта часть его жизни снова будет принадлежать Лавинии.

Кто-то, кому он может доверить свою жизнь. Кто-то, кто не просто умрет за него, а сумеет прикрыть ему спину. Да, вот об этом надо думать. Прикрыть его спину. Именно этого Джеймс хочет от Лавинии Мелфорд, подруги детства.

Что ж, она сумеет.

2

Лавиния не надеялась, что сможет заснуть этой ночью, слишком взбудоражил ее разговор с Джеймсом и предвкушение завтрашних приключений. Однако она знала, что нужно дать отдых телу и глазам. Приняла ванну, заставила горничную долго и нежно расчесывать волосы и пожалела, что не держит в своем штате турчанку, обученную искусству разминать тело так, что после чувствуешь себя заново родившейся... У одного из друзей Генри в итальянском поместье жила такая турчанка, и Лавиния многократно пользовалась ее услугами. Сейчас же ей пришлось обойтись тем скромным удовольствием, которое дарует щетка, скользящая по волосам. Потом она распорядилась, чтобы ее разбудили в половине шестого и на завтрак подали холодное мясо, булочки, масло и целый кофейник крепкого кофе. Предупредила, что если горничная не исполнит распоряжение или припозднится, ее вышвырнут без рекомендательных писем. Запугав девушку как следует, ибо требование разбудить госпожу пораньше было для нее в новинку, Лавиния погасила газовый рожок и легла.

Проспала она недолго, но крепко. Почти насильно заставила себя съесть все, что заказала. Надела черную амазонку, пожалев, что никак не было времени сшить алую. Ведь на это намекал Джеймс: что она скоро сможет отправиться на охоту! К следующей охоте у нее будет алая амазонка. Ткань уже куплена и избавлена от унылой участи стать домашним платьем.

Заряженный кольт, запасные патроны в кожаной сумочке, закрепленной на широком кожаном ремне. Открывается

одним щелчком, легко достать новые патроны. Пряча кольт в глубокий карман, специально для этого вшитый в юбку, Лавиния чувствовала себя так празднично, как бывало в детстве, когда они с братом выходили искать первые крокусы — желтые, как пирожки с шафраном, которые выпекали к четвертому воскресенью поста. Но то, что ожидало ее сегодня, было лучше всех пасхальных и рождественских подарков, это было живое чудо... Но не такое невероятное, как возвращение Джейми Линдена!

Он прибыл в семь, с последним ударом часов, как и обещал. Бартоломею уже подготовил для них фаэтон, запряг белоснежную кобылку и прошелся по ее бокам скребком. Лавинии непривычно было садиться на место пассажира, обычно она сама правила лошадьми, но ради Джеймса поступилась правилами. Она куталась в плащ, но все равно не могла унять дрожь.

— Ты что-нибудь знаешь о Клубе Адского Пламени? Вернее, о клубах, их было несколько, — спросил Джеймс, едва они отъехали от дома.

— Немного. Мой покойный супруг однажды проговорился, что был членом Клуба Дилетантов. И сокрушался, что по какой-то причине его не приняли в Клуб Диван. Впрочем, как я понимаю, Клуб Адского Пламени отличался тем, что вступавшие в него распутники занимались еще и чернокнижием, тогда как распутники из прочих клубов предавались только разврату, а в остальном блюли себя.

— В основных чертах верно. Но я все-таки хотел бы кое-что тебе рассказать, чтобы ты понимала, куда мы едем и что нас там может ждать. Не знаю, смогу ли я поведать об этом так, чтобы не ввергнуть тебя в пучину тоски... Проповеди никогда не были моей сильной стороной.

Лавиния не сдержала смехок.

— А мне казалось, что ты делаешь это нарочно. Сочиняешь скучные проповеди, чтобы помучить деревенских святош. Разве нет?

Джеймс тоже усмехнулся и подстегнул лошадей:

— Клубы Адского Пламени были порождением прошлого века, эпохи Просвещения. Религия тогда уступила место науке, суеверия высмеивались, но вместе с этим возник и интерес к оккультизму. И как раз с оккультизмом было связано еще одно противоречие. Если просвещенные члены клубов признавали существование дьявола и даже поклонялись ему, то не являлось ли это подтверждением их веры в Бога? Если есть ад, должен быть и рай... В некоторых Клубах Адского Пламени ритуалы носили шутовской характер, но в братстве из Медменхема в дьявола верили всерьез. Членов этого клуба было двенадцать, по числу апостолов. Они именовали себя рыцарями святого Франциска. Разумеется, имелся в виду не Франциск Ассизский, а сэр Фрэнсис Дэшвуд, основатель клуба.

— Дэшвуд? — Лавиния прищелкнула пальцами. — Кажется, сэр Генри упоминал это имя, но как образец того, кто, что называется, пролез «из грязи в князи». Ведь его отец был купцом, разве не так?

— Да, Дэшвуд-старший преуспел в торговле шелком и купил себе титул баронета, а заодно и жену из знатной семьи — зачем мелочиться? Брат его жены именовался бароном Диспенсером, а когда он скончался, титул перешел к племяннику. Так Фрэнк Дэшвуд стал сэром Фрэнсисом, пятнадцатым бароном Диспенсером.

Лавиния кивнула, вспомнив наконец, что еще сэр Генри рассказывал про Диспенсеров. Первый барон с таким именем был обезглавлен в XIV веке за измену, а его тело скормлено псам. Второго барона, фаворита ненавидимого всеми Эдуарда, подвесили на пятнадцатиметровой веревке — такие детали намертво застревают в памяти. А когда он начал задыхаться, его сняли, еще живого привязали к лестнице, оскопили и выпотрошили. Видимо, он здорово всем насолил.

Страшно подумать, чего можно ждать от пятнадцатого представителя этого славного рода. Лавиния в нетерпении потерла руки. День становился все интереснее.

— Имение Дэшвудов располагалось в Вест-Вайкомбе — туда мы тоже должны навеститься на днях и рассмотреть тамошнюю церковь. Но для своих ритуалов Дэшвуд и его приятели арендовали усадьбу Медменхем, перестроенную из бывшего цистерцианского аббатства. За образец они взяли аббатство Телема из романа Рабле, и девизом их было «Fais ce que voudras!».

— Делай, что хочешь...

— Да. «Делай, что хочешь», — поморщился Джеймс, словно произносил ругательство. — И они делали, что хотели, а хотели они много разного и, как правило, гнусного. Дэшвуду пришла идея, как ему казалось, остроумная, соблюдать некоторые монастырские традиции, но искажая их до богохульства. Так, все «рыцари» носили монашеские облачения с капюшонами поверх роскошных светских нарядов, у каждого была своя «келья», куда они приводили непотребных женщин. В усадебном парке были расставлены непристойные скульптуры. По личному проекту Дэшвуда была выстроена часовня, где проводились черные мессы.

— Чтение молитвы наоборот и... непотребства, совершаемые на алтаре? — заинтересованно выпалила Лавиния.

Так заинтересованно, что едва успела заменить благопристойным «непотребства» откровенное слово «совокупления», которое использовал сэр Генри, когда рассказывал ей о подобных развлечениях людей своего круга.

— Слухи ходили разные. Поклонения дьяволу, оргии... Дэшвуд держал в поместье бабуина, которому во время «служб» в часовне давали священную облатку, обезьяна изображала у них дьявола. Единственный более-менее достоверный источник о том, что происходило в Медменхеме, это сочинения Джона Уилкса, одного из «братьев», который разболтал об их ритуалах, да еще и посмеялся над ними. Ему пришлось за это дорого заплатить.

— Его убили?

— Нет, но другой «брат», Джон Монтегю, граф Сэндвич, использовал все свои связи, чтобы добиться обвинения

Джона Уилкса в аморальном поведении. Уилксу пришлось покинуть наши берега.

— Один распутник обличал другого — да уж, забавное зрелище. Но эти «братья» по сути ограничивались распутством, как и прочие веселые джентльмены той эпохи? — Лавиния с трудом скрыла разочарование.

— Нет, поговаривали и о человеческих жертвоприношениях, о похищениях девиц и надругательствах над ними. Как же без этого. В Медменхеме есть гроты и подземелья, а парк достаточно велик, чтобы хоронить там по жертве в неделю, не привлекая внимание садовника, — утешил ее Джеймс. — Однако проверить слухи о преступлениях в Медменхеме так никто и не удосужился. Слишком высокое положение занимали все «братья»... За исключением, пожалуй, Пола Уайтхеда: он был сыном портного. Однако именно он был самым верным другом и сподвижником Дэшвуда. Его забальзамированное сердце хранится в мавзолее Вест-Вайкомба. Кстати, хорошо бы проверить, там ли оно теперь.

— И никогда раньше Дэшвуд или кто-нибудь из его грешных рыцарей не появлялся в качестве призрака?

— Нет. И мне предстоит выяснить, почему Дэшвуд именно сейчас решил прогуляться по Лондону. Довольно далеко от места его упокоения, что нетипично для призрака. Впрочем, если учесть все, что он совершил при жизни, он мог стать очень сильным и весьма свирепым духом. Однако могло случиться и так, что кто-то его вызвал.

Усадьба на берегу Темзы выглядела совершенно заброшенной. Не было заметно дымка, который свидетельствовал бы о том, что где-то есть жилье и топится очаг. Наверное, даже сторожа тут нет. Но для их с Джеймсом прогулки так даже лучше.

Прихваченная инеем трава похрустывала под ногами. Листья никто не убирал, и местами ноги в них утопали, они цеплялись за подол ее амазонки, пока Джеймс вел ее к беседке, стоявшей на холме.

— Оттуда видна вся усадьба. Мы убедимся, что здесь никого нет, прежде чем начать искать...

— Что искать?

— Следы того, что где-то здесь вызвали из небытия дух Фрэнсиса Дэшвуда.

— Круг на полу, капли воска, соль?.. И может быть, кровь?

— Это тоже... Но такие следы могли легко исчезнуть. Я попытаюсь посмотреть на усадьбу... Иным зрением.

Сердце Лавинии судорожно забилося.

— Ты посмотришь... как фейри? Их взглядом? Срывая с мира покров? — От волнения ее голос сделался хрипловатым, она задохнулась и вынуждена была остановиться.

Джеймс тоже остановился и напряженно, виновато посмотрел на нее.

— Да. Я посмотрю, как фейри. А ты в это время будешь прикрывать мне спину. Я могу увлечься и не заметить какой-то опасности из этого мира...

— О, Джейми, я все замечу. Никто не приблизится к тебе.

Свирепость ее тона вызвала у Джеймса улыбку.

— Только не убивай их сразу. Сначала попробуй вернуть меня в этот мир. Может быть, мы сможем справиться бескровно, а то прятать труп — такая морока.

Он стоял, чуть склонившись, возле потрескавшейся колонны и пристально смотрел вниз, на парк и усадьбу. Смотрел так, что...

О, Лавиния бы полжизни отдала за то, чтобы узнать, что же он видит! Но без особой мази, которой, согласно легендам, мажут глаза подменышам, не научишься видеть мир таким, какой он есть на самом деле. Однако фейри имеют привычку выкалывать глаза смертным, укравшим хоть каплю этой мази. Интересно, согласилась бы она пожертвовать зрением за то, чтобы хоть раз увидеть мир — настоящим? Ибо то, что видят смертные, — всего лишь морок, завеса, созданная магией фейри.

Лавиния сокрушенно вздохнула. Она видела только унылый осенний пейзаж и заброшенную усадьбу с облупившимися белыми стенами.

— Иди сюда, — сказал Джеймс, и голос его прозвучал неожиданно мягко, маняще.

Таким голосом подзывают, чтобы заключить в объятия, но вместо этого он взял Лавинию за руку.

— А теперь смотри.

3

Лавиния моргнула, ей показалось, что воздух перед ее лицом задрожал, как это бывает в сильный зной, но при этом она ощущала холод, острый зимний холод. Радуга расцвела перед ней и рассыпалась снежной пылью, а когда Лавиния моргнула еще раз, все стало немного другим.

Леди Мелфорд никогда не жаловалась на зрение, но сейчас все обрело невероятную четкость: она одновременно видела и всю усадьбу с парком и рекой, и — каждую деталь, каждое дерево, каждый замшелый камень... Да что там — каждый лист, еще не унесенный осенью, каждое перышко сидящей на дереве вороны! Лавиния не могла бы объяснить, как это получается, что, даже не сосредотачиваясь на этой самой вороне, которую при обычных обстоятельствах она бы отсюда и вовсе не заметила, сейчас можно было видеть, как поблескивают глазки-бусинки и лоснящийся клюв, как ерошит ветер мягкие перья на груди птицы. Но деревья, камни и птицы — это еще не чудо, по сравнению с тем, что...

Что-то огромное, мохнатое шевелилось в гуще парка. Медведь? Разве тут могут водиться медведи, ведь в Англии их давно выловили и затравили собаками на ямах? Лавиния присмотрелась — и словно пробила взглядом туманную вуаль. Это был не медведь. Это было... Нечто. Чудовище. Крупное, мохнатое, горбатое, с длинными, до колен, руками, с шишковатой остроухой головой, а когда оно оберну-

лось, явно почувствовав ее взгляд, Лавиния увидела круглые желтые глаза, похожие на совиные, и челюсти, из которых даже при сомкнутых губах торчали острые клыки — размером с кинжал. А уж когда тварь оскалилась... Лавиния судорожно сглотнула. Сейчас она видела, что с пальцев чудовища капает кровь, и перед ним на траве лежит выпотрошенная оленья туша. Чудовище сочло, что внимание Лавинии ему ничем не угрожает, и вернулось к своему занятию: изогнутыми когтями оно вырывало куски мяса, протягивая их по очереди двум детенышам: двум мохнатым желтоглазым детенышам, щекастым, с круглыми пузиками, совсем не страшным на вид, только вот во рту у каждого был полный набор зубов, которым и медведь позавидовал бы.

Кто это? Великаны-огры? Но разве они не прячутся в темноте и не обращаются в камень при первых лучах солнца?

Возле реки прогуливалась черная лошадь с неестественно длинными и тонкими ногами и блестящей, мокрой шкурой. У лошади тоже были совершенно не лошадиные уши, а острые, как у чудовища в лесу. Да и сама лошадь явно относилась к разряду опасных тварей, о чем свидетельствовали белесые глаза без зрачков и слишком длинные челюсти. Лавиния предположила, что зубы у нее — рыбы. И вообще это не лошадь, а келпи. Тварь, живущая в пресном источнике, но иногда выбирающаяся на сушу: видимо, когда им надоедала рыба и хотелось горячей крови. Как и все фейри, они любили поиграть, и притворялись лошадьми, позволяли людям себя оседлать, а потом мчались к реке с такой скоростью, что седок просто не решался соскочить, боясь сломать шею. Ну, а затем его топили в воде и сжирали где-нибудь под корягой. Но здесь совсем нет людей, на кого келпи может охотиться? Может быть, они не только людей едят, но и кроликом не побрезгуют?

Лавиния разочарованно вздохнула и принялась искать кого-нибудь еще... Кого-нибудь волшебного, но не жуткого.

Она хотела бы увидеть фей. Прелестных малюток с крылышками. Или единорога, который положил бы голову ей на колени, к немалому удивлению Джеймса, который много о ней не знает...

Ветер донес тонкий звук свирели. Одновременно манящий и навязчивый, повторяющий одну и ту же трель, похожую на птичью, звук становился все более настойчивым, он звучал как призыв, но Лавинию можно было не звать, она была готова, она только и мечтала о том, чтобы увидеть, соприкоснуться...

Она увидела. Он сидел на камне, поджав под себя ноги, выпрямив спину, и играл, играл, полузакрыв глаза. Со всем мальчик, худенький, изящный, весь в зеленом, только колпак темно-красный... Лицо светится белизной и нежностью... Пушистые ресницы... Как же он красив! И музыка, эта невозможная музыка... Она сделалась громче, свирель звучала, как целый оркестр, она заполнила все вокруг, и невозможно было противиться ее зову. А когда юноша отнял свирель от губ, распахнул глаза — длинные, раскосые, ярко-зеленые, такого изумрудного цвета, какого у людей не встречается никогда! — и рассмеялся, и поманил к себе Лавинию, она решительно сделала шаг вперед...

И чуть не рухнула вниз.

Если бы рука Джеймса не обхватила ее за талию.

Кажется, он держал ее уже некоторое время, а она, столько лет мечтавшая о его объятиях, даже не почувствовала.

— Берегитесь, леди Мелфорд. Они все здесь не слишком дружелюбны к смертным, а Красный Колпак опаснее прочих.

— Но почему? Неужели все феи и правда злые?

— Злые — не то слово, которое к ним подходит. Не та оценка. Слишком человеческая. Они живут по иным законам... И вообще — иные. Но среди них есть те, кто хотя бы не получает наслаждения от истязаний и убийства смертных. А есть настоящие монстры. Если бы ты просто упала

отсюда, Красный Колпак порадовался бы и быстро забыл. Но если бы ты попала ему в руки... Прекрасная смертная женщина... Ты умерла бы не скоро, но все те дни, которые ты провела бы с ним, ты ежеминутно молила бы о смерти. Такие, как он, пропитывают свои колпаки кровью людей. Лавиния, ты слишком любишь фейри, и это моя вина. Хочу, чтобы ты понимала: они опасны. Лучше не вступать на Третью дорогу без надежного провожатого, который знает законы и сможет тебя защитить.

— И поэтому ты показал мне только чудовищ?

— Нет, не в моих силах показать только какую-то часть потаенного мира. Я позволил тебе видеть все. Но это место притягивает только темных тварей.

— Почему?

— Посмотри вниз.

Лавиния посмотрела — и отшатнулась от края.

Казалось, усадьба охвачена черно-багровым пламенем. От него не шел дым и не исходило жара... Но выглядело так, словно они стояли над огромным костром. Языки черного пламени извивались, и иногда в них мелькали уродливо растянутые, беззвучно вопящие и беззвучно хохочущие фигуры.

— Джейми...

— Это оскверненное место, и, надо полагать, церковь в Вест-Вайкомбе выглядит немногим лучше. Церковь, которую лишили благодати и превратили в нечто, по сути прямо противоположное... Давай спустимся. Я должен осмотреть часовню при усадьбе.

Путь от холма до усадьбы показался ей слишком коротким, а осенний воздух — таким холодным и сладким, что от него ломило зубы.

— Ты очень бледна, — заметил Джеймс. — Не стоит тебе идти со мной в часовню. Будешь ждать меня снаружи.

— Ни за что! — перебила его Лавиния. — Даже не пытайся уговаривать и уж тем более приказывать. Я хочу всего... И этого страха тоже. Ты не знаешь, что такое скука,

Джеймс. По сравнению с ней весь этот ужас кажется чудесным приключением.

Лавиния улыбнулась, но подумала, что Джеймс тоже выглядит бледнее, чем был в начале их поездки. Даже как-то осунулся. Может быть, на нем, иначе чувствующем мир, скверно сказывается пребывание в таком месте? Или же он потратил слишком много сил, приподнимая завесу, отделявшую от них мир фейри? Хорошо, что путешествие подходит к концу. Навестят часовню и вернутся домой.

...Он упоминал, что в парке Медменхема есть грот. Можно было бы предложить ему прогуляться туда и поцеловать его, как когда-то они целовались в гроте парка Линден-эбби. С того момента, как она услышала свирель юноши в красном колпаке, в сердце поселилось томление. Ей хотелось прикосновений и поцелуев, хотелось, чтобы Джеймс стиснул ее в объятиях, как когда-то. А дружба... Мало ли какие слова используют как полог над ложем, на котором двое любят друг друга? Слова, которые лишь затевают значение, а сами по себе ничего не значат. Боже, да в приличном обществе даже слово «ноги» произносят, стыдливо краснея! Ну, пусть будет дружба, раз того требует белый галстук у него на шее.

Но Джеймс выглядел утомленным и сосредоточенным, а Лавиния понимала, что, скорее всего, природа ее собственной нынешней смелости — в том, что на нее подействовала волшебная музыка. Сегодня неподходящий день для того, чтобы пытаться соблазнить Джеймса. Не сегодня. В другой раз.

4

После того как они заглянули в волшебный мир, проникновение в усадьбу не показалось Лавинии чем-то рискованным. Если даже их поймают, достаточно достать кошелек, и сторож позабудет о том, что видел посторонних. Бря-

цанье монет стирает память не хуже, чем удар дубиной по темени.

Они прошли под надписью «Fais ce que voudras» и шагнули в багрово-черное холодное пламя.

В часовне царило полное запустение. Стены в пятнах плесени, обломки заплесневелых досок, груды гниющей ткани. И запах серы.

— Братья из Медменхема жгли серу во время черных месс. Но запах не почувствует никто, кроме тех, кто способен заглянуть за завесу реальности.

— Или тех, кто составил компанию эльфийскому рыцарю во время его охоты.

Лавиния не думала, что Джеймс улыбнется в ответ, ведь обычно его раздражало, когда она поддразнивала его, называя рыцарем-эльфом... Однако он улыбнулся и посмотрел на нее с неожиданной теплотой.

— Леди не подобает быть такой своенравной, Лавиния.

— Мне об этом с детства твердили. Так что мы ищем? Ничего необычного я здесь не замечаю.

— Зато я вижу все, что мне нужно. А чтобы увидеть больше, понадобится защитный круг. Стой на месте.

Джеймс достал пороховницу, полную соли, опустился на колени и сосредоточенно, как когда-то в юности, обвел место, где находились они с Лавинией, ровным соляным кругом. Поднялся и пристально взгляделся в темноту. Лавиния ждала. Какое-то время ничего не происходило. А потом внутреннее убранство часовни словно поднялось из руин.

Вспыхнули свечи одна за другой, из-под земли вырос алтарь, и по нему заструилась черная ткань. Распятья на алтаре не было — ни перевернутого, ни какого иного. Только чаша и тяжелые золотые подсвечники. Вокруг алтаря столпились люди в серых рясах с капюшонами. Лавиния присмотрелась: почти у всех из рукавов выглядывали кружевные манжеты, и у всех до единого из-под рясы виднелись светские туфли на каблуках.

Десять серых фигур. Одиннадцатая — у алтаря.

«Их же должно быть двенадцать», — вспомнила Лавиния, озираясь. И тут она услышала голоса. Слабые, словно доносящиеся откуда-то издалека, но вполне различимые.

«О, Сатана, Отец, удостой нас быть служителями мира Твоего, чтобы несли мы сомнение туда, где верят, отчаяние туда, где надеются, страдание туда, где радуются, ненависть туда, где любят...»

Лавиния никогда еще не слышала обращения к Сатане. Набожностью она не отличалась, а воскресным утром залеживалась в постели, мучительно размышляя, под каким бы предлогом прогулять службу. Но все же какое-то смущение, если не страх, она испытала, вслушиваясь в нечестивую молитву.

«Открой нам Истину там, где заблуждаются, яви Свет Утренней Звезды во тьме...»

Тринадцатым участником действия был бабуин. Животное выглядело весьма уныло. То ли холодно ему было, то ли скучно. Бабуин сидел на полу, нервно почесываясь, а когда стоявший у алтаря хлопнул в ладоши, зверь лениво вспрыгнул на черный шелк. Взял протянутую ему облатку и принялся ее мусолить.

«О, Сатана, Отец, удостой быть уверенным, а не верить, действовать и достигать, а не надеяться, быть любимым, а не любить, ибо кто действует — достигает, познавший ненависть — обретает, владеющий тайными знаниями — властвует, кто умирает, служа Тебе, — возродится для вечного служения Свету Твоему...»

Дверь, ведущая из часовни в усадьбу, приоткрылась. Вошел двенадцатый монах. Он вел с собой ярко одетую и ярко накрашенную молодую женщину. Глаза ее закрывала плотная черная повязка. При виде монаха и женщины бабуин нервно взвизгнул и спрятался под алтарем.

— Фу, ну и запашок у вас тут. Как в аду.

Голос женщины звучал громче и ближе, чем песнопения монахов, и Лавиния могла разглядеть ее так, как если бы женщина и правда присутствовала в часовне одновременно с ними. Платье у нее было по моде прошлого века, с про-

сторным квадратным декольте, и волосы высоко взбиты и припудрены.

— Эти неудобства были отдельно оплачены, Фанни. А обслужить двенадцать джентльменов подряд для тебя вряд ли будет сложной задачей, — прозвучал бас сопровождающего ее мужчины.

— И для каждого я буду шелковой и сладкой, обещаю, сэр, — пропела Фанни.

От нее пахло потом и резедой, и была она совсем молоденькой, вряд ли старше Агнесс, и такой же тощей. Ключицы тонкие, словно косточка-дужка, которую ломают, загадывая желание. Такая хрупкая косточка, так легко сломать.

— Поможете мне расшнуровать платье? Я оделась сегодня, как леди, и без помощи горничной мне не управиться. — Девушка зазывно провела пальцем по линии выреза. Вышностью ее бюст не отличался, в попытке сделать холмики грудей выпуклыми она утянулась так, что почти их сплюснула. На плечах и на шее была россыпь веснушек, а грудь и лицо она щедро замазала белилами.

— Позволь мне, — прохрипел один из братьев, ждавших в часовне.

Он потянулся к шнуровке на спине у девушки, она хихикнула, как от щекотки.

Бабуин вдруг завопил из-под стола, широко разинув пасть и оскалив зубы. Он смотрел, кажется, прямо на Джеймса с Лавинией. Так, словно мог их видеть.

И тот из медменхемских братьев, который пришел последним и привел проститутку, двенадцатый, тоже обернулся. Вгляделся. Сделал шаг. Другой. Остановился у края соляного круга, словно уткнувшись в незримую стену. Откинул капюшон.

Лавиния увидела его лицо, некрасивое, грубое, с крупным носом и чувственным ртом. Сын лавочника. Черенок, привитый к чужому родословному дереву. Как разительно он отличался от сэра Генри, чьи предки поколениями женились друг на друге, переливая голубую кровь из пустого в порожнее. Но взгляд Дэшвуда был умным и жест-

ким, и смотрел он на Лавинию так, словно она одна стояла перед ним, а Джеймса не было и в помине.

— Какую восхитительную леди привел к нам охотник за нечистью... Фрэнсис Дэшвуд к вашим услугам, миледи.

Вот он, оказывается, какой. Тот, кто пытался убить королеву. Тот, за чьим неупокоенным призраком охотился Джеймс.

Бабуин подошел к Дэшвуду, подергал за рясу, вцепился ему в руку, продолжая пристально смотреть на Джеймса с Лавинией, защищенных соляным кругом. Казалось, благодаря прикосновению лапы питомца призрачный монах получил какую-то новую и интересную информацию. Во всяком случае, он усмехнулся и выгнул бровь.

— О, миледи питает страсть к фейри. Красный Колпак, охотник в здешних краях, пришелся вам по нраву. И вы сопровождаете полукровку в рискованных приключениях. А между тем я мог бы развлечь вас не хуже... Вы получили бы немалое удовольствие от общения со мною.

Лавиния хотела ответить, что сомневается в своей способности получить удовольствие от тесного знакомства с двенадцатью сумасшедшими развратниками, но почувствовала, как резко похолодало. Она знала, что это происходит всегда, когда ее рыцарь-эльф выпускает на волю свою магию. Лавиния довольно улыбнулась, плотнее запахивая плащ.

Соперничающие мужчины — что может быть занятнее? Один — фейри, второй — мертвец... Понаблюдать за их противостоянием — приятное приключение, пусть и не за нее они сражаются, а за свои мужские интересы.

Мгновение они стояли, скрестив взгляды, как лезвия шпаг, и тут Дэшвуд небрежно кивнул, не признавая поражения, а как будто утратив к происходящему интерес.

— Не за тем пришел я сюда, дабы таращиться на тебя, полукровка, — пробасил он. — Меня ждет зрелище куда занятнее, да и тебя тоже. Смотри же!

Сказав это, он присоединился к омерзительной оргии, которую затеяли медменхемские братья. Один за другим

они овладевали девицей, и только когда она была уже в полуобмороке и потеряла всякую волю к сопротивлению, Дэшвуд глубоко прорезал от локтя до запястья ее левую руку, собрал кровь в чашу, отпил сам и заставил отпить всех братьев, угостив и бабуина...

Чудовищное действие происходило неспешно, и, наверное, при жизни Дэшвуда заняло много часов, но видение, которое предстало Лавинии, пролетело с такой скоростью, что она едва успела сглотнуть желчь, наполнившую рот.

— Этого не происходит. — Джеймс подхватил ее под локоть, но и сам был потрясен не менее. — Это морок из прошлого.

— Значит, слухи о жертвоприношениях были правдой, — прошептала леди Мелфорд, вознося благодарность небесам за сильную волю и крепкий желудок.

— Что ж, сие было бы забавно, когда бы не начало мне надоедать, — заявил Дэшвуд, сталкивая тело с алтаря. — Ты не в меру упрям, проповедник.

Дэшвуд вскинул руку, и остальные монахи молча подошли к соляной границе — и встали так близко к ней, как только могли, замыкая круг. Лавиния снова слышала их голоса, гудящие словно из-под земли: «Сатана! Господь и отец мой! Да не оставь сына своего, несущего славу Твою! Да сокруши врагов моих, противных воле Твоей!»

— Я знаю тебя. Такой же священник, как и я монах. Ты силен, полукровка, но держишь свою силу под спудом. Я меч разящий, а ты пастуший посох, что годится лишь против овец, сгонять их в отару. А меч... а меч берет все, что пожелает.

Джеймс вдруг пошатнулся и опустился на колени. Лавинии показалось, что сейчас он прочтет молитву, но он закашлялся, и на губах у него вскипела кровавая пена.

Дэшвуд тронул кончиком туфли соляной круг.

Туфля рассыпалась прахом, он поморщился.

«Да будет помощь Твоя в делах моих, ибо дела мои — в угоду Тебе!» — продолжали бормотать медменхемские братья.

— Отдай мне то, что принадлежит тебе не по праву. Я буду лучшим хозяином твоей силе.

Джеймс поднес ладонь к лицу, и ему на пальцы полилась струйка крови из носа. Он пошатнулся и мазнул по груди Лавинию, которая упала на колени рядом с ним, прижимая его к себе.

Джеймс хотел что-то сказать...

— Silentium! — рявкнул Дэшвуд. — Ну, и что же теперь будет делать миледи?

Не отводя от призрака взгляда, Лавиния залезла в карман Джеймсу и нащупала пороховницу с солью, а заодно флакон со святой водой. В довершение вынула револьвер из своего кармана, взвесила на ладони.

— Пули у меня серебряные. Я заказала их у своего ювелира специально для подобных прогулок, как сегодняшняя. Вы не первый и не последний, и даже не самый страшный из тех, с кем мне приходилось иметь дело.

Бык вздымает Уильяма на рога, как тряпичную куклу. Сэр Генри протягивает ей книгу и наблюдает, как она меняется в лице, увидев фронтиспис. Мистер Хант, брызгая слюной, втолковывает ей про «Билль о полукровках». О, сэр Фрэнсис, вы даже не представляете...

— Друг ваш переоценил свои силы...

— Зато я трезво оцениваю свои. Я действую не магией, а простыми грубыми методами. Святая вода, соль, серебро. И моих запасов хватит, чтоб всех вас отправить к черту на рога, — сказала она, прижимая голову Джеймса к груди. Ткань амазонки пропиталась его кровью и липла к коже.

...Только бы руки не задрожали. Никогда еще она не сражалась с призраками чернокнижников, настолько могущественными, что они причинили вред охотнику, защищенному соляным кругом. Но что-что, а самоуверенно лгать Лавиния умела. Ведь откликалась же на «миледи» и бровью не поводила, хотя какая из нее леди? На ее месте леди бы в конвульсиях билась.

Она убрала обратно револьвер: на самом деле он не понадобится. Насыпала в ладонь соль. Окропила ее святой водой.

— Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae...¹

Она много раз слышала этот канон, когда жила в Италии. Простая и строгая красота латинских слов позволила запомнить эти слова символа веры на латыни легко, как запоминались стихи Шекспира или Джона Донна.

«Если просвещенные члены клубов признавали существование дьявола, то не являлось ли это подтверждением их веры в Бога? — говорил Джейми. — Если есть ад, должен быть и рай».

Сейчас проверим.

— Et in Iesum Christum, Filium eius unicum, Dominum nostrum...²

Дэшвуд поморщился и отступил от соляного круга.

Обхватив Джеймса, она помогла ему подняться, а сама держала наготове соль со святой водой — швырнуть в Дэшвуда, если он возобновит атаку. Она уже поняла: сильный здесь — он. Остальные — призраки, вызванные волей Дэшвуда.

И тут то ли Джеймс смог собраться с силами, то ли Дэшвуд ослабил напор, но вернулся холод. Невыносимый, убийственный холод, превративший в иней всю влагу на осклизлых стенах часовни. И ветер, взметнувший соль из круга — и ударивший ею в монахов, как картечью. Ветер с крупницами соли развеял тени.

Лавиния тоже швырнула свою соль — просто потому, что ей хотелось поучаствовать в битве. Но все уже исчезли. Только они вдвоем, обнявшись, стояли посреди пустой, обледенелой часовни.

— Лавиния, — прошептал Джеймс.

И тут у него снова начали подламываться колени, и он упал бы, если бы ее объятия не были такими крепкими. Со всем не как у леди.

¹ Верую в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли... (лат.)

² И в Иисуса Христа, Сына Божия единородного, Господа нашего... (лат.)

По пути до фазтона им пришлось несколько раз останавливаться, чтобы отдохнуть. Они не говорили ни о чем, чтобы не тратить понапрасну силы и время. Стремительно темнело, ведь в это время года даже полдень кажется сумерками, стоит только набежать тучам.

Джеймс взобрался на место пассажира и без сил откинулся на сиденье.

— Прости. Я был слишком самонадеян. Он оказался могущественнее, чем я ожидал, а я... перед этим я показывал тебе фокусы, похвалялся, как мальчишка... как в детстве... помнишь?

— Джейми, не надо.

— Я растратил всю свою силу. Подверг тебя опасности.

— Я за этим сюда и ехала. Ради опасности. Кажется, ее хватило сполна. Я доказала, что мне можно доверять?

— Да. Жаль, ты не видела себя со стороны. Когда ты говорила с ним, от тебя исходило сияние...

Он говорил так тихо, что ей пришлось приблизить ухо к его губам.

— Как только я восстановлю силы, нужно будет поехать в Вест-Вайкомб. Проверить церковь и мавзолей, где хранится сердце...

— Все верно, но сначала нужно поспать. Хотя рюмка коньяка тебе тоже не повредила бы, но у меня его, к сожалению, нет... Джейми, что ты сказал?

— Твои волосы, — прикрыв глаза, шептал Джеймс.

— С ними что-то не так? — на всякий случай она дотронулась до локонов. От них и правда разлило серой — вот удивится Грейс, когда придет расчесывать госпожу на ночь!

— Не отрезай их никогда... пообещай, что не отрежешь...

От горячки у него начинался бред, догадалась Лавиния, и хлестнула лошадей, поспешая прочь из Медменхема. Вот так же везла она спящую Агнесс в тот день, когда Джеймс

снова явил свою силу фейри. Только в тот день она была в безграничном отчаянии. А сегодня счастлива, хотя к счастью уже подмешивалась тревога.

Когда ее карета остановилась у дома Линденов, она чуть тронула спящего Джеймса за руку и поразилась тому, какой горячей была его кожа — словно впитала в себя жар адского пламени. Полыхало и лицо, покрытое бисеринами пота. Как ни трясла она его за плечи, как ни называла по имени, Джеймс не открывал глаз, и его ресницы, казалось, вплавились в кожу, которая была как раскаленный воск. Он впал в забытие.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Трезвон оторвал Агнесс от пялец, заставив опрометью броситься из гостиной, хотя он и мертвых мог бы поднять из могил. На бегу девушка успела подумать, что за ней вновь прислали из Виндзора или сам принц-консорт приехал попенять ей за то зарытое в кадке овечье сердце, однако оба варианта развития событий были щадящими в сравнении с тем, который ждал ее на пороге.

— У вас в доме есть слуги мужского пола или хотя бы горничная? Вижу, что нет, раз мне отпирает сама барышня.

Прежде чем Агнесс успела заговорить, леди Мелфорд оттолкнула ее и непрошеной гостьей вошла в холл. Белокурые волосы разметались, словно она скакала верхом, на конную прогулку указывала и ее амазонка, но у обочины Агнесс заметила фаэтон — тот самый, поездка в котором положила конец их дружбе. А на сиденье...

— Позови лорда Линдена, — бросила Лавиния, отесняя ее от двери.

Он был тут как тут. Наверное, сидел в своей комнате, читал и переворачивал страницы липкими от шоколада пальцами. Обо всем, что происходило, Чарльз узнавал первым. Даже странно, что на этот раз кузина опередила его.

— Леди Мелфорд, что вы здесь...

— Не стой столбом, Чарльз, а ступай к моему экипажу и помоги внести твоего дядю. Сам он не может идти.

Чарльз тихо, но прочувствованно выругался, Агнесс вскрикнула, а из кухни прибежала дебелая кухарка, второпях поправляя чепец и вытирая руки. От взгляда, которым наградила ее леди Мелфорд, пропитанный жиром фартук едва не вспыхнул.

— Долго же пришлось тебя дожидаться, любезная. В другое время я бы тебе даже ведро угля донести не доверила, но теперь нам понадобятся твои услуги. Пойдешь с его милостью.

Вдвоем они внесли в дом Джеймса, который не издал и стона, когда Агнесс бросилась его тормошить. Еще до того, как ее ладонь легла ему на лоб, она почувствовала жар.

— Что с ним стряслось? Он жив?!

— Он дышит, — отозвалась Лавиния, досадливо морща лоб, словно занималась важным делом, а под ногами путался котенок. — Отнесите его в постель. Что? Нет, грелки не нужно, и камин тоже не разжигайте! — прикрикнула она на кухарку, помогавшую тащить Джеймса на второй этаж.

— Вы охотились? — спросил Чарльз, покрепче подхватывая дядю под руку.

— Да, и после охоты с ним такое иногда случалось. Он впадал в беспамятство, если тратил слишком много сил. Но час, два, и он уже был на ногах. Я не знаю, что с ним происходит на этот раз.

Она встала боком, и там, где от воротника вниз тянулся ряд пуговиц, на блестящем черном шелке Агнесс заметила бурые пятна. И пахло от миледи не только привычным жасмином, но почему-то серой.

— Он ранен?!

— Нет. То есть да, но не так, как ты думаешь. Дэшвуд отнял у него нечто большее, чем кровь...

— Дэшвуд? Вы ездили в Медменхем? Но почему же Джеймс не позвал меня?

Лавиния вздохнула, словно ответ на этот вопрос был настолько очевиден, что не стоило тратить лишних слов.

— Распахните окно и проветрите комнату! — задрав голову, выкрикнула она, когда служанка и молодой хозяин уже втащили мистера Линдена на второй этаж. — Я сейчас приду!

Но Агнесс встала у подножия лестницы, словно готовый к обороне солдат, хотя вместо аркебузы при ней был только вязальный крючок.

— Никуда вы не пойдете. Посмотрите, что с ним случилось! Вы были там и позволили им сотворить с ним такое!

— О, ты не представляешь, Агнесс, что могло бы произойти, не будь меня рядом.

— Да, мне трудно представить что-то хуже этого.

— Он сам сделал выбор. Сам пришел ко мне. Или ты думала, что пришьешь вихрь к своей юбке? Все равно ты не сможешь дать то, что ему нужно. Жизнь с тобой будет пресной, как хлебный пудинг.

Обе они вслушались в возню наверху, дожидаясь, когда же заговорит Джеймс, но, кроме хлопанья простыней, других звуков со второго этажа не доносилось.

— А с вами ему стало куда как веселее! — скрестила руки Агнесс. — Настолько ему стало хорошо, что вы приволокли его домой полумертвым.

— Ты не можешь с ним охотиться. Тебе не хватит ни сил, ни умений.

— Зато я вижу потустороннее, леди Мелфорд, и умею справляться с нечистью не пулей, так словом. Вы, кстати, не задумывались, почему в Мелфорд-холле прекратились сквозняки?

Лавиния уже поставила ногу на первую ступеньку, да так и замерла. И впервые за это время посмотрела на девушку внимательно и без досады, как на человека, а не на выбоину в дороге, мешающую ей двигаться дальше. Что-то в ней переменилось. Возможно, она вспомнила тот вечер, когда привезла продрогшую гостью в имение, накормила досыта и пришла пожелать ей спокойной ночи, не забыв предупредить о сквозняках.

Жаль, что из памяти призраков изгнать труднее, чем из дома. Даже если сэр Генри перестал прикасаться к жене своими узловатыми пальцами, ее воспоминания все равно наполнены им, как рана гноем. А у Агнесс память одержима другим духом, он приходит во сне и наставляет на нее пистолет, приказывая занять место у позорного столба.

Леди Мелфорд отошла от лестницы и присела на скамейке, которую, словно личный смотритель, сторожил рыцарь в доспехах.

— Мне бы твой дар, девочка, я перевернула бы мир вверх тормашками. Или хотя бы стала счастливой и свободной и делала бы, что захотела. Ты же ставишь свечу под сосуд. Смотришь на мир в дверную щелку, боишься сделать шаг за порог. Ты ясновидящая — ну так посмотри же вокруг ясным взором и живи! Просто живи. И не мешай Джеймсу жить в соответствии с его природой. Этим летом я почти содрала с него белый шарф, но ты удержала его от того, чтобы окончательно вступить на Третью дорогу. Зачем?

— Третья дорога страшна.

— Но неужели тебя не пленяет ее ужас?

Волосы, по которым она проходила черепачовым гребнем, встают дыбом на загривке, зубы, которые помогала чистить мягкой тряпицей, впиваются в руку мужчине и начинают рвать его плоть. А со всех сторон уже плывут другие селки...

— Нет.

— Тогда я сочувствую тебе, потому что ты его потеряешь. — Лавиния посмотрела на нее с непритворной жалостью. — Видела бы ты, как он водил меня по Медменхему и показывал сокровище. Он выглядел куда счастливее, чем в любое воскресенье.

— Вы не должны больше видеться с ним! — вспыхнула Агнесс. — Оставьте его в покое!

— Да ты, я вижу, ревнуешь.

— Нет, я... — смешалась Агнесс, и ее смущение позабавило миледи.

— Еще как ревнуешь, — удовлетворенно отметила она. — Неужели у тебя получилось полюбить Джеймса в человеческом обличье? Преподобного ректора, а не рыцаря-эльфа?

— Как человек он тоже хорош, — проговорила девушка чуть слышно.

— А у меня вот не получилось, — подумав, сказала леди Мелфорд. — Даже не знаю, что это говорит о нас обеих. И о нем.

Агнесс не могла определить, что же задевало ее больше: когда Лавиния смотрела на нее, как многоопытная дама на дебютантку в кисее, или когда пыталась разговаривать с ней доверительно, как с подругой. И так, и так делалось тошно, потому что речи ее фальшивы насквозь. Им с Лавинией было что делить, и обе об этом знали. Так зачем любезничать? Зазеваешься, и к виску приставят дуло пистолета.

— Хватит, не хочу я больше вас слушать! Уходите прочь из моего дома!

— Это мой дом, — слышалось у нее за спиной.

Опять кузену удалось подкрасться к ней неслышно.

— Мой, — повторил Чарльз, утирая пот со лба, — и все, кто здесь находится, должны выполнять мои приказания. До тех пор хотя бы, пока дядя Джеймс не придет в себя.

Поскорее бы Джеймс очнулся, подумала Агнесс, потому что надолго ее не хватит. Если игра «я лорд в своем замке» затянется, она погнет кочергу о чью-то русую голову.

— И каковы же будут приказания вашей милости? — недобро прищурившись, прошипела она.

— Начнем с того, что ты сменишь тон, — одернул ее кузен. — Неужели в пансионе тебя не научили, как разговаривать с дамами, занимающими положение выше тебя? Вспомни уроки этикета и прекрати меня позорить.

Чарльз мрачно поклонился леди Мелфорд, чьи губы искривила усмешка. Суровый тон Чарльза не вязался

с его мальчишеским румянцем и взлохмаченными вихрами.

— Прошу прощения, леди Мелфорд, за то, что моя кузина повысила на вас голос. Да она и сама сейчас попросит. Агнесс, извинись.

Девушка задохнулась от обиды. Впервые она разглядела в кузене не мальчишку, что набивает рот сладостями и вещает об Итоне, и не нахального юнца, который горазд хорохориться перед приказчиками, а настоящего лорда, готового отстаивать интересы своего класса.

В запальчивости она готова была наговорить в десять раз больше дерзостей, но осеклась и взглянула на себя со стороны. Неприглядная вырисовывалась картина. Дерзкая девчонка, подбоченившись, оскорбляет леди. Волосы растрепаны, на щеках алые пятна. Так ведут себя торговки рыбой, которых обсчитали на два пенса, а вовсе не благовоспитанные барышни. Будь рядом Джеймс, он, наверное, и не так бы ее отчитал.

— Мне не следовало кричать на вас, миледи, — потупилась Агнесс. — Простите, я забылась.

Лавиния склонила голову, принимая извинения, а может, тоже смущаясь.

— А мне не следовало тебя подначивать. Я тоже повела себя неподобающе и раскаиваюсь в этом. А теперь могу я увидеть мистера Линдена?

— Нет, — отрезал Чарльз.

Это слово так и вертелось у нее на языке, но ее опередили. В замешательстве Агнесс посмотрела на кузена, и тот ответил ей ободряющим кивком.

— Пока дядя Джеймс не в состоянии опекать Агнесс, заботиться о ней буду я. Очевидно, что ваше присутствие ей неприятно, леди Мелфорд, поэтому я прошу вас оставить нас. Ради нее.

На какой-то миг Агнесс показалось, что Лавиния по старой памяти вlepит мальчишке затрещину, уж очень заострились ее черты, обычно такие плавные, словно их выточил из мрамора Канова. Рот сжался в белую полоску,

глаза метали молнии. Но вместо того, чтобы замахнуться, она сказала:

— Как вам будет угодно, лорд Линден. Мне и правда пора. Нужно как следует подготовиться к поездке в Вест-Вайкомб.

С этими словами она развернулась и направилась к двери, только каблуки стучали по мраморным плитам и рассерженно шелестела черная амазонка.

Агнесс смотрела на кузена во все глаза. Вот уж не ожидала найти союзника против Лавинии! Какие еще открытия ее ждут?

2

Домой Лавиния возвращалась, кипя от злобы. Девчонка прогнала ее, а молокосос поддержал свою кузину... Они выставили ее за порог, эти дети. Ее. За порог.

Господь всемогущий.

Кто угодно может сидеть у постели Джеймса, прикасаться к его пылающему лбу или держать его за руку. Любая служанка-кокни, но только не она.

Она бы умерла за него, но никогда не сможет жить с ним рядом. Агнесс — может, потому что их связывает родство. Пусть и мнимое, оно надежно защищает добродетель, которую девчонка так лелеет. Да, Джеймс сказал, что Лавиния для него — друг, но будь она мужчиной, уж она смогла бы приблизиться к больному другу! Леди — не может. Будь проклят этот мир.

Обида, ярость, злоба вскипали в ней — и не находили выхода. На людях нужно держаться с достоинством, да и потом, в уединении собственной комнаты, нельзя завывать в голос: о чем еще судачить служанкам, наклоняясь над кастрюлями или смахивая с рук мыльную пену, как не о хозяйкиных горестях? Не хватало еще стать посмешищем на весь дом, а то и Лондон. Сплетни расходятся широко, как круги на воде...

Тонкий девичий голосок прорвался сквозь шум крови в ушах Лавинии. Голос пронзительный, как комариный писк, такой же навязчивый и неумолимый...

*Чьей кровью горячей твой плащ обагрён,
Дэви, о Дэви?*

*Чьей кровью горячей твой плащ обагрён,
Скажи мне всю правду, сын мой.*

*— Мой сокол любимый был мною убит,
Леди-мать, о леди-мать,*

*Мой сокол любимый был мною убит,
И правды не знаю другой.*

*— Кровь сокола вовсе не так горяча,
Дэви, о Дэви,*

*Кровь сокола вовсе не так горяча,
Скажи мне всю правду, сын мой...*

Всего лишь старая баллада, но ничего более неуместного на всем белом свете не сыщешь. После гибели Уильяма эта песня надолго вошла в репертуар наглых фермерских батрачек, ведь все тогда судачили, что достопочтенный мистер Линден убил старшего брата и положил глаз на племянника. А в балладе некий Дэви тщетно лгал матери, что убил он сокола, что убил он гончую, но мать подозревала правду, и в конце концов ему пришлось сознаться:

*Я Джона, любимого брата, убил,
Леди-мать, о леди-мать,*

*Я Джона, любимого брата, убил,
И правды не знаю другой.*

Разумеется, наглые девицы горланили песню, когда Джеймса не было поблизости, ведь фейри-полукровку с руками по локоть в крови боялись все крестьяне. Зато паршивки принимались петь громче, стоило им завидеть Лавинию!

*Какую ты казнь себе изберешь,
Дэви, о Дэви,
Какую ты казнь себе изберешь,
Скажи мне всю правду, сын мой?
— Я в море отправлюсь на лодке без дна,
Леди-мать, о леди-мать,
Я в море отправлюсь на лодке без дна
И мне не вернуться домой.*

Продавщице фиалок, осквернившей вечер этой песней, на вид было лет четырнадцать. Убого одетая, без чулок, в капоре из торчавшей во все стороны соломки, но с претензией на чистую бедность. Лавинии так хотелось ударить ее, чтобы на бледной впалой щеке отпечатался алый след! Но леди не пристало опускаться до рукоприкладства, да и не виновата перед ней девчонка, хотя песню она выбрала неудачную.

— Леди! Купите фиалки, леди! Душистые фиалки! Купите у бедной девочки! — Цветочница бросилась к фазтону, протягивая букетик, и вовремя успела отскочить.

— Пошла прочь, дрянь! — И леди Мелфорд хлестнула лошадь, не заботясь о том, заденет ли девчонку грязное колесо.

В голове сами собой рождались слова, которые продавщица фиалок еще не успела пропеть.

*А что ты оставишь несчастной жене,
Дэви, о Дэви?
— Беду и печаль до конца ее дней,
Ведь мне не вернуться домой¹.*

Ворвавшись в дом, Лавиния вихрем пронеслась в свою комнату, захлопнула дверь перед носом оторопевшей камеристки, повернула ключ — и, рыдая, повалилась на кровать.

Джейми! О Джейми! Даже не вздумай! Только не теперь.

¹ Перевод Ольги Гурфовой.

Наплакавшись всласть, она вытерла лицо платком, смоченным лавандовой водой, и, как только с глаз сошла краснота, позвала Грейс. Нужно сшить новую амазонку. Алую, из той самой ткани, которую Джеймс советовал приберечь.

В ней Лавиния поедет в Вест-Вайкомб и дознается, что за нечисть там обитает. Пускай у нее нет чар, как у Джеймса, и ясновиденья, как у Агнесс, но некоторый опыт охоты все же имеется. Вдруг удастся выйти на след сообщника-человека, кого-то, кто вызвал привидение из небытия? В церкви могут быть улики.

Амазонка нужна ей к завтрашнему утру, потребовала Лавиния, и белесые брови камеристки поползли на лоб, хотя возражать она не посмела. На то и леди, чтобы требовать невозможного. Говорят, будто швеи слепнут, если им приходится шить по ночам при свете сальных свечей... Ну и пусть слепнут. Они, по сути, и так слепы. Точно кроты, что ползают по грязи и, натываясь на корни деревьев, радуются их красоте, потому что ничего краше отродясь не видели — ни листьев, ни цветов. Им не дано постигнуть ни красоту, ни ужас этого мира.

Лавиния гнала мысли о том, что несправедливо карать лондонских портних и ту цветочницу за выходки фермерских дочек, донимавших ее когда-то балладой о братоубийце. Но ей опостылело быть справедливой. Доброй, понимающей и снисходительной. Все свои благородные чувства она растратила на Джеймса, ни на кого другого их не оставалось.

У нее достаточно денег, чтобы потребовать алую амазонку сразу после завтрака. И пусть хотя бы один стежок будет неровным... Слепота покажется блаженством.

3

На следующее утро в дверь постучались сразу двое посыльных — один с увесистым свертком от портнихи, другой с букетом от лорда Линдена. Первой мыслью Лавинии

было вернуть подарок отправителю, но, после недолгих раздумий, она отправила Грейс за вазой, уж больно хороши были розы. Белые, чуть кремового оттенка, словно выточенные из слоновой кости. Кажется, розы такого сорта зовутся «якобитскими» — большая редкость посреди ноября. Удивительно, что школьник может позволить себе столь дорогие подарки. Неужели деньги перепадают ему от Джеймса, по шиллингу за каждый выученный псалом?

К букету прилагалось письмо, в котором Чарльз многословно извинялся за поведение кузины, а также за то, что вынужден был ее поддержать, ибо боялся оскорбить взор леди Линден столь неприглядным зрелищем, как девичья истерика. Извинения не стоили затраченных чернил, но с огромным облегчением Лавиния узнала, что жар у Джеймса спал, хотя «дядя все никак не проснется». Ввиду его временной немощи Чарльз предлагал продолжить экспедицию в Вест-Вайкомб, правда, в несколько ином составе. В спутники леди Мёлфорд метил он сам.

Лавиния с минуту посидела в задумчивости, дожидаясь, когда Грейс очинит ей перо.

До Вест-Вайкомба, имения в двадцати милях от Медменхема, она доберется своими силами. Кроме того, помощник из Чарльза никудышный — весь в отца, который без помощи Джеймса не отличал боггарта от индейки. С другой стороны, компания юного джентльмена лучше, чем совсем ничего. Юного джентльмена, который осведомлен о делах своего дяди и желает ему помочь.

Даже странно. Лавиния всегда была убеждена, что ненависть, основанная на страхе, — очень живучее чувство. А уж покойник лорд Линден успел как следует запугать внука. Перед тем как окончательно покинуть Линден-эбби, мисс Брайт дозналась у экономки, что в тот день милорд почти два часа продержал внука в своей спальне. Много ли цыкуты старик успел влить ему в уши? Видимо, яд быстро улетучился, раз Чарльз не видит в дяде врага. Пожалуй, его желание принести пользу следует поощрить.

Скользя по шелковистой бумаге, как коньки по льду, новое перо размашисто вывело «да». Мальчишка-паж со всех ног бросился доставлять послание, а вернулся уже в сопровождении милорда.

Граф был при полном параде. Модный сюртук, темно-зеленый, как мох у корней дуба, облегал ладную мальчишескую фигуру. С ним отлично смотрелась шелковая жилетка, расшитая все теми же яcobитскими розами, а цепочка часов не сверкала, как у почтового клерка в выходной, а темнела благородной патиной. Из-под шейного платка торчали острые концы накрахмаленного до скрипа воротничка. Темно-русые волосы были напoмажены и чуть подвиты.

Оглядев гостя с головы до ног, леди Мелфорд спрятала улыбку в кулак. Мальчишка растет заправским денди. Когда-то в Мелфорд-холле держали павлинов, и она успела пронаблюдать, что чем моложе самец, тем шире он раскрывает хвост, дабы произвести впечатление на пернатых дам.

Как оказалось, Чарльз потратил время не только на подбор идеальных запонок, но и на то, чтобы нанять карету. Еще вечером Бартоломью раскричался, что уж лучше миледи сразу продать всех лошадей на живодерню, где их пустят на корм для кошек, чем гонять их каждый день в такую даль. Предусмотрительность Чарльза пришлась как нельзя кстати.

Вторым же приятным сюрпризом стала его обходительность с бедняжкой Грейс. Со вчерашнего дня она дулась на госпожу за то, что та умчалась невесть куда с холостяком, пусть и служителем церкви. Выходки, которые прощаются в провинции, в столице совершенно недопустимы. Но стоило Чарльзу ласково с ней заговорить, как старая дева оттаяла и даже изобразила кокетливую улыбку, более похожую на гримасу боли от флюса. Тут уж Лавиния не могла не рассмеяться. Точно так же мальчик в свое время обхаживал кухарку, выклянчивая кусок пирога.

— Я помню вашу алую амазонку, — заговорил лорд Линден, помогая ей сесть в карету. — Она была на вас... ну, тогда.

— Нет, это уже другое платье. То я потом сожгла, — сказала леди Мелфорд и поправила цилиндр с невысокой тульей.

— Правда? А мне почудилось, будто то самое. Память — чертовски ненадежная штука.

— Даже если так, памятью нужно дорожить.

Порою ей казалось, что память — это кубок, полный пряного вина, но, отхлебнув, она чувствовала, как на зубах скрипит пепел.

— У вас-то да, леди Мелфорд, вы много всего повидали и бывали на континенте. А мне даже вспомнить нечего.

В этом есть своя прелесть, подумала Лавиния, сидеть в карете с юным дворянином и говорить не о погоде, которая опять разнюнилась, и не о дерзости слуг, а о материях столь возвышенных. Но что он может знать о воспоминаниях? Ему и восемнадцати не исполнилось.

— Все потому, что ты так молод, — с улыбкой сказала миледи. — Придет время, когда ты отправишься в гранд-тур и наполнишь закрома памяти дивными вещами.

— Скорее уж макаронами, мопсами из мейсенского фарфора да прочей дребеденью для туристов, — буркнул Чарльз. — В наше время не осталось ничего стоящего ни здесь, у нас, ни там, через пролив. Воспоминания стали дешевыми, как литографии певичек — полдюжины за пенни.

— А вот цинизм тебе совсем не к лицу. Сначала отрасти усы, чтобы усмехаться в них, произнося наиболее смачные гадости.

— Это не цинизм, а здравый смысл! Представляете, как было б здорово, живи мы веком ранее! Тогда все было... даже не знаю, как сказать... более настоящим!

Его обида на современность не могла не отозваться в душе миледи. Сэр Генри рассказывал, что в дни его молодости мораль казалась чем-то вроде корсета: днем затянешь потуже, вечером — распустишь, а если твои пальцы не

справляются со шнуровкой, помогут чужие. А Дэшвуд, дай ему слово, и не такое бы порассказал. В XVIII веке никто не взглянул бы косо на светскую даму, зачистившую к холостяку, если ей, конечно, хватало ума принимать меры предосторожности. Полумаска, плащ-домино... Увы, плутни канули в прошлое. Барон Мелфорд был так стар, что наверняка застал еще те деньки, когда Адам пахал, а Ева пряла, так что и мечтать не о чем. Пустое.

— Зачем грезить о несбыточном? Время не повернуть вспять. И с годами мы будем становиться все более цивилизованными.

— А разве вы, леди Мелфорд, не мечтаете о несбыточном? — подловил ее Чарльз.

Она горько усмехнулась.

— Так и мне не мешайте мечтать. Порою я представляю прошлое, как только что сотканный гобелен, на котором еще не успели поблекнуть краски. Такой просторный гобелен, что на нем хватает места и Истинному королю, и его верным якобитам, и другим людям, которые не боялись ничего, кроме скуки. Если бы я мог, я постелил бы этот гобелен вам под ноги, леди Мелфорд. Вы ступили бы на него, и вам не было бы тесно.

Он посмотрел выжидательно, но она раскрыла томик Диккенса, уложенный в дорожную сумку заботливой Грейс, и всю дорогу до Вест-Вайкомба следила за угасанием Нелл, оказавшейся на поверку особой невероятно живучей.

Когда хлюпанье колес по жидкой грязи сменилось перестуком по мостовой, Лавиния оторвалась от страницы.

— Мы приехали?

— Да, уже в Вест-Вайкомбе, — сказал Чарльз, глядевший хмуро.

Своей книги он не захватил и почти час, вытягивая шею, читал чужую. Но вряд ли ему был по душе слезливый реализм Диккенса.

— Только в усадьбу мы не поедem. После смерти Дэшвуда имение оттяпал его племянник, святоша, каких поискать. Так что в самой усадьбе смотреть нечего, кроме разве

что портретов Уилберфорса и коллекции религиозных брошюр.

— Твой дядя не упоминал усадьбу. Он говорил про церковь и мавзолей, в котором хранится сердце Пола Уайтхеда, приспешника Дэшвуда.

— Так за чем же дело стало? Пойдемте к мавзолею, он как раз под боком у церкви, — согласился Чарльз и, открыв дверь, отдал извозчику соответствующее распоряжение.

Церковь Святого Лаврентия высилась на вершине поросшего кустарником холма, точно сторожевая башня.

— Зачем надо было строить церковь так высоко? — удивилась Лавиния.

— На сей счет существует легенда, — авторитетно заговорил Чарльз. — Якобы церковь начали строить еще в двенадцатом веке на лугу, но каждое утро строители находили кирпичи на вершине холма. Намаявшись их перетаскивать, они пригласили священника. Тот принес колокольчик, Библию и свечу, а также благодатную траву руту, которую и начал жечь, читая молитвы. В это время раздался жуткий голос, который сказал, что не станет больше вредить, только если церковь все же будет построена на холме.

— Я уже слышала такую легенду про какое-то другое место...

— Да уж, — вздохнул Чарльз. — Такие байки про каждую вторую часовню рассказывают. Черепицу на крыше задел копытом дьявол, колокольня накренилась в знак уважения к девственнице, единственной на все графство. Обычные побасенки.

— А зачем на крыше этот... шар?

Огромный шар из гнутых деревянных панелей, покрытых позолоченным свинцом, венчал колокольню вместо креста. Не самое традиционное украшение для храма.

— Видимо, для красоты. Его тоже заказал Дэшвуд. Внутри шар полый. Оттуда можно увидеть всю округу, но сначала взглянем на мавзолей.

Путь на холм они преодолели почти бегом, но все равно успели основательно промочить ноги, продираясь сквозь заросли травы и высокого, почти по пояс, болиголова. Леди Мелфорд была раздосадована — в пору юбки выжимать, точно рыбачке, весь день собиравшей моллюсков на побережье. Из-за ее дурного настроения мавзолеей несколько ее не впечатлил.

Шестиугольная стена из серого камня, снаружи укрепленная белыми колоннами, окружала небольшой дворик, тоже поросший травой. В центре дворика находился пьедестал с потемневшей от времени урной, в которой, судя по надписи, покоился прах леди Дэшвуд (вот кто настрадался при жизни!). Внутренняя сторона стены, как швейцарский сыр дырами, была испещрена нишами. В них от дождя прятались другие урны, где обрели последний приют члены клуба и их близкие. А вот и сам сэр Фрэнсис. Лавиния ожидала увидеть на его усыпальнице какой-нибудь отъявленно неприличный сюжет и была откровенно разочарована, когда пред ней предстали бык и грифон, поддерживающие герб Диспенсеров. Наверное, похоронами заправлял тот самый родственник-святоша.

Она постучала по каменной гробнице, вделанной в стену, а затем, сняв перчатки, тщательно ощупала ее, надеясь отыскать щель, в которую вошел бы лом. Что, если вытащить останки Дэшвуда и как-нибудь над ними надругаться? Отправит ли это его душу в мир иной или же осквернение могилы разозлит его еще пуще, как разозлил бы человека вид висящей на одной петле парадной двери? В отсутствие Джеймса лучше не рисковать. Он не давал на сей счет никаких указаний, а без его совета она не решилась бы громить чужую гробницу.

Но где же Пол Уайтхед? Леди Мелфорд тщательно изучила все ниши, то наклоняясь, то становясь на цыпочки, и, наконец, нашла то, что искала. На уровне глаз стояла огромная урна из разноцветного мрамора, украшенная медальонами с какими-то греческими божествами. Вот только была она открыта.

— Чарльз, подойди сюда!

Лорд Линден тщательно вчитывался в надпись на каждой урне, пытаясь найти там зашифрованные непристойности. Он тут же откликнулся на зов и подбежал к ней с резвостью молодого сеттера. В светлых глазах сверкали задорные искорки.

— Леди Мелфорд, вы нашли урну Уайтхеда!

— Нашла, но что-то подсказывает мне, что она пуста. Ты не мог бы засунуть руку и проверить наверняка? — попросила Лавиния.

Одно дело — навести пистолет на чудовище, и совсем другое — сунуть руку в старинный сосуд, где может таиться все, что угодно, от пауков до... до чьего-то забальзамированного органа, что едва ли сулит тактильное наслаждение.

Оставить свое сердце на память другу... Случается, что в континентальной Европе тело погребают в одном месте, а сердце — в другом. Тело — где удобнее, сердце — в том месте, которое при жизни было особенно дорого, на далекой родине или рядом с родителями. Лавиния не слышала, чтобы кто-то из умерших послал свое сердце приятелю, но идея показалась ей привлекательной. Надо написать в завещании, чтобы ее сердце было извлечено и вручено Джеймсу Линдену на вечное хранение. Она усмехнулась, представив себе лицо Джейми. Только сложно будет найти поверенных, которые согласятся проследить за исполнением такого необычного пожелания.

А жаль, ведь ее сердце даже не пришлось бы бальзамировать. Оно и так твердое. Когда-то в нем кипела кровь, а потом застыла, как попавшая в воду вулканическая лава. Об него погнулся бы нож.

— Будет сделано! — отсалютовал ей Чарльз, после чего, вытянувшись на цыпочках, запустил руку в урну, но заскользил по мокрой траве и упал навзничь. Хорошо, что сзади не оказалось других урн, иначе и череп мог раскрыть. Обеспокоенная, Лавиния нагнулась над ним, но Чарльз, отклонив ее руку, поднялся сам и, досадливо морщась, начал отряхивать спину.

— Что с тобой?

— Сам не знаю, — буркнул мальчик. — Видать, дрожь меня пробрала, как дотронулся до той осклизлой гадости.

— Значит, в урне все же есть сердце?

— Есть, почему бы ему там не быть?

— Джеймс говорил мне, что у клерка, который покушался на королеву, была отрезана рука. Сердцем Уайтхеда Джеймс тоже интересовался, вот я и решила, что это может быть как-то взаимосвязано. Видимо, я ошиблась. — Она раздосадованно прикусила губу. — В таком случае, давай осмотрим церковь, где, по крайней мере, должно быть сухо.

От церкви мавзолеей отделяло кладбище с редкими могильными плитами. Миновав его, Лавиния задрала голову, придерживая цилиндр.

— Мы полезем на колокольню?

— Ваша милость не боится высоты? — поддразнил ее Чарльз, и Лавинии захотелось дать ему тумака, как в те славные деньки, когда в придачу к пухлым щечкам он уже был наделен слишком длинным языком.

Боится ли она высоты? Нет, с тех пор, как она чуть не упала со шкафа, а Джейми поймал ее в полете и бережно поставил на землю. Сердце защемило от тоски. Вот бы он был здесь вместо нахального племянника!

— Моя милость не боится высоты.

— Тогда мы поступим сообразно вашим желаниям, — велеречиво проговорил Чарльз, пропуская леди в церковь.

Церковь была прекрасна, несмотря на темноту, пыль и заброшенность. Красные коринфские колонны возносились к украшенному позолотой потолку. Над входом в алтарную часть располагался огромный герб Дэшвуда. Кафедра была вырезана из красного дерева, а скамьи затянуты зеленым дамаском.

В центре потолка сияла фреска с изображением Тайной вечери, написанная рукой умелого живописца: казалось, бородатый Иуда смотрит прямо на входящих... Но, пройдясь вдоль ряда скамей, Лавиния поняла, что Иуда не смо-

трет на вход, а следит взглядом за каждым, кто перемещается по церкви! «Следящие картины», конечно, не новинка, но обычно так изображали купидонов. А предатель, который не выпускает тебя из виду, — нечто более пугающее, чем проказник с луком и стрелами.

— В обществе считали, будто строительством церкви Дэшвуд занялся во искупление грехов, — сказал Чарльз. Из-за эха его задорный голос показался ей раскатистым, чужим. — Но более внимательные господа отмечали, что церковь выглядит уж слишком светской, напоминая нарядную гостиную.

— А видишь ли обманный путь, меж лилий, что цветут в лесах? Тропа Неправедных. Не верь, что это путь на Небеса, — задумчиво прочитала Лавиния, разглядывая интерьер.

— Откуда сие?

— Что значит откуда? Отрывок из баллады о Томасе Рифмаче, там, где говорится о трех дорогах. Первая — для праведников, Вторая — для тех, кто прельстился мирскими дарами, и Третья, особая. Вспомнил теперь? Эту балладу частенько напевала нам миссис Крэгмор.

— Миссис Крэгмор? — Чарльз смотрел непонимающе.

— Да. Элспет Крэгмор, няня Джеймса, а потом экономка в Линден-эбби. Или она больше у вас не служит?

— Служит, но я и думать позабыл про старую каргу, когда рядом со мной такая женщина, как вы, — разболтался юнец.

Возможно, в той бульварщине, которую он читал вместо Цицерона, упоминалось, что женские сердца так и тают от похотливых взоров, но сведения эти, мягко говоря, не соответствовали действительности.

— Оставь эти замашки, Чарльз, — упрекнула его миледи. — Я не графиня Альмавива, да и ты не Керубино, и петь с тобой дуэтом я не намерена. И между прочим, мы приехали сюда по важному делу.

Чарльз потупился, уткнувшись подбородком в шейный платок, и по щекам его разлился жаркий румянец. Против

такого раскаяния, совсем еще детского, Лавиния не могла устоять.

— А тут что? — чуть мягче спросила она, останавливаясь у небольшой купели.

Четыре голубя расселись на края чаши, склонившись, словно пили из нее воду. Еще один цеплялся за деревянный пьедестал, вокруг которого обвивался змей.

— Сия купель очень старая и привезена была из Италии, — отвечал Чарльз как ни в чем не бывало. — Необычное оформление, вы не находите? Дьявол, преследующий Духа Святого даже на пороге величайшего из таинств — Крещения.

Лавиния вынула платок, опустил руку в купель, мазнула по дну... На ткани осталась грязь, никаких следов пепла или крови.

— Вы готовы к восхождению? — окликнул ее Чарльз, отыскавший лестницу на колокольню.

— Конечно, — отозвалась Лавиния и невольно посмотрела вверх.

Иуда проводил ее долгим, серьезным взглядом. На фоне остальных апостолов, таких румяных, словно они загодя угостились вином, он выглядел человеком солидным, трезво оценивающим ситуацию.

Подняться на площадку на крыше было довольно просто, а вот к самому деревянному шару вела железная лестница, проржавевшая и шаткая. Но Чарльз взобрался по ней без особого труда и, открыв дверцу, залез внутрь шара, откуда и позвал свою спутницу:

— Давайте же!

Как неудобны дамские ботинки, не говоря уж об изобилии юбок, и о вуали, бьющейся на ветру! На половине пути Лавиния подумала, что издали ее алую амазонку можно принять за пламя — как бы не сбежались зеваки со всей округи и не увидели, как полощутся на ветру ее нижние юбки. А уж что подумала бы ее матушка, узнав, что титулованная дочь лазает по крышам со сноровкой трубочиста! От внезапно накатившего смеха ослабели пальцы, и Лави-

ния чуть не сорвалась, но Чарльз дернулся к ней и крепко ухватил ее за запястье. Затем, ничуть не смутившись, рывком втащил наверх. В шаре было темно и душно, но Чарльз зашарил по стенам, пока не нащупал потайное окно. Распахнул его, впуская свет, и Лавиния увидела деревянные скамейки, а на них пыль, обрывки паутины, кое-где птичий помет. Ничего иного, будоражащего воображение, здесь не было. Опасный путь был проделан зря.

— Чем же они тут занимались? Рыцари святого Франциска? — спросила она разочарованно.

— Выпивали, обменивались анекдотами, наблюдали, как внизу копошатся люди.

— А жертвоприношения?

— Здесь их не было, ибо невозможно затащить упирающуюся жертву на такую высоту. Нет, сюда поднимаются по доброй воле. А миледи и впрямь не боится высоты, — заметил Чарльз, подходя поближе. — Чего еще не боится миледи? Привидений?

— Да уж их-то меньше всего. И, если ты не забыл, Чарльз, я всегда была такой. Не визжала при виде призраков и мышей, как иные барышни моих лет.

— Вы тщеславны, леди Мелфорд, — в его устах это прозвучало как комплимент, — но что-то же должно внушать вам страх?

Скука. Одиночество. Бессмысленность жизни. И ожидание долгих лет скуки, одиночества и пустоты. Так называемая обыкновенная жизнь. Так называемая женская доля. Это страшнее любого чудовища. Страшнее даже, чем потеря Джеймса.

— Многое, Чарльз, — скупой ответила миледи. — Я много боюсь, однако призраки не входят в число моих страхов.

Чарльз улыбнулся понимающе, так, словно прочел ее мысли. Ей же стало отчасти не по себе. То ли приватность обстановки подействовала на него поощряюще, то ли близость взрослой женщины, но взгляд Чарльза стал цепким, как крючок для пуговиц, и расстегивал он их одну за дру-

гой. Лавинии почудилось, что с нее сейчас спадет платье. Сама того не желая, она поднесла руку к груди, но тут же усмехнулась: поза вышла точь-в-точь как у статуи из коллекции сэра Генри — нимфа, убегающая от сатира. Увы, она не в том возрасте, чтобы изображать нимфу, да и Чарльзу до сатира еще расти и расти. Хотя задатки у него есть.

Впервые в жизни она наблюдала, чтобы мальчик его возраста вел себя так развязно, с такой вызывающей прямо-той. Очевидно, что он влюблен в нее, но разве не присущи первой влюбленности трепет и робкие вздохи, а вовсе не желание поскорее задрать своей пассивной нижней юбку? Лавиния повела плечами, стряхивая отвращение.

Нужно поставить Джеймсу на вид за то, что он из рук вон плохо следит за нравственностью племянника. Если, конечно, ей суждено вновь увидаться с Джеймсом.

— Быть может, смелой леди угодно осмотреть окрестности? — предложил Чарльз с прежней ухмылкой. — Отсюда открывается наилучший вид.

Лавиния была только рада поскорее выглянуть в окно, хотя пейзаж ее не обрадовал. Серые оттенки осени, сбрызнутые дождем — словно дерюга, мокнущая в корыте.

— Скажите, что вы видите? —дохнул ей в ухо Чарльз, и ее снова передернуло.

— Города и веси, размокшие поля, грязная Темза петляет вдаль — обычные для этой унылой поры пейзажи.

Она подалась назад, но словно о деревянный брус удари-лась — Чарльз вытянул руку, преграждая ей дорогу.

— Взгляните еще раз, миледи, — потребовал он. — Внимательнее. Видите ли вы плоды рук человеческих?

4

Странно... Теперь пейзаж казался другим. Ощущение было, как будто... Как будто прорвалась какая-то завеса. Как в тот день в Медменхеме, когда Джеймс показал ей Третью дорогу. Только на сей раз Лавиния видела не по-

тусторонних тварей. Ее взгляд хватывал все, что привнесла в эти края цивилизация, и не только в эти края: казалось, она обрела способность видеть на многие мили окрест, и повсюду вставали перед ней заводы с дымящими трубами и мосты, извивались железные дороги, ползли по Темзе пыхтящие башни, и все это выглядело так жутко и так чуждо...

— Да, я их вижу.

— Все это — дары Второй дороги.

— Что?

Его рука, налившаяся тяжестью, давила ей на плечи, не позволяя оборачиваться.

— Не вы ли давеча прочли мне лекцию о трех дорогах, о коих я запомнил, любуясь вашей красотой? Вот так выглядит вторая из них, единственная, которая плодоносит. Задумайтесь об этом, миледи. До того, как на сии берега приплыли дочери царя Альбина и, совокупившись с демонами, наплодили великанов, здесь не было вообще ничего. Холмы, поросшие вереском, а над ними клочья тумана. Фейри не сеяли и не жали, не возводили построек и не знали иных забот, кроме плясок под луной.

— Ничего другого им и не нужно, — возразила Лавиния.

— Все верно, однако великаны, сыны людей, ворочали камни и сложили из них кромлехи, за столбив сию землю, как свою. За ними последовали другие народы — кельты и римляне, англосаксы и датчане, норманы под знаменами Вильгельма-Бастарда. Они вытравляли лицо земли и заново вырезали на ней свои письмена, строили крепости и замки, а заодно бани, торговые площади, арены для увеселений. Но в основе всего, что они делали, лежало их себялюбие, желание спать мягче и есть вкуснее. Вы не можете не понимать их, миледи, ведь вы сами когда-то выбрали довольство.

— По-твоему выходит, будто я прельстилась роскошью, в самом же деле все было не так! Я выбрала бы все, что угодно, лишь бы не вступать на Первую дорогу.

— И кто может вас винить? Первая дорога вгоняет в тоску. Унылый тракт, утрамбованный сандалиями пилигримов. Подумайте, сколько людей веками строили соборы, завещая детям продолжить работы, и все ради чего? Чтобы новое поколение фанатиков объявило дело их жизни идолопоклонством, сожгло статуи святых и расколотило драгоценные витражи? Первая дорога заводит в тупик.

— Зато Третья дарит свободу.

— Свободу дарят власть и деньги, а не возможность увидеть тролля под каждым мостом. Кроме того, миледи, похоже, лишилась своего проводника, — сказал Чарльз, отступая назад.

Нет. Не Чарльз.

Зря мисс Тревелиян так похвалялась своим даром. Чтобы заметить сверхъестественное, достаточно быть наблюдательной и обращать внимание на мимику собеседника, тембр голоса, акцент, то, как он строит предложения. У юнцов семнадцати лет от роду, даже самых избалованных, не бывает такой пресыщенной улыбки. Губы чуть вывернуты наружу, глубокие складки тянутся от крыльев носа, чистый лоб собрался в морщины. Наверное, именно с такой гримасой римляне перегибались через бревно, чтобы извергнуть съеденное и вернуться к новым порциям соловьиных языков и жареных сонь (она читала о таком в книгах сэра Генри — самые безобидные из римских утех, о которых она читала!). И то, как он стоял, ссутулившись и широко расставив ноги, указывало, что он привык нести вес грузного тела. Вряд ли Дэшвуду уютно в новой оболочке. Точно так же чувствовала бы себя она, напялив одно из платьев худышки Агнесс.

— Совсем скоро Джеймс будет здоров и отомстит за нанесенную ему обиду. Я убеждена в этом, — произнесла Лавиния, стараясь смотреть на лорда Линдена снисходительно, будто по-прежнему видела в нем дерзкого мальчишку, а не убийцу и чернокнижника.

— Блажен, кто верует. Нет, миледи, к полукровке уже никогда не вернутся силы фейри, — вальяжно ответил

тот, кто сейчас сидел в Чарльзе. — В мехах не осталось молодого вина, его выпили до последней капли. Я буду удивлен, если после сего приключения ваш друг и вовсе сможет встать на ноги. А если осмелится бросить мне вызов, я сокрошу его силой, отнятой у него же. Так какой вам от него прок?

Ужас, вызванный его словами, был сильнее, чем тот, что пронзил ее, когда Зверь из Багбери сбросил Джеймса на землю и поднял Уильяма на рога. Тот ужас был живым, плотским. Этот — леденящий, примораживающий к месту.

О таком исходе она даже не задумывалась. Несчастье, постигшее Джеймса, представлялось ей недолговечным, и она в мыслях не допускала, что он, возможно, останется прикован к постели...

— Подарите его той рыженькой скромнице, воспитаннице или кем она приходится нашему проповеднику. Дева сия как раз и создана для того, чтобы поправлять калекам подушки и потчевать их жидкой кашей. Вы же рождены повелевать и наслаждаться жизнью. А коли вам тяжело идти по Второй дороге, так оттого лишь, что нет спутника вам под стать.

— А если бы таковой спутник нашелся?

— Тогда вы могли бы делать все, что захотите.

«Никогда не поворачивайся спиной к ощерившейся собаке, — учил ее брат. — Медленно отступай назад, не сводя с нее глаз, и думай о том, кого позвать на помощь. Или как отбиться самой». Главное, не впадать в панику и повторять, что собака скалится потому, что на самом деле она тебе улыбается, а иначе давно бы тебя искусила. Если убедить себя в этом, будет не так страшно.

— У меня закружилась голова, — коротко сказала Лавиния. — Я хочу спуститься вниз.

Она дождалась, когда он сойдет и скроется в церкви, и лишь затем спустилась сама, то и дело озираясь, словно дух мог вырваться из тела Чарльза, подлететь к ней и столкнуть ее вниз. Глупый, необоснованный

страх, потому как призрак основательно угнездился в теле мальчика.

Да и живой она пригодится ему больше. Ведь она, Лавиния, баронесса Мелфорд, обладательница самой непристойной коллекции фарфора во всем королевстве, вообще-то лакомый кусочек для любого чернокнижника. Хотя по ней и не скажешь. Иногда она задумывалась о том, что с юридической точки зрения их брак с сэром Генри считался бы недействительным, так что лишить ее состояния мог любой врач-акушер, если бы родне барона хватило ума пойти по этому пути, а не засыпать ее письмами с угрозами и мольбами. Чтобы успокоить голос совести, она напоминала себе, что, учитывая все то, что сделал с ней барон, единственное его упущение уже не играло роли.

Так или иначе, он растлил ее, и растлил основательно. Иначе с какой стати Дэшвуд разговаривал с ней так, словно нашел родственную душу? От этого становилось противно вдвойне.

Ступив на площадку, Лавиния запустила правую руку в карман, нащупала флакончик со святой водой, вынула пробку. У нее будет только один шанс. Не упустить бы.

Когда она спустилась, церковь выглядела совершенно иначе. Какие-то тени шевелились вдоль стен, и от них веяло такой жутью, что вглядываться не хотелось. А сверху, с потолка, капала кровь. Лавиния даже подставила ладонь, чтобы убедиться в реальности этой крови, но капли исчезали, не долетая до руки, а стекали они со стола, за которым пировали апостолы...

— Лавиния, ты пришлась мне по сердцу, — сказал Дэшвуд, маня ее к купели.

Еще одно видение или деревянный змей на несколько дюймов подобрался ближе к голубке?

— Давно не видывал я женщин, подобных тебе. Я думал, что они канули в небытие, и новый век разбавил им кровь, и в венах у них течет грязная водица, как в сточной канаве после дождя. Но ты не такая, как они все. Не такая, как лупоглазая кукла с косами, обмотанными вокруг ушей.

Пожелай что угодно из того, чем обладает она, — любую драгоценность, надел земли, привилегию, — и желаемое окажется у твоих ног.

— Вот так сразу? — спросила Лавиния, не вынимая руку из кармана.

— Не сразу, но окажется. Дай мне время. Сила, кою отнял я у полукровки, преумножит мое могущество, и скоро я стану неуязвим.

— И тогда ты дашь мне все, что я пожелаю?

— Не я сам, но тот, на чьей службе я состою. От тебя потребуется немного.

— Расписаться кровью? Тыпустишь мне кровь, чтобы убедиться, что она алая, а не серая? Точно так же, как той девчонке в часовне Медменхема?

Делая вид, что придерживает шляпку левой рукой, она вытащила шпильку и припрятала в рукаве. Человека ею не убьешь, куда ни коли, но призрака, даже сильного, серебро прогонит. Должно прогнать.

— Достаточно будет поцелуя.

Она бросила взгляд на фреску с Тайной вечерей, на которой, сидя вполоборота, Иуда задумчиво подпирал кулаком подбородок, словно размышляя, на что потратить тридцать сребреников. Будь на его месте Дэшвуд, он не распорядился бы деньгами столь бездарно, а закатил бы на них пир, с вином и нагими плясуньями. Серебро есть серебро. Кровь легко стекает с монет, не оставляя бурого налета.

— Что ж, цена не высока! — рассмеялась Лавиния, надеясь, что смех ее покажется беззаботным, а не предвестником истерики, каковым он и являлся. — Я согласна.

Дэшвуд шагнул к ней, полные сочные губы Чарльза округлились для поцелуя. И когда они коснулись губ Лавинии, она пустила в ход все имевшееся у нее оружие: что было силы воткнула булавку в его предплечье и плеснула святой водой в лицо.

Чарльз издал вопль, от которого могли бы рухнуть стены. Во всяком случае, Лавинию как ударом отбросило, хотя мальчишка ее и пальцем не коснулся... Но может быть, ее

ударил тот, кто сидел в нем? С потолка посыпалась штукатурка и тонкая струйка песка. Лавиния сжалась, ожидая, что сейчас церковь обрушится им на головы, но ничего не происходило. Опомнившись, она вцепилась в руку Чарльза, горячую, как у больного лихорадкой. Ладони мальчика были скользкими от пота, и большего успеха она добилась с манжетой, хотя и оцарапалась о его дурацкую запонку в виде чертополоха. Чарльз следовал за ней, как сомнамбула, медленно переставляя ноги.

5

На крыльце их дожидалась ноябрьская хмарь, когда непонятно, то ли мелкий дождь моросит, то ли влага испаряется с земли. В иное время Лавиния вздохнула бы, вспоминая благодатное тепло Италии, теперь же английская стужа стала ей союзницей.

Туман остудил лоб мальчика, и Чарльз моргнул. Помогал головой, словно пробуждаясь ото сна, и, наконец, вытащил шпильку, так и торчавшую из предплечья. Снова моргнул, провожая взглядом каплю крови, упавшую с острия.

— Леди Мелфорд? Где мы? Что произошло?

В первый миг она чуть не бросилась ему на шею, радуясь, что Дэшвуд не поступил, как иные воры, что, обчистив дом, поливают паркет ламповым маслом и чиркают спичкой. Чарльз снова в себе — во всех смыслах этого выражения! Но вспомнив, как кривились румяные губы, которые были сейчас удивленно приоткрыты, она едва сдержала дрожь.

— Ты совсем ничего не помнишь?

Мальчик как-то чересчур плотоядно прикусил губу, зажмурился, даже дернул себя за волосы, мокрые от святой воды.

— Мы стояли в мавзолее, я протянул руку к урне... а потом очнулся здесь. А что я должен помнить?

— Ты был одержим призраком, — нехотя сообщила Лавиния, отодвигаясь от дверей. Из церкви тянуло серой. — Фрэнсис Дэшвуд беседовал со мной твоими устами.

Чарльз вновь поднес к глазам запачканную кровью шпильку, затем воткнул ее в свой шейный платок на манер булавки для галстука. На нежно-зеленом шелке проступило алое пятнышко.

— Что он вам такое наговорил, раз вы вогнали в меня шпильку аж до самой кости?

— Прости, что пришлось причинить тебе боль.

— Нет, боль — это хорошо. Боль дает нам понять, что мы еще живы. Но что же он вам наболтал?

— Звал на свою сторону и, видимо, признавался в своих чувствах ко мне, — пожала плечами Лавиния.

Она ожидала, что Чарльз возмутится, после чего они на два голоса будут костерить распутника, желательно, удаляясь от церкви, где онный обретается. Вместо этого Чарльз сел на мокрый каменный порог, нимало не заботясь о своих щегольских брюках, и спрятал лицо в ладонях.

— Негодяй! — простонал он. — Как только посмел? Ненавижу его, ненавижу!

— Такое впечатление, Чарльз, будто ты не понимаешь, с кем мы имеем дело, — подивилась его наивности Лавиния. — Это Фрэнсис Дэшвуд, брат из Медменхема, и говорить скабрёзности вполне в его духе.

— Дело не в этом!

Чарльз поднял голову, и в его покрасневших глазах было столько отчаяния, столько мольбы! Когда-то и сама Лавиния смотрела так на Джеймса, рассказавшего ей о своем намерении принять сан.

— Он... он использовал меня, чтобы оскорбить вас своими намеками. И... и теперь, чтобы ни сказал я... вы меня уже не услышите, леди Мелфорд. Вам будет противно.

Господи, как же я устала, — подумала Лавиния.

Устала от всего. От того, что осталось позади, и того, что таится в будущем, если Дэшвуд не солгал и Джейми останется калекой, немощным, как сэр Генри. И что ей тог-

да с ним делать? Устала от Чарльза Линдена, который при всех своих достоинствах был обычным человеком. А всего сильнее устала от запаха серы. Им пропиталась ее амазонка, и Грейс опять будет принюхиваться, словно такса, которая знает, что где-то под полом сдохла крыса, но никак не сообразит где.

— Быть может, тебе и вправду не стоит ничего мне говорить? — предложила она, отворачиваясь.

Но Чарльз схватил ее за руку и поднес к своим губам, горячим, как будто опаленным адским пламенем. А потом сказал все равно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

— Хочу... чтобы стало холодно, — хрипел мальчик, распластанный на койке в итонском лазарете.

— Сейчас.

Джеймс откинул простыню, осторожно подсунул руки под спину и под колени племянника, поднял его — голова Чарльза бессильно свесилась назад. Только жар и слабое, хриплое дыхание доказывали, что мальчишка цепляется за жизнь.

Джеймс прижал племянника к груди, закрыл глаза и позвал Третью дорогу.

...Она уже ждала. Взывала к нему, целовала его пальцы, покрывая их инеем. Она отозвалась — едва он успел пожелать.

Джеймс почувствовал порыв ледяного ветра. Его осыпало мелким острым снегом. Он с наслаждением вдохнул свежий воздух, пахнувший снегом, соснами и морем. Открыл глаза, зная, что не увидит закутка с кроватью, отгороженной ширмой: они с племянником сбежали из этого прибежища скорбей.

Когда он прибыл в Итон, моросил мелкий дождик, типичный для середины ноября, а под ногами чавкала грязь. Здесь же стояла морозная зима в самом торжественном из своих облачений: стволы деревьев покрывало серебро инея, на ветвях лежали искрящиеся шапки снега. Ведь уже мину-

ло тридцать первое октября, когда в ночь Самайна власть переходит от Летнего двора — Зимнему. И здесь, в Иной стране, в Несуществующем, в Царстве фейри, зима по всем правилам вступила в свои права.

Ни единого человеческого следа не было на поляне, у края которой оказался Джеймс, только тонкий узор птичьих и беличьих, и глубокие круглые лунки, следы копыт: олени прошли след в след, к источнику, который бил из-под покрытого льдом камня. От источника начало брал ручеек, тут же уходивший под лед, но сам источник не замерзал. Никогда не замерзал, Джеймс знал это.

Снег мягко поскрипывал под сапогами, и с каждым шагом Джеймс чувствовал, что меняется. Порывы ветра срывали с него наносное, серое, скучное, все то, что он пытался сделать своим истинным, своими доспехами, защищающими от греха. Он чувствовал, как внутри разгорается ледяное пламя. Он чувствовал силу, и страсть, и желание свободы, и ему хотелось отбросить все человеческое...

Все, включая чувство долга и даже жалость к этому глупому ребенку.

Швырнуть мальчишку на снег, перепрыгнуть через заледенелый камень — и в лес. Там Джеймса ждали. Там он мог быть самим собой, желанным и своим, а не изгоем и чужаком.

В лесу завывали по-волчьи, но волчьи голоса стали вдруг прекрасными, хоть и не человеческими, и Джеймс услышал слова языка древнего, незнакомого, но каким-то образом понятного: два мужских голоса и три женских пели о свободе и силе. И кажется, сам источник пел вместе с ними, хрустальным полудетским голоском выводил: «Оставь мир людей, иди к нам, дитя, иди с нами...»

Джеймс до крови прикусил губу, стряхивая морок.

Соблазны. Обычные соблазны Третьей дороги.

Он не в первый раз противостоит им.

Он пришел сюда, чтобы исцелить Чарльза, и с ним же вернется в мир людей.

Таково было его решение, и он искал поддержку в иной силе, которая была превыше всех соблазнов и чар. Даже таких могущественных, как те, которые исходили от девицы, вынырнувшей из воды и сидевшей теперь на обледенном камне.

Она расчесывала длинные, снежной белизны, серебром отливающие волосы, и платье ее казалось сотканным из алмазной чешуи, и кожа ее была белее снега, а раскосые длинные глаза с вертикальными узкими зрачками — прозрачными, словно лед, и страшными, как сама вечность. Иней лежал на ее ресницах и осыпался, когда она моргала.

Ундина, чьего имени Джеймс не знал, леди источника, дарующего исцеление, выглядела совсем девочкой, лет пятнадцати, не больше, но она помнила времена, когда Англия не звалась еще Англией и не была еще завоевана римлянами, когда на этой земле и вовсе не было смертных. Ногти у нее были синие, как у покойницы, а гребень в руке — косяной. Джеймс предпочел не думать о том, чья это кость... Не думать о том, какими манящими были ее губы, темно-красные, поблескивающие льдом, словно замерзшие вишни. И о том, как остры и упруги были ее маленькие груди с бледными сосками.

Она была холоднее покойницы, но невыносимо желанна.

...Не смотреть на ее губы, не смотреть на ее грудь, но и в глаза тоже!

Пар шел от дыхания Джеймса, пар шел от дыхания Чарльза — но не от ее дыхания.

Когда Джеймс приблизился, она перестала петь, и только протяжные голоса в глубине леса все выводили слова древней песни, призванной завлекать смертных в мир фейри.

— Чем ты заплатишь за глоток воды из моего источника, полукровка? — усмехнулась она, верно разгадав его намерения.

— Кровью, данной по доброй воле.

— Кровью человеческого ребенка?

— Кровью человеческого отродья.

— В тебе лишь половина крови — человеческая, значит, я возьму два глотка.

— Это справедливая сделка. Обещай, что удовлетворишься этим и не попросишь иного.

— Обещаю, — серьезно ответила ундина.

Фейри не шутили со словами, и особенно — с обещаниями, но лучше соломы подстелить.

— Подтверди обещание трижды, — потребовал Джеймс.

— Обещаю. Обещаю, — послушно повторила ундина еще два раза. — И слово мое крепко.

Теперь все правила были соблюдены.

Джеймс положил Чарльза на снег. Холод, царивший здесь, не принесет мальчику вреда. И действительно, дыхание Чарльза стало менее натужным, и кажется, обморок перешел в глубокий сон измученного болезнью ребенка.

Ундина соскользнула с камня. В ее руке был только гребень, но она перевернула его зубцами внутрь, и стало видно, что кромка у него острая, как костяной нож.

Джеймс протянул ей руку запястьем вверх, отгибая край рукава.

— Нет, не так. По правилам, — усмехнулась ундина, приоткрыв зубы — мелкие и острые, как у хищного зверька.

Этого Джеймсу очень не хотелось, но не было причин отказать.

Разматывая с шеи белый пасторский шарф, он снова почувствовал опьянение свободой и магией, разливавшимся в стилом воздухе, и снова в нем взмыло желание бежать в глубину леса, присоединиться к поющим, но прежде — сорвать поцелуй с губ ундины, попробовать на вкус: может, и правда они сладки, как замерзшая вишня? Ундина почувствовала его влечение и улыбнулась шире. Голоса в лесу зазвучали ближе и громче, в них было торжество и столько страсти, что противостоять ей казалось невыносимым, невозможным, глупым, преступным... «Го-

сподь — крепость моя и щит мой», — почти беззвучно прошептал Джеймс, сбрасывая на снег сюртук и жилет. Он распахнул рубашку. Ундина сделала шаг вперед, ледяной ладонью провела по его груди, и от одного этого прикосновения Джеймс почувствовал себя одурманенным воздействием.

— Только кровь. Ты обещала, — прошептал он.

— Только кровь, — с сожалением подтвердила ундина.

Она взмахнула гребнем и сделала надрез на груди слева, над сердцем. Прижалась, присосалась, жадно сделала два глотка — и отступила. Рана затянулась мгновенно, но теперь Джеймс едва держался на ногах.

Количество крови не имело значения, важна только заключенная в ней сила. Непослушными от слабости руками он одевался, глядя, как ундина достает из-под камня прозрачную, то ли из хрусталя, то ли из льда выточенную чашу, наполняет водой, подходит к Чарльзу, становится возле него на колени, приподнимает мальчика и разлепляет его запекшиеся губы краем чаши.

— Пей.

Казалось, единственный глоток омыл мальчика изнутри и снаружи, смыл и унес болезнь. Ундина ласково улыбнулась, но Джеймс насторожился: создания вроде нее любят детей. Играют с ними, пока те не захлебнутся, иногда могут похитить и оставить у себя. Все зависит от переменчивого настроения фейри, и не угадаешь, что именно эта ундина хочет именно от этого ребенка?

— Чарльз, я здесь, — окликнул Джеймс племянника, который осовело моргал, почти ослепленный сиянием снега.

— Где мы, сэр? Когда успела наступить зима? Я... я болел, я помню.

Взгляд его прищуренных глаз заскользил по сторонам, но споткнулся о нагую ундину. Лорд Линден восхищенно прицокнул языком.

— Так вот что бывает от опийной настойки! Ребята говорили, что нужна правильная доза, а я все не верил...

— Нет, просто ты в бреду, — отрезал Джеймс. Не хватало еще, чтобы после этого небольшого приключения наследник рода пристрастился к лаудануму, точно поэт Кольридж, которому после неумеренного употребления наркотика являлись абиссинские девы с гусями. А Чарльз пусть губит здоровье мадерой, как его отец.

— Спи, Чарльз Линден! — Он нетерпеливо махнул рукой у лица мальчишки, и тот зажмурился, словно в ожидании удара, но глаза уже не открывал.

Смех ундины зажурчал, как ручеек о гальку.

— Хорошенький мальчик. Сильный. Храбрый. Отчаянный, — нежно пропела она. — В мире смертных будет несчастен, у нас мог бы стать настоящим воином. Если бы ты остался... Вместе с ним...

— Мы уходим.

Джеймс подхватил спящего племянника, казавшегося теперь невероятно тяжелым.

Благодарить ундину он не стал. Нельзя благодарить фейри. Этим ты делаешь себя их должником, а у них уже состоялась сделка. Честная сделка...

2

Джеймс открыл глаза.

Не было ни заснеженной долины, ни побеленных стен итонского лазарета, только пыльный бархатный полог, под которым кружила одинокая моль.

Всего лишь сон, навеянный, видимо, той неудачей, которую он потерпел в Медменхеме. В груди заворочалось глухое раздражение. Первая серьезная схватка за семь лет, и первое же поражение. Дэшвуд был прав. Он вышел на поле брани с руками, связанными за спиной, и веревкой послужило не что иное, как его белый шарф. Ему не хватило сил, и неоткуда было их почерпнуть, кроме того единственного источника, к которому он дал себе зарок больше не приближаться. С того самого момента, как уло-

жил Чарльза на больничную койку и услышал его ровное дыхание.

Только во сне желания осмеливались напомнить о себе. Но даже этот сон был предпочтительнее видения, что посещало его с той самой ночи, когда они с Агнесс вникли в тонкости семейной жизни лорда Мельбурна.

...Взмах бритвы, и белокурые локоны падают на землю, один за другим. Они разлетелись бы на невесомые волоски, но там, где пришлась бритва, концы их слиплись от крови. Лавиния оборачивается к нему, смотрит с невыразимой мукой. На груди ее распускается пунцовая роза. Откуда она взялась, если поздней осенью роз не сыскать?..

Он закрыл глаза и снова резко открыл их, чтобы видение поскорее улетучилось из-под век. Потянулся, чувствуя, как возвращаются к жизни затекшие конечности. Он лежал в своей кровати, хотя и не помнил, как туда попал. К телу липли рубашка и брюки, пропитанные потом, а вот сюртука не было, как и шарфа, из чего напрашивался вывод, что в постель его укладывали племянники, которым не хватило решимости раздеть его донага. Лавиния была менее щепетильной. Окажись он в ее руках, проснулся бы в ночной сорочке.

Выпростав руку из-под одеяла, он приподнялся на локте — и увидел рыжеватые волосы, рассыпавшиеся по его подушке. Агнесс забралась с ногами в кресло, вплотную придвинутое к кровати, но от усталости уронила голову на подушку, да так и задремала. Лицо ее было наполовину скрыто спутанными волосами, виднелся только лепесток лба и полуоткрытый рот, который так невыносимо хотелось поцеловать. Джеймс долго смотрел на нее, не решаясь разбудить. Никогда раньше она не казалась ему настолько трогательно-беззащитной, но вместе с тем прекрасной.

От нее пахло теплым сладким молоком, как от спящего ребенка, но ребенком она уже не была. На Рождество ей сравняется восемнадцать. Из тощей девчонки она успела превратиться в красавицу: шершавый северный ветер, пропитанный солью и вересковой пылью, не огрубил ее кожу,

но мазнул румянцем по щекам. Лондонская сырость распушила волосы, придав им пышность. Где бы ни оказывалась Агнесс, природа благоволила к ней и складывала к ее ногам свои дары.

Едва касаясь, он провел пальцем по ее щеке и улыбнулся, когда Агнесс смешно сморщила нос.

Чего еще он может желать? Пробуждаясь, видеть рядом ее сонное личико, поцелуем разгонять ее дрему — это ли не счастье? Нужно только захотеть. Сколько раз по вечерам, когда сам он усаживался за составление проповедей, его воспитанница вполголоса обсуждала со служанками приданое, все эти простыни, одеяла и платки, которые устилают дорогу к семейному счастью? Стоит ему коснуться коленом пола, как Агнесс выкрикнет «Да!» еще до того, как он откроет рот. Который месяц она ждет предложения. Она уверена, что он оставил ее для себя, и все вокруг придерживаются того же мнения. Прихожане наострили уши, ожидая, когда же для их нелюдимого пастора зазвонят свадебные колокола. Припасен и рис, и старые башмаки, чтобы швырять в новобрачных, когда те рука об руку пойдут в церковь. Вопрос лишь в том, кого позовут шафером и подружкой невесты, потому что у пастора вообще нет друзей, а у его невесты их слишком много.

Всего одно его слово.

Так за чем же дело стало?

Раз он напялил на себя белый шарф, что мешает ему спеленать ее белым платьем? Белый цвет приличествует моменту. Не тот белый, хрупкий и смертоносный одновременно, что кружится в метели, и не тот, что ложится зимой на поля, чтобы напитать землю по весне и заструиться по листьям травы. Иной цвет, тусклый, затхлый. Цвет окрашенных гробов, ложной святости и обглоданных дочиста костей.

И он сам сделал этот выбор.

— Агнесс, — позвал Джеймс чуть слышно, боясь испугать ее резким звуком.

Она сонно причмокнула губами, а рука выскользнула из-под подушки и смахнула волосы с лица. Агнесс протерла кулачком глаза, разгоняя сон, но проморгалась не сразу. Веки опухли и покраснели, ресницы слиплись — должно быть, долго плакала перед тем, как ее сморил сон.

— Мистер Линден! — спросонья Агнесс говорила с хрипотцой. — Вы очнулись.

Зевнув, она потянулась, и просторные рукава батистовой сорочки упали до самых плеч, обнажая ее руки. На сливочно-белой коже золотились волоски, виднелась россыпь бледных осенних веснушек. Джеймс поймал себя на мысли, что никогда раньше не видел ее плечи. Как, впрочем, и колени.

— Долго ты так сидишь? — спросил он, присаживаясь на край кровати.

— Всю ночь и почти все утро. Вы были в забытии два дня, — пояснила Агнесс и улыбнулась участливо.

Одежда ее опекуна была измятой и достойной не джентльмена, а бродяги, чьим ложем служит скамья в Гайд-парке, волосы свалились и свисали грязными сальными прядями. Ну и пугало! Следует хотя бы причесаться, прежде чем подталкивать Агнесс к самому важному решению в ее жизни. Сейчас ему пригодился бы костяной гребень ундины, хотя один его взмах вызывает бурю.

Впрочем, Агнесс не привыкать к небритым и нечесаным мужчинам, ведь мальчик-селки, которого она привела в пасторат, выглядел ничуть не лучше.

Но мальчика-селки она хотя бы любила.

— Тебе не следовало утомляться, — начал Джеймс, но девушка сразу же замотала головой.

— Ах, что вы, сэр! Любая на моем месте поступила бы точно так же!

Любая... Лучше бы ему не просыпаться и не слышать этих слов.

— Благодарю тебя, Агнесс. Твоя забота вернула меня к жизни.

— Не надо, сэр, вы все равно сделали для меня несоизмеримо больше! Вы сотворили для меня чудо, — говорила девушка, прижимая руки к кружевной манишке. — Нужно быть неблагодарной девчонкой с сердцем черным, как сажа, чтобы об этом забыть.

Бывает, что женщины выходят замуж, руководствуясь куда худшими побуждениями. Как Лавиния, которая распахнула объятия богатому развратнику. Агнесс же будет счастлива. Заставит себя быть счастливой. Если застелить пол клетки ковром, задрапировать стенки занавесками, расставить повсюду букеты цветов с лепестками из ракушек и перьев, то пропадут из виду железные прутья.

— Полежите еще, а я пока позабочусь о завтраке. Кухарка почему-то не явилась, ну да не беда, я зажгу огонь и поджарю тосты. А с утра заходил молочник и принес свежего молока — все, как вы любите.

Приняв его пристальный взгляд за подозрительность, Агнесс потупилась.

— Ну, настолько свежего, насколько тут можно сыскать. На дне кувшина был какой-то осадок, и кузен сказал, что это истолченный мел. Но если вам угодно, я поищу что-нибудь получше.

— Не стоит хлопотать, ступай-ка отдохни. Я же вижу, как ты утомлена.

— Тогда позвольте хотя бы подать вам воды, — спохватилась она, бросаясь к туалетному столику, на котором стояли кувшин и кружка-поилка.

И где только Агнесс успела ее раздобыть? Нужно срочно привести себя в порядок, иначе воспитанница сочтет его безнадежно больным и примется потчевать бульоном.

— Я сам.

Он нетерпеливо щелкнул пальцами, но кувшин не шелохнулся. Стоял неподвижно, словно был отлит из чугуна, а не из тонкого фарфора, расписанного мельницами и синими голландскими крестьянами. Повторная попытка поднять его в воздух тоже не увенчалась успехом. Что за чертовщина? В Лондоне его силы всегда ослабевали, уж слишком

много здесь было железа, и не просто холодного, но лязгающего и извергающего пар. Даже наперстянка не вилась по столбикам его кровати. Но притянуть керамическое изделие одним усилием воли ему удавалось всегда. Он и ребенком провернул бы такой трюк.

Не до конца веря происходящему, Джеймс уставился на свои пальцы. Выглядели они как обычно, разве что под ногтями чернела грязь.

Вот только волшебства в них не осталось ни капли.

Вмиг им овладел тупой, мертвящий ужас. Сердце пропустило несколько ударов. Наверное, так же чувствует себя солдат, когда просыпается в полковом госпитале и, откинув одеяло, видит культы вместо ног.

«А меч берет все, что пожелает».

Так вот что имел в виду Фрэнсис Дэшвуд, когда глумился над ним за пределами соляного круга. Призраку достаточно было захотеть, чтобы вся сила фейри хлынула в него, оставляя только пустую оболочку. Тело расставалось с силой без сопротивления, как с чем-то ненужным, лишним, и только сознание не смогло принять утрату, погрузившись во мрак.

Пожалуй, в его потере можно усмотреть высшую справедливость. Он ведь почти не пользовался таившимся в нем волшебством. Тратил его на салонные фокусы да на усмирения сэра Ги, когда тот в очередной раз возвращался в мир живых. Стоит ли собаке скалить зубы, если ее сгоняют с сена?

А Дэшвуд, конечно, применит волшебство с умом.

Заметив, как мистер Линден побледнел, Агнесс вскочила, не зная, то ли укладывать его обратно в постель, то ли сразу бежать за врачом, то ли воспользоваться кружкой-поилкой, дабы восстановить его пошатнувшееся здоровье. Взгляд запрыгал по комнате и приклеился к кувшину. Ротик девушки приоткрылся, в глазах засквозило понимание. Но гримасу отчаяния тут же сменила улыбка, насквозь пропитанная фальшью, как савойский торт — мадерой.

— Не тревожьтесь, сэр, — зашебетала Агнесс. — Со всем скоро вы пойдете на поправку, и ваши силы вновь вернутся к вам. Дайте себе время! Вот увидите, все будет хорошо!

При всех своих достоинствах, мисс Тревельян была отменной врушкой. Как-то раз между ними завязалась оживленная дискуссия по поводу того, почему ни одна из десяти заповедей не воспрещает лгать. По мнению Агнесс, это был верный признак того, что Господь всемилостив и не требует от людей невозможного.

Вот только от ее утешений мало толку.

— Агнесс, могу я попросить тебя об одной услуге? — спросил Джеймс, вставая на ноги.

Чтобы совершить это нехитрое действие, пришлось схватиться за точеный столбик кровати.

— Только если она пойдет вам на пользу, — осторожно отвечала воспитанница.

— Если тебя не затруднит, спустись в гостиную и позови меня по имени минут через пятнадцать.

— Громко позвать?

— Нет, совсем тихо. Так, чтобы на это не отозвался мой слух. Чтобы я услышал иначе.

Понимающе кивнув, Агнесс скрылась за дверью, и он смог, наконец, привести себя в порядок.

3

Когда с утренним туалетом было покончено, ногти вычищены, а волосы — расчесаны и напояжены, он распахнул гардероб, чтобы выбрать костюм. Выбор, как всегда, был невелик. В спальню проникали скудные лучи ноябрьского солнца, но за дубовой дверью висела плотная бархатистая тьма. Черные сюртуки, мантии для торжественных богослужений. На прошлой неделе он наведялся за ними к Томасу Коксу, державшему лавку по адресу Саусгемптон-стрит, 29. У этого портного, предла-

гавшего услуги исключительно клиру, он и раньше заказывал облачения, но всегда по каталогу, в самом же магазине побывал впервые. Что тут скажешь? Даже в похоронном салоне «Джея и Ко» царит более непринужденная атмосфера.

«Вот так, — думал мистер Линден, застегивая сюртук на пуговицы из черного тусклого рога. — А теперь повяжу шарф и вновь брошу вызов Клубу Адского Пламени».

Только вот незадача: если он как фейри-полукровка не смог тягаться с Дэшвудом, что же делать теперь, когда сила из него высосана досуха? Что использовать в качестве оружия?

Невесело усмехнувшись, он провел рукой по мантиям. «Рекомендуем преподобным господам облачения из лучшего велюра, отличающиеся внешним великолепием, равно как и носкостью — всего шесть гиней за штуку». Достойные доспехи для защитника веры. Остается только воззвать к Господу, умоляя покарать нечестивцев. Соверши чудо, и тогда я буду вести себя, как подобает доброму христианину, буду месяц поститься, хмельного в рот не возьму... Помолиться, как простодушные первые христиане.

И снова беда. С самого начала не был он слугой Господа, а всего лишь служителем церкви. Требы, десятина, регистр, куда заносят имена прихожан и указывают, имеются ли у них дома Библия и молитвенник. Таковы его обязанности. Наспех повенчать крестьян, прежде чем те вернутся на сенокос, и не забыть взыскать с них шиллинг. Прочитать слепнувшей старухе из книги Иова. Терпеливо объяснить девчужке, что нет, он не может окрестить ее куклу, посему душа куклы не вознесется.

Что же до веры, она у него тоже есть. Только имя ей Долг. Перед страной, на чьей каменистой земле его угораздило родиться, перед людьми, пусть те и одной с ним крови только наполовину, перед покойным братом и перед стариком, который, хоть и не любил приемыша, но никогда не поднимал на него руку. Долг перед Чарльзом. Ведь обязан

же он довести племянника до двери палаты лордов, а там пусть сами с ним мучаются. И перед Агнесс.

Таков его Символ веры. Поэтому Господь не откликнется на его молитвы, как бы громко ни звенела медь и ни звучал кимвал. Если уж на то пошло, к Богу он относился примерно так же, как пройдоха-управляющий к помещику, который получает ренту с ирландских владений, а сам проживает в Лондоне. Пэдди и рад слать хозяину квартальные отчеты, лишь бы приезжал пореже. И арендаторы рады. Пусть так все и остается. А то вдруг господин нагрянет и как-нибудь проявит себя. Мало ли, что ему на ум взбредет, с его-то могуществом.

Молиться бесполезно. Нужно просто выполнять свой долг. Потому что долг — это все, что у него есть. Его жизнь от и до. Долг и еще любовь к Агнесс. И если он хочет удержать ее, то каждый день, скрепя сердце, должен выбирать мир людей, потому что на Третью дорогу она не сможет за ним пойти, точно так же, как не смогла последовать за мальчиком-селки. Хотя его-то она любила.

«Джеймс!»

Нежный голос зазвенел в голове, растекаясь по его сознанию, успокаивая воспаленный разум. Он по-прежнему слышит ее, хотя волшебство тут, наверное, ни при чем. Обычная любовь.

«Я иду».

Переместиться в пространстве без помощи ног он был не в состоянии, так что пришлось воспользоваться чудесным изобретением человечества — лестницей.

4

Как он и велел, Агнесс дожидалась опекуна в гостиной. Приделась в платье из серого фуляра, с которого уже успела спороть нелепые розочки, гладко причесала волосы. Увидев Джеймса, она отложила пяльцы и поднялась ему навстречу. Ее глаза лучились радостью, на этот раз неподдельной.

— Получилось! Вот видите, сэр, не стоило и волноваться. Вы такой же, каким были прежде. Так отрадно вновь видеть вас в добром здравии!

Если надеть на нее кандалы, она их позолотит и украсит кружевами. Но разве не так поступают все женщины?

— Скоро и остальные ваши способности восстановятся, — щебетала Агнесс, наливая ему чай. — И тогда вы вновь сможете приступить к расследованию.

— И сослужу моей государыне добрую службу, — согласился Джеймс, отхлебнув из расписной чашки с золотым ободком. Странно, что фарфор не растворился от его слов, столько в них было яда.

— Само собой! Ведь на этот раз охотиться с вами поеду я.

Опять за старое.

— Ты даже не понимаешь суть своей просьбы.

— Еще как понимаю! Я пригожусь вам не хуже леди Мелфорд. Пусть я не знаю, с какого конца взяться за ружье, и с трудом удерживаюсь в седле, но и от меня может быть прок. Пожалуйста, сэр! Найдите занятие, которое мне подойдет. Вы так добры ко мне, позвольте же и мне принести вам пользу!

Воистину, он счастливейший из смертных. Все вокруг только и думают о том, как бы принести ему больше пользы. Агнесс, Лавиния. Со всех сторон он окружен заботливыми, добросердечными людьми.

А почему бы и нет? Они обе ему пригодятся. Принесут пользу. Агнесс, чтобы заваривать чай, и Лавиния на случай, если к нему вернется сила фейри и ему вздумается вновь поохотиться на призраков. Жена в доме и женщина на стороне. Лорд Мельбурн всецело одобрил бы такую форму семейного устройства. В его времена люди только так и жили, да и сейчас живут.

Оставить их обеих — что может быть проще? Мир людей выпишет ему индульгенцию.

Мир, где жена не знает, каким страшным недугом наградил ее муж, и думает, что болезнь сама зародилась

в мерзких глубинах тела, где блуждает матка, вызывая приступы безумия.

Мир, где в субботу вечером можно пойти в бордель, а воскресным утром раздавать проституткам душеспасительные брошюры.

Мир, где с каждым годом женские юбки становятся все пышнее, отделяя их владелиц от мужчин и друг от друга, замыкая их в тюрьме с шелковыми стенами и решетками из китового уса.

Мир, который он, Джеймс Линден, выбрал и продолжает выбирать.

— Агнесс, ты меня любишь?

Вопрос прозвучал так внезапно, что она чуть не подавилась чаем, и на глазах ее выступили слезы. Джеймс терпеливо ждал, пока она откашляется и промокнет глаза платочком, на котором она начала вышивать свою монограмму, да так и не закончила. Просто «А» в окружении цветов и листьев. Без фамилии.

Агнесс все не отвечала, и — не в силах ждать — он спросил снова. Голос дрогнул:

— Хотя бы немного?

Закрыв лицо платком, она вдруг разрыдалась. Худенькие плечи ходуном ходили под широким кружевным воротником. Никогда еще он не видел, чтобы она плакала так — захлеб, почти срываясь на стоны. В День Иоанна Крестителя крик льдинкой застыл у нее в горле, но, наконец, растаял и прорвался наружу. Когда платок превратился в мокрый комок ткани, она отшвырнула его и сложилась пополам, заходясь криком.

Первым порывом Джеймса было обнять ее и прижать к себе, впитывая боль из ее дрожащего тела, но вряд ли ей будут приятны его объятия. Прикосновения нелюбимого — это насилие, каждое касание причиняет боль, как полноценная пощечина.

Он подумал про Лавинию и барона Мелфорда — и не сдвинулся с места.

— Это ничего, Агнесс, это не страшно, — заговорил он тихо и ласково. — Не кори себя, в твоих чувствах нет ничего постыдного.

Она подняла к нему лицо — покрасневшее и мокрое от слез, распухшее почти до неузнаваемости.

— Вы... вы слишком г-горды, чтобы согласиться на меньшее? — прохрипела она.

— Нет. Будь я гордецом, мне польстило бы, что ради меня девушка собирается сломать себе жизнь, и какая девушка!

— Я могла бы составить ваше счастье. Мы могли бы... мы с вами...

Договорить она не смогла — горло сдавил новый спазм.

Осторожно, словно опасаясь ее испугнуть, Джеймс подошел к ней поближе и протянул свой платок. За умеренную плату мистер Фокс предлагал вышить на нем стих из Библии, и хорошо, что преподобный Линден отказался. Намокнув, черные нитки могли испачкать Агнесс лицо.

— Бедная малиновка! Залетела в клетку и свила себе гнездо. Как там у Блейка? Если птицу в клетку прячут, небеса над нею плачут. Жаворонка подобьешь — добрых ангелов спугнешь.

Она рыдала, не умолкая, он стоял перед ней, убрав руки за спину и сжав кулаки так, что кожа на костяшках едва не лопалась. Нельзя к ней прикасаться. Она заслуживает лучшей участи.

Стылый ветер будет завывать снаружи, а в ее доме будут потрескивать дрова и пиликать сверчок. Деньгами он ее обеспечит. Их будет недостаточно, чтобы привлечь к ней внимание охотников за приданым, но она никогда не будет знать нужды.

— Пожалуйста, — разобрал он среди всхлипов. — Мне нужно время... я не готова дать ответ... не сейчас.

Но она уже ответила.

— Ты перепутала долговую тюрьму с дворцом, — объяснил Джеймс, — и саван с подвенечным платьем. Ты обрекла бы себя на муку, но не ту, которая обостряет чувства

и заставляет рваться прочь от источника боли. Нет, эта мука подобна морозящему дождю, что со временем стирает лица даже у каменных статуй. Она изматывает и опустошает. Вот такой была бы твоя жизнь с нелюбимым. Хорошо, что мы вовремя объяснились.

— Вы не понимаете...

Он вспомнил, каким напыщенным болваном казался при первой их встрече. С какой легкостью ему дался менторский тон! Почтенный дядюшка-пастор наставляет племянницу, которая только вчера перестала заплетать две косички и отпустила юбку ниже щиколоток. Где бы вновь найти все те увещевания? Их больше нет. Они сгорели на костре любви. Ни утешить он ее не сможет, ни образумить.

Но вместо тех слов, столь же рассудительных, сколь лживых, достойных стать прологом к воскресной проповеди, с его уст рвались другие — и что это были за слова! Кололи язык, как чертополох, истекали соком волчьей ягоды. Столько лет они томились, замурованные в его сознании. Давно пора выпустить их на свободу.

— Напротив, я понимаю тебя слишком хорошо. Когда-то я и сам совершил ошибку, Агнесс, страшную ошибку. Я примерил костюм, который кроился не под меня, черный долгополый сюртук с белым шарфом. Этот костюм стал для меня пропитанной ядом рубашкой, надев которую, скончался Геракл. Я нацепил его только потому, что того потребовал мой приемный отец. Мне стыдно было нарушить клятву, данную у смертного одра. О, каким я был глупцом!

Пусть люди играют по своим правилам. Ему-то что до них, если он вообще не человек?

Развернувшись, он пошел прочь, но хриплый вскрик Агнессы заставил его обернуться.

— Подождите!

Путаясь в юбках, она шла к нему, и в какой-то миг ему показалось, что они еще могут обрести счастье. Он упрямо тряхнул головой, гоня прочь ложную надежду.

*...Да, лишь отчаянье открыло
Мне эту даль и эту высь,
Куда надежде жидкокрылой
И в дерзких снах не занестись¹...*

Нет. Он не должен с ней оставаться. Любовь — как благодать. Ее невозможно приманить добрыми делами. Нельзя заслужить. Она или есть, или ее нет. И кому знать об этом, как не ему — неблагому фейри?

Агнесс застыла в нескольких шагах от него. Опустив голову, комкала его платок.

— Вы уходите? — прошептала она.

— Да, насовсем.

— Неужели вы останетесь один?

Он не сдержал злой усмешки.

— Кто сказал тебе, что я останусь один?

— Значит, вы уходите к той женщине, — стиснула зубы Агнесс. — К леди Мелфорд.

— К Лавинии.

Он привык думать, что она любит лишь ауру волшебства вокруг него. Заодно и узнает, так это или нет. А если так... что ж, еще одна утрата. Какая разница, если дни его все равно сочтены? Но если ему и суждено погибнуть, он утащит за собой Дэшвуда и всю его свору, пусть это и будет последним, что он сделает в этой жизни. Вот о чем сейчас следует думать.

Он шагнул в коридор, так и не взглянув на нее еще раз. Все равно он не запомнит ее такой — заплаканной, с всклокоченными волосами и глазами-щелками. Его память сохранит иной образ: ее сияющее торжеством лицо, после того как она задала ему невыполнимое задание и выиграла игру. Самая прекрасная девушка, которую он когда-либо встречал. Самая упрямая.

Глядя себе под ноги, он чуть не столкнулся с Чарльзом. Следовало догадаться, что мальчишка прибежит на плач,

¹ Эндрю Марвелл. «Определение любви». Перевод Г.М. Кружкова.

но о том, что племянник может подслушивать под дверями, он даже не подумал. Видно, мало Чарльза муштровали в Итоне, раз так и не вылепили из него джентльмена.

— Чарльз, послушай, мне нужно кое-что сказать тебе, — начал мистер Линден, но Чарльз вскинул голову, пытаясь посмотреть на дядюшку сверху вниз.

— Опять ваши нравоучения? Оставьте их при себе, сэр, а еще лучше пустите по ветру. Вы заставили мою кузину плакать, теперь уходите к леди, которая... с которой... вам не место рядом с ней! — выкрикнул Чарльз, сжимая кулаки.

Куда подевался тот мальчуган, которому он снял с верхней полки историю якобитских восстаний, и подросток-крепыш, чье полыхающее лихорадкой тело он положил остудиться на снег? Как Джеймс не всматривался в племянника, он так и не мог разглядеть их обоих.

Перед ним стоял мужчина и смотрел на него, как на соперника. Так вот в чем дело. Открылся ли Чарльз Лавинии, а если так, что она ему на это сказала? Судя по тому, какое отчаяние проступало на его лице, ничего утешительного. В другое время он пригласил бы племянника в курительную комнату и вызвал на разговор, но сейчас он не в том состоянии, чтобы приглаживать чьи-то взлохмаченные чувства. Со своими бы разобраться.

— Я должен взять с тебя обещание, Чарльз, — твердо сказал Джеймс. — Поклянись, что не будешь лезть в это расследование и удержишь от него Агнесс. Мы с Лавинией справимся сами.

Он обязан довести задуманное до конца. Пока Дэшвуд бродит по земле, никому не будет покоя.

— Поклянись мне, как некогда я поклялся твоему деду. Моей выдержки хватило на семь лет, от тебя я прошу от силы недель. Ну же!

— Давать клятвы выродку — не много ль будет чести? — выплюнул юнец. — Или нечисть и впрямь настолько беспардонна, как говорится о ней в легендах? — продолжил он, глядя исподлобья. — Вы можете отнять у людей

все — их женщин, их земли, их покой — и расхохотаться в ответ на упреки. Вы ведь именно такой, дядя Джеймс?

— Ты вправе ненавидеть меня, сколь душе угодно.

— Ненавидеть вас? — Чарльз расхохотался. — О, что вы, сэр! Отнюдь! Я вам скорее завидую. И желаю вам подражать.

— Знал бы ты, сколько сил я потратил на то, чтобы ты рос, не подражая мне. Я должен был тебя уберечь. Твой отец хотел, чтобы я позаботился о тебе.

Чарльз отшатнулся, как от удара, и смерил дядю долгим взглядом. Затем процедил:

— Он попросил вас об этом перед тем, как вы его убили?

5

Грейс обеспокоенно шуршала юбками, недоумевая, почему госпожа вызвала ее в неурочный час, оторвав от плетения оборок ночного чепца, к которому камеристка, похоже, испытывала больше почтения, чем к той, для чьей головы он предназначался. Пока служанка терзалась неведением, леди Мелфорд неторопливо допила чай, промокнув уголки рта кружевной салфеткой, и взяла с подноса конверт. На нем темнела бляшка сургуча.

— Вот рекомендательное письмо к мисс Анджеле Бердетт-Коутс, — сказала миледи, поманив камеристку. — Мы повстречались с ней в комитете по спасению падших, хотя никак не вспомню, каким ветром меня туда занесло. Кажется, я собиралась на концерт Джулии Гризи и перепутала номер дома.

Грейс тяжело хлопнула редкими белесыми ресницами.

— Слово за слово, мисс Бердетт-Коутс обмолвилась, что ищет камеристку. Дело было в прошлом месяце, но, кажется, она так никого и не нашла. Вы с ней отлично поладите. Мисс Бердетт-Коутс не только богатейшая, но и самая добродетельная дама Англии.

— Так я уволена? — изумилась служанка. — Но чем же я не угодила миледи?

— Вы идеальная камеристка, Грейс. Но лучше бы вам переменить место, пока моя рекомендация хоть что-нибудь да значит.

«Пока я остаюсь леди, — могла бы продолжить Лавиния. — Пока общество не заклеило меня позором ввиду грядущей моей выходки, когда я отправлюсь в дом холостяка да так там и останусь, и сам архиепископ Кентерберийский не сгонит меня с места. Пока до меня не добрались мертвые, но крайне настойчивые чернокнижники. Пока я еще жива».

Все складывалось скверно, но даже самое мрачное воображение едва ли может тягаться с Провидением, по чьей воле на нашем пути непролазными зарослями встают тернии и волчцы. Наверняка может быть и хуже. Охота не удалась, Джеймс по-прежнему болен, и непонятно, когда и как он сможет излечиться. К нему бы священника привести — настоящего, многомудрого, умеющего исцелять дьявольские хвори. Но где такого найдешь? Разве что в самых глухих деревушках и остались настоящие священнослужители, может, в шотландском высокогорье или на изумрудных просторах Ирландии, в крошечных домишках, где топят торфом? Да и поможет ли священник фейри-полукровке?

Беспокоило Лавинию и то обстоятельство, что под одной крышей с Джеймсом проживает тот, чье тело Дэшвуд использовал в качестве временного пристанища. Чарльз Линден, жертва призрака, оставшаяся в живых. А ведь с тем клерком, который и заварил всю кашу, Дэшвуд обошелся куда как жестоко, и сомнительно, чтобы его растрогала молодость Чарльза. Почему он не добил мальчика? Настолько ослабел? Или же она вселила в Дэшвуда должный трепет своим, пусть и скромным, запасом святой воды и серебра? Хорошо бы.

Возвращаясь в Лондон, она заставила Чарльза всю дорогу твердить псалмы, дабы благодатные слова отогнали злых духов, если те увяжутся за экипажем, и дабы запол-

нить неловкое молчание и занять язык мальчишки чем-то иным, кроме любовных признаний. Наконец, даже извозчик, устав от его бубнежа, поинтересовался, не готовится ли молодой человек к конфирмации. Чарльз злобно зыркнул на кэбби, но волю леди Мелфорд исполнил. Так что в столицу они добрались благополучно. Но ведь призрак может настигнуть его и здесь.

Разумеется, если Дэшвуд пройдет сквозь стену резиденции Линденов, Агнесс увидит его и поднимет переполох, но в борьбе с привидениями от ее талантов не много проку. Что она может сделать? Зашуршать на него цветной бумагой для аппликации? Плеснуть акварелью? Управляться с призраками словами — это же надо выдумать такую нелепицу! Как будто Дэшвуд станет вслушиваться в ее комариный писк.

Если Джеймс не даст ему острастку, Дэшвуд может творить все, что пожелает, а Джеймс до сих пор в забытьи — это она знала точно. Иначе бы он давным-давно был у нее. Разве не так поступают друзья? Приходят в гости, чтобы оставить визитную карточку, похрустеть печеньем за чашечкой чая и поболтать о том о сем? А они с Джеймсом лучшие друзья. Если он до сих пор не заглянул к ней, значит, и на ноги еще не встал.

Поэтому обороняться от Клуба Адского Пламени ей придется в одиночку.

Лавиния заехала в парфюмерную лавку, где обзавелась изящным дорожным набором: дюжина хрустальных флакончиков в инкрустированной шкатулке. Дюжина пустых хрустальных флакончиков, которые следовало заполнить разными туалетными водами и одеколонами. Но она налила в них святую воду, запас которой пополнила, посетив подряд несколько церквей и опорожнив тамошние купели.

Хоть какие-то действия, чтобы не сойти с ума в ожидании.

Если бы леди Мелфорд находилась сейчас не в Лондоне, она пошла бы в сад пострелять. Это занятие успокаивало и дисциплинировало чувства. Но в Лондоне не постреля-

ешь — в лучшем случае с забора свалится кошка, в худшем — один из «уличных арапчат», пробравшийся в сад на запах ростбифа из кухни.

Поговорить бы с кем-нибудь, кто мог бы подсказать ей, что делать с Чарльзом и в каких выражениях рассказать Джеймсу о произошедшем. Но у Лавинии не было ни одного достаточно умного знакомого, кому она могла бы довериться. Собственно говоря, у нее вообще не оставалось никого, кому она могла бы довериться. Абсолютно одинока. За последние годы она была своим единственным собеседником и советчиком, но в данной ситуации леди Мелфорд не могла получить помощь от Лавинии.

— Миледи?

На пороге гостиной появилась запыхавшаяся Грейс. С лестницы доносился топот Бартоломью, который таскал вниз бесчисленные сундуки, рундуки и укладки камеристки, собравшей за столько лет службы внушительный гардероб из поношенных платьев госпожи. На плечи Грейс набросила сразу несколько шалей, слишком дорогих, чтобы доверить их мужичью, под мышкой держала розовую шляпную коробку.

— К вам тот мужчина, — сказала отставная камеристка. — Джеймс Линден.

Слова прозвучали, как плевок. О, сколько лет тихоня Грейс ждала этого момента! Ей уже не требовалось кривить душой, называя его «джентльменом», ведь в ее системе ценностей уважения он заслуживал ровно столько же, сколько пьяный шарманщик или нищий итальянец, под чью свирель пляшут белые мыши. Доносились ли до нее слухи о богатом прошлом ректора Линден-эбби? Безусловно, доносились. Своим же внезапным появлением в доме миледи он подтвердил все домыслы камеристки. Когда вечером после вылазки Лавинии в Медменхем она расчесывала всклокоченные локоны госпожи, можно вообразить, какие мысли лезли в ее прилизанную голову. То-то она без возражений ухватилась за рекомендацию.

Если правильно подобрать тон, слово «мужчина» зазвучит почти так же оскорбительно, как «женщина».

«Гулящая» — читался вердикт в маленьких водянистых глазках.

— Можете идти, Грейс, — спокойно улыбнулась миледи. — Пока репутация цела.

Дважды повторять ей не пришлось. Сделав неглубокий книксен, камеристка ретировалась, оставив после себя мучнистый запах крахмала, резкий — анисовых капель и приторный — застоявшейся, давно перебродившей добродетели.

Лавиния же ликовала. Он — «тот мужчина», она — «эта женщина», так что они практически созданы друг для друга. И он все-таки вернулся к ней. Живым.

Но на всякий случай она выхватила из шкатулки флакон со святой водой и спрятала в карман. Джеймс провел время рядом с племянником, вокруг которого еще мог виться злой дух, точно пьянчуга вокруг кабака, из которого его выгнали, не дав опрокинуть пинту. А Джеймс все это время был слаб, болен, без чувств — кто знает, что могло произойти?

Нет, колоть Джеймса булавкой она не будет, даже если бы в нем поселился целый легион демонов. Уже слыша его шаги, Лавиния откупила еще один флакон, смочила святой водой платок и сжала в кулаке. Если Джеймс одержим, это выявит его сущность. По крайней мере, ей не придется гадать, с кем она говорит: со своим любимым или с насмешником, искушавшим ее дарами Второй дороги. Все сразу станет ясно. В тот миг, когда он коснется пальцами ее пальцев...

Джеймс Линден выглядел таким измученным, словно стал жертвой не призрака, а румынского вампира. Кожа побелела и истончилась, морщины у рта и между бровей прорезались глубже, волосы потускнели, во взгляде усталых глаз — безнадежность.

— Лавиния, — произнес он, по обыкновению склоняясь к ее руке.

Коснувшись ее влажных пальцев, он не вздрогнул, и губы его не задымились от поцелуя.

— Джеймс, присядь, пожалуйста. — Лавиния без лишних церемоний взяла его за рукав и потянула за собой на диван.

— Настолько заметно?

— Да. Мне бы следовало солгать из вежливости, но не стану. Краше в гроб кладут, как говорят в народе.

— Хорошо, что мы начали с главного и мне не придется издалека подбираться к тому, что ты должна узнать....

«О главном ты, наверное, даже не подозреваешь, и я не знаю, как заговорить об этом», — подумала Лавиния, стараясь сохранить ровное и любезное выражение: чтобы Джеймс не понял, как остро она ему сострадает, как она его жалеет. Мужчины ненавидят, когда женщины замечают их слабость.

— Лавиния, то, что я тебе скажу, возможно, изменит твоё отношение ко мне раз и навсегда, — продолжал Джеймс. — Дэшвуд не просто лишил меня силы — он лишил меня моей магии. Я больше не «рыцарь-эльф», и не потому, что сам так решил и пытаюсь бороться со своей сущностью. Просто эту часть меня выжгли адским пламенем. Теперь я — как все. Я больше не смогу хлопнуть в ладоши и перенестись из Линден-эбби в Лондон. Или взбираться по отвесной стене, преследуя призрака. Я никогда не смогу показать тебе Третью дорогу и даже не уверен, что сам могу ее видеть. Ты, конечно, потрясена и огорчена, и тебе потребуется время, чтобы ты обдумала все и решила, примешь ли ты меня такого. Без возможности уйти на Третью дорогу.

Потрясена? Огорчена? Каждое его слово падало на нее, как каменная плита, и под конец ей казалось, что она замурована в рухнувшем на нее склепе... Но слабый луч света все же пробивался между камнями. «Примешь ли ты меня?» Джеймс сказал ей эти слова?

«Приму — как кто? Как друг? Как...»

Времени на размышления не оставалось, ведь иначе он встанет и уйдет, подумав, что она все еще та девчонка, очарованная рыцарем-эльфом... А ведь многое, многое изменилось за столько-то лет. Она простила ему все, когда он вернулся к своему истинному предназначению — охоте на нечисть, и готова принять его — любым. Притвориться другом. Притвориться сестрой. Кем угодно. Потому что любовь не иссякает, любовь долго терпит и милосердствует... Какой из апостолов это сказал? Неважно. Неважно даже, что он имел в виду любовь божественную, а вовсе не то чувство, от которого просыпаешься среди ночи с часто бьющимся сердцем, в гнезде из скомканных простыней.

А ведь Джеймс предал ее, напомнила обида, и не единожды! Предал, когда отринул свой волшебный дар и их общее будущее. Когда не пришел за ней в день свадьбы. Когда променял ее на глупую девчонку Агнесс. Ах, да, еще он предал ее, когда назвал своим другом.

И вот он сидит перед ней, глядя в пол, опустив на колени стиснутые кулаки, и выглядит тенью прежнего себя. Рыцарь Тристан, раненный отравленным копьём, а она подле него — Изольда, но не первая, а вторая, та самая белорукая жена, что будет отирать смертный пот с его чела. И если он спросит ее, какие она видит паруса, что ему ответить? Черные — к беде, белые — к исцелению, вот только нигде на горизонте не маячат белые паруса, сколько не всматривайся, их нет. С тех пор как Дэшвуд вошел в тело Чарльза и явил ей Вторую дорогу, мир кажется еще гаже, чем был прежде. Повсюду ей видится или копоть от заводских труб, или мишурный блеск. А белых парусов как не было, так и не будет. Никто не приплывет на подмогу. Так чем же его утешить?

Только тем, что она признает правоту апостола: любовь все прощает, всему верит, всегда надеется и все переносит. Теперь-то она поняла: любовь не кончается, как бы тебе этого не хотелось. Она просто есть. А Джеймс Линден — лучший из людей. И она сделает все, чтобы исцелить его,

или хотя бы помочь ему найти себя в этом новом для него мире — в мире без магии.

— Я приму тебя, Джеймс. Конечно, приму. Я буду охотиться с тобой, когда ты снова сможешь охотиться. Я буду помогать тебе во всем, в чем смогу помочь. Ведь я... Я твой друг. Ты же знаешь.

Она невесело усмехнулась и положила ладонь на его стиснутый кулак.

— Я знаю, Лавиния. Я прошу тебя стать моей женой. Тебе не придется быть женой пастора, потому что с этой стези я сошел раз и навсегда. Ты будешь женой охотника на нечисть, лишённого магической силы. Я не остановлюсь. Теперь — особенно. Весь свой опыт и все свои знания я употреблю на то, чтобы преследовать порождения тьмы. Я прошу твоей руки второй раз... Что ты ответишь мне сейчас, Лавиния?

«Нет, я не расскажу тебе про черные паруса, — успела подумать она. — Я вообще ничего не расскажу тебе, Джейми Линден».

— Я согласна, — сказала Лавиния.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

«А если бы я ответила “да”?»

Второй день Агнесс задавала себе этот вопрос и не сме-
ла на него ответить.

Сквозь пелену слез обстановка гостиной казалась зыб-
кой. Белесое пятно там, где внушительно белел мрамор-
ный камин, перед ним темные подтеки чугунной решетки
и клочки красноватой дымки — мебель. Слезы текли и тек-
ли: поначалу казались обжигающе горячими, въедались
в кожу, оставляя в порах кристаллики соли, но затем лицо
как будто потеряло чувствительность. Агнесс провела кон-
чиками пальцев по мокрым скулам, дивясь тому, что не
ощущает уже ничего, словно умылась в водах Леты. Про-
исходящее было похоже на страшный сон. Джеймс поки-
нул ее. Возможно, им никогда уже не увидаться.

А все она виновата! Что ей мешало, взмахнув ресница-
ми, прошептать то, что он хотел услышать? У нее так склад-
но получается лгать. Она обвела вокруг пальца самого ба-
рона Мелфорда, захлопнув его дух в бутылке, словно мерз-
кого жадного слепня. Да и мистер Хант попался на ее
уловку и впустил ее в свой дом, а вместе с ней и Ронана...
Ложь и яд — орудие слабых, но по разрушительности
с ними сравнится не всякий клинок, всаженный в грудь
в честном поединке. И она, Агнесс Тревельян, мастерски
овладела ложью.

А все потому, что с учителями повезло. Спасибо, преподобный Линден, целую ваши руки, леди Мелфорд.

Пока что кривить душой ей приходилось ради кого-то другого, так почему бы хоть раз не обратить это орудие себе во благо? И во благо Джеймса? Она могла бы составить его счастье...

...хотя и не любит его. Ведь не любит? Вот Ронана любила. Сколько раз она представляла, как его руки, пусть и спрятанные под грубой кожей перчаток, гладят ее по спине, а его обветренные губы скользят по ее щекам. Возможно, так начинается прелюбодеяние, что бы оно ни означало, но это точно была любовь. Ее первая — и последняя. Она отлюбила свое и получила нитку жемчуга в награду за труды.

А Джеймс... С ним она чувствовала себя иначе. Подчас ей казалось, что в человеческом обличье его удерживает лишь чувство долга да недюжинная сила воли. В любой миг он может податься зову Третьей дороги, и тогда... Тогда она снова останется одна и будет вглядываться в белое безмолвие, пока не смерзнутся ресницы. Или сойдет с ума, как леди Каролина.

Можно ли целовать снежный вихрь, не обжигая губ? Провалиться под лед и не захлебнуться? Стоит ей приоткрыть перед ним сердце, и он ворвется в него и в клочья разорвет все то, что составляет ее мир. А другого-то у нее нет.

Чтобы любить его, нужно быть сильной и мудрой женщиной, а не жалкой маленькой врушкой, любительницей романов и вышивок берлинской шерстью. Нет, нельзя ей его любить. Не про нее такие чувства. И зря она сравнивала себя с той девицей, что прошла полмира в поисках своего суженого, черного быка Норроуэйского. Железные башмаки придутся не по всякой ноге, а ее ножки давно привыкли к шелковым туфелькам да удобным ботинкам на низких каблуках. Но если бы она вскарабкалась на стеклянную гору и выдержала все испытания, то отпрянула бы в последний момент, испугавшись своей награды — черного быка, его необузданной, звериной мощи.

Она собьется с дороги в метель. Любить зимнего фейри ей не под силу. Все, что она может испытывать к нему, это благодарность за сотворенное им чудо. За то, что не допустил тогда ее гибели. За то, что отозвался на имя.

С Ронаном она была на равных, не трепетала перед ним даже во время его частых вспышек гнева. А значит, могла любить. Могла и любила. Но от фейри можно лишь откупаться. Так древние жители островов закалывали свиней и орошали их дымящейся кровью снег, принося жертвы духам зимы, убажывая их за то, что даруют жизнь или хотя бы ее не отнимают.

«Лорд Мельбурн не ошибся насчет меня. У таких, как я, нет темной стороны».

Да и с преподобным Джеймсом Линденом, ректором Линден-эбби, она могла бы ужиться и со временем проникнуться к нему приязнью. Играла бы на органе во время службы, обсуждала с ним успехи учениц в воскресной школе — и зажимала уши, прячась от посвиста ледяного ветра. Но даже так это был бы знакомый ей мир. Обычный, познаваемый. Не такой страшный, как тот, куда, отрекшись от титула и обязательств, когда-то сбежала леди Линден. Тот, который так манил Джеймса, и до сих пор лишь белый шарф удерживал его на привязи.

«Меня бы все равно туда не взяли! Я слишком глупа и слаба, чтобы его любить. Я не могу... я не должна».

Зато может Лавиния. Подобно камню, эта мысль упала в мутные воды, поднимая со дна осадок, черный и густой, застилающий взор. Гнев, зависть и — неужели? — да, ревность.

«Но ведь я же его не...»

Но спорить с чувствами было поздно. Агнесс почувствовала, как с головой уходит под воду, ее закружило в воронке, и в рот хлынула тьма, горьким налетом оседая на языке. Пришлось стиснуть зубы и сжать кулаки, чтобы не закричать, но когда сквозь ставшую уже привычной пелену она разглядела, как в гостиную входит Чарльз, Агнесс не выдержала. Заметив ее перекошенное от боли лицо, кузен

в два шага оказался у дивана, и она благодарно уткнулась в его манишку.

— Как он мог уйти к этой злой женщине! Она выставила меня на позор, она пыталась меня убить!

Перламутровые, с острыми краями пуговицы его рубашки больно впивались ей в щеку, но девушка и не думала отстраниться. Приговаривая что-то утешительное, Чарльз гладил ее по волосам. Ловкие пальцы смахнули локоны, прилипшие к мокрой щеке, заправили ей за ухо. Кто бы мог подумать, что в минуту отчаяния рядом с ней окажется кузен-зазнайка? И что он так хорошо умеет утешать?

— Джеймс не стал меня слушать, — шептала она между всхлипами. — Если бы он расспросил меня, я бы все ему объяснила. Но он просто ушел.

— И это несмотря на то, что он тебя так любит.

— Почему? Почему ты так думаешь? — ахнула Агнесс.

— Я же знаю своего дядю. И вижу, как вспыхивают его глаза, когда тыходишь в комнату. Как он смотрит на тебя. Ни на одну женщину он так еще не смотрел, даже на Лавинию.

Упоминание ненавистного имени заставило Агнесс вздрогнуть. Ведь и Чарльз равнодушен к леди Мелфорд, оттого в нем и пробудилось сочувствие к кому-то, кроме себя. Их боль перекрестилась, образовав островок, на котором внезапно оказалось место для них обоих.

Чарльзу, наверное, так же горько, как и ей, но мужчины не плачут. И тем более бывшие итонцы. Из них слезы вытекают на первом же году обучения.

— Со мной он мог быть счастлив, а Лавиния его погубит. Ее чувства затянут его в такой водоворот, из которого уже не выбраться.

— Ты можешь ему отомстить, если захочешь.

— Как? — спросила Агнесс просто для поддержания разговора.

Вместо ответа он приподнял ее лицо за подбородок и вдруг поцеловал, так крепко, что даже ее распухшие, оне-

мевшие губы болью отозвались на внезапное нападение. В его дыхании, сразу наполнившем ее рот, переплелись ноты корицы, кардамона и жженого сахара, но спиртным от него не пахло.

Это обстоятельство, пожалуй, потрясло Агнесс больше всего. Он что же, не во хмелю так руки распустил? Да за кого он ее принимает?

Что было сил оттолкнув наглеца, она вскочила с дивана и чуть не повалила стоявшую за спинкой лакированную ширму. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот застрянет в горле.

— Что ты себе позволяешь, кузен? — прошипела она, не зная, спастись ли бегством или надавать ему пощечин.

Не меняя позы, лорд Линден смотрел на нее снизу вверх, но раскаяния в его светлых глазах она, как ни силилась, распознать не смогла. Насмешки, впрочем, тоже. Стояло в них лишь непонятное, подернутое печалью разочарование, словно он протянул руку утопающему, но его пальцы схватили воздух.

— А что может быть обиднее, чем знать, что твоя любимая отдалась другому мужчине? — Он усмехнулся. — Попробуй, кузина, это приятно. Наша связь пошла бы на пользу... нам обоим.

— Если ты ко мне хотя бы раз прикоснешься...

Договорить она не успела. Звук подъезжающего экипажа лишил ее дара речи. Но сомнений быть не могло — Джеймс вернулся, потому что ему, как и ей, невыносима разлука. И теперь-то она все ему объяснит или хотя бы попытается. Не помня себя от счастья, Агнесс подлетела к окну, нетерпеливо отдернула гардину и застыла как вкопанная. Из кэба выходил незнакомый джентльмен — невысокого роста, полноватый, с редкими волосами на круглой, как бильярдный шар, голове. Поправив очки на носу пуговкой, он решительно поднялся по ступеням.

— Ты погляди, это же аптекарь из Бедлама! Хаслэм или как его там, — подал голос Чарльз, заглядывая ей через плечо.

— Что ему здесь нужно? — спросила Агнесс, от удивления забыв про тяжкую обиду.

— Сейчас мы узнаем. Ты спрячься, ладно? — на всякий случай кузен указал на ширму, и Агнесс сочла нужным повиноваться.

Женщины не имеют права слушать разговоры мужчин — только подслушивать. Хорошо, и на том спасибо.

Подоткнув юбки, чтобы ее не выдала предательская полоска серого шелка, девушка устроилась за ширмой. Через узенькую щель между створками из красного дерева открывался неплохой вид. По крайней мере, можно было разглядеть, как Чарльз бросился открывать, а минуту спустя вернулся в сопровождении аптекаря. Как и свойственно людям близоруким, гость щурился и крутил по сторонам головой, словно ожидая, что из ниоткуда выпорхнет стая гарпий и вопьется когтями ему в плешь.

— Могу ли я видеть Джеймса Линдена, священника? — чопорно начал он.

— Дядюшка отсутствует, — ответил Чарльз невозмутимо, словно бы его опекун отлучился к цирюльнику. — Но я передам ему, все что нужно.

— У меня к нему дело личного свойства, — замялся аптекарь, но Чарльз одарил его такой лучезарной улыбкой, что он сразу вывесил белый флаг. — Впрочем, вы, милорд, тоже можете мне помочь. Вы ведь были с ним в субботу, когда он пришел с визитом в больницу. И слышали, о чем он беседовал с Эдвардом Оксфордом. Не могли бы вы вкратце пересказать мне их беседу?

— А зачем вам?

— Видите ли, милорд, сегодня утром мистер Оксфорд, скажем так, скончался, — объяснил аптекарь и, подумав, почтил покойного печальным вздохом. — Скончался в драке. Дело престранное, ведь обычно он кулаками не махал, на прогулках держался в сторонке, если вообще во двор выходил. А тут сам полез в драку, и не с кем-нибудь, а с Громилой Джоном, который череп своей подруге мотыгой раскроил. Джон набросился на него, а затем

и остальные пациенты навалились. Несчастный Оксфорд был буквально растерзан, но самое удивительное — у него отсутствовал язык. Громила признался, что вырезал ему, уже мертвому, язык и швырнул за забор, но так и не смог объяснить, зачем понадобился этот акт дополнительной жестокости. Возможно, действовал он в бреду, уж очень его лихорадило.

— И где же была охрана, пока достойные джентльмены превращали своего коллегу в студень?

— Тоже во дворе, — сознался визитер, краснея лысой макушкой. — Все охранники, разумеется, будут уволены, но люди они из простых. Кто лодочником раньше служил, кто грузчиком. У них свои принципы, и трехразовое кормление убийц оным принципам противоречит. Драки они разнимать не торопятся, предпочитают потом собирать тела.

— Вот как? Кто бы подумал, что в нашем народе так сильна нравственность, — поразился юный лорд.

— Так о чем же ваш дядя говорил с Оксфордом? — напомнил гость. — Видите ли, он был последним визитером из внешнего мира, с кем несчастный имел беседу. Не могло ли что-нибудь в его словах спровоцировать Оксфорда?

— А зачем нужны все эти подробности, мистер Хаслэм? — увиливал Чарльз. — Оксфорд был истинным безумцем. Туда ему и дорога.

— Для отчетности, милорд. Покойным Оксфордом интересовалось одно, прямо скажем, значительное лицо. Мне предписано было докладывать, кто посещает Оксфорда, надолго ли у него задерживается. Надо полагать, что и сейчас от меня ожидается подробнейший доклад.

На его румяное лицо легла тень уныния, неизменно сопутствующая канцелярской работе, но печаль сменилась недоумением, а потом и замешательством, стоило незнакомой барышне выскочить из-за ширмы. Аптекарь отступил на шаг и по привычке оглянулся, готовый звать санитаров на подмогу.

— Кого вы имеете в виду? — подступилась к нему Агнесс.

— Я думал, мы беседуем приватно, — поморщился мистер Хаслэм, не скрывая досаду.

— Эта барышня — моя кузина, от нее мне скрывать нечего, — развел руками Чарльз.

— Так кому же вы шлете отчеты о цареубийце?

— Боюсь, этого я вам открыть не могу.

— Можете, сэр, и должны! — Агнесс почувствовала, что заливается краской. Понукать джентльменами ей еще не доводилось, но отчаяние подстегивало ее решимость. — От ваших слов зависит жизнь королевы.

— И все же, мисс...

— Это лорд Мельбурн? — спросила она в лоб.

— Нет, — опешил аптекарь. — Это его королевское высочество принц Альберт. Он, насколько мне известно, интересуется судьбой и других преступников, покушавшихся на королеву. И все же я не понимаю...

Но лорд Линден с мягкой настойчивостью положил руку ему на плечо и развернул гостя к двери.

— Спасибо, мистер Хаслэм, — сказал он, подталкивая аптекаря, словно упирающегося карапуза, который никак не хочет идти в постель. — Больше у нас нет вопросов. Не смеем вас задерживать.

Фыркнув так громко, что очки чуть не слетели с его плоского носа, аптекарь последовал в заданном направлении, Чарльз же так резко обернулся к Агнесс, что она отскочила. После давешнего конфуза от него можно ждать всего, что угодно. Однако других союзников у нее не оставалось. Придется воспользоваться тем, что бог послал.

— Чарльз, ты понимаешь, что это может значить? — затараторила она. — На королеву было несколько неудачных покушений, и всякий раз ее спасал принц Альберт. А не сам ли он их подстроил? Чтобы держать ее в постоянном страхе, заставляя думать, что он ее единственная защита и опора. Поверь, она двух предложений сказать не может, чтобы хоть раз не упомянуть Альберта. Он завладел всеми ее мыслями.

Она прошла по комнате, теребя разметавшиеся локоны.

— И вот теперь этот призрак. Королева уверена, что принц отрицает все сверхъестественное, но что, если его скептицизм — лишь маска? Он знает о ее страхах и играет на них.

— Ты говорила, что поставила в королевской детской разного рода защиты, — начал Чарльз раздумчиво. — А принц ворвался...

— ...и все уничтожил. Тогда я думала, что он просто на меня злится. Мол, зачем я лезу не в свои дела. Но вдруг все это неспроста? Вдруг я могла помешать его сообщникам попасть в замок?

— Кажется, на этот раз он взялся за дело всерьез.

— О господи! Билль о регентстве!

Они переглянулись. По тому, как разгорелись глаза Чарльза и как он возбужденно задрожал, Агнесс смекнула, что семена подозрения, посеянные в его душе, не только проросли, но и заколосились. Хоть кто-то ее понимает!

— Кузина, а ведь ты права! — Кузен так хлопнул себя по лбу, что на молочно-белой коже остался розовый след. — Закон, назначающий принца регентом в случае смерти королевы, был принят в сороковом. Но тогда у Виктории родилась дочь. А сын, будущий король, появился на свет только в сорок первом. Не так давно ему исполнился год. Он уже не нуждается в матери так, как раньше...

— А хочешь знать, что во всем этом кажется мне самым странным? — Девушка едва не подпрыгивала. — Отсутствие у Оксфорда языка. Вспомни, Чарльз, ведь Темплю отрезали руку. А теперь вот пропавший язык!

От нее не укрылось, что кузен ловит каждое ее слово. Это было приятно, хотя и неожиданно. Она почувствовала себя гувернанткой, но не той жалкой особой, что вынуждена лебезить перед богатым шалопаем, а мудрой, многоопытной наставницей. Ох, видела бы ее Лавиния! Сразу пропала бы охота над ней насмехаться!

Чарльз пожевал пухлую нижнюю губу и протянул жалобно:

— Я не понимаю, что бы это могло значить!

— Зато я понимаю. Готовится какой-то страшный ритуал. Я читала о подобном в библиотеке Джеймса. Для колдовских ритуалов требуются разные артефакты, это могут быть части тел, и нужны они в определенном количестве. Три, пять, семь — как-то так. Кто бы ни готовил этот ритуал, два артефакта у него уже есть. И я не знаю, сколько еще ему понадобится. Нужно срочно предупредить Джеймса!

Сейчас для нее уже не имело значения, застанет ли она его в объятиях Лавинии, ведь такие разговоры не терпят отлагательств. Ей вспомнился милый лепет королевских детей, сменившийся испуганным ревом, когда отец ворвался в детскую и прямо на их глазах закатил скандал. Тогда ей казалось, что он раскричался на пустом месте. Ох, если бы!

Она рванулась к двери и чуть не упала, когда Чарльз крепко ухватил ее за юбку.

— Э, нет, — сказал он, наматывая на кулак шелковую ткань. — Если у дяди от нас секреты, с какой стати мы должны хоть что-то ему сообщать? У него свое расследование, у нас — свое. Кого нам нужно предупредить, так это королеву. Поехали в Виндзор.

— Едва ли королева поверит в такую догадку. Кроме того, гвардейцы не пустят меня в замок. Принц так распорядился. Мне об этом сказал придворный шталмейстер, когда сажал меня в экипаж.

— Ничего, в Виндзоре немало ходов-выходов, уж проберемся как-нибудь. Главное, не терять времени. Ведь этот ритуал может начаться в любую минуту.

Агнесс почудилось, будто ее привязали за руки к двум рысакам, и те уже били копытами, готовясь пуститься вскачь. Куда идти? К Джеймсу, подсказал бы здравый смысл, если бы горластая обида дала ему вставить слово.

Узнав новые сведения, Джеймс снова обойдется с ней как с несмышленищем, словно бы и не она их выведала. Прощедит сквозь зубы, чтобы сидела дома и под ногами не путалась. Место рядом с ним заняла Лавиния, и она же поскочит с ним в Виндзор, где ей, как леди, проще будет добиться аудиенции. Агнесс скрипнула зубами. Нет, такого удовольствия она леди Мелфорд не доставит. Заговор раскроют они с Чарльзом.

— Собирайся, — скомандовала она. — Мы едем на вокзал.

— Отлично! Только дай мне пару минут, — попросил Чарльз и, не дожидаясь возможного отказа, бросился вон.

Агнесс нахмурилась. Ради такого случая кузен мог бы поступиться дворянской щепетильностью и не тратить времени на подбор свежего галстука или перемену жилетки. Что до нее, ей хватит и кашемировой шали, висевшей на спинке кресла. Бежевая шерстяная ткань поможет слиться со стенами замка.

Набросив шаль на плечи, она проследовала в холл и призывно постучала по плохо начищенным доскам.

— Уже иду!

Перепрыгивая через ступени, Чарльз летел вниз, и на каждый его шаг неодобрительным рокотом отзывалось эхо. Костюм его был прежним, зато, к величайшему неудовольствию Агнесс, он прихватил с собой объемистый ковровый саквояж. Вот и съездили налегке.

— А багаж тебе на что?

— Припасы. Хлеб, сыр и теплые плащи. Непонятно, сколько нам придется сидеть в засаде, дожидаясь, когда караульные отойдут... ммм... покурить. А в Виндзорском парке по ночам жуткий холод. Но если ты против, я все оставляю, — забеспокоился Чарльз.

— Хорошо, бери, — милостиво разрешила кузина.

Наградой ей стала самая широкая и теплая из его улыбок, и Агнесс, несмотря на все свои тревоги, тоже улыбнулась, увидев зазор между его крупными передними зубами. Никогда еще кузен не казался таким милым. Ловя его вос-

торженные взгляды, девушка готова была простить ему все былые выходки, включая и давешний поцелуй, от которого до сих пор щипало губы.

Вся спесь лорда Линдена улетучилась, и на смену ей пришла готовность подчиняться, которой от него так и не смог добиться директор Хоутри. А вот она смогла. Впервые ей покорился не призрак, а человек, да еще и такой гордец, как наследник Линден-эбби. Осознание своей власти пьянило ее, как горячий пунш, в который миссис Крэгмор неизменно подмешивала бренди. И задача настроить королеву против мужа казалась хотя и сложной, но выполнимой.

Хорошая компания — залог успеха, а в том, что компания подобралась отличная, Агнесс была уверена. Несмотря на все изъяны характера, в непредвиденной ситуации Чарльз сохранял присутствие духа и трезвость суждений. С ним точно не пропадешь.

Кто еще додумался бы захватить в дорогу теплые вещи?

2

До вокзала Паддингтон они добрались не скоро: время близилось к ужину, дороги были запружены, и кэбби, нетерпеливо пощелкивая кнутом, дожидался, когда же разъедутся два стоявших впереди омнибуса, которые терлись боками так близко, что пассажиры на их крышах обменивались табаком и сальными шуточками. Оба кондуктора наперебой костерили торговца устрицами, чья телега перевернулась посреди перекрестка. Лениво отругиваясь, он ползал на четвереньках и собирал товар, наспех отирая каждую раковину о кожаный фартук. Пахло грязью, настоящей на опилках и конском навозе, колесной смазкой, а еще морем. Рядом свистели и кувыркались мальчишкисметельщики.

Чарльз выстукивал на жестком, как могильная плита, сиденье какой-то лихорадочно-бравурный марш. То и дело

он поглядывал на Агнесс. По крайней мере, она слышала, как мягко шуршат его волосы по накрахмаленному воротничку, когда он поворачивает голову.

Полезная вещь — капор, не позволяет глазеть по сторонам — только вперед. А туда-то ей и нужно.

Вот уже час она прокручивала в голове грядущий разговор с королевой, и каждый раз дело заканчивалось тем, что пухлые пальчики брались за перо в золотой оправе и одним росчерком выводили «VR» под смертным приговором Агнесс Тревельян, девицы. Наговаривать на принца-консорта равносильно государственной измене, в этом Агнесс не сомневалась. И наверняка королева будет до последнего отстаивать честь любимого, что тоже понятно. Попытался бы кто-то опорочить при ней Джеймса Линдена! Агнесс не смогла бы спровадить наглеца в Австралию, но уж точно плеснула бы ему чаем в лицо... хотя Джеймса она, конечно, не любит.

Мысли никак не желали сплетаться в изящное полотно аргументов. Казалось, вместо прочной пряжи она пыталась вязать из паутины, и тонкие нити рвались, липли к пальцам и вновь рвались, стоило их подвязать.

— Чарльз, что, если я ошибаюсь? — всхлипнула она, когда кэб двинулся с места и рывками покатился по мостовой. Голову пекло от духоты, словно соломка капора превратилась в раскаленную жезл.

— Навряд ли. Не сомневаюсь, что принц кормит супругу ложью, точно пулярку орехами. А сам уже точит топор.

— Но вдруг? Быть может, я клевету на честного мужчину?

— Честных мужчин не бывает, кузина, — привстав, он приблизил лицо к ее шляпке и оказался под соломенной сенью.

Агнесс вжалась в сиденье. Неужели снова попытается ее поцеловать? Но Чарльз вернулся на место, и она услышала, как он разворачивает очередную конфету.

— Не бывает, — повторил Чарльз, — за каждым из нас водится что-то эдакое. А уж когда дело доходит до

амбиций, пиши пропало. Взять хотя бы нашего герра Альберта. Вот уж у кого должен быть зуб на весь род людской! Из него растили правителя, равновеликого королеве, и что в итоге? Он переворачивает ноты, когда она бренчит на пианино, и сопровождает ее на конных прогулках, хотя для этого сгодился бы и грум. Думаешь, он не мечтает о том, чтобы жена поскорее составила компанию Королеве-Девственнице, безголовой Марии Тюдор и прочим славным дамам? Держи карман шире, кузина! А, кстати...

Он сунул руку под попону, прикрывшую его брюки и юбку Агнесс от дорожной грязи. Девушка едва не взвизгнула, когда пальцы Чарльза, нетерпеливо раздвигая складки шелка, добрались до ее кармана. На несколько неприятных мгновений задержались на ее бедре. А затем рядом с платочком и нюхательными солями опустилось что-то тяжелое.

— Талисман, — пояснил Чарльз. — Он не раз выручал меня в беде. А на этот раз пусть выручит нас обоих.

Она осторожно ошупала подношение. Гладкий прямоугольный чехол, а вот что в нем? Может, письменный набор? Чарльз любит писать. Как раз его успехи в риторике вселяли хоть какую-то надежду на успех их предприятия. Агнесс согласилась бы постоять в стороне, пока кузен будет увещевать королеву, прибегая к приемам Цицерона и прочих римских ораторов.

— Спасибо. И все же...

— Поздно поворачивать, кузина. Мы на месте. Оближи губы.

Она провела языком по растрескавшимся на холоде губам и ощутила вкус сажи.

Ребристые своды вокзала напомнили ей потолок в зале Святого Георгия в Виндзоре, но на этом сходство заканчивалось: все, от столбов до свисавших с потолка круглых, как мыльные пузыри, ламп, было закопченным. Агнесс брезгливо подобрала юбки, пятясь от кассы, но проходивший мимо торговец рыбой мазнул жирной пятерней по ее

шали, а другой грубиян послал веер брызг на ее новенькие шерстяные чулки.

Еще несколько таких столкновений, и к прибытию в замок она будет грязнее судомойки. Только и сгодится, что ворон в оранжевое пугать или в качестве мишени принцу Альберту.

Вернулся Чарльз, помахивая билетами в первый класс. Однако прежде чем оказаться в компании избранных, кузенам предстояло окунуться в людской водоворот. После столпотворения на параде лорда-мэра Агнесс уже не сомневалась в силе и сноровке своих локтей, но перрон Паддингтонского вокзала подточил ее самоуверенность. Гомон голосов оглушил ее: расхлябанный кокни смешивался тут с ирландским ойканьем и раскатистым басом шотландских горцев, но все это многоголосье не могло перекричать паровозные гудки и скрежет колес по шпалам.

От первого же гудка Агнесс подскочила, как будто за спиной у нее зарычала пантера. Второй уже не произвел на нее такого эффекта. К сутолоке привыкнуть оказалось труднее. С боков навалились так, что заскрипел китовый ус корсета, кто-то впечатал шляпную коробку ей в поясницу, чьи-то рыжие локоны хлестнули ее по щеке, оставив на коже жирный запах помады. Пытаясь удержать капор, Агнесс почувствовала, как гладкая шерстяная шаль скользит по плечам и падает на брусчатку — и ведь не нагнешься! Башмачки наполнились слякотью и хлюпали при ходьбе. Пришлось растопырить пальцы ног, чтобы удержать хотя бы их, но это не способствовало прыти. Агнесс только и могла, что хватать ртом воздух, чувствуя себя рыбешкой во время шторма.

Несколько раз она дергала Чарльза за фалду сюртука, чтобы не сбиться с пути, и только так добралась до желанного вагона. Он оказался небольшим, не намного длиннее и просторнее омнибуса. Служитель в сером мундире с красным шитьем рассаживал дам и господ, которые царственным мановением руки отсылали лакеев и камеристок в вагон второго класса, где продолжалась давка.

Что и говорить о третьем классе, незастекленном, открытом всем ветрам! Там сгрудилась столичная беднота. Мастеровые жевали табак, так же сосредоточенно, как Чарльз свой марципан. Служанки, ехавшие навестить родню, перемигивались с моряками и прятали под фартук большие руки с распухшими от щелока пальцами. Ирландки перекатывали во рту чубуки глиняных трубок и сквозь зубы покрикивали на ребятню, что, как рой мух, облепила коробейника. Нет, с такими рядышком лучше не садиться. Под конец пути лишишься не только кошелька, но, пожалуй, и верхней одежды.

Посмотрев в другую сторону, сквозь густой дым Агнесс разглядела паровоз. Черный и пузатый, он не казался похожим на чудище, что вгрызается в зеленые холмы, оставляя за собой полосу опустошения. Возможно, плоды цивилизации не так уж плохи. Как иначе добраться до Виндзора всего за час?

В душном вагоне витали ароматы табака и мужского одеколona. Поерзав на мягком сиденье, девушка мысленно подсчитала ущерб. Шаль сгинула, капор треснул спереди и ощерился частоколом соломки, но в самом печальном состоянии пребывают, конечно, чулки. От мокрой шерсти невыносимо чесались лодыжки, но при джентльменах, собравшихся в салоне, почесать лодыжку было абсолютно невозможно. Эту часть тела, расположенную в преступной близости от колена, даже упоминать не следовало. Пришлось терпеть.

Когда поезд тронулся, Агнесс подпрыгнула на месте и вцепилась в рукав кузену. Она слышала, что поезда движутся быстрее любого рысака, но чтоб так! Казалось, что перед ее глазами машут веером, на котором нарисован пейзаж. Деревья, мосты и стены домов сливались в единую полосу, и глаз не сразу выхватывал отдельные предметы из этой колышущейся ряби. Но полчаса спустя Агнесс уже улыбалась пронесившимся мимо деревням. Ей вспомнилось внезапное путешествие из Йоркшира в Лондон: замечательно, конечно, что Джеймс

явил ей свои способности, но ведь на поезде они добрались бы не хуже.

Почувствовав, что поезд замедляет ход, она приуныла. Целую вечность бы ехала так, упруго подпрыгивая на малиновом плюше и слушая, как леди и джентльмен позади нее обсуждают оперу.

На вокзале городка Слоу тоже былолюдно, хотя не так, как в Паддингтоне. В гостинице из благообразного белого камня уже зажгли огни, но извозчики и гиды еще бродили по привокзальной площади, нахваливая экскурсии по здешним достопримечательностям.

— Сэр? Мисс? Прокатиться не желаете? — Дорогу им заступил здоровяк в поношенном рединготе и веллингтоновских сапогах, равномерно заляпанных грязью. Его щеки, сизые от частых возлияний, были изрыты оспой и напоминали плум-пудинг.

— Желаем, — кивнул Чарльз, отдавая саквояж.

Извозчик проворно зашвырнул багаж в коляску и, поклонившись, отворил перед господами дверь. Своей услужливостью он старался уравновесить тот факт, что по кожаному сиденью разбегались трещины, точно реки на карте Южной Америки, а под откидным верхом витал неистребимый запах перегара и жареного лука.

— Ежели господам угодно, у нас тут имеется домик астронома, доктора Гиршеля, и его прелюбопытный телескоп, — зачастил кучер, но Чарльз сделал ему знак замолчать.

— В Виндзор, к замку.

— Дык, сэр, государственные палаты давным-давно закрыты! Раньше надо было приезжать. По парку разве что прогуляетесь, да какая радость мыкаться в потемках? И дождь опять собирается.

— Много ты понимаешь, — огрызнулся лорд Линден. — Мы едем в гости к королеве. Хотим поболтать с ней о том о сем.

Ошарашенный кучер дернул за вожжи так резко, словно хотел обезглавить лошадь, и каурая кобылка отозва-

лась возмущенным ржанием. Еще раз приподняв цилиндр и помахав им в воздухе, он погнал во весь опор и время от времени оборачивался, чтобы узнать, не будет ли у их светлостей еще каких-нибудь распоряжений. В Чарльзе он сразу распознал аристократа, но и Агнесс, после некоторых колебаний, зачислил в их ряды, посчитав треснувший капор признаком того, что она путешествует инкогнито.

Сначала они ехали по равнине, черным бархатом стелившейся по обе стороны дороги, но вот впереди забрезжили городские огни и замаячили высокие стены и башенки какого-то строения, то ли замка, то ли собора. Они почти сливались с пасмурным небом, но все же были различимы. Чарльз едва слышно вздохнул, и Агнесс поняла все без слов. Это был Итонский колледж. Свесившись через бок коляски, Чарльз долго провожал взглядом школу, а потом еще дольше стряхивал хлопья краски с пальцев и выкусывал занозы — к бокам провинциальных экипажей лучше не прикасаться.

Поглощенный наведением красоты, он не отозвался на вскрик Агнесс, когда коляска пронеслась по мосту, который, как чугунный утюжок, придавливал шелковую ленту Темзы. На другом берегу лежал городок Виндзор, чья сонная невозмутимость служила контрастом величию замка.

Чарльз приказал извозчику остановиться у гостиницы «Замок», откуда рукой подать было до благородного тески этого непримечательного строения. Задрав голову, Агнесс увидела резиденцию королей, похожую на огромное застывшее облако. Виднелись мягкие силуэты башен, чьи названия она уже успела позабыть, за исключением Круглой. Над огромным донжоном реял флаг. На какой-то миг мягкая замша перчаток примерзла к ладоням Агнесс. В полумгле ей показалось, что это «Юнион Джек», а не королевский штандарт, а значит, путешествие проделано впустую. Королевы нет в замке. Но сквозь прореху в облаках выглянула луна, и на флаге проступила позолота, хотя в тусклом свете она больше напоминала ржавчину.

— Положись на меня, кузина, я проведу тебя в королевские покои, — шепнул Чарльз, подхватывая ее под локоть.

Но как? Неужели у него, как у пэра, имеется какой-то пропуск? Что-то вроде удостоверения члена клуба?

Как оказалось, подобный пропуск у лорда Линдена имелся, но имя ему было нахальство.

Ворота в нижние палаты сторожили двое гренадеров. Широко расставив ноги, они словно вросли в выложенную камнем площадку и готовились простоять тут еще тысячу лет. Как мимо них прошмыгнешь, забеспокоилась девушка. Но Чарльз и не думал шмыгать. Развязной походкой, вразвалку, он подошел к гвардейцу слева и осведомился, который час. Тот что-то буркнул, и с надменного лица юноши сползла улыбка.

— Какой ужас! — театрально возвестил он, подзывая Агнесс, готовую ретироваться в любой миг. — Мы опоздали на вечерний концерт! Ее величество так просто этого не забудет.

— Вы приглашены к ее величеству? — недоверчиво спросил гвардеец.

Он шурился, пытаясь разглядеть гостя получше, но так и не решился снять со стены фонарь и поднести к его лицу — любой лорд счел бы такой жест оскорбительным.

— Приглашены? О да! Только чует мое сердце, это приглашение будет последним. Вы ведь и сами знаете нетерпимость ее величества к опозданиям. И помните, как она отчитала герцогиню Сазерленд, словно та была девчонкой, опоздавшей на спевку церковного хора.

Гренадеры хохотнули. Да, о таком трудно забыть!

— Но даже тот эпизод бледнеет на фоне головомойки, которую ее величество не так давно задала своей матушке, герцогине Кентской. Весь Букингемский дворец только о том судачит! — И он болезненно поморщился, как человек, изнуренный сплетнями.

— А что было-то? — От любопытства гренадеры даже зашевелились, но Чарльз многозначительно кивнул на

Агнесс — такие речи не для нежных, быстро рдеющих ушек леди.

— Впрочем, на обратном пути я, так и быть, удовлетворю ваш интерес, — пообещал он, проталкивая кузину вперед.

— Пойдите, милорд, но как же вас зовут? — опомнился один из гвардейцев.

— Я одиннадцатый граф Линден. Думаю, этого будет достаточно, — сообщил Чарльз, одарив солдата благосклонным кивком.

Поразмыслив, стражи сочли его ответ удовлетворительным и вернулись на свои места, но Агнесс, опасаясь, что они передумают, припустила по гравийной дорожке. Сквозь полуоторванную подошву — сувенир с вокзала — в башмак попадали камешки, но это девушку не останавливало.

Вдруг гвардейцы и ей зададут схожий вопрос, и тогда ей не останется ничего иного, как назваться единственным именем леди, которое вертится у нее на языке... Нет, ни за что! Пусть лучше ее сразу вышвырнут за ворота.

— Проходной двор, — шепнул Чарльз, нагоняя ее. Увесистый ковровый саквояж не мешал ему ступать легко, как по паркету в бальной зале. — Мы с ребятами часто бегали сюда на спор, слонялись по Нижним и Верхним палатам, собирали олени рога в Виндзорском парке. Не знаю, за что прислуга получает жалованье. Будь моя воля, разогнал бы ротозеев, — похвалялся Чарльз.

Они вошли в угловую башню и уже начали подниматься по лестнице, как вдруг со второго этажа послышались шаги. На бегу придерживая парик, к ним торопился лакей.

— Кто вы такие и что здесь делаете? — осведомился он.

При газовом освещении вид Агнесс не внушал ни малейшего почтения, да и сюртук Чарльза был заляпан дорожной грязью.

— Ищем свои комнаты, — все так же невозмутимо отвечал лорд Линден.

— Комнаты? Вы? — Лакей поджал губы. — О чем вы мне толкуете? Да я сейчас охрану позову!

Лорд Линден смерил его долгим, задумчивым и каким-то предвкушающим взглядом. Наверное, так он смотрел на своих пажей, когда те подавали ему подгоревшие или, наоборот, недостаточно хрустящие тосты.

— Не вы ли тот не по разуму рьяный слуга, что вызвал полицию, застав на кушетке в коридоре незнакомого господина? А он оказался герцогом. Так уж вышло, что бедняга не нашел свою комнату и, сморенный усталостью, заснул на чем придется. Или того лакея уже прогнали без рекомендаций, а вас взяли на его место? Что-то я совсем запутался.

Обвисшие щеки лакея заколыхались, словно вареное всмятку яйцо. Самонадеянность юного гостя была сильнее опыта, подсказывавшего, что в королевские покои не входят в заляпанном сюртуке и без перчаток.

— Проходите, милорд, — через силу поклонился ему лакей, — а вот вы, мисс...

— Кузина успеет переодеться перед увеселениями, — заверил его лорд Линден.

Ей оставалось только подыгрывать кузену, и мимо лакея она проплыла с видом оскорбленной добродетели, словно ее треснувший капор служил укором не той, чью голову он украшал, а тому, кто его заметил.

На площадке второго этажа Агнесс поняла, что самообладание ей изменило. Еще одно подобное объяснение, и ей понадобятся нюхательные соли, а ведь замок начинен прислугой, как вареная индейка — устрицами.

— Давай ты сам найдешь королеву! — взмолилась она. — Когда она увидит, в каком состоянии мое платье, то даже разговаривать со мной не станет. Нам, леди, спуску не дают, а джентльменам прощается многое.

— Давай, — неожиданно легко согласился Чарльз.

Хорошо, что не придется тратить время на увещевания строптивого юнца.

— А я пока спрячусь здесь, — сказала Агнесс, неслышно пятясь к гардине.

— У меня есть задумка получше. Какой час? За девять перевалило? Почему бы тебе не навеститься в детскую? Малютки спят, а няньки или тоже выводят рулады, или ушли пьянствовать на кухню.

— И то дело! — опомнилась девушка. — Посмотрю, что творится в детской. Может, хоть заклинание напишу под ковром, чтобы буквы не было видно.

— Договорились.

Она рванулась было с места, но вдруг развернулась на скользких подошвах и заключила Чарльза в объятия.

Если бы не он, никогда бы ей не попасть в замок. Он как маяк, бесконечно далекий, взирающий на мир с высоты своей скалы, но такой надежный, что с ним не страшны рифы и смертоносные песни сирен. Ее единственный родич — почти что брат.

Но чем крепче она прижималась к нему, тем сильнее напрягались его мышцы, словно та беззаботная легкость, с которой он обходил все препоны, от одного касания налилась свинцом. Даже пальцы его разжались, и на потемневший от времени паркет упал саквояж. Стук получился громким, как выстрел.

— Кузен, я сделала тебе больно? — спросила Агнесс, отдергивая руки.

В школе его секли почти ежедневно, наверное, все тело в рубцах и шрамах. Может, она задела больное место?

— Да, — нехотя признался Чарльз, — но боль скоро пройдет. Она всегда проходит. Беги в детскую, кухня, и позаботься о бедных малютках. Особенно о принце. Ему ведь однажды быть королем.

3

Уже знакомой дорогой Агнесс поднялась на третий этаж, вздрагивая от каждого шороха, вжимаясь в стену, но понимая, что на фоне пунцовых обоев ее видно так же отчетливо, как моль на дверце платяного шкафа.

Удача снова была на ее стороне. Королевская свита развлекалась этажом ниже, а слуги, видимо, разошлись по постелям, набираться сил перед новым, полным трудов днем. Дверь в детскую Агнесс запомнила хорошо. Вот дырочка — тут был гвоздь, на котором должен висеть венок с рябиной. А в этот косяк она распорядилась вогнать три серебряные булавки, но принц обнаружил и вытащил даже их. Не может быть, чтобы за его настойчивостью не скрывался злой умысел!

Дверь не скрипнула (щеколды смазаны освященным маслом), и Агнесс, ступая на цыпочках, прокралась внутрь. Полоса лунного света расчертила детскую на две неравные части. В левой — колыбелька, из которой доносилось уютное сопение. Принцесса Вики дышала с той же жадностью, с какой пила молоко и набивала рот хлебом с маслом. Отодвинув кисейный полог, Агнесс нагнулась над девочкой и мизинцем откинула локон с ее крутого, как у ягненка, лба.

До чего же принцесса похожа на мать! Глазенки навывкате и короткая нижняя губа придают ее лицу выражение то ли наивного удивления, то ли гневливости. А с какой важностью она принимала гостей в прошлую субботу, как вытягивала ручку, когда Агнесс, с трудом сдерживая смех, преклонила перед ней колени — нагибаться пришлось почти до земли. Пока мисс Тревельян раскладывала на подоконнике зверобой, Вики топотала рядом и тыкала кнутиком от волчка — туда положить, нет, туда! А уж какой она подняла рев, когда леди Литтлтон попыталась усадить ее за Библию. Скрепя сердце, миледи признавалась, что ее высокочество иногда приходится шлепать — разумеется, с должной почтительностью.

Повадки у Вики были королевскими, жаль только, что королевой ей не стать. Престол унаследует ее младший брат Эдуард Альберт, по-домашнему просто Берти. Соглашаясь с таким положением вещей, ему в детской отвели больше места, чем Вике.

Перешагнув через лунную границу, Агнесс проверила и его колыбельку. В отличие от сестры, Берти спал тихо

и улыбался так сладко, словно ему напевали ангелы. Сестра пошла в мать, но братец, как божились няньки, перенял отцовский характер. С рождения был покладистым и любознательным. Оставь ему деревянные кубики, и он сложит из них башенку, а не расколотит окно и не перешибет терьеру лапу. Чудо, что за ребенок!

В коридоре слышался шум, и Агнесс, задернув мягкую кисею, шархнулась от колыбели.

Не хватало еще разбудить детей криками, а то, что беседа будет вестись на повышенных тонах, она поняла сразу. Уж слишком торопливыми были шаги. Вот так, бросив все, забыв накинуть на плечи шаль или надеть шляпу, забыв даже захватить ведро с водой, бегут на пожар родного дома.

И тех, кто спешил сюда, слишком много.

Встревоженная, Агнесс проскользнула в дверь и чуть не налетела на королеву. Рот ее величества был открыт, грудь тяжело вздымалась под розовым шелком платья. За спиной королевы показался Чарльз, и Агнесс собиралась поблагодарить его, как вдруг разглядела в темном коридоре статную фигуру с белым, как череп, лицом. Вслед за принцем чеканили шаг гренадеры. Повинуясь его судорожному жесту, они схватили Агнесс, принц же ничего не сказал, а отодвинув в сторону жену, ворвался в детскую. Зашуршала кисея, и сразу же раздались причитания на немецком, в котором припевом повторялось «mein Gott».

Агнесс дернулась и мотнула головой. Ее взгляд метался от Чарльза к королеве, но не мог уловить выражения их лиц, а лишь выхватывал какие-то ненужные детали — пятнышко чая на корсаже королевы, шейный платок Чарльза — желтые цветы на синем поле, — растерзанная манжета на левом рукаве платья, а ведь блонды так хлопотно чинить, и золотистый пушок над верхней губой Чарльза, и его улыбка, и зазор между передними зубами.

В народе говорят, что сей изъян указывает на сластолюбие. По другой версии, это признак лжеца.

Но... нет, не может этого быть! Нет, нет, никогда, нет.

Агнесс снова подалась вперед, словно кролик, рвущийся из капкана, пусть и ценой лоскутьев кожи и меха. Капор сбился набок, и один из гвардейцев грубо сорвал его, пока другой заламывал руки ей за спину.

Волосы липли к лицу, но сквозь рыжеватую пелену она разглядела, что к ней идет Чарльз. Точнее, видны были только его ноги в заляпанных грязью брюках. Крупные синие клетки на бежевом фоне — эту расцветку она будет ненавидеть до конца своих дней. Каждая клетка раскаленным клеймом впечатывалась в мозг.

— Все хорошо, кухня, не тревожься, — журчал вкрадчиво голос Чарльза. — Никто не причинит тебе вреда. А теперь отдай нож.

— Какой нож?

— Лгунья!

Принц Альберт уже вернулся из детской и занял место рядом с Чарльзом. Руки принц сложил на груди, но мышцы его вздувались, словно завязанные в узел канаты. Из последних сил он сдерживался, чтобы ее не ударить.

— Она не лжет, ваше королевское высочество, — мягко возразил Чарльз. — У нее порой бывают провалы в памяти. Перочинный нож с перламутровой рукояткой, Агнесс. Тот самый, что ты стащила у меня, перед поездкой в Виндзор.

— Чарльз, о чем ты? Не брала я никакого ножа!

Осторожно вытянув руку, словно кухня в любой момент может его укусить, Чарльз обшарил ее карманы... и вытащил сложенный нож. Нажал на потайную кнопку. Лезвие выскочило, словно молния из темно-серой, с перламутровым отливом тучи...

— Вот он, — сказал Чарльз и, сложив нож, протянул его принцу.

Альберт отшатнулся и позволил подношению упасть на ковер.

— Я весьма разочарована в вас, мисс Тревельян, — заговорила королева. В уголке рта залегла складка — трещинка на сахарной глазури. — Уж не думала, что стану свидетельницей столь безобразной сцены.

До этого момента в душе Агнесс теплилась надежда, что они с Чарльзом недопоняли друг друга, или же это часть стратегии, которая в конечном итоге поможет им совладать с принцем. Но там, где мигал огонек, теперь вилась тонкая струйка дыма, унося с собой все ее упования.

Чарльз сам сунул ей нож в карман. Еще тогда, в лондонском кэбе.

Но чего он хочет всем этим добиться? Неужто выслужиться перед мужем королевы? Что же такое принц может ему дать, чего он не имеет по праву рождения? Титул, земли, положение в обществе — у Чарльза уже все есть!

— Ты же сам сказал, что это талисман на удачу!

— Если я хоть слово услышу об амулетах и ворожбе... — угрожающе заговорил принц-консорт.

В голосе его звенел металл. Так стучат ножные кандалы о брусчатку. Скрипит ржавый ключ, запирая дверь с крошечным зарешеченным оконцем. Оселок скользит по острию топора — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Увести ее в дальнюю комнату, — подхватила королева. — Здесь, у двери детской, не место для подобных объяснений.

Гренадеры поволокли ее по коридору, вдоль колонн с мраморными бюстами, которые показались ей похожими на урны, венчающие надгробия. Под ногами кровоточил алый ковер. Агнесс силилась поднять голову, чтобы разглядеть Чарльза, встретиться с ним глазами, понять его намерения, но боль от заломленных рук отдавалась в шее. С опущенной головой все же не так больно.

— Вот сюда. Эти покои нежилые, — распорядился принц, отпирая какую-то дверь. — Тут слишком сыро — всему виной скверная вентиляция и застоявшиеся миазмы.

Пахнуло подвальной сыростью. Шею кололо, но Агнесс вздернула подбородок и от увиденного закричала так, как не кричала даже от боли. Та самая комната, и сырость здесь не имеет никакого отношения к миазмам. На миг в запыленном зеркале мелькнули бледные рыбы глаза и волосы, длинные и пушистые, как нити плесени.

Он ее ждал.

— Обращайтесь с ней бережнее, прошу вас! — попросил Чарльз, превратно истолковав ее крик. — Ваше величество, моя кузина Агнесс не отдает себе отчет в своих поступках. Она безумна. С детства она пребывает в мире фантазий. Жалея ее, мой дядя не стал отправлять ее в лечебницу, но тем сам позволил ей дойти до крайней степени экзальтации.

— Да нет же! Он лжет!

Но, как убедилась девушка, каждый ее вскрик вызывал у гренадеров одну и ту же реакцию. В глазах потемнело, но все лучше, чем таращиться на чудище, что рыщет по ту сторону зеркала. Чудище из мира, где Темза вышла из берегов, и от ее испарений сгнили столбики кровати в этой страшной комнате.

— Куда бы мы ни ехали, приходится брать с собой смиренную рубашку на случай, если безумие кузины обострится. Вот как сейчас. Ничего, Агнесс, я привез то, что приведет тебя в чувство.

Он распахнул саквояж и вытащил из его недр вовсе не теплый плащ, а рубище из серой парусины. Длинные рукава волочились по полу. Позвякивали пряжки на кожаных ремнях. Оценив устрашающее приспособление, королева удовлетворенно кивнула:

— Свяжите юной леди руки и стяните рукава за спиной.

— Расслабься, будет не так больно, — дал добрый совет Чарльз, когда кузина вновь забилась в руках гренадеров.

Кружевной воротничок платья намок от слез и врезался в шею. Пряди волос попадали между ремнями, но когда она дергала головой, рукава ей затягивали еще туже. Наконец руки крест-накрест закрепили на груди, после чего ее толкнули в кресло и пропустили ремни за круглой спинкой. Кисти рук закололо, и Агнесс поняла, что совсем скоро они потеряют чувствительность. Лучше и правда не сопротивляться.

Но как только она перестала трепыхаться, в груди словно что-то оборвалось. Ей показалось, что ее столкнули с от-

весного обрыва и она летит в бездну, но страшило ее не дно, а само ощущение от падения, скользящая невесомость и свист ветра, заглушающий мысли.

— Выходит, все рассказы о призраках — всего лишь бред обезумевшей девицы? — донесся до нее голос принца. — Она все это выдумала?

— Не совсем так, ваше королевское высочество. Агнесс ничего не выдумывала. Эти слова были вложены ей в уста, и она лишь послушно повторила то, что ей было приказано.

— Кто? Кто отдавал ей приказы? Кто стоит за всем этим? — вопрошала королева.

В гневе она говорила отрывисто, точь-в-точь как ее дед, чье гнилостное дыхание Агнесс ощущала каждой порой кожи, каждым волоском на затылке.

— Я не смею назвать это имя... — медлил Чарльз. — Из боязни причинить боль вашему величеству.

Яснее он выразиться не мог. Королева коротко простонала, принц выкрикнул что-то по-немецки — может, проклятие, а может, и похвалу Господу за то, что приготовил пред ним трапезу в виду врагов его, и чаша его преисполнена.

— Я всегда знал, что Мельбурн на это способен! Подлый старый интриган.

— И не он один. Многие из партии вигов недовольны тем, что симпатии ее величества переметнулись на сторону тори. Кому захочется терять влияние? — гладко, как понаписанному, говорил Чарльз. — Виги стоят и за другими покушениями, целью которых было доказать, что правительство тори не в состоянии защитить королеву. Нити заговора раскинулись широко. Моя кузина — лишь одна из мух, запутавшихся в них!

— Вам известны имена других заговорщиков?

— Увы, нет. Они собираются на конспиративных квартирах, пользуются вымышленными именами. Но из того, что я узнал у Агнесс, мне кажется, что их немало. Я ждал, надеясь узнать побольше, прежде чем поставить вас в из-

вестность. О, как я был самонадеян! Из-за моей медлительности чуть не случилась беда!

— Но самое страшное уже позади, не так ли? — успокоилась королева.

— Ах, если бы! Помимо Агнесс, в сегодняшнем покушении задействованы и другие лица. Среди них есть ваши придворные. Фрейлины из числа вигов. Слуги. Гвардейцы. О, если бы знать их имена, но, увы! Одно лишь мне удалось выведать — сегодня ночью они нападут на вас прямо в замке. Вам нужно срочно уезжать, ваше величество!

Принц Альберт заговорил по-немецки, и супруга ему ответила, отрывисто и, как показалось Агнесс, неохотно. Но Альберт с неожиданной горячностью ударил кулаком по ладони и повысил голос. Не желая быть свидетелем супружеской размолвки, Чарльз деликатно кашлянул и попросил:

— Позвольте мне сказать кухне пару утешительных слов. Она не виновата в том, что такая.

Королева махнула рукой, звякнув перстнями, и продолжила что-то втолковывать мужу. Агнесс вжалась в атласную обивку, глядя, как кузен неспешно опускает руку в карман, но вместо ножа он вытащил носовой платок с монограммой. Инициалы «Ч» и «Л» переплетались, как две змеи.

— Чарльз, как ты мог? — прошептала она, когда он нагнулся над ней. — Почему ты предал меня? Почему?

— Ну, что ты, кузина Агнесс, я не предавал тебя. Я спас тебе жизнь. Лучше тебе отсидеться в Виндзоре, ведь сегодня особая ночь.

Ясные серые глаза смотрели на нее почти ласково, но прозрачность их была обманчивой, как воды пруда, на дне которого, опутанное водорослями, мягко колышется тело утопленника...

— Нет! Не может быть, чтобы ты был с ними заодно!

— Правда, не веришь? — Он удивленно покачал головой. — Ты хорошая девочка, Агнесс, а я вот не такой. Поэтому ты получишь свою награду на небесах, а я свою прямо

сегодня. Поделись со мной слезами, кузина. Слезами истинной добродетели.

Истинной добродетели. Где-то она уже это слышала, но где? Батист заскользил по ее влажным щекам, и каждый рубчик ткани был острым, как бритва. Но когда Чарльз, аккуратно сложив платок, сунул его в нагрудный карман и распрямил спину, Агнесс вспомнила.

«Истинная верность».

Не за это ли Чарльз похвалил Стивена Темпля? Как долго он выпрашивал у мистера Рэкрента, верно ли служил ему клерк, и как просиял, узнав о преданности покойного. Нет, его не интересовало, состоял ли неудавшийся цареубийца в заговоре. Он и так знал, что не состоял.

«Истинное безумие».

Так он отозвался об Оксфорде, принявшем мучительную смерть от рук сокамерников. И Оксфорду отрезали язык...

Мысли-ниточки замелькали так быстро, что Агнесс не успевала за ними, да ей и не нужно было поспевать. Полотно ткалось в обход разума, помимо ее воли. Просторная, прочная паутина, а в центре раскинул лапы жирный паук.

Но это был не Чарльз...

— Нет!!! Не слушайте его, он служит призракам! — в отчаянии выкрикнула Агнесс.

— Да сколько можно! — возопил принц Альберт.

Фалды его фрака взметнулись, и он бросился вон из комнаты, а вслед за ним, вихрем кружев и розоватого шелка, поспешила королева.

— Никаким призракам я не служу, — отчеканил лорд Линден. — Я служу только истинному монарху.

Посчитав, что остался за старшего, он отдал приказ гвардейцам, и те, напоследок проверив ремни на смирительной рубашке, последовали за ним. Агнесс услышала, как в замочной скважине звякнул ключ, и еще раз, — кто бы ни запирал дверь, руки у него тряслись. Затем стихли и эти звуки.

Тишина подушкой опустилась на лицо, давящая и пронизанная ужасом. Всклипы рвались из ее груди, но Агнесс постаралась дышать неглубоко и как можно ровнее.

Краем глаза она заметила, как из зеркала высунулась отекаящая рука. В темноте она белела, как брюхо сома. Короткие тупые пальцы мяти воздух, нащупывая живое дыхание, ища его... Сердце Агнесс замерло, а потом бешено застучало, словно облегчая им задачу.

Если бы можно было накинуть на себя забытие, подобно теплему пледу, Агнесс давно сделала бы это, но как она ни жмурилась, сомлеть не удавалось.

И тут ее что-то кольнуло. Снежинка, упавшая на разгоряченный лоб. Имя, от которого на губах проступает изморозь.

Он не может к ней не прийти. Фейри всегда отзываются на зов.

— Джеймс! — закричала она и осеклась, заметив, что призрак вылез из зеркала уже наполовину. Золотая цепь на его груди звякнула о подсвечник. Грузная туша двигалась медленно, словно против сильного течения, но с той монотонной методичностью, с какой жирная осенняя муха бьется о стекло. «Сплиш-сплашш, — бубнил призрак. — Сплишш-сплашш».

— Джеймс, заберите меня отсюда!

Она сразу же ощутила его присутствие, но не в комнате, а в своей голове. Сквозь горячечную завесу мыслей пробился голос, далекий и бесконечно чужой:

«Нет, Агнесс, не сейчас».

Так она поняла, что погибла.

Так его еще никогда не унижали, хотя, видит Бог, унижений он в этой стране натерпелся предостаточно.

Во всех салонах перемывали ему кости, будто он был шаромыжником, приплывшим в Англию с миской для подаяния и котомкой за спиной. Оскорбление за оскорблением, обида за обидой. Сговорившись, члены парламента назначили ему смехотворное пособие — всего-то тридцать тысяч фунтов, ровно на двадцать тысяч меньше, чем получал супруг королевы Анны, который только ел да спал. Вот оно, хваленое английское гостеприимство.

А ведь он мог бы стать полководцем. Разрабатывал бы планы сражений, отдавал приказы, перекрикивая грохотанные пушек и жужжание пуль. Разве не к этому его готовили? Зачем тогда отец брал его с собой на охоту, едва только он мог усидеть в седле? Зачем выгонял его в легкой одежде на мороз?

И ученым он тоже мог стать. Профессора Боннского университета не могли нарадоваться на студента, который шел в библиотеку, тогда как его сверстники, горланя песни, устремляли стопы к дому терпимости. А если не ученым, то блестящим композитором, прославленным на всю Европу. Сколько лет ему было, когда он начал сочинять органную музыку? Четырнадцать, не больше. Теперь же от вдохновения простыл и след, и вершина его достижений — спеть с женой дуэтом перед ее фрейлинами и собрать скромный урожай аплодисментов.

Он мог бы стать политиком, и снова неудача! Виктория рассудила, что политика не про него, и, наслушавшись советов Мельбурна, отказалась даровать жениху герцогство. А поскольку он не английский пэр, дорога в палату лордов ему заказана. Не баллотироваться же, в самом деле, в палату общин? Да за него все равно никто не проголосует. Какое кому дело до его суждений о демократии, если он выговаривает «д» как глухую согласную?

Он мог бы стать... Даже думать об этом противозаконно, но почему бы, собственно, и нет? Из него получился бы превосходный правитель. Он сумел бы проложить торную дорогу прогрессу, не принося в жертву нравственность... Но все это лишь мечты, зыбкие и прельстительные, как пе-

ние Лорелей. За несколько лет он сумел приручить амбиции, замуровать их в узилище подсознания, но и оттуда доносились их стоны. Так унижительно находиться в подчинении женщины! У любого сапожника больше власти, чем у него, принца-консорта.

Он мог бы стать королем. А стал игрушкой королевы.

— Альберт! Немедленно остановитесь!

Распахнув первую попавшуюся дверь, он поморщился от досады. Ноги сами привели его в Синий будуар, злосчастную комнату, где три года назад Виктория сделала ему предложение. Кто-то, возможно, счел бы забавной такую перестановку ролей, для него же она стала источником дополнительных терзаний. По крайней мере, Виктории хватило такта изобразить волнение, словно она боялась отказа. Хотя к чему ходить вокруг да около? Обоим было понятно, что по мановению ее руки дядя Леопольд упакует жениха в хрустящую бумагу и доставит по указанному адресу. С рождения Альберта растили в подарок ей — наследнице престола, пухленькой куропатке из Кенсингтонского дворца.

Принц опустил на диван, упер локти в колени, зарылся пальцами в густые каштановые волосы. Все его достижения, надежды, мечты, все, что составляло его личность, было свалено грудой, точно негодная рухлядь, и с годами гора обломков становилась все выше.

Ради чего столько лишений? Что он получил взамен?

Держась за поясицу, жена опустилась на диван подле него.

— Вы расстроены, мой ангел, — сказала она участливо. — Все мы расстроены этим ужасным происшествием. Что мне сделать, чтобы вы на меня не сердились?

— Я уже говорил вам и повторю снова. Пусть закладывают карету. Мы немедленно покидаем Виндзор — вы, я и дети.

— Нет!

Королева вскочила с необычайной для ее положения прытью.

— Я не собираюсь бежать из Виндзора под покровом ночи, проявить малодушие, как... как...

— Как моя мать, — устало подсказал принц. — Это ведь ей пришлось в спешке покинуть Кобург, потому что отец ослабил ее на всю Европу. А мы с Эрнстом тогда болели коклюшем и думали, что она уехала, чтобы не подхватить от нас заразу. Мне было пять лет, Эрнсту шесть. Она называла нас «своими мышатами». И больше мы ее никогда не видели. Вы не знаете, как это... какое чувство, когда... но вам неоткуда знать. А я еще тогда решил, что если у меня будут свои дети, им не придется испытать горе. И сейчас я не позволю их убить.

— Кобург — маленькое герцогство, там нет ни «Таймс», ни «Дейли телеграф», ни этого глупого «Панча», — вразумляла его жена. — Если мы уедем, да еще в такой суматохе, пойдут ужасные слухи! А заговорщики еще что-нибудь учинят или, напротив, скроются от правосудия. Мы должны действовать взвешенно. Я посажу в каждой комнате по гвардейцу, но принц и принцесса останутся в Виндзоре.

— Принц и принцесса?

Виктория нахохлилась, когда он встал и посмотрел на нее с высоты своего роста. Сейчас она как никогда походила на сову, лупоглазую, взъерошенную, готовую до последнего оборонять свой амбар.

— Das sind keine Prinz und Prinzessin, das sind doch unsere Kinder!¹ — прокричал Альберт.

— Schweigen Sie!² Как вы смеете со мной препираться? Я королева, и я здесь отдаю распоряжения!

— О, да, вы королева и поступаете по-королевски. Но если вас интересуют только дела государства, а я нужен лишь на то, чтобы делать вам детей, то отдайте мне этих детей, Виктория! Я увезу их в Розенау.

¹ Это не принц и принцесса, это же наши дети! (нем.)

² Замолчите! (нем.)

Она приоткрыла рот, пораженная внезапной вспышкой гнева, словно рассчитывала на обычную грозу, но вместо града с неба посыпались огненные шары.

— Альберт!..

Ему было все равно, что она скажет. С глухим стоном он опустился на диван и ударил кулаком по лакированному подлокотнику. Пока они спорят, заговорщики могут спокойно строить козни. Бежать отсюда, бежать поскорее!

Он не сразу почувствовал, как она провела рукой по его волосам, и недоуменно на нее посмотрел. Уместны ли сейчас ласки?

— Однажды после ссоры вы заперлись у себя, а когда я постучалась, спросили: «Кто там?» — «Королева Англии», — поддавшись своеволию, отвечала я. Но вы не отперли дверь. Тогда я постучалась вновь, и вновь вы спросили: «Кто там?» — «Ваша жена, Альберт», — отвечала я, и дверь отворилась, — обвинив его шею пухлыми руками, она присела ему на колени. — Я согласна, Альберт. В первую очередь это наши дети. И сегодня мы увезем их отсюда. Но не в Розенау, — подумав, добавила она. — Трудно будет объяснить газетчикам, почему мы сорвались с места и уехали в Германию. Нет, мы увезем детей в Ковентри, под крыло герцогу Веллингтону. Из-за покушения мне пришлось отсрочить визит в его поместье, но теперь для этого самое время. Боевой генерал сумеет защитить нас от убийц. Он победил самого Наполеона.

Вмиг были забыты все обиды. Жена признавала его правоту, следовательно, хоть что-то он для нее да значит. Лгать Виктория не умела. Каким бы пылким, даже взбалмошным ни было ее сердце, его никогда не подтачивал червячок притворства. Именно честность он ценил в жене превыше всего. И если есть на свете хоть что-то, ради чего стоит зажечь спичку и швырнуть ее на изломанную груду амбиций, так это искренняя улыбка Виктории.

Улыбка, которую унаследовали их дети.

— Спасибо вам. — Он торопливо расцеловал жену. — Видит Бог, Виктория, вы поступаете правильно. Благода-

рю. Мы упредим заговорщиков и поедem тотчас же. Однако нужно сохранять строжайшую секретность. Если имеет место заговор, смутьяны могут запаниковать и снова напасть. Ведь мы даже не знаем, кто состоит в их рядах и откуда ждать удара. В таких условиях доверять нельзя никому.

— Кроме того юноши. Молодого лорда Линдена.

— Да, кроме него.

Новости о заговоре взбудоражили принца, но он не мог не отметить, что на поле пустоцвета появилась молодая поросль совсем иного качества. Сажены, на чьих тонких ветвях завязываются плоды. Чистые сердцем юноши, которые станут опорой империи. Как и их королева, они будут четко различать только два цвета — черный и белый. Никакой игры теней. Никаких полутонов. Серый будет казаться им цветом потасканной морали и несвежего белья.

Несомненно, лорд Линден был представителем новой молодежи, раз уж верность монархии пересилила в нем родственные чувства. Более того, узнав о планах заговорщиков, он поспешил с докладом не к самой королеве, а к принцу-консарту. Сказал, что в любых делах первое слово всегда за мужем, а в таких серьезных и подавно. Принц Альберт был приятно удивлен.

— Вот уж не ожидала, что мисс Тревельян окажется пособницей убийц, — вздохнула Виктория. — Она произвела на меня самое приятное впечатление. Кто бы мог подумать?

«Я! — чуть не выкрикнул Альберт. — И мог, и подумал». Но сейчас не время отчитывать жену за то, что она доверилась рыжей кликуше, а до того — открыла сердце старому пройдохе Мельбурну, который, как и всякий бастард, не упустит возможности разрушить чей-то законный брак. И уж тем более брак королевы — это какой куш можно отхватить!

— Благодарю Бога, что нам удалось вовремя обезвредить злодейку. Если бы лорд Линден опоздал всего лишь на

минуту, последствия были бы непоправимыми. Кстати, не забудьте его как следует вознаградить.

Виктория улынулась.

— Я уже предлагала, когда он нагнал меня в коридоре, но милый лорд Линден сказал, что ему не нужны ни почести, ни земли. Все, чего он желает, это служить истинному монарху. Такой славный юноша! Он спросил, что еще может для меня сделать.

— И вы?

— И я отправила его сторожить детскую.

6

Не смотреть, не смотреть, не смотреть.

В народе судачат, что нечисть приходит лишь к тем, кто призывает ее, и попадаются такие чудовища, что не смеют войти в дом без приглашения. Взглянуть — значит проявить интерес. Позвать. Пригласить.

А еще говорят, что если обойти вокруг привидения девять раз, оно растворится в воздухе, но сказать проще, чем сделать. Пока что это она крепко-накрепко привязана к стулу, а призрак ходит вокруг нее, натываясь на полусгнившую кровать, путаясь пальцами в бордовых гардинах.

Босые ноги влажно шлепают по ковру. Под ночной сорочкой подрагивает огромное брюхо, словно бочка, полная воды. Но страшнее всего глаза — слепые, белесые, они выпирают из глазниц, как разваренные куски жира. Чтобы справиться с тошнотой, Агнесс старалась не напоминать себе, как явственно призрак походил на личинку, ползущую по картофельной грядке.

Круг все сжимался. Несколько раз кромка грязной сорочки задевала ее юбки. Девушка подобралась и затаила дыхание. Господи, пусть оно меня не найдет. Пусть поиски наскучат ему, и оно сгинет ни с чем. Но молитвы не шли ей на ум, ведь Господь, взвесив ее причитания и волю короля,

пусть и двадцать лет как покойного, вряд ли сделает выбор в ее пользу.

(Сомневаться в моих словах равносильно измене.)

Прочсть заговор от нежити, один из тех, которым ее учила миссис Крэгмор? Но стоит ей вдохнуть через рот, как горло сжимается из-за нестерпимого зловония. От рук призрака несет, как из корзины с нераспроданной за день макрелью, его рубище пропитано запахами застарелого пота, камфоры и желчи.

(Вода поднимается, детка.)

Ткань юбки натянулась на ее коленях, и призрак издал гортанный вскрик, почувствовав под босой ступней мягкий скользкий шелк. Чудовище качнулось вперед. Перед глазами Агнесс мелькнула золотая цепь, и в тот же миг на шее девушки сомкнулись пальцы. Они извивались, холодные и скользкие, как угри, и медленно выдавливали из нее воздух...

Сейчас она умрет, поняла Агнесс.

(Сейчас ты мне за все ответишь!)

И Джеймса не будет рядом. Он отрекся от нее, как и все, кого она любила. Как же горько умирать покинутой друзьями, жалкой и слабой...

Нет! Быть может, она и наделала глупостей, и ее поездка в Виндзор была промашкой, растянутой на три часа, но и слабой ее не назовешь. И пусть в ней нет ни капли крови фейри, но родилась-то она в Сочельник, а значит, впитала в себя разлитое в воздухе чудо. То чудо, которое превращает колодезную воду в вино, и понуждает скотину преклонять колени в хлеву, чтобы внимать ангельским хорам, и наделяет даром пророчества зеркала и яблочные очистки... Волшебство принадлежит ей — тоже по праву рождения!

«Я медиум. Призраки приходят на мой зов. Когда я говорю, они молчат и внимают».

(Эмили, Эмили, Эмили!)

Агнесс вытаращила глаза.

— Папенька? — просипела она.

Призрак уставился на нее незрячими белесыми глазами.

— Это же я, принцесса Амелия... Эмили. Помогите, папенька, мне так страшно.

Хватка на ее горле разжалась. Склонив голову набок, призрак хлопал губами, повторяя ее имя.

— Эмили? — Распухший язык вяло ворочался во рту. — Детка, что с тобой? Что? А?

Выражение его лица, если это вообще можно было назвать лицом, сделалось осмысленным. Он снова зашарил руками по ее плечам, спускаясь все ниже, и содрогнулся, нащупав ремни...

— Меня связали доктора, — второпях объяснила Агнесс. — Те самые, которые так издевались над вами, папенька.

— Что?! — взревел король. — Доктора?! Ненавижу докторов... привязывали меня к стулу на весь день, затыкали мне глотку кляпом, чтобы я давился блевотиной... ставили мне пиявки за уши, чтобы те выжрали мне мозг... и насмеялись над моими корчами, пилили гнусные рты...

— Да-да, те самые доктора! Они связали меня, а вода уже подступает! У меня чулки намокли!

— О, Эмили! Неужели и над тобой надругались... но от них только такого и жди... Потерпи, сейчас папа тебя развяжет. Вот так, вот так.

На то, чтобы растегнуть все застёжки и отвязать длинные рукава от кресла, у него ушло не менее двадцати минут. Пальцы-обрубки никак не смогли ухватить завязки и соскальзывали с металлических пряжек. Несколько раз король останавливался и хлопал руками по бедрам. Переводить дыхание ему не требовалось, зато бранные слова хлестали из него, как вода из уличного насоса. Таких выражений Агнесс никогда прежде не слышала — ни от пьянчуг в таверне, когда приходила за почтой, ни от барона Мелфорда, который на чем свет стоит проклинал ее из своего фарфорового плена, ни даже от сэра Ги. Некоторые, наиболее понятные, она взяла на заметку.

Собрать бы ворох таких слов и швырнуть в лицо кузену Чарльзу, мерзкому перебежчику, предателю родни и друзей. Она вспомнила, как он побледнел и чуть не разрыдался, узнав о расследовании, а потом опрометью бросился к себе. А она, дура распоследняя, подумала тогда, что упоминание призрака задело его деликатные чувства, напомнив о смерти отца. О, как она ошибалась, и Джеймс вместе с ней!

Если уж на то пошло, чувств у Чарльза нет и в помине. Сколько времени ему понадобилось, чтобы договориться со своей совестью? Полчаса, не более того. А после он вернулся и с хрустом пошел по головам...

Наконец смирительная рубашка перестала сдавливать ей грудь. Пленница вскочила с кресла и, поводя плечами, попыталась стряхнуть с себя плотную парусину. Ниже локтей руки были словно выточены из пробки, упругой и пористой, но неживой. Согнуть пальцы никак не удавалось. Пока Агнесс трепыхалась, размахивая длинными рукавами смирительной рубашки, призрак ухватился за один рукав и хорошенько дернул. Теперь она была свободна. Девушка потрясла кистями рук, пока к ним не прилила кровь, а затем размяла затекшие плечи и шею. Ныло все тело. Там, где в кожу впивались ремни, она нащупала вспухшие полосы, как будто ее исхлестали бичом.

Зато жива. Зато на воле.

Аккуратный пучок на затылке превратился в колтун, где запутались шпильки. Вздохнув, Агнесс позволила рыжеватым локонам упасть на плечи. Ощущение было непривычным, ведь даже перед сном она заплетала косу, а в ванне, за исключением двух раз в месяц, прятала волосы под чепец. Но почти сразу девушка почувствовала такую легкость, что ей захотелось ослабить шнуровку корсета, а то и вовсе его снять. Наверное, именно так становятся на скользкую дорожку, и, стоит раз нарушить приличия, ноги сами твердой поступью пойдут к блудодейству.

Ничего, утешала себя Агнесс, этикет бывает нарушен лишь в том случае, если рядом есть кому возмущенно фыр-

кнуть. Ей же повезло — обошлось без свидетелей. Король не в счет. Он слеп, как крот.

Опомнившись, Агнесс оглянулась, чтобы поблагодарить своего спасителя. Призрак сидел в кресле, том самом, что еще хранило тепло ее тела. Он опять бубнил, раскачиваясь из стороны в сторону.

Георг III. Фермер Джордж. Монарх-растяпа, король-неудачник. Его правление — эпоха сплошных потерь. 1776 год — обрели независимость колонии в Северной Америке, 1795-й — распалась Первая коалиция союзников против Франции, 1800-й — разгромлена Вторая коалиция, 1806-й — экономическая блокада Англии...

Да и отец из него получился неважный. Даже в провинции судачили о том, что со старшим сыном Георг был на ножах, да и младших изводил своей скупостью. Наверное, принцесса Амелия была его отрадой. Жаль, что так рано погибла.

А каков был Георг с лица, когда в нем оставалось еще что-то человеческое? В картинной галерее, куда однажды водили пансионеров, Агнесс видела его портрет: почтенный джентльмен, похожий на генерала в отставке. Ганноверские глаза навывкате, длинный нос, подбородок плавно переходит в шею. Белый парик и такие же белые брови. Гладко выбритые щеки кажутся еще румянее из-за алого цвета мундира. Но сидящий перед Агнесс мало чем напоминал свой парадный портрет. От бывшего величия осталась только золотая цепь, на которой, как засохшая мышь, болтался орден Святого Георгия.

Превозмогая тошноту, Агнесс подошла к королю поближе и дотронулась до его плеча.

— Они заперли меня в этой конуре, — пожаловался Георг. — Обращались со мной, как с безумцем. Вот. Но ты хоть не держишь меня за безумца? А?

— Нет! — соврала Агнесс. — Конечно же нет.

— Но почему все вокруг, как в тумане? И моя голова! — Он поднялся и надавил себе на виски, словно норовя проткнуть дряблую кожу. — Нестерпимо болит моя голова.

Стиснута железным обручем. Глаза лезут на лоб. А доктора потешаются надо мной. Думают, я не только слеп, но и глух. Кривляются, дразнят безумцем. Сдается мне, я и есть безумец. А? Что ты на это?

Агнесс молчала. Есть утверждения, с которыми трудно поспорить, и то было одно из них.

Он, похоже, и сам так думал. Взревев, снова заметался по комнате, мотая головой, как ослепленный бык, пока, обессиленный, не уперся ладонями в запотевшее оконное стекло.

— Своей одежды я не узнаю, где я сегодня ночевал, не помню. Пожалуйста, не смейтесь надо мной, — тоскливо прошептал король.

Агнесс почудилось, что штофные обои уплыли куда-то вдаль, уступая место темноте. Хлестал дождь, всполохи молний озаряли вересковую пустошь. Не разбирая дороги, по равнине брел старик в рубище, и венок из чертополоха и сорных трав служил ему короной. Старик проклинал родню за все ее козни и бесчинства, и только одно имя медом таяло на языке. Имя младшей дочери. Единственной, кто остался ему верен.

Корделия. Или все же Эмили?

Ступая чуть слышно, Агнесс подошла к окну и опустилась на колени. Поднесла опухшую руку к губам. Зловония она уже не ощущала — от слез заложило нос.

— Вы дали жизнь мне, добрый государь. Растили и любили. В благодарность я тем же вам плачу: люблю вас, чту и слушаюсь, — прочитала она нараспев.

На его лице мелькнула радость узнавания — искра, что пробегает между собеседниками, когда вдруг становится ясно, что они читали одни и те же книги. И, следовательно, образ их мыслей хоть чем-то, да схож.

Бесформенный рот сложился в улыбку.

— Утри глаза! Чума их сгложет прежде, чем мы решимся плакать из-за них. Подохнут — не дождутся.

Он провел большим пальцем по ее щеке, неуклюже, но нежно стирая слезы.

— Эмили, детка. Папенька вытащит тебя из этой дыры. Постой, погоди. — Он нащупал оконную задвижку, проржавевшую до хрупкости, и надавил на нее. Дернул на себя тяжелую оконную раму.

В лицо Агнесс пахнуло ночным холодом — влажным, промозглым, но не затхлым, как воздух в этом склепе.

— Нам сюда, сюда. Выход здесь. Но что там? А? Что там перед нами? — забеспокоился призрак. — Там повсюду вода? Темза вышла из берегов?

«Я медиум, — повторила Агнесс. — Я разрываю оковы и развязываю узлы».

— Нет, там нет воды, — сказала он уверенно. — Там свобода. Вот Длинная аллея, обсаженная вязами — издали они похожи на черных барашков, бредущих с пастбища. Если следовать по аллее, рано или поздно вы придете к Большому парку.

— У меня же там хозяйство, — обрадовался призрак. — Три фермы, коровники, овчарни...

— Да, они все еще там и ждут вас, — сказала Агнесс, вспоминая главу из путеводителя. — Вы снова похлопаете беркширских свиней по бокам и проверите, много ли нагуляли сала. По весне ягнята будут тыкаться носом вам в колени, а на закате лета яблоки нальются сладостью и упадут в подставленную корзину. Вы испечете из них пирог и подадите к нему масло, которое взобьете сами. А в конюшне над стойлами повесите «куриный бог» — камень с дыркой, чтобы ведьмы не загоняли по ночам лошадей, не путали им гривы. На ферме вас ждет покой. Вам просто не повезло родиться королем, но никогда не поздно изменить жизнь к лучшему. Уходите, Джордж. Здесь вас ничто не держит.

Король моргнул, и Агнесс наконец-то увидела цвет его глаз — светло-голубой, как вылинявшее летнее небо. Губы приобрели цвет, лицо налилось красноватым загаром, какой бывает, если долго работать на солнце. Вместо заляпанной рвотой сорочки и золотой цепи на старике была холщовая рубаша простого покроя, темные брюки и сапоги с широкими отворотами.

— Эмили...

Когда он протянул к ней руку, пальцы были уже не осклизлыми, а жесткими, в мелких трещинках, с черной землей под ногтями. От запаха сухого сена у Агнесс заще-котало в носу. Она чихнула. Фермер Джордж с улыбкой потрепал ее по щеке, а после этой грубоватой ласки шагнул в окно, словно через порог переступал.

Помахав ему вслед, Агнесс бросилась вязать веревки из простыней.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

К величайшему удивлению Лавинии, сердце ее хоть и билось быстрее, но не выпрыгивало из груди от счастья, как, казалось бы, должно: ведь случилось невероятное, Джеймс Линден выбрал ее, предложил ей супружество, быть вместе — навсегда! Но Лавиния понимала, что всегда подспудно ждала именно такой развязки — однажды он предложит ей руку и сердце еще раз, и что во второй раз она не совершит ошибки. Она запрещала себе мечтать и надеяться, она уверила себя в том, что Джеймс женится на Агнесс, ведь Агнесс лучше подходит на роль жены пастора... Но теперь, когда он отказался от белой удавки, — зачем ему Агнесс? Все просто и ясно, все так, как и должно быть.

Быть может, сейчас девочка оплакивает свое сердце, разбитое, потому что он ушел от нее так внезапно? Но вряд ли. Чтобы разбиться, сердце должно быть твердым и хрупким одновременно — как у нее, Лавинии. А нежное сердечко Агнесс отделается синяками и ссадинами. Ничего с ним не случится.

— Соглашаясь выйти замуж за меня, ты отказываешься от всей той роскоши, к которой ты, наверное, привыкла, — говорил Джеймс.

Ах, да, тот самый пункт в завещании. Утрата имущества в случае повторного брака. Поверенный сэра Генри крас-

нел, зачитывая его последнюю волю, а родственники барона злобно пыхтели и косились на молодую вдову. Наутро после похорон двое каких-то жиголо, явно подкупленных племянниками, сделали ей предложение с разницей в полтора часа, но леди Мелфорд одарила их таким взглядом, каким мать-настоятельница встретила бы голого мужчину, забредшего в трапезную. Слишком дорогую цену она уплатила за Мелфорд-холл, чтобы так просто с ним расстаться.

Но сейчас пусть вся Вторая дорога провалится в небытие. В ту бездну неверия, куда уходит, почти ушла Третья дорога...

— Роскошь мне ни к чему, — спокойно ответила Лавиния. — Я была похоронена заживо в великолепнейшей из гробниц и день за днем меняла саваны. Пусть у меня будет всего четыре платья, зато я буду по-настоящему жить.

— Жизнь рядом со мной может быть опасна.

— О, Джейми, я уже согласилась! А ты продолжаешь меня соблазнять! — рассмеялась Лавиния.

Но он не улыбнулся в ответ, и во взгляде его стыла тоска.

— Лавиния, я не могу предложить тебе венчание в церкви.

— Да, это было бы неправильно, — согласилась она. — И свадебного завтрака тоже не нужно.

...Когда арендаторы сэра Генри пришли, чтобы поздравить лорда песнями и пригоршнями риса, она вглядывалась в лица собравшихся, пытаясь вычислить, какая часть от общего населения деревни — его бастарды...

— Но как же тогда?

— Мы поклянемся на Библии, как в стародавние времена.

Лавиния просияла. Да, это много лучше, чем церемония под сводами церкви.

— Чудесно, Джейми! Как Роберт Бернс и его таинственная возлюбленная, горянка Мэри! — Она вспомнила про любовную историю, которая всегда привлекала ее своей искренней простотой. — Обменяться молитвенниками, пере-

прыгнуть через ручей, по древнему шотландскому обычаю... Да, этот вариант мне подходит! Мы целовались до утра. В минуту расставанья мы тихо молвили: «Пора, до скорого свиданья...»¹

— Не надо! — перебил Джеймс. — Не продолжай. Вирши не идут мне на ум, — закончил он неловко, пытаясь загладить резкость.

Она изобразила кокетливую улыбку.

— Я тоже всецело поглощена приготовлениями к нашей свадьбе.

И все же что-то было не так.

«Он не сказал, что любит меня», — задним числом поняла она, и к исходившему от него аромату диких трав примешалась горечь дыма, словно где-то вдали занимался торфяной пожар...

— Я согласна стать твоей женой, и клятва моя нерушима, — произнесла она вслух.

«Потому что я люблю тебя, Джеймс Линден, и приму тебя без магии и даже без любви. Моей любви на нас хватит».

Когда-нибудь она скажет ему это вслух. Когда-нибудь. У них будет много времени на то, чтобы сказать все, что нужно, и быть услышанными. А пока что не стоит забрасывать его любовными признаниями. Джеймс окаменел в своем горе, он переживает утрату магических способностей, он меняет всю свою жизнь... Нужно дать ему время.

Нет, она не станет кроткой пташкой, которая будет чирикать «да» в ответ на все, что бы он ни предложил. Она — охотничий сокол, но сегодня послушно посидит на перчатке и не станет сжимать когти или бить крыльями в знак недовольства. Сегодня, завтра, через неделю, через месяц... Пока он не придет в себя, она будет спокойной и разумной женой. Подругой, которая ему нужна.

— У нас в доме две Библии. У сэра Генри была средневековая, очень ценная, на латыни. Впрочем, он купил ее

¹ Роберт Бернс. «Горянка Мэри». Перевод Е. Фельдмана.

потому, что в ней содержится какая-то вопиющая по своей непристойности опечатка, — нахмурилась Лавиния. — И есть наша семейная, которую возил с собой Дик, и потом она досталась мне. Думаю, она подойдет лучше. Принести?

— Я пойду с тобой.

Книга хранилась у Лавинии в спальне, но она решила, что незачем извещать Джеймса об этом раньше времени. Пусть их клятва будет произнесена в том единственном месте, где леди Мелфорд всегда чувствовала себя в безопасности. Даже в своей библиотеке барон причинил ей больше горя, чем там. Следовало бы поблагодарить его за то, что он позволил жене иметь в доме свое убежище. Но сколько слез она пролила в этой комнате, сколько планов убийства и самоубийства строила и сколько мечтала, отчаянно мечтала! Пусть мечты сбудутся — именно там.

А Джеймс, насколько она его знала, не будет шокирован визитом в спальню леди. В конце концов, он не чопорный мистер Пиквик. И уж тем более не из тех скучных типов, которых смущает интерьер дамской опочивальни или сам вид кровати, да что там кровати — скамеечки, на которую поутру дама ставит свою босую ножку... Сэр Генри рассказывал Лавинии о таких закивших в добродетели олухах, и они вместе смеялись над ними, хотя Лавиния втайне сожалела, что ее супруг не входит в их число.

Но, видимо, ей суждено пройти именно такой путь, чтобы в конце концов стать женой Джеймса. Подростерять иллюзии. Обрести больше знаний о мире и о мужчинах, чем ей бы того хотелось. Джеймс знает, за кем она была замужем. В окрестностях Мелфорд-холла именем барона по сей день пугали трепетных дев.

Однако дурная слава лорда не помешала Джеймсу сделать предложение его вдове. А ведь если бы Джеймс захотел, она согласилась бы стать его любовницей и не претендовала на большее. Интересно, знает ли он об этом? Когда-нибудь она его спросит. Когда будет лежать в его объятиях, счастливая жена, в объятиях любимого мужа...

Лавиния сняла с этажерки маленькую Библию в потертом переплете, и они оба опустились на колени — перед невидимым алтарем и неведомым будущим, которое непременно должно быть счастливым. Так должно случаться хоть иногда, хоть с кем-то, так — справедливо! Почему бы этому не случиться с ней?

— Я, Джеймс Линден, беру тебя, Лавинию Мелфорд, в законные жены.

— Я, Лавиния Мелфорд, беру тебя, Джеймса Линдена, в законные мужа.

— И слово мое крепко.

— И мое.

— Не хочу нарушать торжественность момента, но, кажется, мы забыли кольца, — смущенно шепнул он.

— О, Джейми, ты все такой же педант! — Она выразительно закатила глаза и, прежде чем он мог возразить, вырвала несколько волосков. Обвила их, длинные, белокурые с золотым отливом, вокруг его безымянного пальца.

— Так лучше?

— Да.

Его глаза так близко. И его дыхание на ее лице — на расстоянии поцелуя. Он же должен поцеловать ее, не так ли? И с этим поцелуем смоемся вся та грязь, которая налипла на нее с губ сэра Генри, будь проклята его душа...

Но Лавиния готова была простить покойного мужа и весь тот мир, что питал его и таких, как он. Потому что Джеймс Линден, только что принесший ей брачную клятву, поцеловал ее, и не так, как целуют в церкви, сухим целомудренным касанием: он прижался к ее губам, как будто хотел напиться в жаркий день, а она была источником воды живой, он стиснул ее в объятиях, будто не был обессилен, а вновь сделался тем юношей, с которым Лавиния встречалась в гроте, и она даже удивилась, ощутив под спиной мягкость ковра, а не острые ракушки... Они целовались, лежа на ковре, и руки Джеймса ловко выхватывали шпильки из ее волос, расплетая их и распуская, купаясь пальцами в шелковистом, пахнущем жасмином потоке.

— Ты прекрасна. Как же ты прекрасна. И ты моя жена.

Больше не было тоски в его глазах. Он смотрел, как веселый, голодный зверь, и Лавиния смело улыбнулась ему в ответ. Должно быть, у преподобного Линдена давно не было женщины...

Теперь есть. По закону. Безо всякого прелюбодеяния. Хотя сейчас он, наверное, и слово такое не выговорит, а если выговорит, споткнется на правописании. Он пришел к ней без белого пасторского шарфа, а жаль — батист горит жарко.

Джеймс поднялся и рывком поднял ее. Снова принялся целовать, и Лавиния почувствовала его руки на спине, он расшнуровывал ее платье...

— Сейчас даже не ночь, но я не хочу ждать ночи. Ты мне нужна... Лавиния, ты нужна мне.

Тщетно она ждала, что он скажет что-то еще, но к чему интересничать — приблизить брачную ночь ей хотелось не меньше, чем ему.

Он любовался ею — с той же страстью, с какой любовался ее телом сэр Генри, вот только перед сэром Генри она сжималась от отвращения, а перед Джеймсом так естественно было стоять обнаженной. Лавиния сожалела только о том, что на животе остаются складки от корсета, а на ногах — розовые полосы от подвязок и края чулок, что она не так совершенна, как античные статуи из Мелфорд-холла. Но, в отличие от них, у нее не отколоты руки, ее пальцы могут скользить по его спине, и трепетать, и отзываться на прикосновения.

И только когда они оказались в постели, когда поцелуи Джеймса сделались такими жадными, что походили на укусы, Лавиния сжалась. Она проклинала себя, но ничего не могла поделать со своим страхом. Она хотела бы обвиться вокруг него вакханкой, подарить ему всю сладость, которую мог познать смертный, но ее беда была в том, что сама она никогда не испытывала подобного восторга. Она знала, как ей надобно себя вести, но не могла побороть страх перед мужчиной. Страх перед неизбежной болью, которую

с таким упоением описывали авторы скабрезных романов — и которая доселе оставалась ей неведомой...

Но она так часто мечтала о том, чтобы оказаться в постели с Джеймсом (неизменно проклиная себя за эти мечты), что сейчас чувствовала готовность, как перед боем. Он первым утвердит полную власть над ней. Так должно было случиться. Это правильно.

...Потом, когда он все понял, то обнял ее еще крепче и уткнулся лбом в ее плечо.

— Больше никаких единорогов, Джейми. Даже если ты призовешь их, они мною уже не заинтересуются, — прошептала она, пытаясь обратить все в шутку. И разве не улыбалась она украдкой, когда ей спину жгли осуждающие взгляды матрон, считавших ее вавилонской блудницей и новым воплощением Иезавели?

Но Джеймс, в отличие от сэра Генри, был джентльменом не по титулу, а по совести, и ничего забавного в ее положении не находил.

— Прости. Я даже предположить не мог...

— Зато я по-настоящему твоя. Только твоя.

— Я был с тобой... излишне груб? — встревожился он. — Будь я по-прежнему фейри, я мог бы сделать так, что ты познала бы только радость.

— Нет, не нужно гламора. Я и так познала радость, Джейми. Я познала счастье.

Лавиния гладила пальцами его лицо, как ей всегда мечталось. Приглаживала брови, проводила вдоль линии скулы, целовала его глаза, чувствуя, как ресницы щекочат ей губы. Она действительно была счастлива, счастлива сверх меры.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно...»

Опять не может вспомнить, какая из книг барона оставила в ее памяти эту строку.

Она лежала и смотрела на Джеймса, пока он не заснул в ее объятиях. От тяжести его тела у нее онемела рука, но Лавиния терпела, сколько могла, боясь разбудить его. Потом все же вытащила руку. Джеймс тихо застонал, что-то

пробормотал невнятно — кажется, что-то про ее волосы, которые не нужно стричь. Дались же они ему. Еще немного полюбовавшись, она встала, оделась настолько ловко, насколько можно без помощи камеристки, и выскользнула из спальни.

2

Распорядившись, чтобы ей наполнили ванну, Лавиния отпустила слуг — всех до единого. Ей хотелось, чтобы Джеймс проснулся уже в пустом доме, без всех этих неотесанных людей, для которых свадьба не свадьба без подвенечного платья, лицензии, купленной за фунт, и обязательной драки за невестину подвязку.

Приготовить ему чай с сэндвичами она и сама сможет. А быть вдвоем, без лишних ушей, без лишних глаз... Им это просто необходимо. Им — больше, чем кому-либо другому.

Обычно Лавиния просиживала в ванне часы напролет, требуя, чтобы служанки подливали горячую воду, но на этот раз искупалась быстро. Ей хотелось, чтобы Джеймс увидел ее чистой и благоухающей, домашней, свежей и нежной. Идеальной женщиной.

Разрумянившись, с вьющимися влажными волосами, она вернулась в спальню и легла рядом с Джеймсом. Увы, он не мог оценить ее стараний. Он продолжал спать. Когда Лавиния осторожно пристроила голову у него на плече, он вздохнул, но даже ресниц не поднял.

...Так какого же цвета паруса?..

Не стоит торопить события, успокаивала себя Лавиния. Сначала он должен прийти в себя, восстановить силы, а что может быть губительнее в период выздоровления, чем дурные вести?

...Паруса? Какие паруса?..

Рано рассказывать ему, что она столкнулась с Дэшвудом лицом к лицу и уж тем более то, как Дэшвуд пытался

переманить ее в свой стан. Такие беседы — не для первого совместного завтрака, потому что они безнадежно портят аппетит.

Если задуматься, для ланча они тоже не подходят.

Как, впрочем, и для ужина.

Джеймс провел в постели весь день, хотя порою просыпался ненадолго, и тогда они болтали о пустяках — о библиотеке Линден-эбби, о новой вороной кобылке, которую Лавинии подарила леди Холланд, о том, куда поехать на медовый месяц и какая нежить водится в тех краях. Медменхем, Вест-Вайкомб и Виндзор оставались белыми пятнами на карте, и Лавиния ловко прокладывала маршрут беседы так, чтобы они не появились даже на горизонте.

Джеймс охотно вступал в разговор, говорил ей комплименты, даже улыбался, но Лавиния не могла не заметить на его висках бисеринки пота. Стоит только рассказать о происшествии в церкви, и он помчится мстить негодяю, который посмел покуситься на его женщину. За исход этой схватки никто не может ручаться.

За беспечными разговорами следовали часы тяжелого сна.

Когда сгустились сумерки, Лавиния признала то, что доселе отказывалась признавать: он болен. Болен тяжело, возможно, смертельно. Если отсечь конечность и не обработать рану, начинается антонов огонь, но так бывает у людей. Что же происходит с фейри, которым нанесена невидимая, но не менее опасная рана? Что кровоточит в таком случае? Душа?

Нет, Джеймс еще молод, он справится. Они справятся вместе. Нужно время. Раны не затягиваются за несколько дней, а она будет рядом и не даст ему попасть в беду.

Забравшись под одеяло, Лавиния прижалась к нему всем телом и уснула спокойно и крепко, словно они с Джеймсом были женаты уже много лет. А если точнее, ровно семь.

...Разбудил ее голос. Тонкий, пронзительный девичий голос, выводивший слова все той же ненавистой баллады:

*Я в море отправлюсь на лодке без дна,
Леди-мать, о леди-мать,
Я в море отправлюсь на лодке без дна,
И мне не вернуться домой.*

Лавиния поднялась и выглянула в окно.

По залитой светом фонарей улице прохаживались торговцы, и цветочница со своей корзиной топталась как раз возле решетки перед домом. Она выглядела еще моложе, еще более грязной и голодной, чем в прошлый раз. Даже странно, как такая оборванка осмелилась торговать цветами в Вест-Энде. Бродяжек отсюда гоняют.

*А что ты оставишь несчастной жене,
Дэви, о Дэви?
— Беду и печаль до конца ее дней,
Ведь мне не вернуться домой.*

В прошлый раз Лавинии хотелось избить ее хлыстом в кровь, а сейчас — кто бы мог подумать? — сделалось чуть не до слез жалко девчущку. Быть может, эта цветочница ни разу в жизни досыта не ела и не носила ничего краше платья из грязных лоскутьев. Быть может, она никогда не любила и никто ее не любил. Быть может, она и не знает во-все, что такое мечты... Даже отказавшись от богатства сэра Генри, Лавиния не будет так бедна, как она. И эта злосчастная баллада...

Она достала из бюро кошелек и вынула несколько монет — ничего мельче шиллинга, а это, наверное, недельный заработок девчонки. Сегодня ее счастливый день. Пусть в кои-то веки купит себе обновку не с тачки старьевщика, а в приличной лавке. Или хотя бы покутит во «дворце джина», где губительный напиток льется из блестящих медных краников, а не в одном из тех кабаков, где что ни ночь, то поножовщина (дамы из комитета по спасению падших поднимали очи горе, живописуя подобные клоаки). Впрочем, что делать с подарком судьбы — дело самой цветочницы.

Лавиния же от всей души надеялась, что при виде денег язык присохнет к ее гортани и смолкнет наконец заунывное бление.

Набросив плащ с капюшоном прямо поверх пеньюара, Лавиния спустилась по лестнице, прошла по пустому дому — слуги не нарушили ее приказ, да и зачем им отказываться от лишнего выходного! — и вышла на крыльцо. Она надеялась, что в тумане никто не обратит внимания на ее домашний наряд — или на ее неуместную щедрость.

Спустившись по ступеням, она поманила к себе цветочницу.

— Милая, вот тебе немного денег. В такое время покупателя на твой товар вряд ли найдутся, — сказала она девушке со всей возможной мягкостью.

Цветочница смотрела на нее диковато, исподлобья — видимо, жизнь девчонку не баловала. Тот мирок, где она обитала, ангелы-хранители обходили стороной, и Рождественский дед не карабкался в печную трубу за неимением в ее каморке означенной трубы. Беспричинное милосердие было ей внове. Хорошо хоть она умолкла, озадаченно таращась на деньги, видимо, размышляла, на чем ее пытаются подловить.

Тщедушное тельце вдруг содрогнулось, а близко посаженные глазки загорелись — не иначе как от жадности. Разглядела, что ей предлагают. Она рванулась к леди и, как показалось той, вытянула руку за деньгами. Но в грязном кулаке было что-то зажато. Лавиния едва успела заметить блеск лезвия, и в тот же миг боль прожгла ее грудь, заставив громко вскрикнуть — и от крика как будто что-то лопнуло внутри.

Монеты со звоном посыпались на мостовую, застревая между брусчаткой.

Лавиния тоже не удержалась на ногах и даже рукой шевельнуть не смогла, когда цветочница, отбросив в сторону корзинку, склонилась к ней и деловито выдернула нож из ее груди. Лавиния снова вскрикнула, почти без голоса, а когда цветочница вцепилась ей в волосы, оттягивая прядь

на виске, у нее едва хватило сил на вдох. Нож полоснул, отрезая локон под корень. Пару секунд девушка любовалась на золотистую прядь, а потом на Лавинию, лежащую в распахнутом плаще, под которым белел пеньюар. По шелку легко, как по водной глади, расплывалось алое пятно.

И Лавиния даже не удивилась, осознав, что с бледного личика на нее смотрят умные, холодные, наглые глаза и девчонка улыбается чужой улыбкой, чуть вывернув губы.

— Миледи сделала неправильный выбор. Поставила не на ту карту, и теперь в проигрыше. За ошибки платят золотом, миледи, — сказала цветочница, но ее сиплый кокни трещал под весом чужих слов. Подхватив корзину, она опрометью бросилась бежать.

Лавиния попыталась приподняться, но от этого боль в груди стала еще сильнее, хотя казалось — куда уж. Звуки доносились словно сквозь вату, и она видела каких-то людей вокруг, но не могла понять, кто они... Прохожие, которые заметили, как цветочница пырнула ножом полуодетую леди? То-то будет разговор...

— Позовите доктора, — прошептала Лавиния. — Я леди Мелфорд.

Тут она вспомнила, что отныне ее зовут иначе, и хотя каждое слово давалось ей с трудом, выговорила:

— Я Лавиния Линден. Миссис Линден.

Веки сделались тяжелыми, она моргнула, но заставила себя снова открыть глаза.

И увидела рядом с собой Дика. Он выделялся среди всех, кто окружал ее, — его мундир был единственным ярким пятном в палитре, где смешались серые и черные краски. «Никогда не поворачивайся спиной к оскалившемуся псу. Разве я не говорил тебе, сестренка? Вечно ты меня не слушаешься», — грустно улыбался Дик. «Да! — Она потянулась к брату. — Теперь-то я знаю». Дик посмотрел на нее с состраданием и приложил ладонь к ране. Боль чуть утихла, и так Лавиния осознала, что умирает.

— Пропустите меня! Я муж этой леди...

Джеймс. Джеймс склонился над ней. Лицо искажено яростью и горем. Он все понял сразу же. Подхватив ее легко, как дитя, понес домой, и она подумала, что вот так же он переносил бы ее через порог другого дома, их настоящего дома, где нет нагих статуй и на потолках не переплетаются гипсовые тела, и как же глупо все вышло... и паруса черные... потому что какими же им еще быть? Вот только Джеймс об этом не знает...

Губы ее немели, но она прошептала:

— Джейми, я утаила от тебя... что-то важное...

— Не говори ничего. Не трать дыхание, — просил Джеймс. Его рука крепко давила ей на грудь, но чтобы остановить ток крови, ему пришлось бы заморозить ей сердце.

...Она думала, что ее сердце твердое, а оно как у всех...

...И его пальцы все равно не покроются изморозью...

— Я была в Вест-Вайкомбе... — шептала она. — Со мной говорил Дэшвуд... он входил в тело Чарльза... но не убил его... или убил?

— Нет, — сказал Джеймс. — Я его чувствую.

— Это неспроста... ведь Дэшвуду так легко... кого-то убить.

Джеймс уложил ее на диван — она уже не могла понять, где, в какой комнате, слишком темно было вокруг, она видела только тех, кто был близко, только Джеймса и Дика.

Она хотела сказать Джеймсу, что любит его и всегда любила. Со дня их встречи, когда его перо само собой написало признание, и она ответила вслух: «Я тебя тоже». Она хотела сказать Джеймсу, что всю жизнь прожила рядом с ним, постоянно думая о нем, мечтая... И что счастлива умереть в его объятиях — хотя это клише, но оттого объятия не становятся менее приятны, и такой способ смерти уж точно лучше любого другого.

Она хотела услышать то, что мальчишка со спутанными черными волосами сказал девчонке, которая карабкалась на шкаф, и гибкий, как снежный вихрь, юноша повторял девице, обнимая ее в гроте, а мужчина так и не сказал жен-

щине — своей жене. Услышать бы еще раз... Вот сейчас, на прощание.

Наверное, ему можно напомнить, но сил на слова у Лавинии не оставалось. Ей показалось, что она взлетает, и она больше не чувствовала боли, не чувствовала объятий Джеймса, не чувствовала ничего...

Только свет, исходящий от Дика. Только его крепкое рукопожатие, как когда-то в детстве, когда он находил ее, заигравшуюся в саду, и уводил домой — обедать или на скучный урок музыки. А у нее не было сил сопротивляться ему, такому сильному, ни тогда, ни теперь.

Ей только хотелось в последний раз увидеть Джеймса. Еще хоть миг...

Она больше не видела ничего, хотя глаза ее так и остались открытыми.

3

Но разве все это уже не происходило однажды?

Мир скачет вокруг него, а потом земля и небо поменились местами, он падает оземь. Резкая боль в боку — треснули ребра. Запах земли и травы мешается с запахом крови из рассеченной скулы. Позади слышны выстрелы и крики. И Уильям делает шаг из соляного круга, но почему? Ведь сколько раз его просили не двигаться с места, что бы ни происходило. Почему они все так спешат к гибели? Уильям, старый лорд Линден, Лавиния...

Зачем она вышла из дома? И зачем он привел смерть к ее порогу?

Ее веки еще сохраняли теплоту и живую мягкость, когда он закрыл их и поцеловал ее глаза, а затем губы — в уголках запеклась кровь. Укутал неподвижное тело теплым пледом. Гламор не понадобится, потому что она была прекрасна и после смерти. Да, впрочем, он и не способен был сотворить гламор.

В гостиную стекалась толпа — торговки-зеленщицы наперебой рассказывали двум полицейским, как цветочница ни с того ни с сего пырнула леди и бросилась наутек. Один из бобби делал заметки в блокноте, другой занял пост у двери и дубинкой отгонял зевак, пришедших поживиться свежими новостями. Две девушки в одинаковых чепцах и ситцевых платьях упали на колени у дивана и заголосили. Размашистым шагом, оставляя на ковре лужи грязи, в гостиную вошел Бартоломью и медленно снял кучерский цилиндр. Будь он католиком, перекрестился бы, а так просто плюнул через плечо, увидев неподвижную фигуру мужчины, зарывшегося пальцами в волосы и смотревшего в одну точку.

Закончив строчить в блокноте, полицейский нагнулся над ним и даже потряс его за плечо, но слова звучали, как жужжание. Только один голос мог пробиться сквозь невнятный гул, и он пробился — вспыхнул в сознании, и Джеймс тут же нетерпеливо погасил его. Нет, Агнесс, не сейчас. Он должен оплакать свою жену.

*...Мы целовались до утра.
В минуту расставанья
Мы тихо молвили:
«Пора, до скорого свиданья...»*

Он ведь не дал ей дочитать то глупое стихотворение, памятуя, что слова не просто сотрясают воздух — от них трепещут нити судьбы и сплетаются в иные узоры. Любое слово наделено силой заговора. Так почему же? В чем он допустил ошибку?

*...Но смерть безвременно пришла,
И распахнула двери...*

Он понадеялся вернуть то время, когда ничто не отравляло их счастья и будущее само стлалось им под ноги, маня удивительными приключениями. Начать заново. Соско-

блить семь лет с жизни, как темную пленку с меди, снять их, словно нагар со свечи, чтобы не коптила.

Он ведь знал, что Лавиния хочет услышать — понимал ее, как ни один другой мужчина в мире. И, как ни один другой мужчина в мире, был перед ней виноват. Но дать то, что так влекло ее, всегда было ему по плечу. Разве нет? Ее манит азарт охоты — что ж, они будут охотиться на нечисть, потому что знания и опыт хоть как-то да уравновесят отсутствие волшебной силы. Дичь, правда, придется выбирать помельче. Да и вообще держаться осмотрительнее. Но, быть может, как раз утрата волшебства наконец отучит его от безрассудства? Да и возраст уже не тот. И, если подумать, в положении человека есть свои преимущества: смерть давно сделала стойку на запах его крови и идет за ним по пятам, но теперь, когда в нем не осталось волшебства, она собьется со следа. Оставит в покое его и тех, кого он любит.

О, как же он ошибался! Вовсе не тот запах приманивал к нему смерть. Крепкая, тщательно процеженная от всякой скверны, с верхними нотами долга и сдержанности кровь джентльмена — вот какое питье смерти по вкусу.

Он думал, что пришел к Лавинии, как рыцарь-эльф, которого она так ждала. На самом же деле он был в большей степени человеком, чем когда-либо. Хотел выполнить свой долг перед Лавинией и жить, греясь в отблесках ее счастья. И все равно ее погубил.

Нет в его ближнем круге ни одной жизни, которую бы он не сломал, так или иначе.

...И он не успел сказать, что любит ее...

Но она была мертва, а ее убийца продолжал перескакивать из тела в тело, и следующей его жертвой может стать Агнесс.

Джеймсу показалось, что его вздернули на дыбе — напряглись мышцы, он весь превратился в слух, но голос Агнесс уже не звучал в его сознании. Это значит...

Это ничего не значит, кроме того, что в данный момент на помощь она не зовет. Если он поддастся отчаянию,

пользы от этого не будет никому. Значит, нужно думать дальше.

Когда Лавиния говорила с ним в последний раз, он слышал лишь слабеющий голос, не вникая в суть ее слов, теперь же вызывал в памяти ее шепот, тихий, как шуршание последних песчинок в стеклянных часах. То, что Лавиния шептала, было для нее бесконечно важным. И говорила она про Чарльза и его одержимость.

Вдвоем с Лавинией они ездили в Вест-Вайкомб, но она мертва, а он жив. Зачем Дэшвуду оставлять в живых его племянника? Он не отказал бы себе в удовольствии причинить врагу двойную боль. Кроме того, Чарльз принимал в расследовании не меньшее участие, чем дядя, так что у призрака были все основания с ним покончить. С самого приезда Чарльза в Лондон Дэшвуд кружил неподалеку от него, словно высматривая жертву... или?

Догодка не пронзила его разум: она зарокотала где-то вдали, словно сошедший со склона камнепад, и погребала под собой все другие мысли, чувства, страхи.

...Или союзника...

Нельзя медлить ни секунды.

Он отбросил край пледа с лица Лавинии и принял к ее губам. «Я люблю тебя», — прошептал он, проводя согнутым пальцем по неподвижным, мраморно-строгим чертам. «Как кого?» — спросила бы она, будь еще жива. Но какая разница, как кого? Любовь течет легко и вольно: на нее не навесишь ярлыки, она закружит их, как скомканную бумагу, и зажурчит дальше.

Оттолкнув полицейского, который выжидательно шелестел блокнотом, Джеймс выскочил за дверь и помчался в резиденцию Линденов, так быстро, как только мог без магии фейри.

Мраморная лестница мелькнула перед ним серой лентой. Третий этаж, повернуть налево, комната Чарльза выходит окнами на улицу. Дверь не заперта, в спальне беспорядок, какой юные лорды неизменно разводят в отсутствие камердинера. Под ногами Джеймса хрустели запонки,

подошвы скользили по манжетам и шелковым платкам, но долго метаться по комнате ему не пришлось.

Раскрытый дневник лежал на столе, край его был прижат золотым письменным прибором с чернильницами в виде ананасов — Уильям когда-то похвалялся, что выиграл его в штос. Чарльз оставил свои записки на самом видном месте, словно бросая дяде вызов. Дневник пылился тут изо дня в день, и Джеймс давно мог бы его пролистать. Если бы не был джентльменом, как и доктор Хоутри, которому высокие идеалы тоже помешали изъять дневник ученика. О, как же легко провести их, высококолобых глупцов, живущих чувством долга! Любому школяру по плечу эта задача!

Коротко простонав, он схватился за обложку из шагреновой кожи и нетерпеливо пролистал дневник к 31 октября.

Хэллоуин. Недобрые дела всегда приурочены к Хэллоуину.

Почерк племянника был легким и стремительным, «о» и «а» — округлыми, как груди мчащихся в бой лошадей. Чарльз всегда опасался, что на его век не хватит приключений, но ему их хватило.

4

«В подвале таверны Кристофера темно и душно. Пахнет каштанами, которые Нортмор жарит на лопате, и свежей краской с вывески булочника. Ее приволок сюда Гибберт. Вечно он ворует вывески у торговцев, а возвращает за умеренную плату: на какие только преступления не сподвигнет человека скупость опекунов! Из низеньких, продолговатых окон сочится скупой свет, но его затапывают сапоги кучеров и заляпанные навозом башмаки погонщиков скота.

Где-то там, наверху, царит гомон и суматоха. Фермеры, пыхтя от натуги, разгружают телеги, трубят горн почтовой

кареты, заезжий коробейник нахваливает товар. Но до нас доносится лишь гул, словно мы сидим в подземелье, и скучно здесь, хоть крысам Плутарха читай. Все шутки перешучены, остроты известны наперечет, интересные темы для разговоров давно вышли, словно изюм, который выковыряли из подгоревшего кекса.

И это называется заседание клуба дебатов?

На календаре Хэллоуин, а настроение, как в Пепельную среду. Впору повеситься на собственных подтяжках.

Чтобы окончательно не сойти с ума, я беру слово. Предлагаю устроить что-нибудь такое памятное, чтобы наши имена вписали в анналы Итона, причем нашей же кровью. Например, отпраздновать день Гая Фокса настоящим взрывом. (Из наших рядов выбывает Тарвер. Что есть прыти он несет к Образине с доносом — скатертью дорога!) Или сорвать воскресную молитву, не унимаюсь я. Или пронести в Долгий зал куртизанку, завернув ее в мантию, как Клеопатру — в ковер. Или устроить бунт, как в 1768-м, когда школяры побросали учебники в реку и ушли безобразничать в Мейденхед.

Или создать новый клуб. Повеселее нынешнего.

— Идея что надо, — кивает Палмер, а Гибберт и Харви гогочут в унисон.

Тут подает голос Нортмор. Все лето он штудировал «Тайную историю лондонских клубов» Уорда и просто пузырится от идей. Чем не хорош клуб, члены которого не расходятся, пока каждый не выпьет по бочонку кларета? Или клуб безносых, где заседают самые отпетые распутники? (Все мотают головой. Кому хочется расстаться с носом за здорово живешь?) Тогда клуб мохоков! Так в прошлом столетии называли гуляк, отличавшихся той же кровожадностью, что и одноименное племя индейцев. Эти буйные головушки ловили по ночам прохожих и отрезали им уши...

Заболтавшись, Нортмор вспоминает про каштаны, лишь когда от них валит черный дым. Гибберт кашляет и сквернословит, Дуглас вышибает окно пивной кружкой. Клубы

дыма наводят меня на определенные мысли. Прочистив горло, я снова беру слово.

Мохоки, бесспорно, хороши, но зачем мелочиться? Давайте откроем филиал Клуба Адского Пламени.

Ко мне поворачиваются взлохмаченные головы. Об этом клубе слышали все, и все — краем уха».

Дальше можно не читать. С историей Клубов Адского Пламени, что в свое время множились, как грибы после дождя, Чарльз познакомился в библиотеке Линден-эбби. Больше всего сведений излагалось в «Журнале джентльмена».

Сминая страницы, Джеймс листал дальше.

«Гибберт держится дольше остальных, но и он встает из-за стола.

— Я не трус, — бормочет он, пятясь к двери. — Вспомни, Линден, как прошлой весной я отделал ублюдков из школы Харроу. Но тогда я хоть битую мог удержать, а тут я вообще руки не чувствую.

Ну и что с того? Я вот свои тоже не чувствую. Только ощущается это не как онемение, скорее как память. Чужие воспоминания, запечатленные на моих ладонях. Что-то, что произошло давно и не со мной, а оттого интригующее вдвойне. Мои руки вспоминают, каково это — сжимать эфес шпаги, надавливая сильнее, когда она входит в податливую плоть. Им знакома шероховатость камней в подземных лабиринтах и дразнящее скольжение рубчатого шелка. Они поднимали застольную чашу, расплескивая вино. Они швыряли на постель женщин, мяли их груди и рывком раздвигали им бедра.

Чернила уже засохли на кончике пера, и бумага рвется, когда я вывожу:

«Кто ты?»

«Пустой вопрос», — пишет рука, одновременно моя и чья-то чужая. «Главное, кто ты. Не из тех ли ты Линденов, кои, верность Стюартам храня, не польстились на посулы ганноверцев и, впав в немилость, едва Земель своих не лишились?»

Отвечаю:

«Я из тех Линденов, что до сих пор верны Стюартам».

Подняв глаза, встречаюсь взглядом с Тарвером. Встав на четвереньки, он заглядывает в окно. Лицо его перекошено от ужаса. Он тут же исчезает, а я смотрю, что же написано, пока мы с Тарвером играли в гляделки.

«В молодые годы странствовал я по Континенту, тогда еще под присмотром «вожака медведя», как мы гувернеров в те годы называли, и случилось мне повстречать Красавчика Принца Чарли...»

«Называй его королем Карлом!» — приказываю я своему таинственному собеседнику.

«...верно, ибо годы уже стерли его Красу, однако ж в общении его и величавой Гордости угадывался Истинный Государь. И я полюбил его, так же, как и ты».

От волнения я чуть не сажаю кляксу.

«Ты расскажешь мне о нем? Ведь расскажешь?»

«Много лучше, Линден, — следует ответ. — Я тебе его явлю».

5

Дневник полетел в камин и шлепнулся на горку остывшей золы, подняв в воздух облачко пепла.

Это все, что Джеймсу нужно было знать. На миг он закрыл глаза, но увидел не Лавинию с алой розой на груди, а старого лорда Линдена. На обвисших губах старика пузырилась слюна. Узрел ли он в свои предсмертные минуты нечто такое, что обыкновенно скрыто от глаз — судьбу своего рода, который будет уничтожен теми, чьи земли когда-то отняли его предки? Придет фейри и срубит дерево Линденов под корень. Если именно это привиделось лорду, когда он проклинал приемного сына со своей подушки, пропитанной слезами и кислым потом, то его прозорливость достойна похвалы.

Так оно и будет.

Найти мальчишку и уничтожить. Предатель не должен ходить по земле. По той, на которую никогда уже не ступит нога Лавинии в охотничьем сапожке.

Внезапно перед глазами у него потемнело, и, чтобы не упасть, он вцепился в спинку кресла, завешанную рубашками и шарфами.

«Джеймс! — надрывалась Агнесс так, что в голове гудело. — Я попала в беду!»

Он уже и не надеялся услышать ее голос. Она тоже могла лежать на мостовой, и на щеке ее виднелись бы брызги грязи из-под ног убегающего убийцы. На миг его охватило ликование, но тут же угасло, ибо было совершенно не к месту.

«Ничего, Агнесс, главное, что ты жива. Где ты сейчас?»

«В Виндзоре».

«Там-то ты что забыла?» — Джеймс едва сдерживался, чтобы не выбрать легкомысленную девчонку.

«Я... я поехала туда с кузеном Чарльзом, чтобы... ох, что же я натворила!.. А вы почему не откликнулись раньше? Вы могли бы мне помочь!»

«Я был с Лавинией, и она погибла у меня на руках. Ее убило какое-то несчастное создание, одержимое призраком».

Даже на расстоянии он почувствовал, как Агнесс похолодела. Когда она заговорила вновь, ее мысли прыгали, зарождались и гасли в его сознании, как обезумевшие болотные огоньки. Она горько рыдала и едва могла сосредоточиться.

«Лавиния... у нее... что-нибудь взяли? Какой-нибудь предмет одежды или... или...»

Мазок крови на виске. Отрезанный локон.

«Рассказывай все, что ты знаешь», — скомандовал Джеймс, и она рассказала.

Рука истинного слуги. Язык истинного безумия. Слезы истинной добродетели. Прядь волос истинной... смелости? Стойкости? Любви? Он не знал, как назвать Лавинию, потому что она была всем сразу.

Четыре предмета. Нужен пятый, чтобы разложить на каждом острие пентаграммы, а потом сбрызнуть кровью. Есть ли у них пятый предмет?

«Джеймс, но это еще не самое страшное! — Его сознание вновь пронзил ее крик. — Я даже не знаю, как сказать вам, но Чарльз... он похитил принца Уэльского!»

«Что?»

«Гвардейцы ходят по парку с факелами, я подслушала их разговор. Берти исчез из детской, и Чарльз вместе с ним!»

Пятый предмет у них есть, иначе не стали бы действовать впопыхах.

«Вы должны спасти принца! Вдруг они собираются его убить?»

«Успокойся, Агнесс, никто не причинит его высочеству вреда. Напротив, с принцем будут обращаться очень бережно».

Уж кто-кто, а Дэшвуд знает толк в ритуалах. «Я тебе его явлю» — не это ли он пообещал глупому мальчишке, который и рад был польститься на его речи? Этой ночью они задумали сотворить ложь, какую давно не видывал мир. А ложь не может существовать сама по себе, ей требуется истина, которую можно исказить. Ложь — как черная плесень, что прорастает сквозь ломоть хлеба. Не будет хлеба — не будет и плесени, ведь нужно же ей чем-то питаться.

«Вы же спасете его?»

«Конечно, спасу».

Но сначала ее. Когда-то он уже спас человеческое дитя, и, терновник и ясень ему свидетели, ничего хорошего из этого не вышло.

«Если ты повернешься спиной к Виндзорскому замку, по левую руку от тебя будет темный массив деревьев, парк при Фрогмор-хаусе, — Джеймс старался думать как можно спокойнее. — Беги туда. Там ты найдешь огромный дуб».

«Как же я отыщу его впотьмах?!»

«Отыщешь. Ты медиум, а дуб этот непростой. Дожидайся меня у дуба, я поскачу к тебе».

«Нет, сначала поезжайте к лорду Мельбурну! Если вы дома, от вас к нему рукой подать! Вы должны его предупредить! Из Виндзора за ним уже отправили гвардейцев! Королева рвет и мечет».

«Агнесс, сейчас не до того».

«Нет, сэр, как раз до того! Послушайте же меня хоть раз, — молила девушка. — Вы знаете, как лорд Мельбурн слаб здоровьем. Если его уволочут в тюрьму по ее приказу, это станет ударом, от которого он уже не оправится!»

Еще одна смерть, виновником которой он может стать. Все, к чему он ни прикоснется, покрывается изморозью и вянет.

«Хорошо, я сделаю, как ты велишь. Беги же!»

6

На поездку к Мельбурну ему не пришлось тратить много времени, тем более что милорд по старой привычке полуночничал. Чтобы ввести его в курс дел, понадобилось три минуты. На сборы в дорогу Мельбурн попросил еще две и потратил их на то, чтобы, кряхтя, спуститься по лестнице.

— Поедьте в моей карете. Запрягай, любезный! — распорядился Мельбурн и махнул заспанному кучеру, которого вытащил из постели не менее осовелый лакей. — Я поеду с вами, и не вздумайте отказываться, мистер Линден. Никогда не знаешь, кто пригодится на охоте.

«Или во время обряда экзорцизма», — мысленно добавил Джеймс.

Вероятнее всего, заниматься ему придется именно этим. А ведь детское сознание такое легкое и хрупкое, не повредить бы, когда придется отскабливать от него всю мерзость.

Но как? Его тело как было, так и оставалось тусклой оболочкой, из которой ушла сила. Что ему противопоставить Дэшвуду?

Только одно. Но сначала нужно добраться до того дуба.

— Смею надеяться, вы управитесь с лошадьми? — спросил Мельбурн, с помощью лакея забираясь в открытую коляску. — Они ведь вас не испугаются?

— Напротив, животные нас любят.

— Превосходно.

Джеймс уселся на облучке и вцепился в поводья. Пара гнедых отозвалась ржанием, не испуганным, а приветственным. Когда феири одалживают лошадей с конюшни, то возвращают их уже поутру и в мыле, но животные все равно довольны. Их боков не касаются ни плеть, ни шпоры. Феири умеют договариваться.

Вот и сейчас кони пустились вскачь, не дожидаясь щелчка кнута, которого, впрочем, и не последовало. Они понимали, куда им нужно скакать, и старались угодить новому кучеру. Слегка придерживая поводья, Джеймс обернулся к седоку и сказал то, что давно собирался сказать:

— Приношу вам свои извинения, милорд.

— О чем вы? — спросил Мельбурн, укутываясь в дорожный плед.

— Я был уверен, что вы стоите во главе заговора и затеяли его, чтобы убрать с дороги Альберта.

Он ожидал, что бывший премьер возмутится, выслушав подозрения столь оскорбительные, но услышал, как Мельбурн хмыкнул ему в спину.

— Кх-м... да я так сразу и понял, что вы меня заподозрили. Еще тогда, в моем кабинете, вы смотрели на меня, будто я некая помесь Гая Фокса и графа Ботвелла.

— Почему же вы тогда не опровергли меня? — снова оглянулся Джеймс.

— А зачем? Мне, может, льстило, что на старости лет я кажусь таким удалцом. Кстати, что навело вас на подобное умозаключение?

— Ваше тесное знакомство с миром духов. Ваша любовь к королеве. Ваша ненависть к принцу-консриту.

— Ненависть? Полноте, сэр, о какой ненависти идет речь? — рассмеялся Мельбурн, словно услышав презабав-

ный анекдот. — К его королевскому высочеству я питаю в лучшем случае неприязнь. Может, еще брезгливость. Ненависть — слишком сильное чувство, а время сильных чувств давно миновало. Вот когда я был молод, повсюду кипели страсти, даже в парламенте, а теперь у политиков такие унылые лица, что во всем Вестминстере молоко киснет. Ненависть!

Впервые за время их знакомства Джеймс пожалел, что «миссис Мельбурн» так и не стала миссис Мельбурн. Он не имел ничего против такого короля. Да, политическая арена при нем превратилась бы в болото, а в женские тюрьмы вернулась бы плеть, зато лорд Мельбурн был наделен чувством юмора, которое импонировало каждому англичанину. Корнями его юмор уходил в те времена, когда жизнь казалась совершенно беспросветной, а чуму лечили злой шуткой да пригоршней ароматных трав.

— Но все равно я благодарю вас, сэр. Вы были обо мне лучшего мнения, чем я того заслуживаю. Я не способен на смелые поступки. Странно, что моя супруга не донесла до вас эту простую мысль.

— Мне казалось, что ради любви можно совершить и не такой поступок, — проронил Джеймс, думая о Лавинии. Она осталась верна до конца.

— Любви? — изумился старый циник. — Помилуйте, сэр, да откуда в наши времена взяться любви? У нас только семейные ценности.

— Из мира ушла вся радость, когда фейри перестали плясать, а священники — изгонять духов, — вспомнил Джеймс, и лошади отозвались ржанием на его слова. А может, он слишком сильно дернул за поводья.

— Именно. Однако же в сем утверждении заключается наша надежда.

— Какая?

— Изгоните злого духа, вот и станет нам всем радостнее.

Если бы это было так просто!

— После того что я позволил себе, я недостоин более называться священником.

— Все так, мистер Линден, — согласно кивнул милорд. — Зато вы по-прежнему фейри.

7

— Я сделал все так, как ты мне объяснил.

В огромной корзине, видимо взятой взаймы у няньки, на ворохе атласных одеялец лежал младенец в свивальнике из тончайшего муслина — ни дать ни взять, Моисей в камышах. Принц спал крепко и сладко, ибо опиумное молоко, чьи капли засохли на розовом бутончике губ, действует на малых сих лучше любой колыбельной. Показав Дэшвуду свою ношу, лорд Линден укрыл младенца шерстяным пледом и подоткнул уголки, чтобы дитя не простудилось. Затем поставил корзину на скамью, подальше от каменного пола. Похвальная забота, но сэр Фрэнсис не бросался похвалой направо и налево.

— Всё, Линден?

Раньше они с Линденом были скорее друзьями по переписке, но теперь Дэшвуд материализовался полностью, чтобы мальчишка мог его увидеть с головы до ног, от серого капюшона, который призрак отбросил с лица, разглядывая принца, до мысков щегольских туфель, высунувшихся из-под рясы.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что все сделал, ибо не вижу я твоей кузины, чья девственная кровь должна наполнить купель. Или забыл ты, что для нашего ритуала потребна девственница? Я же велел тебе заманить ее сюда!

Взгляд Линдена был отрешенно-дерзким, как тем утром, когда он в последний раз грубил директору Хоутри, прежде чем тот раз и навсегда выставил его за порог школы.

— Держись от Агнесс подальше, — отрезал Линден. — И вообще, стану я повиноваться тебе после того, какой

гнусный спектакль ты устроил леди Мелфорд! Как ты посмел в меня вселиться? Ох, и зол же я на тебя!

— Ах, вот оно что! Из-за своей детской обиды ты решил испортить наше предприятие! — Голос Дэшвуда отражался от колонн, наполняя собой всю церковь. — Где ты предполагаешь искать девственницу в такой час, когда ни одна девственница на улицу носа не кажет?

— К чему столько слов, Дэшвуд? Я все предусмотрел.

Мальчишка выпятил нижнюю губу, чтобы с нее лучше скатывались дерзости, но вдруг осекся и потупил взор. Щеки его покраснелись, как тлеющие угли в жаровне.

— В общем... Ну... Та девка, которую я подцепил в «Аргайле»... У меня с ней не получилось... — промямлил он. — Я так набрался джина для храбрости, что меня всю ночь выворачивало, а девка помогала пол в спальне протирать. Вдвое за эту услугу взяла, гадина...

— И сейчас ты столь же невинен, как в тот миг, когда появился из материнской утробы, — догадался Дэшвуд.

— Заткнись! Суть в том, что мы обойдемся моей кровью. Все равно в том свитке не уточняется пол дающего кровь.

— Девственник сгодится не хуже девственницы.

— Отлично, — буркнул юнец, все еще сгорая от стыда. — Что же до Агнесс, я не позволю тебе и пальцем к ней прикоснуться. Она самый добрый человек из всех, кого я знаю. Поначалу ее доброта раздражала меня до чертиков, но потом я к ней привык. К чему только не привыкаешь, — сам себе удивился лорд Линден.

Он скинул сюртук и жилет, усеянные брызгами грязи, и остался в одной белоснежной рубашке. Закатал выше локтя левый рукав, действуя неспешно — то ли оттягивал неприятный момент, то ли вживался в роль жреца. Мелькнула перламутровая рукоять, и лезвие ножа поймало огонек одной из множества свеч, зажженных по всей церкви.

Дэшвуду уже доводилось видеть этот нож в Итоне. Мальчишка был неразлучен с ним и повсюду вырезал свои инициалы, словно желал присвоить весь мир. Взвесив лю-

бимое оружие на ладони, Линден глубоко вздохнул и молниеносным движением взрезал себе запястье. Капли крови брызнули на головы деревянных голубей. Мальчишка поморщился, досадуя на свою неряшливость, и, придерживая руку над чашей, начал аккуратно сцеживать кровь. Если он и чувствовал боль, то виду не подавал. Впрочем, для братьев с такими наклонностями, как у него, в Медменхеме были припасены плети-девятихвостки.

Несколько минут прошло в тишине. Линден завороченно всматривался в лужицу крови, как будто читал в ее очертаниях свою судьбу, и лишь агуканье младенца нарушило его сосредоточенность. Принц засучил ножками, тихо всхлипнул и вновь погрузился в тяжелый опийный сон.

— Что будет с душой, которая уже пребывает в теле принца? — негромко спросил Линден.

— Ты хочешь сказать, с его сознанием. В таком возрасте сознания у детей не больше, чем у котенка, чьи устремления ограничиваются блюдом молока. Если оно погаснет, невелика беда.

— И все же...

— Ты зашел слишком далеко, Линден, чтобы ворковать над люлькой.

Призрак обошел вокруг него, исподволь заглядывая в купель. Крови пока что было на донышке.

— Или ты не желаешь, чтобы мы воскресили Чарльза Стюарта, как было промеж нас уговорено? Я призову дух его, и он войдет в тело принца Берти, после чего младенец будет возвращен родителям, кои взрастят его, как будущего монарха. Как только он чуть повзрослеет, то займет место на троне. Следующее покушение на королеву и консорта будет более удачным. И тогда новый государь и верные слуги его, в числе коих будешь и ты, повернут историю Англии в совсем иную колею.

— Да, мы разорвем тиски морали и станем свободны, — просиял мальчишка. — Я рад, что мы союзники, Дэшвуд, и что через столько лет ты пронес верность истинному государю!

— Как было не сохранить ему верность? Таких королей еще не знала история! — сказал сэр Фрэнсис и, вопреки обыкновению, не покривил душой.

Мало кто сравнится с самоуверенным идиотом, который, не зная брода, сунулся в самую трясину и позвал за собой мечтателей — прыгайте, ребяташки, тут неглубоко! Мальчишки и рады были маршировать за ним вослед, пока молоко на губах не смешалось с кровью. Уже потом, когда его армию перемолотило колесо истории, Красавчик удрал с поля брани в девкином платье и еще полвека отирался при европейских дворах, рассказывая байки в обмен на тарелку супа. А вот поди ж ты, который век о «короле за морем» слагают баллады, и новое дурачье грезит его подвигами. Воистину незаурядный государь.

Изнывая от нетерпения, Линден сильнее надавил на запястье, но кровь текла медленно и падала в чашу тугими каплями. Тогда мальчишка возмутился, что в церкви холодно, и Дэшвуд милостиво принял его оправдания, хотя догадывался об истинной причине столь скудного потока.

Разум можно затуманить, но у тела своя корысть, и альтруизм ему неведом. Кровь попросту застыла в жилах. Не хотела вытекать.

Тут бы как нельзя кстати пришлась горячая ванна вроде тех, в которых вскрывали себе вены римские сенаторы, но, пожалуй, даже лучше, что кипятка поблизости нет. Того и гляди, мальчишка до смерти истечет кровью, а допустить его смерть никак нельзя. Рано ему умирать. Так что придется скрасить время беседой, только вот о чем с ним беседовать?

Дворянчиков вроде Чарльза Линдена он в свое время перевидал немало и отлично помнил, как их передергивало, когда они вынуждены были говорить «сэр» ему, сыну лавочника. У Линдена, впрочем, дерзости поболее, чем у других. Как он рисуется, точно стоит у ramпы и с минуты на минуту ждет оваций! Мнит себя шекспировским принцем Генри, юным гордецом, готовым ослепить всех сиянием своей славы. «Себе во благо обращаю я злое и,

всем на диво, искуплю былое». А сообщник представляется ему Фальстафом, старым балагуром и выпивохой, и вдвоем им сам черт не брат.

Кстати, любопытно, польстился бы мальчишка на посулы незнакомца, если б знал заботу отца и не боялся дядю до одури?

— Нас связали тесные узы, но я мало знаю о тебе, Линден. Поведай мне о своей жизни, — заговорил Дэшвуд тем благодушным тоном, каким Фальстаф беседовал с принцем Генри, когда оба выпивали в трактире миссис Куикли.

— О чем именно?

— Выбери эпизод на свое усмотрение.

— Будет тебе, Дэшвуд, ходить вокруг да около. Скажи лучше, что хочешь услышать, как мой дядя убил моего отца. Все только об этом и думают.

Призрак развел руками — с таким проникательным собеседником шила в мешке не утаишь!

— Незадолго до смерти дед позвал меня к себе в спальню, обнял и зарыдал мне в курточку за неимением у меня тогда жилетки. Рыдал, как старый беззубый младенец.

— Смерть дохнула на старика, и он расчувствовался...

— Не торопись с выводами, Дэшвуд. Ты не знал моего деда. Остальные домочадцы баловали меня, кто во что горазд, зато в его присутствии мне даже сидеть не дозволялось. Ему казалось, что он отца недовоспитал, раз тот пускается во все тяжкие, стоит брату призывно свистнуть и щелкнуть пальцами. Поэтому мне доставалось вдвойне. А тут он впервые назвал меня не «подите-ка сюда, юный сэр», а «мой дорогой мальчик». Мне сразу стало ясно, что плохи дела.

— Тогда ли он открыл тебе очи на твоего любезного дядюшку? О том, что он к племени Адама не принадлежит, посему подвластен ему волшба?

— Как раз об этом я давно догадался. Что ж я, слепой? У нас в усадьбе наперстянка сквозь паркет прорастала, а книги с верхних полок слетались к дядюшке в руки, точно

птицы на хлеб. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять — дядя Джеймс не нашего роду-племени.

— А ты, Линден, всегда был подметчив.

— Не без того, — приосанился юнец.

Он походил на голубя, который важно надувает грудь перед тем, как его выпустят в небо. Ему не терпится поймать ветер под крыло и выписывать дуги, похваляясь красотой полета. Только он еще не разобрал, в каком состязании участвует.

— Рыдая, дед поведал мне, как именно скончался мой отец. Дядя убил его на охоте. Спустил на него какое-то из тех чудищ, которыми повелевают фейри. А теперь настал и его, дедов, черед. Рассказывая мне это, он цеплялся за меня, словно меня могли вырвать из его рук и добить прямо на коврике у камина.

Любимый дядя прикончил любимого отца, и об этом поведал любимый дедушка. Трогательная сцена, достойная пера Ричардсона.

— Ты, поди, тоже всплакнул? Такому дитяти позволено.

— Какое там! У меня слезы в глазах застыли, и сами глаза, и голова как в ледышку превратились. Я слушал и не мог поверить, что мой дядя способен на такое. Он был так добр ко мне... иногда показывал мне... всякое. Чудеса. Чтобы он убил моего отца! Но дед клялся, что дядя — это подменыш, ведьмина приبلуда, и он не остановится, пока не выжрет нас из усадьбы. Он оттяпает наши земли, потому что фейри, жившие тут испокон веков, до сих пор считают их своими. Но вступать с людьми в войну им несподручно, куда проще подбросить своего выроodka в чужую колыбель.

— Вскормил кукушку воробей, бездомного птенца. А тот возьми да и убей приемного отца, — задумчиво процитировал Дэшвуд.

— Дед говорил, что выкормыш и до меня доберется, хотя и не сразу. Две смерти подряд еще сойдут ему с рук, а вот после третьей вся округа зачесет в затылке. Если люди по-настоящему разгневаются, фейри несдобровать.

В любом крестьянском хозяйстве найдется предостаточно холодного железа, причем хорошо наточенного и с острыми концами. Вот только он не желал, чтобы волну народного гнева всколыхнула смерть его внука, последнего из рода Линденов. Он умолял меня держать ухо востро, потому что рано или поздно дядя и до меня доберется.

— И в сердце твоём угнездилась ненависть к жестокому родичу.

— Нет, — усмехнулся Линден и встряхнул запястьем, подгоняя кровь. — Ненавидеть родню — бессмысленная затея. Родня — как селезенка. Как бы ты к ней ни относился, она часть тебя и никуда не денется. К тому же не мог же я ненавидеть того, кого так любил мой отец. Я... я боялся дядю Джеймса до судорог, до смертной дрожи, но не переставал любить. И все думал, как же оправдать такой его поступок, то зло, которое он причинил мне? Ведь должно же быть хоть какое-то оправдание.

Думал и думал, пока не придумал. Самому стать таким злодеем, каким он почитал своего милейшего дядю, чтобы отделяла их не пропасть, а от силы канава, да и та не глубокая. Решил пофорсить перед полукровкой, показать, какой он великий экзорцист и как умеет добиваться своего.

Жаль мальчишку. Год за годом взбивал себе мозги, что твое паханье, пока сыворотка не отделилась. Оставалось только снять сливки и облизать пальцы, чтобы ни капли зря не пролилось.

— Столько хватит? — спросил Линден.

Крови натекло чуть больше половины купели, да и сама купель размерами мало чем отличалась от тазика для бритья. Ну, да и так сгодится. Мало кто крестит детей полным погружением, все больше брызгают водой им на темя.

— Довольно, — отвечивал призрак, и Линден, отложив нож, наскоро перевязал руку шейным платком, стянув концы узла зубами.

— Тогда я приступаю к ритуалу. Приглядывай за мной, чтобы я ничего не напутал.

— Ты-то, Линден? Да ты и без меня бы справился.

«Как и я без тебя», — беззвучно добавил Дэшвуд. Чтобы начертить пентаграмму на полу и разложить нужные артефакты, ему уже не требовалось чужой помощи, но обидно будет не досмотреть эту сцену до конца. Все равно что покинуть Ковент-Гарден на втором акте оперы, все равно что выпить поссет, не собрав со дна сладкий осадок. Все равно что возлечь с куртизанкой и, доведя ее до вершин наслаждения, когда глаза подергиваются поволокой, а с губ срываются стоны, не перерезать ей горло, вытерев затем лезвие ножа о подушку.

Спешить ему некуда.

Аккуратно, как по линейке, Линден начертил мелом пентаграмму, благо на уроках рисования он всегда получал высший балл. Латынь тоже пришлась кстати, и мальчишка сумел без запинки произнести нужные заклинания, как будто отвечал на испытаниях и положил глаз на главный приз. Склонив голову набок, призрак наблюдал, как он, не сбиваясь, твердит заклетья и между делом раскладывает артефакты у каждого конца пятиконечной звезды.

Первые три предмета, ввиду их неприглядности, а также недостаточной свежести, были спрятаны в кожаные мешочки. Рука истинного слуги, язык истинного безумца, а в придачу к ним сердце истинного друга — по крайней мере, таковым почитал себя Пол Уайтхед, хотя эпитета «прихлебатель» ему хватило бы за глаза.

Стоило мешочкам лечь в нужном месте, как вокруг них загорелись огоньки пламени. В церкви запахло серой. Четвертым на пол опустился носовой платок. Легкий батист тут же вспыхнул, но не почернел, а горел размеренно, словно добродетель была лучшим топливом, нежели уголь или торф.

— А где же последний артефакт? — спросил Линден, озираясь по сторонам.

Призрак снял с алтаря лукошко. У цветочницы его перехватил мальчишка-нищий, а у того — извозчик наемного экипажа, который вез ее до самого Вест-Вайкомба, нахлестывая обезумевших лошадей. На ложе из сухой лаванды

и смятых фиалок свилась белокурая прядь. Линден опознал ее прежде, чем поднес к лицу и учуял слабый запах жасмина. У обычных женщин не бывает таких волос, мягких и сияющих, как лунные лучи. Нет, сию прядь срезали с головы Дианы-охотницы.

— Это локон леди Мелфорд, — остолбенел мальчик.

— Тебе не откажешь в наблюдательности. Она приняла полукровку даже после того, как он утратил свою волшебную силу. Это ли не истинная любовь?

— Здесь кровь.

— Кровь льется, когда люди умирают.

— Ты убил ее?

— Она умерла от разбитого сердца.

Пальцы разжались, но локон, почти невесомый, падал бесконечно долго, и, следя за его падением, Линден заговорил:

— Знаешь, я так много общался с Агнесс, что подумывал бросить все это и жить просто, по-человечески, как она. А потом решил, что нет, надо довести дело до конца. Пусть вернется истинный король и вместе мы построим мир, где было бы хорошо таким, как мы с Лавинией. Таким, кто не может устоять в строю и затеряться в толпе, кто ценит свободу. Я создал бы этот мир для нее! Даже если она никогда меня не полюбит... А теперь... я... я не дам тебе закончить ритуал!

Он рванулся к купели и вцепился в тонкий пьедестал, потянув его на себя. Чаша накренилась, из нее выплеснулось несколько капель, но не успел мальчишка дернуть еще раз, как деревянный змей, обвинившийся вокруг пьедестала, поднял голову и распахнул пасть. Этого Линден не ожидал. От испуга он подался назад и упал бы, не подхвати его Дэшвуд. Руки призрака скользнули в его ладони, как в перчатки.

— Ты славный малый, Линден, — похвалил Дэшвуд, оттаскивая мальчишку от купели, — но есть в тебе то, что Аристотель называл «гамартия» — изъян характера, ведущий к трагедии. Ты способен любить кого-то, кроме себя,

а еще ты веришь в дружбу. Посему, уж прости покорно, нам с тобой не по пути. Однако ж я должен вознаградить тебя за труды, ведь ты так поспособствовал моему возвышению. Хочешь узнать, что еще я для тебя припас?

Мальчишка орал и отбивался, но Дэшвуд держал его крепко. Да и что может птенец против опытного птицелова?

— Сдается мне, что кнут и пряник равно тебе приятны, посему по части удовольствий ты дашь фору многим. Молодец.

Нож лежал на пюпитре для Библии, тоже изящном, отлитом из бронзы в виде готового взлететь орла. Мальчишка снова забился, но над своими руками был уже не властен. Он подхватил нож. Лезвие скользнуло под шелковый бинт, обмотанный вокруг левого запястья, и распорол материю.

— Но известно ли тебе, как в Вест-Индии наказывали рабов, укравших ложку патоки с хозяйского стола? Их заставляли пить патоку, пока живот не раздувался, как барабан, и сладкая жижа не текла из носа. Если удовольствия слишком много, оно оборачивается мукой. Сейчас ты это поймешь.

Ответом ему стал такой пронзительный крик боли, что заворочался даже младенец в корзине, но как тут было не закричать? Нож вошел в рану, углубляя ее, и, дойдя до конца, развернулся под прямым углом и медленно заскользил вверх, к локтевому сгибу...

— Ну вот, погляди, как мило. Самая аккуратная «Л», которую тебе доводилось вырезать.

Стоило призраку выдернуть свои руки из чужих, как мальчишка повалился на пол и скорчился, пытаясь зажать порез, но кровь сочилась между пальцами, текла, не переставая...

Нет, голубенок, это не соревнование летных пород сизарей, и тебе не удастся распушить хвост, расправить крылья на ветру и заворковать, нахваливая свои таланты. Ты дал маху. Попал не в ту компанию. Тут соревнуются в стрельбе по живым мишеням.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Агнесс шла, не оглядываясь. Позади остался Виндзорский замок, его сады, где мелькали фонари, словно стайка взбудораженных светляков, и воздух звенел от встревоженных криков. Там искали пропавшее дитя, но, как подозревала девушка, лорд Линден со своим маленьким пленником давно уже покинул окрестности замка и бог весть где скрывается.

В небе медленно таяла луна, точно кусочек масла на бархатной скатерти. Маслянистый свет капал на голые ветви деревьев и Длинную аллею, но Агнесс опасалась выходить на дорогу. Куда безопаснее плестись по обочине, оставляя на кустах лоскутья шелка. Несколько раз ей приходилось падать на землю и заслонять лицо от мелких камешков, что летели из-под копыт бешено мчавшихся лошадей — из Виндзора один за другим скакали посыльные. Наверное, лорда Линдена ищут на всех трактах, но едва ли поиски принесут результат, ведь мало кто может тягаться хитростью с предателем и с тем, кто стоит за его спиной.

Нет, найдут его они с Джеймсом и накажут по своему усмотрению. Так накажут, что повешение, четвертование и потрошение, коими, согласно учебнику истории, традиционно каралась измена, покажутся Чарльзу щекоткой. Потому что изменил он не только королеве, но и своей семье. В аду для него не найдется подходящего круга, и дьявол

вручит ему лопату, чтобы он собственноручно выкопал себе апартаменты.

Но разве не она сама во всем виновата, одолевала ее совесть. Кто обманом проник в чужой дом, кто клеветал на невинного человека за то лишь, что ей претила его спесь, а иностранный акцент резал ухо? И сколько раз она мечтала, чтобы Лавиния не стояла между ней и Джеймсом? Своим упрямством она поставила под угрозу судьбу монархии, и уж не ее ли ненависть навлекла беду на женщину, которая, несмотря ни на что, была ее благодетельницей?

Глупая, самонадеянная кукла! Только и годится на то, чтобы точить лясы с призраками, живым же людям от нее одно горе! У Лавинии было живое, пылкое сердце, а у нее в груди шелковая игольница, набитая паклей.

Прислонившись к вязу у аллеи, беглянка потеряла глаза, размазывая слезы и сукровицу с ладоней — узлы на простынях растерли их до мокнувших мозолей.

Знал бы лорд Мельбурн, как он ошибся, говоря, что у нее нет темной стороны. Есть, и еще какая. Стоит оглянуться, и она увидит свою тень. У обычных людей тень плоская и послушно принимает форму всего, на что ни упадет. Ее же тень вздымается волнами, как море в грозу, а среди этих волн селки рвут на части человека, и он кричит, не умолкая... Вот такая у нее тень, и чем ближе солнце к горизонту, тем длиннее она становится.

Если бы в этот миг ей предложили взойти на эшафот и занять место подле Чарльза, Агнесс не только подобрала бы юбки, чтобы быстрее взбежать по ступеням, но и сделала бы реверанс палачу, прежде чем тот затянет петлю на ее шее. Вместе совершили злое дело, так пусть и голову сложат вместе. Об одном лишь были ее молитвы: чтобы среди выдвинутых против нее обвинений, включая государственную измену, поклеп и несанкционированный сеанс экзорцизма, не значилось убийство августейшей особы. Хоть одним глазком увидеть Берти — больше ей ничего и не нужно. Увидеть живым.

А для этого придется в кои-то веки не препираться с Джеймсом, а выполнить его приказание.

Она осмотрелась — куда же теперь? Но удивительное дело: ей казалось, что ноги, не советуясь с головой, безошибочно выбирают направление, и деревья расступаются перед ней, указывая путь. Неужели это и есть особая благодать Третьей дороги? Но почему тогда она выбрала ее, изменницу?

Агнесс не знала, сколько минуло миль, прежде чем впереди показался огромный дуб. Раскидистые узловатые ветви были перекручены, словно он рос корнями наружу, и вместо листьев на них висели мохнатые шары омелы. Складки толстой коры казались морщинами великана, а в дупле, зиявшем сбоку, поместилось бы пушечное ядро. Дуб был таким старым, что наверняка помнил еще друидов, приходивших срезать с него омелу золотыми серпами.

Агнесс сделала несколько неуверенных шагов вперёд. Где-то поблизости хрустнула сухая ветка, и девушка вздрогнула, но, прищурившись, успокоилась. Вдалеке, за кустом ракитника, луна вызолотила ветвистые рога. По Виндзорскому парку бродят стада оленей, и охотиться на них — излюбленная забава королей. На этой опушке, вдалеке от аллеи, она будет в безопасности, иначе Джеймс не послал бы ее сюда. О, если бы она сразу пошла к нему за советом!

Она поспешила к дереву, раскинула руки и прислонилась лбом к мягкому и густому, как подшерсток, мху. Влажная прохлада остудила ее пылающий лоб, капли росы смыли соль с щек.

— Мне так жаль, — шептала Агнесс, вдыхая терпкий запах коры. — Что же я натворила? Как мне все исправить?

За ее спиной похрустывал хворост и шелестели кусты, но она не смела обернуться. Ей хотелось слиться с шершавой корой, чтобы мох прорастал у нее между пальцами и по жилам журчал древесный сок, а слезы не жгли глаза, а застывали на ресницах душистой смолой. Ничего не бо-

яться, ничего не стыдиться, не думать ни о чем. Ни греха, ни спасения. Только посвист ветра и щебетанье птиц над головой.

— Агнесс!

Ей показалось, что она простояла у дуба целую вечность, прежде чем услышала голос, такой желанный, такой родной. Обернулась, взглядываясь во тьму, и разглядела две мужские фигуры. Нельзя сказать, что присутствие лорда Мельбурна ее обрадовало, но лучше пусть будет здесь, чем в тюрьме. Не стыдясь пожилого джентльмена, она бросилась своему опекуну на шею. Белого пасторского шарфа, который сгодился бы вместо платка, уже не было, и слезы ее быстро промочили Джеймсу манишку.

— Не надо, не сейчас. — Он отстранил ее ласково, но твердо. — Прибереги слезы. Обещаю тебе, что еще до рассвета мы устроим тризну по ним обоим.

— По Лавинии и?..

— ...и виновнику ее смерти, — стиснул зубы Джеймс.

— Гм-м, — кашлянул лорд Мельбурн, все это время осматривавший дуб, как турист — руины Парфенона. — Нельзя сказать, будто окрестности Виндзора мне незнакомы, потому что в свое время мы с ее величеством объездили их вдоль и поперек. Более того, я отчетливо помню, как уплатил шиллинг гиду, который клялся памятью матушки, что покажет мне дуб, воспетый самим Шекспиром. Полагаю, пройдоха воспользовался моей доверчивостью, ибо то чахлое деревце явно не стоило упомянутого шиллинга. А сейчас, надо полагать, передо мною подлинный дуб Герна?

Агнесс охнула.

— Я видела рога за кустами. Выходит, это был он, Гернохотник?

— Он самый, — ответил мистер Линден и оглянулся, но не заметил ничего необычного. — Впрочем, слова Шекспира не стоит принимать на веру. Это не просто дуб, вокруг которого слоняется дух лесничего, это одно из тех мест, где магия ключом бьет из-под земли. Что

же до Герна, он один из фейри, древний хранитель ворот в иной мир.

— Стало быть, он не превращает в кровь молоко коровье? И не крадет овец? — спросил милорд, заметно разочарованный.

— Почему бы нет? За кем из нас не водится милых чудачеств?

— Но вы приехали сюда именно для того, чтобы позвать на помощь джентри? — уточнил Мельбурн.

— Здесь они не могут не услышать мой зов.

Агнесс насторожилась. Каких еще дворян-джентри? Ведь не станет же мистер Линден вытаскивать из постелей жителей Виндзора мужского пола и ставить под ружье, дабы сформировать народное ополчение и повести его на супостата. Идея довольно абсурдная.

— Присмотрите за мисс Тревельян, покуда я буду просить их об одной любезности, — сказал Джеймс, подталкивая ее к Мельбурну, который гостеприимно распахнул фрак, приглашая продрогшую девушку укрыться от непогоды.

— Вы думаете, в качестве обмена они могут потребовать нашу барышню? — Голос лорда зазвучал тревожно.

— Они могут потребовать все, что вздумается, но получают лишь то, что мне не жалко отдать. Только так можно с ними торговаться. Предложи палец, и руку по локоть откусят, и не только у тебя, а у всей родни до седьмого колена.

Только теперь Агнесс догадалась, о ком шла речь. Джентри. Добрые соседи. Народ с холмов.

Прежде чем она успела открыть рот, Джеймс опустил-ся на колени у корней дуба и погрузил руки в промерзшую землю так легко, словно она была взрыхленной пашней. Навстречу его рукам пробились зеленые ростки, обвивая его запястья, но через миг зелень подернулась инеем, серебристые узоры разукрасили кору дуба, иней покрыл волосы и ресницы Джеймса, сделав его седым, и выткал морозным серебром его одежду. Стало ощутимо

холоднее. Пошел снег, гуще, плотнее... И из-за снежной завесы вышли они.

Никто не мог бы принять их за людей. Никогда. Нет, конечно же они могли обмануть взгляд смертного своей магией, набросив завесу гламора, но сейчас явились в истинном своем облике. Агнесс ясно видела, что в облике Джеймса Линдена немало от них. Сама утонченность его красоты, точеные линии лица, грация движений, — это была более чем человеческая красота, хотя и вполнину не такая ошеломляющая, как у этих созданий, которые, должно быть, и траву не приминали, и на снегу не оставляли следов... Не то порхали, не то танцевали, не то выступали в сознании своего величия: все сразу. И вряд ли хоть один из смертных художников смог бы запечатлеть совершенство этих лиц. Свечение кожи и сияние глаз. Вряд ли хоть одна смертная вышивальщица смогла бы повторить узоры на их одеждах.

Их было семеро, но сразу стало ясно, что главной является дама с белыми волосами и бледным до голубизны лицом, в короне не то из льда, не то из алмазов, закутанная в белый мех. Ее сопровождал рыцарь в черных доспехах, и шлем у него был в виде черепа птицы. Остальные господа — ошеломляюще прекрасные и в роскошных одеяниях — были с открытыми лицами. На Джеймса они смотрели с высокомерным презрением.

— Мисс Тревельян, — шепнул Мельбурн, — помогите старику преклонить колено. Придется мне на вас опереться.

— Милорд...

— И вам совету по последовать моему примеру. Если поблизости находится особа, у которой на голове что-то блесит, будь то корона или суповая кастрюля, лучше пригнуться как можно ниже. Особенно если кастрюля. Велика вероятность, что скоро она полетит прямо в вас.

Но Агнесс не забавляли его шутки. Лорд Мельбурн навалился на ее плечо всем своим весом, не давая шевельнуться, не то что вскочить и броситься к Джеймсу, который

еще ниже опустил голову перед правительницей зимнего царства.

— Ты Мэб, Зимняя королева. Мой отец принадлежит к твоему двору. Склоняюсь перед тобой и приветствую тебя.

— И я тебя, человек, — тихо произнесла фейри.

Агнесс напряженно ждала, когда же она заговорит, чтобы услышать ее акцент, ведь именно акцент создает смысл слов, как приправа — вкус блюда. Но речь королевы фей звучала точь-в-точь как внутренний голос Агнесс. Похоже, и зарождалась она в голове слушателей.

— Ты хочешь вернуть свою силу? За этим ты нас позвал? — продолжала Мэб все тем же ровным невозмутимым тоном.

И Джеймс, глотнув отвердевшего от холода воздуха, ответил:

— Да. Не упрекай меня за то, что я не пользовался своим даром, я знаю об этом и сам. Если не стряхать плоды с яблони, рано или поздно они упадут в соседский огород. Если держать взаперти скакуна, он выбьет дверь конюшни и вырвется на волю. Но сейчас мне нужна моя сила, чтобы победить врага.

— Нужна, но откуда ты возьмешь ее? — покачала головой фейри, и ее венец вспыхнул белым пламенем. — Возьмешь ли ее из воздуха, что люди отравили копотью труб, или из воды, опутанной их сетями, или с лугов, что содрогаются в муках, когда по ним грохочут поезда? Из земли, источенной шахтами, как старый пень червями? Много ли в ней осталось силы?

— Но вам же ее хватает.

Королева засмеялась, дивясь его дерзости. Даже стоя на коленях, он сохранял независимый тон — не молил, а торговался.

— Ты не один из нас.

— Я не был одним из вас.

— Так ты готов отказаться от служения людям и богу людей?

— Готов. Люди, которых я любил, один за другим сошли в могилу, и вот последняя из них занесла ногу над пропастью. — Он оглянулся, встретившись глазами с Агнесс. — Да и вера моя некрепка. Если я воззову к небесам, мой вопль останется неслышанным. Никогда я не был достойным служителем Господа.

— Но думаешь, что будешь достойным меня?

— Знаю, что буду. Позови меня за собой, моя королева, и ты узнаешь, чего я стою. За свою короткую жизнь человека я охотился на исчадий больше, чем многие из твоих бессмертных вельмож.

Придворные, стоявшие поодаль, зашептались, бросая на наглеца недобрые взгляды, но по одному мановению бело-снежной руки ропот стих. Королева внимательно всматривалась в Джеймса, и Агнесс наконец поняла, что же ей напоминает эта сцена. Ярмарку найма на Мартинов день, куда стекаются работники, захватывая с собой атрибуты своего труда: кровельщик — солому, пастух — клочок овечьей шерсти, служанка — метлу. Вот только предлагал Джеймс не пару крепких рук, не свои умения и опыт, а нечто несоизмеримо большее...

— Правильно ли я поняла, что ты отрекаешься от своей человеческой души?

— Ты поняла правильно, — не колеблясь, сказал Джеймс.

В этот миг Агнесс словно острой сосулькой пронзило сердце: так страшно, так тоскливо сделалось! Она подалась было вперед, но лорд Мельбурн удержал ее, и правильно сделал. Рыцарь с птичьей головой был начеку и рука его лежала на рукояти меча. Он бы никому не позволил нарушить происходящее действо.

— И все это ради того, чтобы вызволить детеныша маленькой королевы? Ты уверен, что она того стоит? — спросила фэйри. — Однажды я видела Викторию лицом к лицу, и встреча наша прошла плохо.

— Это потому, что вы ей не поклонились? — не удержалась Агнесс и тут же пожалела о вопросе. Воздух стал та-

ким холодным, что следующий вздох инеем осел у нее на языке. В горле запершило от снежной крупы.

— Нет, — ответила Мэб, впервые обратив внимание на смертную деву. — Это потому, что она не поклонилась мне. У Вильгельма Завоевателя манеры были и то лучше.

Лорд Мельбурн чувствительно ущипнул Агнесс за локоть. Хотя бывший премьер, насколько ей было известно, считал Викторию венцом творенья, свои чувства он предпочел держать при себе.

— Я прошу не ради Виктории, — заговорил Джеймс. — А ради себя. Дэшвуд нанес мне смертную обиду, и я буду не я, если не отомщу за Лавинию и не отправлю его обратно в ад. Вы должны мне помочь, ибо, оскорбив меня, он оскорбил и весь волшебный народ, всех фейри.

— Вот теперь ты попросил правильно, — улыбнулась Мэб. — Что ж, я принимаю тебя, Джеймс. Я щедра к тебе, потому что давно слежу за тем, как ты охотишься... Если бы ты знал, как часто мне хотелось просто похитить тебя! Но чем дольше ожиданье, тем слаще награда. Ты еще прокатишься в моей кавалькаде.

Она шагнула к коленопреклоненному Джеймсу и положила ему на лоб ладонь, слегка сжала пальцы, вонзаясь в кожу под волосами острыми ногтями. Затем пристально посмотрела на Агнесс — и та ощутила то, что в тот миг чувствовал он. Миг острой боли сменила блаженная прохлада, наполнявшая тело силой. И он пил, пил, пил эту силу с жадностью, с которой пьет колодезную воду солдат, измученный долгим пешим переходом. Сила зимних фейри вымывала из его тела усталость, а из души — страдания и сомнения. И когда ростки, удерживавшие его за руки, рассыпались льдинками, так что он смог подняться, — Джеймс казался другим... Она не сказала бы даже — другим человеком...

— Я буду ждать тебя, — промолвила Мэб.

— Я приду.

— Конечно, придешь. Теперь ты один из нас, такой же фейри. Но запомни вот что — дорога к людям отныне за-

крыта для тебя. Перебежчику стреляют не только в спину. Он получает стрелу и в грудь. Не забывай об этом.

Она нежно, лаская, провела пальцем по его скуле, но из-под острого, как скол льда, ногтя заструилась кровь. Джеймс поморщился. Тихо засмеявшись, королевадохнула на кровь и смахнула багряную льдинку.

— Я ошибался на их счет, — едва слышно проговорил Мельбурн, исподволь наблюдавший за этой сценой.

— О чем вы, милорд? — спросила Агнесс, тоже вполголоса.

— О том, что фейри — темная сторона человечества. Теперь мне так уже не кажется. Нет, фейри не наша темная сторона. Они наше воображение.

— Я могу для тебя еще что-нибудь сделать? — спросила королева, готовая вернуться к своей свите.

— Кажется, нет.

— Гм.

Бывший премьер прочистил горло, словно собирался произнести спич перед кабинетом министров.

— Я не стал бы докучать вашему величеству досужими просьбами, если бы на нашу долю не выпал вечер, утомительный не только для нас самих, но и для лошадей. Вы немало поспособствовали бы нашему предприятию, если бы выписали нам подорожную прямо отсюда до...

Он вопросительно покосился на Джеймса.

— ...до Вест-Вайкомба, — ответил тот.

— Именно.

Королева взмахнула рукой, в воздухе плеснул, вырываясь из-под белого меха плаща, длинный рукав из серебристого шелка — или не шелка, может ли шелк быть таким прозрачным, таким сверкающе-снежным? — и рукав раздулся, словно заполняя собой все пространство, заслоняя собой группу фейри, и рассыпался густым снегом...

Снежинки становились все крупнее и крупнее, летели прямо в лицо Агнесс, вот уже они размером не с мух, а с бабочек, а вот уже с откормленного воробья, и она начала

отбиваться от снежинок, а откуда-то из бесконечной дали доносился до нее смех Мэб, повелительницы Зимнего Двора. И когда Агнесс уже казалось, что сейчас их похоронит этот снегопад, снежинки закружились хороводом, замыкая ее в кокон из белизны и холода, и земля унеслась у нее из под ног...

Чтобы вернуться — совсем в другом месте. Снег, заслонявший обзор, опал и тут же растаял. Вокруг тянулась стена, изрытая нишами, в которых белели урны. Семейный мавзолей Дэшвудов выглядел одновременно помпезным и заброшенным. К счастью, Агнесс была не одна: Джеймс и лорд Мельбурн тоже материализовались, каждый из своего личного снежного бурана.

2

— Вы сумеете добраться до костей этого греховодника? — спросил Мельбурн, с сомнением разглядывая гробницу. На сером камне не было ни щели, ни трещины.

Вместо ответа Джеймс приложил руки к гладкой поверхности и закрыл глаза, призывая ту силу, которая с сотворения мира противостоит цивилизации. Мощные корни деревьев прорастают сквозь стены древних храмов, содрогание земли поглощает целые города.

О том, что у него получилось, он понял по сдавленному вскрику Агнесс. Под ладонями зашевелились упругие ростки терновника и пробили стену гробницы, оплетая ее и кроша камень, словно это была корка пирога. В образовавшейся дыре виднелся край гроба. Джеймс потянул прогнившие доски и отвернулся, прикрывая лицо рукавом, но справился с отвращением и сгреб кости в свой расстеленный на траве сюртук. Череп Дэшвуда таращился на него пустыми глазами и скалил отлично сохранившиеся зубы. Даже после смерти сэр Фрэнсис глумился над противником.

— Мисс Тревелиян, негоже просить леди об услуге столь интимной, но запустите-ка руку во внутренний кар-

ман моего сюртука. Я буду дольше возиться, — попросил милорд, а когда просьба была выполнена, указал на коробок спичек «Люцифер» и флягу с бренди. — Люблю выкурить сигару после ужина. А вот еще одна стариковская слабость. Моих припасов должно хватить, чтобы сжечь его кости. Насколько я понимаю, сэр, сей способ годится для изгнания духов.

Что может быть лучше промозглой ноябрьской ночью, чем жаркий костерок, на котором потрескивают кости врага? Джеймс принял флягу и сбрызнул останки, но в последний момент заколебался. Зажженная спичка упала на траву и с шипением погасла.

— Я сжег бы их, будь я уверен, что это не повредит ребенку. Если Дэшвуд уже вошел в его тело, последствия могут быть непредсказуемы.

— В таком случае?..

— Я иду в церковь и посмотрю, что там происходит.

Стены мавзолея загораживали вид на церковь, но золотой шар на колокольне был виден отчетливо. Он вращался вокруг своей оси, так быстро, что, казалось, будто он слетит со шпиля и покатится вниз по холму, сминая на своем пути деревья. Позолоченные панели сияли ярко, словно были в самом деле отлиты из золота. Подобная иллюминация могла бы ослепить весь городок Вест-Вайкомб, да и Виндзор в придачу, но Дэшвуд позаботился о защитных чарах, плотной завесой окружавших площадку вокруг церкви. В его интересах свести шумиху к минимуму, дабы пропажа принца казалась происшествием хоть и неприятным, но не сверхъестественным. Так проще спрятать концы в воду. И для смертных глаз церковь Вест-Вайкомба по-прежнему казалась обветшалым строением с дурацким облезлым шаром на маковке.

Но что же творится внутри?

— Агнесс, ты со мной?

— Как тебе не стыдно спрашивать? — обиделась девушка. — Конечно, Джеймс.

Теперь, когда он стал тем, кем стал, она считала неуместным обращением «сэр» и, не спросив, перешла на «ты». В другое время он умилился бы тому, как быстро потеплели их отношения, но сейчас было не до сантиментов.

— Скажи только, чем я смогу быть тебе полезной.

Выглядела Агнесс совсем как дикарка: платье промокло и забрызгано грязью почти до пояса, кружевные манжеты свисают клочьями, в свалывшихся рыжих космах торчат веточки и засохшие листья дуба. Губы плотно сжаты. В глазах то ли искры гнева, то ли отблески золотого шара. Агнесс больше походила на феяри, чем он сам, но сейчас он возлагал надежды не только на ее способности к колдовству.

— Насколько мне известно, излюбленный метод обучения в женских пансионах — зубрежка. Ты быстро запоминаешь? — уточнил Джеймс.

— Схватываю на лету, — подтвердила девушка. — А что?

— В таком случае постарайся запомнить следующее.

И он начал называть имена, а если забывал чей-то титул, на выручку приходил Мельбурн, который, хотя и не понимал сути происходящего, предоставил к его услугам свою бездонную память. Агнесс слушала внимательно и шевелила губами, проглатывая имя за именем. Запомнить всех у нее получилось со второго раза.

— Кажется, мы готовы. Ступай за мной, Агнесс, — приказал Джеймс, собирая останки в узел.

— Вы пойдете с нами, милорд? — Агнесс оглянулась на Мельбурна, но тот покачал головой.

— Что вы, мисс Тревельян! Я никогда не лез в сражение, которое мне заведомо не выиграть.

— Даже ради королевы?

— Гм-м... я сослужу ее величеству лучшую службу, если останусь в достаточной мере жив, чтобы доставить ей ребенка.

Уговаривать его никто не стал.

Кладбище при церкви купалось в золотом сиянии. Каждое надгробие казалось полновесным слитком, а трава вилась золотой канителью, и ступая по ней, Джеймс ожидал услышать металлический треск. Крепко держась за руки, они с Агнесс бегом пересекли погост и, не мешкая, вошли в церковь.

Интерьер церкви напоминал светский салон, подготовленный к суаре: свет сотен свечей мягко скользил по сиденьям скамеек и дробился о льдисто-гладкий мраморный пол. Темно-желтая охра на стенах и кармин на колоннах лоснились, точно шелковые обои. Цвета на фреске с Тайной вечерей проступили еще ярче. Казалось, апостолы готовятся всласть попировать, а не выслушивать последние наставления Господа: на хлеб и вино они бросали оценивающие взгляды истинных гурманов.

Одно лишь портило непринужденную светскость церкви: тело мальчишки, вокруг которого расплылась лужа крови. Его Джеймс заметил прежде, чем пентаграмму перед алтарем, и самого Дэшвуда в монашеском одеянии, и дитя на его руках...

Джеймс рванулся вперед, но Агнесс повисла на его руке, не давая сделать ни шагу. Взгляд ее был прикован к малютке-принцу — вот о ком следует думать в первую очередь. И конечно, она была права.

— У нас гости! — возвестил призрак и неспешно отошел от алтаря — одна ступенька, другая. — Проповедник-полукровка и его прелестная воспитанница, невинная, как роза в теплице. Знаешь ли, ее невинность наводит меня на мысль, что ты не только наполовину человек, но и мужчина тоже наполовину. Другой на твоём месте давно бы полакомился.

— Придержи язык, Дэшвуд.

— Явись сия девственница на полчаса раньше, и племяннику твоему не пришлось бы истекать кровью. — Он кивнул в сторону скрючившегося тела.

Присмотревшись, Джеймс заметил, что племянник еще дышит, но, судя по луже, такой огромной, словно в ней вместились вся его кровь, жить ему оставалось недолго. Стало быть, добивать его не придется. Умрет одиннадцатый граф от кровопотери — то есть от естественных причин.

Совсем как его отец.

— Я думал, он с тобой заодно.

— Он тоже так думал. Но изменил свое мнение, узнав об участии леди Мелфорд. Он, кажется, ее любил.

Такова их доля, мужчин из рода Линден. Влюбляться не в тех женщин. Приносить горе тем, кого любят. Умирать дурной смертью.

— Чарльз, — позвал он, так и не совладав с жалостью.

Услышав свое имя, племянник зашевелился и попытался привстать. Левый бок насквозь пропитался кровью, из-за чего рубашка казалась маскарадным костюмом, сшитым из двух кусков разноцветной ткани. Запястья мальчишки задрожали, он вновь упал, но тем не менее он был жив. Джеймсу еще не встречался человек, который так цеплялся бы за жизнь. Если бы смерть занесла над ним косу, он схватился бы голыми руками за лезвие и держал, преодолевая боль в рассеченных ладонях, пока не иссякнут силы.

— Чем ты купил его, Дэшвуд? Обещал призвать дух его любимого монарха?

— Верно. Но вышла незадача: дух Красавчика Чарли не был мятущимся, поелику скончался принц в Риме, покойно и в довольстве, разжирев на папских харчах. Он не снизошел до randevu с нами.

— Поэтому ты сам решил вселиться в тело принца.

— Ты не лишен смекалки, полукровка.

Призрак покачал малыша, который сонно зачмокал и брыкнул толстыми ножками, когда его пяточки коснулась кружевная манжета. Как замороженная, Агнесс следила за взмахами полупрозрачной руки. Вот Дэшвуд заботливо погладил принца по голове, сминая золотой пушок на макушке, как вдруг...

Вывхватив свечу из первого попавшегося канделябра, Джеймс поднес ее к пропитанному бренди узлу.

— Еще раз прикоснешься к ребенку, и я тотчас сожгу твои кости!

Дэшвуд расхохотался.

— Я ошибся в тебе, проповедник! — проговорил он, впрочем возвращая дитя в корзину, стоявшую в центре пентаграммы. — Мнилось мне, ты гораздо умнее, однако же охота на гоблинов и прочую амбарную мелюзгу притупила твой разум. Навыки твои проржавели насквозь, точно алебарда, коей крестьяне вскапывают огород. Уже ль ты не догадался до сих пор, что я не из обычных духов?

Он щелкнул пальцами, и деревянные голуби сорвались с ободка крестильной чаши и взметнулись вверх, почти как живые, только вместо хлопанья крыльев слышался скрежет. Сделав круг под потолком, голуби вернулись на место. Призрак растянул толстые губы в улыбке.

— Силу свою черпаю я не из боли и страха или же неисполненных желаний, кои приковывают духов к земле. Мне дано бессмертие иного рода. Вот, гляди!

Джеймс и Агнесс успели отскочить, прежде чем за их спиной обрушился пол. От входа их отделял провал, из которого вырывались языки пламени. Один из них лизнул потолок и осыпался вниз снопом искр. Девушка вскрикнула, отшатываясь. Подол ее юбки вспыхнул бы, не будь ткань мокрой, а так лишь задымился.

— Никакая метель не загасит сие пламя. Ты можешь бросить в него мой прах и тлен, — предложил Дэшвуд. — Мне сие ничуть не повредит. Ну же! Выполняй приказ, отродье фейри.

Узел полетел в пламя и обратился в прах прежде, чем упал в расщелину.

Ловушка захлопнулась, понял Джеймс.

Пора.

— А теперь ты узришь, как войду я в тело принца и останусь в нем навечно. Ты волен провести обряд экзорцизма,

и не один, но я все равно не покину сей сосуд. Мы, люди Второй дороги, своего не упустим.

Джеймс подошел к Агнесс и обнял ее за плечи. Девушка вся дрожала — но не от страха. «Когда же?» — вопрошали ее глаза, и Джеймс едва заметно склонил голову. Почти готово. Расслабься. Тем игра и отличается от битвы, что в бой рвутся очертя голову и жадно глотая воздух, потому что каждый вздох может стать последним. Игре же присуща некая... игривость.

— О, Вторая дорога! — усмехнулся он. — По ней ступаешь, как по нежнейшему, благоуханному шелку. Всем-то она хороша, кроме одного — идти по ней приходится в одиночестве.

Призрак вздернул бровь.

— От жара ты повредился в уме и мелешь чепуху. Одиночество? О каком одиночестве речь? Ты был в нашей часовне в Медменхеме. Ты видел, сколько нас собиралось. Мы шли по Второй дороге веселой толпой.

— Да, вас было много, — допустил Джеймс. — Собутельники, сотрапезники, сообщники в преступлениях. Приятели. Но не друзья.

— С какой стати ты считаешь, что они не были мне друзьями?

— Просто предположение, но я хотел бы его проверить. Давай спросим их самих, Дэшвуд, считают ли они тебя другом. Агнесс, начинай!

— Пол Уайтхед! — громко, на всю церковь, выкрикнула девушка.

Ей уже не требовались ни круг из соли, ни колокол, ни планшетка с буквами, ни иные приспособления, возвращающие души усопших в мир живых. В эту ночь по ее жилам текла древняя сила, сродни той, что позволила Аэндорской волшебнице призвать дух пророка Самуила, и великий старец не смог отклонить приглашение. Каждое слово звучало, как приказ.

— Джон Монтагю, граф Сэндвич! — кричала она. — Томас Поттер!

Они появлялись один за другим, как картинки в волшебном фонаре. Одни выглядели, как полуистлевшие трупы, облаченные в ветошь, другие казались такими, какими были при жизни, в парадных камзолах и напудренных париках. Некоторые явились в монашеских облачениях с клобуками, но и эти, самые истовые «рыцари святого Франциска», под яростным взглядом Агнесс откидывали капюшоны и открывали лица.

— Джон Уилкс, — произнесла она последнее имя.

Джентльмен в скромном черном сюртуке встал в стороне, недобро посматривая на бывших приятелей, чьи проделки он когда-то предал огласке.

— Что здесь происходит? — осведомился он.

— Обряд вселения в иное тело, — подсказал Джеймс.

— Но здесь же только один ребенок, — заметил Пол Уайтхед, старик с благостным лицом профессионального сводника.

— Как бы, по-твоему, я приволок сюда еще одиннадцать младенцев! — огрызнулся Дэшвуд.

— Ты мог что-нибудь придумать! — зароптали члены клуба. — Ты мог найти нам другие тела! Или ты забыл про нас?

— Как можно, ведь вы его друзья! — возразил мистер Линден. — Имена друзей выжжены в наших сердцах. Их невозможно забыть.

Благообразие Уайтхеда как ветром сдуло. Глубоко запавшие глаза засверкали злобой.

— Я любил тебя, как друга! Я завещал тебе свое сердце, а ты пустил его в ход, чтобы обокрасть меня! Где мое тело, Дэшвуд? Сколько мне еще томиться в преисподней?

— Дайте мне срок! Я вернул бы вас всех к жизни, но в свое время, как только окрепла бы моя сила! А сейчас подите прочь, мне нужно это дитя.

— Это дитя нужно всем, ведь другое такое во всей Англии не сыщешь, — сообщил Джеймс. — Преклоните колени перед принцем Уэльским, джентльмены. Наследником престола. Будущим королем.

...Есть игры, в которые азартнее всего играть в большой компании, и одна из них именуется «музыкальные стулья»...

— Вот оно как, — прогнусавил один из братьев, тучный, как взаправдашний аббат. — А где, скажи на милость, ты отыщешь тела нам? В Госпитале подкидышей?

...Но если в игре задействован всего один стул, относиться к нему нужно с особой бережностью...

Джеймс и Агнесс обменялись быстрыми взглядами, и, как только Дэшвуд шагнул из пентаграммы и схватил бывшего приспешника за грудки, девушка подлетела к корзине. Вытащила ребенка, крепко прижала к груди и вместе с ним отступила за алтарь, скрывшись в полутемной апсиде.

Никто не пытался ее удержать.

Как бы ни возносился Дэшвуд, сколь бы силен он ни был, как и все призраки, он был выжимкой из прежнего себя, посмертной маской, наброском, сохранившим лишь основные черты. Из всей палитры чувств у призраков остается только одно, то самое, что довлело над ними в миг смерти. Этому чувству подчинено все их существо.

Отчаяние. Слепящий гнев. Страх за близких. Сожаление об упущенных возможностях. Гордыня. Алчность.

Перекрикивая друг друга, члены клуба сгрудились в проходе. В них не осталось ничего от пресыщенных господ, что с глумливой серьезностью служили черную обедню в часовне Медменхема. Вопя, толкаясь, брызгая слюной, такой же иллюзорной, как и их тела, они напоминали нищих в Троицын день, что собрались у стен замка Сент-Брайавелс и ждут, когда им швырнут традиционное угощение. А как полетят буханки хлеба и головки сыра, гомонящая толпа схлестнется в драке, и за мельканьем кулаков пропадут из виду лица друзей...

— Я родовитее тебя, Дэшвуд! — надрывался граф Сэндвич. Породистый нос трепетал, учуяв добычу. — Мои предки заседали в палате лордов, когда твои пасли овец в Кот-

сволде. Уж если кто-то достоин вселиться в тело принца, так это я!

— Ты, Сэндвич? Кретин, который ел, не отходя от карточного стола, и дал свое имя куску хлеба с мясом? Ты прочишь себя в короли?

— В ритуале задействовано мое сердце, так что прав на тело у меня поболее вашего! — не сдавался Уайтхед, награждая тумачами бывших приятелей.

— Из-за вас, ублюдков, я чуть было не лишился родины, — подал голос Уилкс. — Сдается мне, все вы у меня в долгу. И этот долг я верну сполна!!

Я. Я. Я.

Каждый из них хотел что-то для себя. Прежде всего для себя. Истинная самовлюбленность и неспособность любить кого-то другого. Любить самоотверженно. Любить, отдавая. Им хотелось одного, даже после смерти, — урвать свой кусок, погубив остальных. «Порода маленьких отвратительных гадов, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по поверхности земли» — не так ли сказал о людях доктор Свифт? Вот оно, подтверждение его слов. Именно алчность обеспечила им бессмертие, уродливое, но все же дающее надежду на перерождение — если удастся вселиться в подходящее тело...

Агнесс могла видеть их. И Джеймс мог их видеть.

Зато он никогда не увидит Лавинию, свою тайную жену. Не в его власти и не во власти Агнесс вернуть хоть на миг то, что принадлежит... Небу? А куда еще уходят любящие души? Или они растворяются в воздухе, весенним ветром и солнечными лучами пробуждая в живых сердцах новую любовь? И потому, быть может, люди способны влюбляться даже в этом новом мире, среди железа и дыма, невзирая на бедствия и хвори: потому что мы дышим любовью, которую кто-то отдал миру, умирая...

Джеймс вспомнил, как Лавиния смотрела на него потускневшим взором, смотрела, словно пыталась унести его образ с собой туда, куда уходила. Вспомнил, как ее глаза остановились и замерли губы, в последний миг предупре-

ждавшие его об опасности. Даже умирая, она думала о нем. Только о нем.

Она думала о нем, а он так и не сказал ей, что влюблен в нее, потому что это было бы ложью, а джентльменам не подобает лгать. Но теперь он уже не джентльмен, он часть кавалькады, что проносится зимней ночью над полями, и ничто не помешает ему дать волю своим чувствам.

А почувствовал он приближение одной из тех метелей, от которых вмерзают в дорогу почтовые кареты, а дома заносит снегом по самую подкову над дверью. Снежные вихри взвились вокруг него, упругие, как стебли, но зарево из бездны окрасило их в алый. Мелкая снежная крупа брызнула в сторону сцепившихся призраков. Искривленные злобой, их лица были неотличимы одно от другого, и не разобрать уже было, где Дэшвуд, а где его приспешники. Ветер, жальщий острыми льдинками, подхватил все сонмище призраков, как палые листья на исходе осени, и, закружив их, низверг в огненную пасть. Всех до единого, весь воющий, озлобленный клубок.

Преподобный Линден, ректор Линден-эбби, прочел бы им мораль напоследок, но достойный джентльмен был мертв, а тот, кто поднялся из его могилы, не признавал ни увещаний, ни покаяния — ничего, кроме вьюги, что замечает следы праведников и нечестивцев.

Пусть просто исчезнут.

Когда метель утихла, Джеймс постоял еще несколько мгновений. Жар от адской расщелины чувствовался по-прежнему, но скоро она должна зарубцеваться, ведь здесь не осталось больше ничего и никого, ей предназначенного.

Раздался тихий стон. Чарльз пытался приподняться, опираясь на правую руку, но пальцы скользили по луже вязкой крови. Побледневший, всклокоченный, в пропитанной кровью рубашке, он казался младше своих лет и напоминал подбитую птицу, которую за одно крыло достали из ягдташа.

Чарльз Линден, последний лист на некогда могучем родословном древе. Изменник короне и предатель семьи.

Глупый, озлобленный мальчишка. Сын его брата. Кровь от крови.

Джеймс протянул племяннику руку и терпеливо держал ее на весу, дожидаясь, когда же Чарльз заметит и примет помощь. Наконец взгляд мальчика собрался в одну точку, но было в нем столько ужаса, что Джеймс отпрянул в замешательстве. Что с ним? Все ведь уже закончилось.

Но, проследив за его взглядом, Джеймс обернулся и понял, что у этой истории никогда не будет счастливого конца.

— Какого рода клятву ты дал Дэшвуду? — спросил он племянника.

4

— Какой договор вас связал? — повторил Джеймс, нависая над племянником.

Тот прохрипел:

— Я поклялся, что мы вернем на землю Истинного короля и разделим триумф победы.

— И подписал договор кровью?

— Да.

Его левая рука свисала безвольно. Рана запеклась черной коркой, но от ее краев растекалась воспаленная краснота, словно ее обвели пальцем, смоченным в вишневом соке. Издали надрез походил на клеймо, какие в прежние дни выжигали на лицах преступников. «В» — «Вор». «Д» — «Дезертир». А «Л»?

«Лжец», — догадалась Агнесс.

— А если проиграем, — продолжил Чарльз, — то вместе сойдем в ад. Только я не думал, что мы проиграем.

— Конечно, не думал. Мальчишки никогда не верят в то, что проиграют, равно как и в свою смерть.

Джеймс указал на провал в полу, который раскрывался все шире, словно ненасытная глотка. До сих пор она до-

вольствовалась скамейками, но лакированная древесина только разжигала ее аппетит. Скоро пасть поглотит весь пол, плиту за плитой, захрустит колоннами, слижет желтую краску и гипсовые гирлянды со стен...

— Твой сообщник ждет тебя, Чарльз, и адова пасть не захлопнется, пока не глотнет твоей крови. Шагни в нее. Ну же, смелее.

По мраморному полу стелилась поземка. Ярости Джеймса было недостаточно, чтобы остудить марево над пропастью или заставить языки огня, взметавшиеся из нее, погаснуть с шипением, но лужа крови вокруг юного Линдена подернулась хрусткой коркой, а затем промерзла насквозь. Потемнела, покрылась сизым инеем. Растопырив пальцы, Чарльз уперся в лед ладонью и рывком поднялся на колени.

Выглянув из-за арки, отделявшей апсиду от нефа, Агнесс встретила с ним глазами. В них стояла мука, которую она уже видела прежде, когда отец ранил Ронана железным костылем. Мутные радужки, зрачки сузились. В груди у девушки теплой волной разлилось сострадание, но принц, зачмокав губами, высосал теплоту до последней капли. Кузену ничего не осталось.

Джеймс прав. За свой поступок предатель заслужил смерть. В этом мире у мужчин и так слишком много поблажек, чтобы оставлять за ними еще и право на слабость.

— Вот вы говорите «смелее», а я, того и гляди, штаны намочу от страха, — криво улыбнулся лорд Линден. — Я трус, сэр. Любой джентльмен на моем месте давно бросился бы туда, чтобы искупить свою вину. А я вот хнычу и никак не могу найти в себе решимость. Наверное, таким же мерзким и жалким я казался вам, когда вас вызвали ко мне в лазарет. Ну, помните?

— Этого мне никогда не забыть.

— Да, представляю, что там было за зрелище. Увидев вас, я поднял рев, точно мальчуган из Младшей школы, которого впервые волокут на колоду для порки. Я ведь подумал, что вы пришли меня исповедовать. А значит, конец

мне настал. Сначала вы меня исповедуете, а потом убьете, как моего отца.

— Я не убивал твоего отца, Чарльз, хотя то, что случилось, не было обычным происшествием на охоте. Этого ты ждал от меня столько лет? Чтобы я произнес эти слова?

— Допустим.

— А если бы я признался тебе раньше, ты бы мне поверил?

Чарльз подумал и печально качнул головой.

— Нет, сэр, не поверил бы, — сказал мальчик. — Но тогда, в лазарете, вы взяли меня за руку, и жар сменился холодом, а когда я разлепил глаза, то был уже здоров... Наверное, вы сожалеете, что сотворили для меня то чудо.

— Да, сожалею, — признался Джеймс. — Но все это уже не имеет значения.

— Что ж, я не стану просить у вас прощения, потому что в вашем мире все равно не прощают. В мире Третьей дороги. Но окажите мне последнюю милость.

— Смотря в чем она заключается, мальчик.

— Возьмите меня за руку, как тогда, и подведите к пропасти. А дальше я уж справлюсь как-нибудь. Пожалуйста, сэр. Сам я никак не могу решиться.

От обыденности происходящего у Агнесс кольнуло в сердце: казалось, дядя и племянник ударили по рукам, заключая пари, а потом Джеймс, нагнувшись, подхватил Чарльза под мышки и помог ему встать. Мальчишка стоял, пошатываясь. Хотя он потерял много крови, в его движениях не было скованности, в мышцах — оцепенения, и только страшная рана указывала на то, что смерть уже причислила его к своему стаду, пометила, как пастухи метят овец, алой краской по белому руну.

Ноги Чарльза заплетались, но дядя был терпелив. Наверное, точно так же он волок бы подгулявшего повесу из кабака, только вместо чана с ледяной водой Чарльза ждала пропасть. От нее исходил такой жар, что краска на потолке вздулась и пошла пузырями. Сглотнув, Агнесс наблюдала,

как очередная скамейка соскользнула вниз, обуглившись прежде, чем успела упасть...

— Подождите!

Они оба повернулись. Вернее, обернулся Джеймс, кузен же мотнулся вслед за ним, как мешок, набитый тряпьем. Но когда Агнесс подбежала поближе, лорд Линден приподнял голову и мазнул по ней мутным взглядом. Поморщился, увидев измятую распашонку Бerti.

— Прощай, кузина. Мне жаль, что наше знакомство оказалось таким недолгим.

Агнесс не нашла для него слов. Ей было жаль его, но гораздо жальче себя прежнюю. Ту мисс Тревелиян, что протянула бы руку грешнику — и не для того, чтобы вlepить ему пощечину.

— Агнесс...

Джеймс был еще бледнее племянника, словно в его жилах застыло ледяное крошево. В черных волосах сквозил иней, черты лица заострились, и глаза были прозрачными, как полыньи, но теперь Агнесс шагнула бы в них без трепета, не боясь уйти на дно.

— Я люблю тебя, — заговорил Джеймс. — И любил всегда. В день нашей встречи семена любви упали мне в сердце и долго потом прорастали, как подснежники сквозь зернистую корку льда. Но я не смел тебе сказать. Все ходил вокруг да около и не смел тебе этого сказать...

Агнесс выпростала руку из-под складок муслиновой распашонки. Двумя пальцами дотронулась до его губ. Они уже не казались ей обжигающе холодными.

— У тебя еще будет время.

— Да, безусловно, — прошептал Джеймс.

— А пока что поцелуй меня.

Нужно спешить. После того как он столкнет Чарльза в пропасть, его поцелуи всегда будут горчить на ее устах. Потому что нельзя удобрить сад костями родных и уповать, что от этого пышнее расцветут розы. Нельзя черпать воду из колодца, зная, что на дне разлагается труп. Никогда им с Джеймсом не познать всю полноту счастья, зато у них

будет семья, какая-никакая, а все же будет. Хотя бы это они заслужили!

Их первый поцелуй должен быть таким романтическим, чтобы трубадуры почли за честь воспеть его в балладах. Ведь оба они принадлежат к иному миру. Фейри и яснови- дящая. Дух зимы и та, что вобрала в себя все зимнее вол- шебство, сосредоточенное в одной ночи.

На деле же выйдет неловко, заранее огорчилась Агнесс. Сама она баюкала крепыша-принца, чуть встряхивая его, когда он начинал выскальзывать из занемевших рук. Джеймс придерживал за плечо племянника — тот уже не мог стоять. Даже обняться не получится, что уж говорить о пылких лобзаниях?

Зажмурившись, Агнесс почувствовала, как его губы скользят по ее щеке, чуть щекоча кожу. Такое зыбкое ощущение, но на него отзывалась каждая частица тела. Наконец их губы соприкоснулись. В груди стало тесно, словно плотно сжатый бутон сердца вдруг распался на множество лепестков. Лепестки были багряными, мягки- ми и бархатно ласкали ее внутри, а из сердцевины цвет- ка тянулись золотые тычинки, и каждая заканчивалась искрой.

— Я хотел бы с тобой еще о стольком поговорить. Я ведь почти не знаю тебя, Агнесс Тревельян.

— Я тоже хочу лучше узнать тебя... если ты позволишь мне. Если сочтешь меня достойной.

— Когда-то я был настолько ослеплен глупостью, что ду- мал, будто твой мир уместается в корзине с рукодельем.

Джеймс усмехнулся и рассеянно похлопал по плечу пле- мянника — тот застонал от резкого движения. Зачем так растягивать расправу, ведь каждую секунду мальчишка должен изнемогать от ужаса перед встречей с неминуе- мым? Но, присмотревшись, Агнесс заметила, что кузен так ослабел, что впал в забытие. Дядя явил ему своеобразное милосердие, присущее зиме: так замерзающие на улице дети представляют, что грызут пряники у рождественской елки. Чарльз ничего не почувствует.

— А пока я чванился, — продолжил Джеймс, — ты придумывала для меня невыполнимое задание. Ты сыграла со мной в игру, Агнесс. В древнюю игру, которую девушки играют с фейри. Хотя, наверное, и не догадывалась, что в таких играх ставится на кон.

— По-твоему, я слишком смелая?

— «Смелый» — это опасное слово, оно таит в себе похвалу и осуждение. Первое достается героям на поле брани, второе — девицам, что идут наперекор приличиям. Самой же смелой женщиной, кого я знал, была Лавиния...

«... и теперь она мертва, — подумала Агнесс и еще крепче прижала к себе Берти. — А сейчас за ней последует Чарльз, самый смелый мужчина из всех, кого знала я».

Зря Джеймс думает, что она сыграла с ним в ту игру по какой-либо иной причине, кроме безрассудства. На самом деле она жалкая трусиха. И многое бы отдала, чтобы упасть в обморок и не видеть, как погибнет кузен. Вот бы ему и вовсе не погибать...

Но с потолка сорвался кусок лепнины, и вслед за ним посыпалась известка. Провал охватил уже половину церкви, отрезая путь к двери. Из него уже не вырывались языки пламени, только зарево поднималось, как от раскаленных углей в жаровне. Угли тлели терпеливо, дожидаясь, когда на них зашипит кусок мяса. Агнесс развернулась боком, уберегая малыша от этого жара.

— Но я считаю, что ты хороша именно такой, какая ты есть, — Джеймс все говорил и не мог наговориться. — Вот такой я тебя и полюбил.

— А если бы я изменилась очень сильно? Так, что сама бы себя не узнала?

— Я продолжил бы любить тебя. Потому что в тебе есть то, что неподвластно никаким изменениям. Что-то твердое, настоящее. Как серебряная монета, запеченная в пудинге. Как жемчужина в раковине. Как колдовской камень-отолит в голове у рыбы. Держись за этот талисман и не давай никому его у тебя отнять. Потому что это и есть твоя душа.

— Спасибо, Джеймс. Ты открыл для меня новый мир.

— И тебе спасибо, Агнесс. Я счастлив, что мне довелось тебя знать.

«Совсем чуть-чуть осталось, и все закончится», — думала Агнесс. Но почему же их речи звучат, как прощание? Кажется, будто они говорят последнее слово друг у друга на похоронах.

— А сейчас нам пора. Иного пути нет. Не осуждай меня за то, что я собираюсь сделать.

Он взвалил племянника на плечо и потащил к пропасти. Голова Чарльза безвольно моталась. Волосы разметались по сторонам, легкие и сухие. Не в силах смотреть, как они вспыхнут, Агнесс зажмурилась.

— Нет, любимая, не закрывай глаза, — окликнул ее Джеймс.

Он стоял на краю пропасти. Сквозь потрескивание огня из недр доносились и иные звуки — далекие крики, далекие, но пронзительные, так кричат от неимоверной боли, пока кричащий не лишится сознания, но там, в огненной бездне, нельзя было сорвать голос, там страдания длятся вечно... Муки ада. Джеймс то и дело упоминал их в проповедях. Порою Агнесс задумывалась, что же представляют собой эти муки — что-то вроде физической боли или это боль иного рода, вечное осознание своей вины, стыда, своих утрат, одиночества и ненужности? Даже у чернейшего из грешников наверняка есть что-то, от чего может болеть его проклятая душа...

И на эти муки Дэшвуд обрек себя грехами, а Чарльз — своей бездумной смелостью.

Стоило ей открыть глаза, как Джеймс улыбнулся, чего она уж совсем не ожидала.

— Вот так лучше, — сказал он. — Никогда, ни при каких условиях не закрывай глаза пред лицом испытаний, Агнесс. Иначе ты погрузишься во тьму, а в ней обитает страх. Смотри в оба, наблюдай и подмечай, и тогда любые невзгоды будут тебе не страшны. Я вижу, как в твоих глазах разгорается тот огонек, который я так долго искал и не находил. Жаркий, полыхающий огонь отваги, а под ним —

твое упрямство, глубокое и земное, как залежи торфа. Зажги факел, любовь моя, и поднеси его ко всем своим страхам — вот увидишь, они скукожатся от огня, словно пауки. Это мое тебе благословение, Агнесс Тревельян. И слово мое крепко.

Чарльз пошатнулся, мраморный пол обрушился у самых мысков его сапог. Он оглянулся на дядю, хотел что-то сказать, но Джеймс оттолкнул его, швырнул туда, где еще не горело, не рушилось...

— Джеймс! — закричала Агнесс что было сил. Крик выворачивал ее наизнанку. В легких совсем не осталось воздуха, и когда Джеймс встретился с ней глазами, дыхания хватило только на одно слово: — Почему?

— Моя кровь зовет меня, — сказал он и не шагнул, а упал, раскинув руки в стороны, как падают в воду, только поглотило его ревящее, визжащее, рыдающее пламя.

И вмиг твердь сомкнулась, и мраморный пол вновь стал гладким, точно старый шрам. Но прежде чем оглушающая тишина обрушилась на церковь, Агнесс успела прокричать последние слова — бессмысленные, потому что их уже некому было услышать:

— Джеймс! Я люблю тебя. Я же тебя люблю.

Ребенок на ее руках стал тяжелым, как земной шар, и, чтобы не уронить его, она опустила на колени, а когда даже эта поза стала невыносимой, легла на каменный пол. Она повернулась на бок, согнув в коленях ноги. Прижала принца к груди. Сквозь опийный дурман он почувствовал холод и захныкал сначала тихонько, но потом все громче и требовательнее. Плач принца доносился до Агнесс откуда-то издалека, словно бы со дна колодца. Она не знала, чем утешить Берти и как его убаюкать.

Ею овладело странное оцепенение. Казалось, что кости ее стали ломкими, как прихваченные морозом стебли осоки, мышцы слиплись комьями заиндевевшей травы. В голове не оставалось ни одной мысли. Она только и могла, что таращиться в пустоту и отмечать про себя, что вот в дверях появился чей-то силуэт и, приволакивая ногу, движется

к ней. Когда ее безвольные пальцы разомкнули, отнимая у нее младенца, Агнесс приоткрыла рот, но не смогла закричать.

— Мисс Тревельян, ох, мисс Тревельян! Крепитесь, мое милое дитя, подмога уже близко, — раздался над ней смутно знакомый голос. — Все будет хорошо, теперь-то будет.

Она держала глаза открытыми, как и велел Джеймс, но в зрачки хлынула тьма, наполняя ее голову густой, вязкой тяжестью и оттуда растекаясь по всему телу. Больше вглядываться было не во что. Смежив веки, Агнесс пошла на дно.

А когда очнулась, вокруг все было черным-черно, и то был мир, в котором ей предстояло жить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Каменная стена склепа была холодной, как айсберг, но Агнесс терпеливо стирала изморозь, пока не проступили буквы: имя и дата рождения и смерти, а ниже подпись «Нет больше той любви...». Евангельский стих оборвался на середине и оттого приобрел совсем иное значение. Той любви и правда больше нет...

Мисс Тревельян подула на окоченевшие пальцы и поплотнее укуталась в шерстяную шаль, латаную-перелатаную, но довольно теплую. Поутру она выменяла у служанки шаль, а заодно и застиранное платье из голубого ситца, на наряд из серого фуляра, который стоил бы гораздо дороже, если бы не пятна грязи и травы по всему подолу — никаким щелоком не выведешь. Ощупывая шелк, горничная ворчала. Что ж это за девица, раз так плохо следит за вещами? Оно и понятно, кабы была знатной леди, так ведь голь перекатная, даром что словеса плетет, как благородная. Ей бы над каждым платочком трястись, а не марать шелка, словно она по три раза на день платье переменяет. А кромка чем запачкана? Да не кровь ли это?

Пропуская мимо ушей брюзжание, Агнесс читала недельной давности «Иллюстрированные лондонские новости», которые служанка постелила ей вместо скатерти, водрузив на газету нехитрый завтрак жилицы — хлеб с маслом и жесткую, как подошва, копченую селедку в до-

полнение к остывшему чаю. Убористый шрифт оповещал лондонцев о свадьбах и крестинах, раздаче церковных должностей и, конечно, о похоронах. В разделе некрологов взгляд зацепился за знакомое имя, и через несколько минут Агнесс опрометью мчалась на улицу, размахивая страницей, к которой еще липли хлебные крошки. Угрюмый кэбби взялся отвести ее на север Лондона, хотя и не мог взять в толк, какое отношение скромная особа имеет к баронессе, похороненной на кладбище Хайгейт. Не родственница же, в самом деле?

Кладбище Хайгейт открылось три года назад и напоминало скорее парк на склоне живописного холма, чем обитель смерти. Несмотря на промозглую погоду, по аллеям совершали променады семейные пары. Склепов было не так много, а молодые саженцы, которым еще предстояло укутать кладбище сообразной настроению тенью, едва доходили прохожим до пояса. Исключением был высокий ливанский кедр, окруженный хороводом усыпальниц.

Спуститься в Ливанский круг, как назывался этот участок кладбища, было все равно, что шагнуть в осушенный ров. Узкая дорожка, по обе стороны которой высятся портики с наглухо закрытыми дверями, а если поднять голову, виден ствол кряжистого кедра. Там, сверху, лай собак и крики детей, гоняющих обруч по колкой от инея траве. Внизу — влажная стылая тишина, как в погребу.

Агнесс пришлось несколько раз пройти по кругу, прежде чем она прочла нужную фамилию над одной из дверей. Лавиния Мелфорд, в девичестве Брайт. Агнесс стояла перед ее склепом, как, наверное, замерла бы у дверей ее особняка — закусив губу, не зная, что сказать. В иллюстрированных журналах ей попадались гравюры с обнимающими надгробия девами, но она не была уверена, что имеет право на столь пылкое изъяснение чувств. Было бы Лавинии приятно, если бы она преклонила колени у ее гробницы? Кто знает, ведь Лавиния была переменчивой, как ветер — во всем, кроме одного.

— Спасибо, — начала она, переминаясь неловко, словно произносила тост в незнакомой компании. — Когда я была голодна, ты накормила меня, когда я дрожала от холода, ты согрела мне воды, когда нуждалась в утешении, у тебя нашлись для меня правильные слова, а когда я оступилась, твое наказание не было даже вполтину таким суровым, какое я заслуживала. Ты была права, Лавиния, мне следовало ценить то, чем одарила меня судьба. Я не послушалась тебя и упустила свое счастье.

Слова клубились у ее лица теплым белым паром, но быстро растворялись в морозном воздухе.

— Жизнь кажется мне похожей на огромное разбитое зеркало. Вроде бы в каждом осколке отражается все то же самое, но немного иначе, как будто в искаженном виде. Вытащи мы другие осколки, Лавиния, и, быть может, все сложилось бы по-другому. Мы могли бы стать лучшими подругами — или никогда бы не встретились. Но мы... мы вытащили какие-то неправильные осколки... и вообще все, все неправильно! Так не должно быть! — Отчаянный крик вспугнул ворон, рассевшихся на ветвях кедра, и в их рассерженном карканье потонули ее всхлипы: — Ни одна история не должна заканчиваться... вот так.

Промокнув слезы бахромой шали, Агнесс вытащила из кармана записную книжку, между листами которой был заложен засохший цветок. Когда-то он выпал из дневника Чарльза — как давно это было, словно бы годы назад! Алые лепестки выцвели, стебель истончился до нитки, но так жалко расставаться с последней наперстянкой, ведь ничего больше не осталось в память о Джеймсе. Подцепив цветок окоченевшими пальцами, Агнесс просунула его в щель под кованой дверью.

— Я не знаю, где ты, но, наверное, тебе там лучше, чем здесь. Иначе ты пришла бы ко мне, правда? Как все те, кто не обрел покоя. Но если тебе что-то понадобится, приходи, ты ведь знаешь, где меня найти. Я отправлю тебя туда, куда ты захочешь попасть. Я медиум. Я помашу тебе вслед.

Она встала, отряхнув землю с колен, и, пока шла по Ливанскому кругу, слышала тихое шуршание за спиной, а когда чуть обернулась, уловила краем глаза разноцветную рябь. Из-под двери пробивались тугие зеленые стебли, и ползли вверх, цепляясь за щеколды и петли, и вспыхивали алыми огнями. Но эта сцена была слишком личной, принадлежавшей только Лавинии, и Агнесс не смела долго ее разглядывать.

2

Куда же теперь податься, задавалась вопросом девушка, пока подпрыгивала на сиденье кэба.

Ее возвращение из Вест-Вайкомба было окутано туманом, и когда Агнесс пыталась восстановить события, память заедала, как ящик стола, и не желала являть свое содержимое. Первым четким воспоминанием было пробуждение в доме Линденов. Спальня была нетопленной, да и сам дом стал чужим, с гулким насмешливым эхом на лестнице, с запахами восточных сладостей в гостиной, от которых накатывала тошнота.

Наскоро собрав то, что она считала своим, Агнесс на цыпочках выскользнула из дома и поехала по тому единственному адресу, который пришел ей на ум. Мистеру Рэкренту не понадобилось много времени, чтобы пересчитать те шиллинги и пенсы, которые чудом оказались в одном из ее карманов. Оценив ее финансы, домовладелец предложил сдать «интерьер не самый изысканный, зато комфортабельный, с прислугой и столом». Означенные апартаменты располагались в недрах Уайтчепела, но Агнесс была согласна на любую конуру, лишь бы ей дали выплакаться вволю. Сколько она провалялась в чердачной комнатушке, прячась от сквозняков под дырявым одеялом, девушка в точности не помнила, но, судя по тому, что успели пройти ее ежемесячные недомогания, не менее недели. А слезы никак не заканчивались, словно лондонская сырость наполняла ее гла-

за влагой. Возможно, она пролежала бы так до конца года, если бы за завтраком на глаза ей не попался тот самый некролог.

Визит на кладбище подействовал на нее неожиданным образом: разрозненные мысли сложились в общую картину, и ей стало понятно, что же делать дальше. Она должна почитать память Джеймса и Лавинии, пусть та и не стала ее подругой. Ей предстоит облечься в траурное платье, которое сменит только на саван, потому что радость ушла из ее жизни, ушла безвозвратно, и нет нужды это отрицать.

Агнесс запустила руку в карман, но он был возмутительно пуст, а за взмах ресниц ей не продадут даже черную ленту на капор.

Вздохнув, она дотронулась до груди, нащупывая подарок селки. Согретые теплом ее кожи и оттого казавшиеся живыми, жемчуга перекатывались, не даваясь в руки — предчувствовали, какая участь их ждет. Девушке не сразу, но все же удалось снять ожерелье. Оно едва помещалось в озябших ладонях, вскипало морской пеной.

Жемчуг — к слезам, напомнила себе Агнесс. И разве не для того Ронан оставил ей этот дар, чтобы она, при нужде, оплатила себе обратную дорогу в мир людей? Чтобы жить среди них теперь, ей понадобятся деньги на траур. Черный цвет сотрет улыбки с лиц прохожих и притупит остроты, окутает ее коконом, в котором останется место лишь для двоих — для нее и ее скорби.

В последний раз Агнесс поднесла ожерелье к уху. Крик чаек, шуршание волн о гальку, а вдалеке — отрывистые гортанные звуки, но ничего из этого уже не занимало ее. Если рядом нет Джеймса, Третья дорога покажется такой же унылой, как первые две.

«Я так и не сказала, что люблю его. Он меня не услышал».

Ссудную кассу пришлось искать долго. Агнесс робела, приставая с расспросами к прохожим, и говорила так тихо и сбивчиво, что те быстро теряли терпение. Озвучивать просьбу чуть громче было стыдно. В детстве она часто сопровождала мать к ростовщику, когда та носила заклады-

вать свой корсет, который выкупала, как только приходило вспомоществование от лорда Линдена. Агнесс закрывала лицо фартучком, если мама и приказчик вступали в жаркий спор по поводу степени поношенности корсета. Когда же предметом дебатов становилась шнуровка, девочка лезла под прилавок. Из этого убежища ее сразу же извлекала мать, дабы Агнесс послужила ростовщику немым укором и он надбавил несколько пенсов.

Щурясь от ледяного ветра, девушка проходила улицу за улицей и вглядывалась в вывески, но ни одна из них не служила опознавательным знаком ломбарда, этой юдоли горя и невзгод. Все как одна, лавки выглядели опрятно. Краску на вывесках подновили по случаю праздничного сезона, а стекла витрин отмыли от копоти и протерли так тщательно, что казалось, будто ничто не отделяет прохожих от пирамид из фарфоровых чашечек или золотых часов, гроздьями свисавших с разлапистых подставок. Рядом с тушками кроликов в мясницкой лавке болтались веточки омелы. То тут, то там виднелись гирлянды из остролиста, на которых капельками крови проступали алые ягоды.

«К чему украшения, если до Рождества почти месяц», — думала Агнесс, хотя для нее праздники в любом случае не наступят. Не придется целоваться под омелой, отбиваясь и хохоча, и язык не защеппет от корицы в пунше, и глаза не вспыхнут при виде горящего пудинга, от которого пахнет изюмом и бренди. Вместо хрустящего снега под ногами будет хлюпать слякоть. Слишком много слез пролилось на страницы ее жизни, все строчки размыло до серой муты.

Но жить-то все равно нужно. Вместе с ней пропала бы ее память, все те обрывки воспоминаний, где они с Джеймсом пили чай, шутили и пикировались, ловили призраков и перебрасывались цитатами из пророков. И тот последний лоскут, где он поцеловал ее, прежде чем прыгнуть в огонь. Из этих лоскутьев она сошьет себе одеяло и заберется под него с головой, уж что-что, а махать иглой она умеет, и стежки получаются ровные. Главное, сосредоточиться на

работе и чтобы никто не мешал, так что без черного платья не обойтись. Пусть весь мир оставит ее в покое.

За спиной раздавался мерный перестук копыт. Агнесс оглянулась и увидела карету, которая следовала за ней уже не первый квартал. На всякий случай девушка еще попетляла по улицам, чувствуя, что в желудке разрастается ком, тяжелый, как кусок сырого теста. Кто преследует ее и что им нужно? Оконце кареты было занавешено наглухо. Надвинув цилиндр на лоб, кучер глядел на нее бесстрастно, хотя и гнал лошадей за ней по пятам, неотвратимый, как само время.

Наконец ломбард отыскался в глухом переулке, где шансы повстречать знакомых были невелики. На витрине пылилась всевозможная утварь, от крестильных ложек до лоханей и утюгов размером с наковальню. Тускло поблескивали цепочки, рассортированные по длине, медальоны приоткрывали створки, словно устрицы, а в некоторых видны были миниатюры и тусклые пряди волос. Горло сдавил спазм. Неужели ее жемчуга тоже лягут на пыльном сукне, рядом с табакерками, погнутыми шляпными булавками и застиранными носовыми платками? Но дверь в ссудную кассу была призывно открыта, и закладчица, потупившись, скользнула внутрь.

Из полутемной прихожей, где толпились ее товарищи по несчастью, она попала в коридорчик, вдоль которого были расположены с полдюжины дверей. Планировка ломбардов была ей хорошо знакома. Каждая из дверей ведет в кабинку, выходящую к прилавку, дабы посетители могли сохранить последние крупницы достоинства и спрятаться от чужих глаз. Впрочем, через перегородку всегда можно заглянуть, особенно если из кабинки доносятся громкие крики и брань. Об этом Агнесс тоже знала не понаслышке.

В выбранной кабинке было тесно и пахло сыростью. Вздохнув, мисс Тревельян приготовилась ждать, поскольку приказчик с гладко зализанными волосами не выказывал к ней ни малейшего интереса. Потребовалось немало покашливаний, чтобы привлечь его внимание, а когда он ото-

рвался от гроссбуха и вразвалочку подошел к прилавку, мокрые губы презрительно кривились.

— Ну, показывайте, чего принесли. — Он протяжно зевнул. — Что у вас там, мисс, небось брошка аль муслиновый платочек — от милого дружка презент?

Девушка молча протянула ему ожерелье. Выпучив глаза, приказчик взял жемчуга, но сам оценивать их не стал — побежал за управляющим. В душе Агнесс шевельнулась радость. Значит, жемчуга поистине ценны и за них можно выручить неплохие деньги. В таком случае, хватит не только на траурное убранство, но и на квартиру, а там уж она придумает, чем жить дальше.

Понятно, что в Линден-эбби ей не суждено вернуться. Значит, придется подыскивать место гувернантки, давать объявления в газетах, а это процесс долгий и хлопотный. Чем-то же надо перебиваться, пока ей не придет ответ из торфяных топей Поуиса или графства Мейо.

При виде управляющего, вокруг которого, точно рыбешки вокруг кита, крутились клерки, у нее упало сердце — с таким господином каши не сваришь. Управляющий был отменно толст, суров и посмотрел на Агнесс так, словно обнаружил ее руку в своем кармане. Жемчуга он уже успел припрятать.

— Значит так, мисс, — начал джентльмен, наваливаясь на прилавок, — всем закладчикам мы задаем следующие вопросы: «Как ваша фамилия?», «Является ли товар вашей собственностью?» и «Где изволите проживать?» Вникли?

Девушка зачарованно кивнула.

— Ну так вот, на какой из этих трех вопросов вы не сможете дать честный ответ?

Ни на один, опечалилась мисс Тревельян. Своей фамилией она разбрасываться не собиралась, чтобы ее не выследил мерзавец-кузен («А не он ли в той карете?» — пронеслась мысль). Постоянного жилья за ней не значилось, а что до принадлежности жемчугов, тут дела тоже обстояли непросто. По совести они принадлежали матери Ронана, а по закону — мистеру Ханту, которого она рас-

терзала в море, после чего другие селки сожрали его плоть и раздробили кости. Вдаваться в такие подробности не хотелось.

— Какую вы предложите цену?

— Тридцать фунтов, — последовал ответ.

— Я согласна.

С потяжелевшими карманами Агнесс покинула лавку, а когда, проплутав по переулкам, вышла на Друри-лейн, сразу увидела карету. Мальчишка-метельщик настойчиво стучал в окно, предлагая пассажирам выглянуть и ознакомиться с его изящными набросками, сделанными метлой по грязи, но никто ему не открывал. Значит, в карете не лорд Линден. Тот не отказал бы себе в удовольствии вздуть юного художника ручкой метлы. Как хорошо, что не придется еще раз увидеть спесивое лицо, наглую усмешку и зазор между зубами!

Отсюда она держала путь в траурный салон «Джея и Ко», то самое здание, с которого началось ее знакомство с Лондоном. Какая злая ирония! Она оглядывалась на себя, глупышку в усыпанном незабудками платье, и вспоминала, с каким восторгом разглядывала высокие дома и роскошные магазины, каждый из которых казался ей пещерой Али-Бабы. Могла ли она тогда подумать, что вновь вернется на Риджент-стрит, но не ради вееров и кружевных воротничков, а чтобы навсегда зачехлиться в черное платье?

На примерку ушло больше двух часов, и еще полчаса — на то, чтобы отбиться от двух нахальных приказчиц. Тарахтя, как две сороки, они наседали на покупательницу с двух сторон и навязывали ей то писчую бумагу с траурной каемкой, то набор украшений из гагата, а под конец предложили самую модную услугу — герб покойного, нарисованный в черно-белой гамме на деревянном щите, который затем вешался над парадным входом. Тот факт, что у покойного не было герба, а у скорбящей — парадной двери, не остудил пыл продавщиц. Пришлось спасаться бегством.

Сумерки успели сгуститься, и, нырнув в них, Агнесс растворилась бы в вечернем городе, если бы не бледное лицо с припухшими от слез глазами. Идея прикрыть лицо плотной вуалью была отброшена сразу же, иначе идти по скупому освещенным улицам пришлось бы на ощупь. Агнесс же предстояло нанести еще один визит.

Гвардейцы у ворот Букингемского дворца шагнули ей навстречу, преграждая дорогу. На фоне их алых мундиров фигурка в черном платье казалась крохотной, как уголек, и столь же незначительной.

— Мне нужно поговорить с королевой.

Стражи переглянулись.

— Вам назначено, мисс?

В пансионе на уроках словесности девочек учили, как правильно составлять письма пэрам светским и духовным, кого называть «ваша светлость», а кого просто «милорд», какой выбирать тон, чтобы он казался в меру почтительным, но без подобострастия. «А с каких выражений начинать письмо к королеве?» — подняла руку мисс Тревельян и за свою дерзость на неделю была оставлена без сладкого. «Ни в каких, милое дитя. Письмо от нетитулованной особы королева даже не откроет». Назначать же встречу с ее величеством в удобное для себя время было таким несусветным нахальством, что лишиться пирожков с патокой можно было до конца жизни. Сладкое не подают ни в Бедламе, ни в тюрьме.

«Я медиум, — скрипнула зубами Агнесс. — Значит, почти что ведьма. Крюк, с петли слети, пришлеца впусти».

— Мне назначено, — отчеканила он. Если наглость выручала лорда Линдена, пригодится и ей. — Передайте ее величеству, что пришла мисс Тревельян, и ждет встречи.

Но гвардейцы и не думали двигаться с места. Приглядывались к ней, словно пытаясь на глаз оценить голубизну ее крови.

— Я, конечно, могу уйти, — чуть тише сказала гостья. — Но тогда вам самим придется объяснять королеве, почему вы прогнали ее хорошую знакомую. — Гвардейцы моргнули. — Возможно, вас сразу отчислят из дворцовой охраны, но это в лучшем случае.

— В лучшем?

— Да, ведь сначала королева может вызвать вас на разговор. Вы же помните, что случилось с герцогиней Сазерленд?

Судя по тому, какой трепет эта история вызывала в придворных кругах, королева должна была самое малое освежевать несчастную статс-даму. Так или иначе, намек был понят.

— Пойдите здесь, я сейчас вернусь, — бросил один из гвардейцев, поручив гостью заботам своего коллеги. В его обществе ей предстояло провести ровно пять минут, после чего ее спешно препроводили во дворец.

Когда впервые она поднималась по парадной лестнице, сердце билось так гулко, что заглушало отзвуки эха, а от роскошных интерьеров приходилось жмуриться, как от брызг расплавленного золота. Казалось, все это было давно, годы назад, если не века. Девушка не чувствовала ни восторга, ни трепета, словно всю жизнь только тем и занималась, что навещала августейших особ в их резиденциях. Даже в гостиной она, как ни силилась, не смогла разглядеть игры зеленых и золотистых оттенков, так впечатлившей ее в первый раз. Вместо живых красок в глаза бросалась позолота и запылившийся бархат гардин. Если бы не знать, что гостиная называется Зеленой, Агнесс ни за что бы не распознала ее цвет.

«Все потому, что мои глаза подернулись пеплом. Внутри меня пепелище, и ветер вздымает вихри серой пыли».

Не прошло и получаса, как в гостиную вошла королева. Ее походка потяжелела, хотя и сохранила упругость, лицо округлилось, а на щеках проступили неровные темные пятна, как пенка на топленом молоке. Нежно-голубое шелко-

вое платье с более высокой, чем того требовала мода, талией едва скрывало округлившийся живот.

Подумать только, сколько тревог ей пришлось пережить в столь деликатном положении! Другая слегла бы от тревожений, но Виктория выказывала завидную волю к жизни. Увидев посетительницу, она сложила губы в приветливую улыбку и отозвалась на реверанс энергичным кивком. Агнесс вздрогнула. Трудно было забыть, как королева стояла поодаль, когда гвардейцы привязывали ее к креслу, и смотрела с тем безразличным равнодушием, словно на ее глазах курице сворачивали шею.

С другой стороны, государыня не виновата в том недоразумении. Это ведь кузен Чарльз всех так одолжил. Сплел силок со множеством петелек, куда попались все, включая его самого. Вот только он заплатил за свободу царапиной пониже локтя. А Джеймс погиб...

— Милая мисс Тревельян! — заворковала королева и указала ей на кресло, но Агнесс осталась стоять. — Если в дальнейшем вы захотите повторить визит, будьте добры назначить аудиенцию через лорда-камергера, но в любом случае, я так рада, что вы ко мне заглянули! От вас не было ни весточки!

— Я пришла за своим вознаграждением, — проронила Агнесс, заливаясь краской. После этих слов королева сочтет ее особой расчетливой, во всем ищущей выгоды, но другого пути нет.

— Вознаграждением? Ах, да. Вы хотите сказать, компенсацией за причиненное вам неудобство. Я должна принести вам извинения, мисс Тревельян, мы действовали сгоряча и обошлись с вами слишком сурово. Как потом объяснил нам лорд Линден, в ваших словах была доля истины.

— Лорд Линден? — Агнесс не верила своим ушам.

— Да. Ваш кузен, — напомнила королева.

— Он... посмел что-то вам объяснять?

— Не кипятитесь так, Бога ради. Ваш кузен действовал из лучших побуждений. Такой милый молодой человек!

Она улыбнулась и зачем-то поправила прическу — колечки кос, плавно огибавших уши и собранных на затылке в гладкий кренделек. Неужели этот втируша и ее очаровал?

— Когда заговорщики похитили Берти — я до сих пор содрогаюсь от одной лишь мысли об этом! — лорд Линден пустился за ними вдогонку. Отыскав их логово, он выяснил, что заговорщики — это не кто иные, как чудовища, — все, как вы сказали, мисс Тревельян, никто этого уже не отрицает. Наш славный лорд Линден вступил с чудовищами в схватку, но силы были неравны, и он получил тяжкую рану. Как раз тут подоспели вы вместе с лордом Мельбурном.

— И с моим опекуном, — угрюмо добавила Агнесс.

— С ним тоже. Это по нему вы носите траур?

Взгляд голубых глаз навывкате ощупал шершавый бомбазин платья и черные креповые нашивки на подоле, которые успели съежиться от сырости. Черный капор и отброшенная назад вуаль тоже были встречены одобрительно, как и брошка из гагата, стянувшая высокий воротничок. Еще уместнее смотрелся бы стеклянный медальон с прядью волос покойного, но Агнесс не успела ее отрезать.

Ни на что ей не хватило времени. Даже сказать, что она его любит.

— Да, мадам. И буду носить вечно.

— Достойное желание, мисс Тревельян. Если бы моего ангела не стало, я бы тоже облеклась в черное на веки вечные. Хотя даже представить не могу, каково это — никогда не снимать вдовий чепец, — покачала головой королева. — Наверное, очень тяжело.

— И очень одиноко. Пусть вам никогда не случится познать такое горе.

— Да, я тоже молюсь о том, чтобы эта беда обошла нас стороной. Альберт здоров и полон сил, он настоящий охотник.

«Джеймс тоже был охотником, и я любила его, но не успела ему сказать, еще бы миг, еще бы один миг...»

— Что еще поведал вам лорд Линден? — спросила Агнесс, подхватывая провисшую нить разговора.

— Чудовища напали на вашего дядю и растерзали его, — мне очень жаль, мисс Тревельян, мне, правда, очень жаль. Но в последний момент лорд Линден нанес убийцам решающий удар. Ах, когда он рассказывал об этом, я не могла слушать без слез. Такая жестокость! Такая вопиющая жестокость! Одно утешение, что злодеяние было делом рук чудовищ, иначе впору бы разочароваться в человечестве. Альберт, кажется, не до конца поверил всему. Мне же достаточно и того, что мой дорогой лорд М. подтвердил сказанное. Ужасная сцена произошла на его глазах.

Завздыхав, королева присела на диван. Разгладила юбки, провела пухлыми пальчиками по плечам, расправляя кружевной воротник. Кружева были тонкими, молочно-белыми, будто искусный кондитер вывел их глазурью на гладком голубом марципане.

— Что же все это время делала я?

— Вы оберегали мое дитя, милая мисс Тревельян. Благодарю вас, — улыбнулась королева. — Своим поступком вы снискали вечную признательность своей королевы. Но если этого мало, вы, безусловно, вправе просить иного вознаграждения. Я вас слушаю.

— Пусть на моем дебюте мне будет позволено предстать в черном, — выпалила девушка. — Я не сниму траур даже ради визита в Сент-Джеймс.

— В Сент-Джеймс?

— Разве представление ко двору проходит не там?

Джеймс Линден хотел бы этого. Сколько раз она вспоминала тот день перед их спешным отбытием в Лондон, когда они пили чай в ризнице и разговаривали о представлении при дворе, казавшемся тогда самым волнительным событием в ее жизни. О, если бы она знала, какие испытания ее ждут! Но раз уж Джеймс так настаивал, она получит все положенные ей почести. В полном объеме.

— Ах, вот вы о чем, — сказала Виктория, поскуцнев.

Она задумчиво потерла ручки, и Агнесс не могла отделиться от мысли, что пальцы ее должны быть липкими от тех засахаренных кружев.

— Мисс Тревельян, мне не хочется снова вас огорчать, но... но королева должна быть тверда в своих принципах. Представления при дворе не будет.

— Но... почему? — воскликнула Агнесс, теряя самообладание.

Давно она не чувствовала жгучей обиды и даже уверилась в том, что ее онемевшие чувства уже не способны так накаляться. К щекам прилила кровь. Они полыхали, словно над ними, как над сырым пирогом, держали раскаленную докрасна лопатку-«саламандру».

— Принять вас при всем высшем свете значило бы одобрить ваше поведение. Этого сделать я не могу.

— Но ведь... но ведь я сражалась наравне со всеми!

— Именно. Вы сражались наравне с мужчинами.

Королева покрутила в руках диванную подушечку и, дав ей шлепка, отбросила подальше. Мелкие зубки впились в нижнюю губу. Заметно было, что бестактность гостьи прищлась ее величеству не по душе. Даже неблагоприятный поступок можно завернуть в молчание, как пилюлю в хлебный мякиш, и в таком виде проглотить, но зачем же привлекать к нему внимание? Да еще так громогласно.

— Ваши поступки, мисс Тревельян, заслуживают похвалы — но никак не подражания. Если я приму вас при дворе, а после вести о вашей выходке разнесутся по Англии... последствия будут ужасные. Респектабельность упадет в цене. Вскружатся многие головы. Подумайте сами — стоит королеве один раз оправдать такое поведение, и мораль будет подорвана. В следующий раз женщины этой страны захотят чего-нибудь совсем запредельного... даже и не знаю... права заседать в парламенте. Вы не можете меня не понять.

Девушка помолчала, затем сделала реверанс:

— Я вас понимаю. Всего доброго, ваше величество.

Королева смотрела на нее сочувственно, хотя и чересчур пристально, словно запоминая ее черты на случай,

если еще придется увидеть их на гравюре в «Ньюгейтском вестнике».

— И вам всего доброго, мисс Тревелиян. Храни вас Господь.

Никогда еще Агнесс не обуревало такое желание хлопнуть дверью, оставив за собой если не последнее слово, то хотя бы звук. Но выходка столь ребяческая подтвердила бы, что королева придерживается о своей спасительнице ровно такого мнения, какого та заслуживает, поэтому Агнесс долго пятилась, как диктовал придворный этикет, и мягко затворила дверь.

Недаром лорд Мельбурн говорил, что королева сама определяет границы своего круга. Об их наличии узнаешь, лишь когда они возносятся перед тобой, подобно хрустальной стене. Можно кричать и биться о прочное стекло кулаками, размазывая кровь с разбитых костяшек, но все равно никто не услышит.

В коридор Агнесс шагнула вслепую. Как ни пыталась убедить себя, что на фоне прочих потерь королевская немилость лишь пустяк, слезы рвались наружу и на все увещания отзывались так же, как прорвавшаяся плотина, — никак. Прислонившись к двери, Агнесс вытерла слезы широкими манжетами. Вот и начал ей пригοждаться траур, не зря же она заплатила за него такую цену.

Алые ковер и обои расплывались перед глазами, и девушка обрадовалась, заметив чуть поодаль фигуру в черном фраке. Кого-то из придворных послали ее проводить, ведь сама она вовек не найдет отсюда дороги.

— Мисс, — раздался резкий голос, и «с» он произнес как «з».

Агнесс тут же выпрямилась. Нет, рыдать при Альберте она себе не позволит. Много чести.

— Ваше королевское высочество, — хриловато сказала она.

— Я должен поблагодарить вас за помощь.

— Должны.

— Благодарю, — процедил принц, но в его холодных синих глазах читалось «Пошла прочь, ворожея».

Когда-то его соотечественники составили энциклопедию нечисти, в которой с германской дотошностью разобрали по косточкам все проделки ведьм и столь же методично разработали процедуру допроса, сдобрив ее пытками. А потом, когда ученые разуверились в том, что закон тяготения можно преодолеть с помощью метлы, колдуний все равно ловили, хотя приговаривали уже не к костру, а к плетям и позорному столбу, дабы шарлатанки не смущали суеверные умы.

Дай принцу волю, и он применил бы к ней старинный способ по усмирению ведьм, опробованный на знахарках, повитухах и женщинах, у которых хорошо доились коровы. Жаль, времена не те. Только и остается, что зловеще улыбаться.

Тут Агнесс вспомнила, что тоже думала о принце немало дурного, и почувствовала укол совести. Вместо того чтобы фыркнуть, она присела в глубоком реверансе — принцу приятна почтительность, а с нее не убудет.

— Мой сын... — вдруг начал Альберт.

Вошедшая в сердце иголка заметно увеличилась в диаметре.

— Как чувствует себя принц Уэльский?

— Мальчик изменился. Он уже не выказывает прежнего послушания.

«Господи, ему всего годик, о каком послушании идет речь?» — чуть не вырвалось у Агнесс, но его высочество продолжил:

— Он позволяет себе выходки, которых за ним не наблюдалось прежде. Лягает нянек, когда его пеленают. Бросается едой, хотя о том, что мотовство до добра не доведет, следует помнить в любом возрасте. Кричит так, что у леди Литтлтон делаются мигрени. Вчера вот укусил сестру за локоть.

Говорить и поджимать губы одновременно было неудобно, поэтому рот у него открывался, как у шелкунчи-

ка. Речь звучала механически, словно зарождалась не в голосовых связках, а в маленьком органчике, запаянном в грудь.

— Я не узнаю своего сына, — подытожил Альберт.

«Такой уж возраст», — хотела сказать Агнесс, но слова обожгли ей язык.

Снова потянуло запахом горячей серы.

Отблески пламени на стенах церкви. Фрэнсис Дэшвуд берет ребенка на руки. Поглаживает по голове. Один взмах руки, другой. Подушечки полупрозрачных пальцев погружаются чуть ниже, исчезают из вида.

Всего-то на несколько секунд.

— Возвращая нам Берти, Мельбурн завел старую шарманку и вновь приплел к происшествию чудовищ. Моя жена поверила ему. То, что лорд Линден был обманут, и заговор подстроили чудовища, а не Мельбурн со своей кликой, принесло ей немалое облегчение. Я же по-прежнему верю в правоту лорда Линдена. Жаль, что и он в конечном итоге впал в заблуждение. На самом-то деле сражался он не с чудовищами, а с людьми. Хотя даже заблуждение не умаляет благородства его поступка.

— Благородства? — воскликнула Агнесс. — Лорд Линден — не тот человек, которому можно хоть в чем-то довериться! О том, что он предал вас, вы поймете, когда почесете спину и нащупаете кинжал, торчащий между лопатками.

— Об этом не вам судить. Имейте в виду, что только глубоко испорченные девицы завидуют успехам своих братьев. Особы благонравные принимают как должное те привилегии, коими наделены их родственники мужского пола. Но я знаю, что вы были рядом, когда все происходило. Рядом со своим кузеном. Вы все видели. Расскажите, что случилось с моим сыном.

«А ведь можно и рассказать», — мелькнула злая мысль. Махнуть рукавом, чтобы дым с костра заставил его закашляться. Задеть ногой охапку горящего хвороста — послать сноп искр ему в глаза. Выкрикнуть проклятие.

Хватит одного слова, чтобы его высокий, уже лысеющий лоб прорезали морщины, а аккуратно подстриженные усики намокли от слез. Тайна пойманной птицей билась в ее кулаке и клевала пальцы. Разжать кулак — и навсегда лишит принца покоя.

— Мельбурн подпустил в свои рассказы мистический туман, но ни в каких чудовищ я не верю. Если бы верил, то решил бы, что моего сына зачаровали. Или что на его месте... *der Wechselbalg*... подменыш. Но я ни во что такое не верю, вы слышите? Что там произошло на самом деле? Гипноз? Месмеризм? Или... с моим мальчиком жестоко обращались?

Всего одно прикосновение. Одна капля яда, упавшая в поилку с молоком. Частица стародавнего распутства, которую Берти будет нести в себе всю жизнь.

Агнесс облизала пересохшие губы. Они были, как пемза, и больно царапали язык.

— Ничего с ним не произошло. Принц Уэльский проспал решающую схватку, — выдавила она.

По щеке Альберта пробежала судорога. Мягкие завитки бакенбардов всколыхнулись.

— И мой мальчик станет прежним? Таким, каким я его помню? Моим Берти?

Не станет. В его сердечке, крохотном, как у котенка, уже теплится искра Клуба Адского Пламени. Он не подменыш, а гораздо хуже — обычный мальчик, не похожий на своих родителей. От побоев подменыш улетает в трубу, обычным же детям деваться некуда...

— Просто дайте ему время, — устало попросила Агнесс. — И любите его, пожалуйста. Вот так, как сейчас. Не забывайте его любить.

Прежде чем он успел возразить, она накинула на лицо вдовью вуаль, оставшись наедине с собой. Мир стал черным, каким ему и полагалось быть, и аляповатое убранство дворца уже не резало ей глаз. Вслед за лакеем она вышла во внутренний двор, где ее дожидались те самые гвардейцы, которые часом ранее обороняли от нее дворец.

А может, и другие — из-за черной кисеи все лица казались смазанными.

4

За ее спиной хлопал королевский штандарт, громко, как простыня на бельевой веревке. Накапывал дождь. Вуаль покрылась сеточкой мелких капель, и пришлось вновь откинуть ее на тулью. Агнесс попыталась осмотреться, но сразу же оставила это занятие, сочтя его бесполезным. Туман проглатывал даже пальцы на вытянутой руке. Был он грязно-желтым, как вода, в которой варили гороховый пудинг, и насквозь пропах гарью. Прикрывая нос кромкой вуали, Агнесс сделала несколько шагов. Мысок туфли осторожно щупал мостовую. Где-то впереди всхрапнула лошадь, словно подавилась туманом, и девушка поспешила на звук.

Нужно поймать кэб и доехать до ближайшей гостиницы, а уж там попросить горячей воды, потому что от разговоров с королевской четой с нее семь потов сошло. Из-за колючей ткани чесались руки и шея, словно по телу ползали сотни муравьев, а из капора уже начала лезть соломка и колола затылок. Но трауру полагается быть неудобным. Это не шелковые обновки, а нечто, максимально приближенное к власянице.

Разгоняя руками туман, Агнесс подошла к Конституионхилл, но вместо кэба с кучером, взгромоздившимся на крыше, увидела обычную карету — ту самую, что скрипучей тенью следовала за ней по городу. Фонари над дверью уже горели, и, когда дверь распахнулась, Агнесс смогла разглядеть таинственного преследователя. Его личность давно уже не являлась загадкой. Список подозреваемых сузился до одного-единственного имени.

— Мисс Тревельян! — окликнул ее вельможа. — Уже целую неделю я вас разыскиваю по всему Лондону! Где вы пропадали?

После всего того, что поведала ей королева, лорд Мельбурн уже не вызывал у Агнесс прежней приязни. Такой же обманщик, как ее любезный кузен.

— Вы даже представить себе не можете, мисс, какие мысли успели перебивать в моей седой голове... Гм-м... Я думал, что вы мертвы или того хуже. А ну-ка живо в карету!

— Я с вами не поеду.

— Не заставляйте меня выкликать вас на всю улицу. Это не пойдет на пользу ни моей репутации, ни вашей, — заметив, что она не шелохнулась, милорд пошире распахнул дверь. — Так что же? Долго ли мне вас ждать? Или вам угодно, чтобы в моих мафусаиловых летах я подхватил прострел, сидючи на холоде по прихоти одной ветреной мисс?

Такой страшной участи Агнесс ему не желала, посему поспешила подчиниться. Прежде чем она запрыгнула в карету, лорд Мельбурн, кряхтя, пересел спиной к лошадям, но его любезность показалась девушке неуместной. Лицом вперед сидят особы знатные или преклонного возраста, она же не относилась ни к тем, ни к другим. Но не вступать же в перебранку с бывшим премьером?

— Почему вы меня преследуете? — спросила Агнесс, ерзая по бархату.

Лорд Мельбурн стукнул в окошечко, давая кучеру знак трогаться.

— Вас оставь одну, так вы натворите бед. От всей души надеюсь, милая барышня, что вы заглянули к ростовщику, чтобы присмотреть себе какую-нибудь безделку, а не отдать в заклад памятную вещь. Чтобы в подобных местах я вас больше не видел! Иначе придется вас отшлепать, и поверьте, я не шучу. Мало того, что вы повадились шастать по сомнительным лавчонкам, так еще и вырядились, точно на парад сирот в Святой четверг. Даже в трауре можно сохранять чувство стиля.

Его густые брови встретились у переносицы и едва разошлись, сцепившись волосками.

— Вы что же, потешаетесь надо мной?

— Отнюдь. Вы все равно не в том состоянии, чтобы оценить иронию, так и незачем ее на вас тратить.

— Тогда что же вам от меня нужно?

— Скорее уж вам от меня... Кхм-м... Джентльмену не подобает обсуждать с дамой такие низкие материи, как финансы, однако своей беспечностью вы заставляете меня нарушить этот в высшей мере справедливый запрет. Вам деньги нужны? Сколько?

Хорошо, что ему хватило такта не хлопать себя по карманам и не бряцать соферами. Забившись в угол кареты, Агнесс сверкнула на него глазами.

— От вас, милорд, я не приму ни фартинга, — рассерженно прошипела она. — Оставьте при себе свое подаяние. Как вы вообще смеете заговаривать со мной, после того, как наврали королеве с три короба? Выставили меня невесть кем. И обелили лорда Линдена.

— Вы хотя бы представляете, что грозило вашему кузену за этакий фортель?

— Уж могу вообразить.

— И вы бы поехали на площадь перед Ньюгейтом, дабы посмотреть, как будут вешать вашего юного родственника? — удивился Мельбурн.

— Нет. Я прочитала бы о его казни в «Таймс», — сказала Агнесс, тебя бант.

Шляпные ленты натянулись между пальцами, словно она уже примеряла, как бы половчее набросить узкую полосу шелка на шею кузена. Мельбурн сокрушенно покачал головой.

— Если ваш дядя пожертвовал собой, чтобы спасти жизнь сорванцу, значит, она чего-то да стоит... гм-м...

Говорил он медленно, тщательно пережевывая слова, и никогда еще его светский выговор не казался Агнесс таким противным. Она предпочла бы вновь оказаться в одной карете с принцем-консортом, чья прямота подкупала, а ненависть ко всему волшебному была незамутненной, как горный ручей. С принцем хотя бы понятно, чего ждать. Главное, дать деру, прежде чем он свистнет Эос и снимет ружье со стены.

Мельбурн же играл с ней, как кот с мышью. Одряхлевший кот и мышь, напололам перебитая мышеловкой. Хороша пара, ничего не скажешь.

— Может, мальчишка еще и пригодится для чего-нибудь, — поддел ее Мельбурн.

— Для чего Чарльз может пригодиться? Подлее человека, чем он, я за всю жизнь не встречала.

— Вам так кажется, потому что прожили вы всего ничего. А мальчик подает большие надежды. Четко обрисовал себе цель и шел к ней, не забывая при этом срывать цвет жизни. Ему бы в политику или, того лучше, в дипломатию, уж больно хитрый.

— Скажите лучше «беспринципный».

— Ну, это как посмотреть. — Мельбурн усмехнулся правой стороной лица. — И титул, опять же. Не пропадать же титулу только из-за того, что один лорд из длинной вереницы оказался с моральным дефектом. И похуже лорды бывали. Вам вот не верится, но это так.

— Как мило, что вы защищаете подлеца. Ему повезло с адвокатом.

— Не с адвокатом, мисс Тревельян, а с опекуном. Ее величество удовлетворили мое ходатайство, передав мне в опеку Линден-эбби до совершеннолетия графа. Кхм-гм... И там, где ваш дядя проявлял ненужную мягкость, от меня сей юноша поблажек не дождется.

— Уверена, вы с ним поладите. У вас так ловко получилось лгать в унисон. Катайте его в своей карете, а меня оставьте в покое, милорд, — отвернулась Агнесс. — Мне до вас нет никакого дела!

Ей почудилось, что сейчас он гулко расхохочется, уж слишком запальчиво, как-то совсем по-детски прозвучали ее слова, но он смотрел на нее молча.

— А мне до вас, видимо, есть.

Посерьезнев, его лицо уже не выглядело расколотым надвое — спокойная левая сторона и правая с извечным циничным прищуром. Наверное, так же внимательно и сочувственно он смотрел на Викторию, когда она рассказыва-

ла, как ее третировали в детстве. Или на леди Каролину, когда она припадала к его груди и клялась, что больше такого не повторится, что это был самый последний раз и теперь они будут жить счастливо, как настоящая семья.

— Я ведь знаю, как легко переписывается история. Сам ее переписывал не раз. Одно нажатие ластика, и исчез человек. Клякса — и целый полк канул в небытие. Но остается память. И то, что вы сделали для моей королевы, я буду помнить всегда. Кто-то же должен.

— Зато ее величество скоро обо всем забудет.

— И можно ли ее за это судить? Какой матери хочется вспоминать о похищении ее ребенка? Но я вижу, вы сильно огорчены, — забеспокоился Мельбурн. — Королева сказала вам что-то резкое?

— Нет, всего лишь отказалась принимать меня при дворе. Таких, как я, не пускают в общество.

На ее подол упал платок, не слишком свежий и пропахший «имперским кремом Арнольда». Судя по темным разводам, ранее платок касался бровей милорда.

— Эхम्म... чертов дурак, а ведь это я во всем виноват! — Мельбурн хлопнул себя по колену. — Когда-то я так оберегал ее нравственность от нашего вигского распутства, что насовествовал ей не принимать особ сомнительной репутации. Меня так умиляла ее благопристойность, совсем еще детская. Чинно сложенные ручки и поджатые губки — что за прелесть! Но с годами благопристойность, увы, теряет весь свой шарм... И ничто уже не будет, как прежде.

— Вот увидите, все изменится, — ласково улыбнулась Агнесс. — Королева вновь полюбит вас и приблизит к себе.

— Стариковское сердце жаждет поверить вам, мисс Тревельян, но разум противится. Она обрела все, что хотела, в его королевском высочестве. Все — любовь, понимание, общность интересов. И принц тоже ее любит, как бы ни хотелось мне этого отрицать. Ну и пусть будут счастливы. Девочка, выросшая без отца, и мальчик, чья мать сбежала, не простившись с детьми. Им, кроме друг

друга, никто больше не нужен... Эммм... А, черт все побере, что мне тосковать! — тоже улыбнулся Мельбурн. На его глазах выступили слезы. — Я увидел все, что хотел увидеть — как она идет ко мне навстречу, сияя от радости, и протягивает руки. Как тогда, когда я еще был ее лучшим другом. А она — моим.

Не раздумывая, Агнесс присела рядом с ним и положила обе ладони на его крупную руку. Девицам не подобает приближаться к джентльменам с такой стремительностью, но его возраст был залогом приличий, равно как и ее траур.

— И вы утешьтесь, мисс Тревельян. — Мельбурн подцепил ее за подбородок, разворачивая лицом к себе. — Скоро вы снимете траур, и жизнь вокруг вас заиграет красками. К вам вернутся и живость, и восторг, и любопытство, присущие юности.

Агнесс оцепенела.

— О чем вы? Жизнь для меня закончена.

Лорд Мельбурн выглядел озадаченным.

— Хотя леди Мелфорд, очевидно, многое для вас значила, по друзьям траур носят не дольше полугода... хм-м... Затянувшаяся скорбь будет выглядеть странно. Погрустили — и будет.

Бестактное замечание хлестнуло наотмашь.

Она выпрямилась так резко, что ударилась головой о полоток кареты. Потолок был обтянут мягким синим бархатом, да и капор смягчил удар, но голова гудела. Мысли рассыпались, холодные, колкие, точно булавки из обороненной корзины для рукоделия.

Толчок — и карета остановилась, а девушка, не удержавшись на ногах, упала на сиденье. Закрыла лицо руками.

— Как вы можете, сэр! Да, я скорблю по Лавинии, но траур ношу не только по ней... Я никогда не сниму черное и буду скорбеть вечно... Какая разница, что он не был человеком, — прошептала она с тоской.

— Вот как раз потому, что он феяри, вам не следует его оплакивать.

— Милорд, что же вы такое говорите! Неужели вы настолько черствы?

— Да вслушайтесь вы наконец в мои слова!

Но она качала головой. Ждала и боялась дожидаться.

Ей казалось, что она лежит на пепелище, зарывшись пальцами в обгорелые щепки, и везде, куда ни глянь, тянется выжженная земля. Миля за милей. Только пепел, и жесткая щетина, некогда бывшая травой, и песок, спекшийся в черную корку. Ни ростка не пробьется сквозь коросту, ни капли дождя не смочит припорошившую ее золу.

Но вот земля затряслась и пошла трещинами, и на какой-то миг Агнесс почудилось, что сейчас она провалится еще глубже...

— Джеймс Линден не умер.

Она отняла руки от лица.

— Он не может умереть подобным образом. Не может умереть, как обычные люди, ибо он уже принял Третью дорогу, а она не отпускает своих. Ад отвергнет его, и он вернется на землю.

...Из трещин показались первые ростки, острые, нестерпимо-зеленые для глаз, привыкших к серым тонам и размытым формам, но Агнесс готова была разрывать землю руками, ломая ногти, лишь бы увидеть больше зелени, ведь то был цвет надежды и волшебства. В груди что-то растаяло и растекалось, смывая сгустки крови.

«Он не умер. Ад отвергнет его, и он вернется ко мне».

Значит, ничего еще не кончено.

— Я найду его! — воскликнула она. — Где бы он ни был, я его найду.

— Мисс Тревельян! Не торопитесь, — замялся Мельбурн, отводя взгляд. — Вряд ли вам понравится то, во что мистер Линден превратится. И вряд ли *она* еще будет вас помнить.

Милорд открывал рот и, видимо, продолжал что-то рассказывать, но Агнесс уже не слушала.

Она думала о Третьей дороге и готова была плакать от счастья. Сейчас она ощутила родство с Лавинией и искрен-

не пожалела о том, что та мертва. Они могли бы искать его вместе. Лавиния была сильной и смелой, она умела охотиться, и она бы все, что угодно, сделала для него... А он все равно выбрал Агнесс. Признался ей в любви у ворот в преисподнюю. Он любил ее. Только ее одну.

Нет ничего такого, что она не смогла бы сделать ради Джеймса, — в этом они с леди Мелфорд схожи. Только для Агнесс не имеет значения, человек он или эльфийский принц. Не важно, помнит ли он ее, сохранил ли к ней чувства. Ничего не важно. Если он еще бродит по земле, она отыщет его следы.

Агнесс стянула траурные перчатки, от которых ломило пальцы, с треском сорвала с капора вдовью вуаль и бросила на сиденье, прежде чем выскочить из кареты.

Ей было даже все равно, кто открывает дверь.

5

Чарльз Линден осунулся, повзрослел, как будто кровопускания хватило, чтобы поблек румянец и исчезла детская припухлость губ. Левая рука была тщательно забинтована и висела на перевязи. Если не знать, что за позорное клеймо скрывается под бинтами, Чарльза можно было принять за юного героя, раненного на поле брани.

— Ты пойдешь к фейри? — спросил он спокойно, словно в последний раз они встречались за завтраком.

— Да, — бросила Агнесс, проходя мимо. — Пусть заберут у меня все, что захотят, и вернут моего любимого.

— Они будут тебя испытывать.

— Знаю. Я готова.

— Вот, возьми! Я выкупил в ссудной кассе.

Обернувшись, она увидела, что кузен протягивает ей ожерелье. Жемчужины влажно мерцали, словно их только что вытащили из воды.

— Это волшебная реликвия? Когда я беру ее в руки, слышу шум ветра и чьи-то пронзительные крики.

— Не крики, а язык. Так разговаривают селки. — Агнесс выхватила ожерелье и прикрыла ладонью, защищая от удушливого тумана. — Уходи, Чарльз. Не мучай меня своим присутствием, я не могу тебя простить.

Но кузен не сдвинулся с места.

— Правильно, не прощай. Если бы ты простила меня, я бы решил, что ты слишком слаба для испытаний, но теперь мне кажется, что ты их выдержишь. Если тебе что-нибудь понадобится, какая угодно помощь, ты только позови. Я буду на расстоянии нескольких шагов. Не впереди и не позади тебя, а рядом — все время, пока ты его ищешь...

И лорд Линден замолчал, поняв, что говорит в пустоту.

Не важно, лгал ли он на этот раз или нежданно-негаданно в нем пробудилась искренность. Куда важнее, правду ли повествуют сказки о силе поцелуя. Заключить любимого в объятия и не размыкать их, какую бы чудовищную форму он ни принял. Прижаться губами к его губам, пока жар любви не растопит его сердце... Наконец, можно уронить на него слезу. Да она целый дождь слез готова пролить ради Джеймса! В сказках и балладах это всегда помогало, а сказки, судя по всему, не лгут.

Агнесс надела ожерелье поверх платья и сняла капор — широкие поля загораживали обзор. Затем, выдернув шпильки, позволила волосам рассыпаться по плечам — так поступают женщины вольных нравов или же те, что вырвались на волю. Встряхнув головой, посмотрела по сторонам. Перед ней тянулись дома, высокие и узкие, точно безликие корешки книг на полке какого-то педанта, но вместо Саус-стрит она видела совсем иную дорогу, уходящую меж папоротников в холмы. Путь для таких, как она.

Чтобы пройти по нему, понадобится пара железных башмаков. Но на этот раз они придутся ей впору.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Старая недобрая Англия»

16+

ЕКАТЕРИНА КОУТИ, ЕЛЕНА КЛЕММ
ЗАГОВОР ПРИЗРАКОВ

Роман



Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *М.С. Сергеева*

Ответственный за выпуск *Т.Н. Захарова*

Компьютерная верстка *Е.М. Илюшина*

Технический редактор *М.Н. Курочкина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 29.04.2014. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,79. Тираж 3000 экз. Заказ 1368.

ООО «Издательство АСТ».
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, стр. 3, комн. 5.

Издано при участии ООО «Харвест».

Свидетельство о ГРИИРПИ № 1 / 17 от 16.08.2013.

Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Е-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий

№ 2 / 102 от 01.04.2014 г.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»

Приобретайте в Интернете на сайте:
www.ozon.ru

Екатерина Коути и Елена Клемм — авторы нового поколения: они никогда не встречались лично! Екатерина живет в Америке, и это не просто лучший, а единственный автор, глубоко и всерьез занимающийся Викторианской эпохой, книги которого стали бестселлерами в России. С Еленой, автором мистических романов и топ-блогером, они познакомились в Интернете. Общая любовь к старой Англии, потустороннему миру и магическому реализму привела Екатерину и Елену к совместному творчеству. Сами они сравнивают себя с сестрами Бронте, только вот истории свои сочиняют по скайпу!

Вы держите в руках книгу цикла «Старая недобрая Англия». Это не только завораживающая история, но и мечта о волшебном мире, который находится рядом, стоит только протянуть руку или правильно взглянуть: точно как в романах Джоан Роулинг, Джима Батчера или Дианы Сеттерфилд!

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-079082-1



ЖАЧ
РЫ

